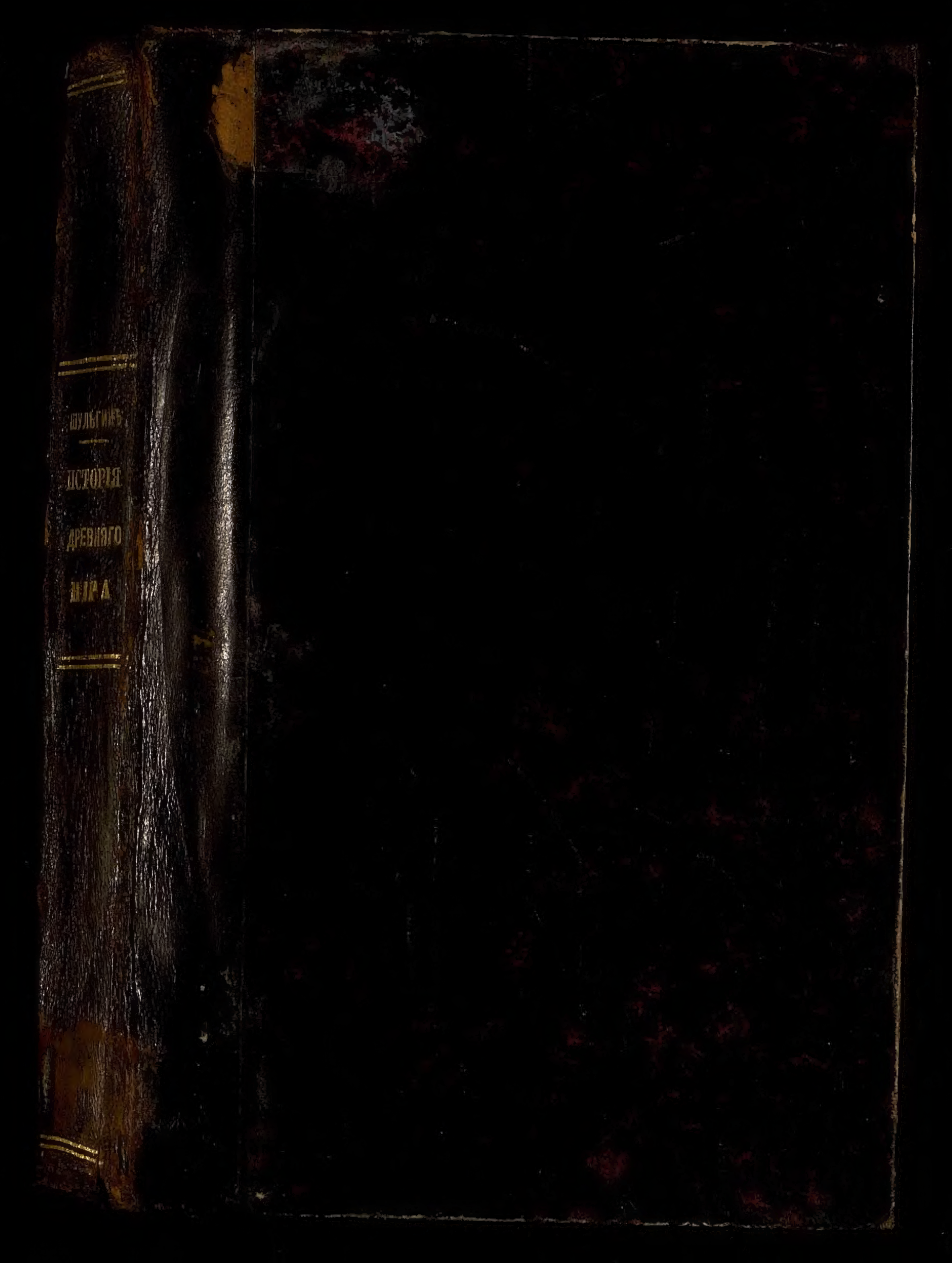


ШУЛЬГИНЪ
ИСТОРІЯ
ДРЕВНЯГО
МІРА

КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

КУРСЪ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

ДЛЯ

ВОСПИТАННИКОВЪ И ВОСПИТАННИЦЪ

СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

В. Шульгинымъ.

Принято въ число учебныхъ руководствъ въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Женскихъ вѣдомства Учрежденія Императрицы Маріи.

Изданіе шестое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Продается у Издателя С. И. Литова въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.

КУРСЪ ИСТОРІИ ДРЕВНЯГО МІРА

ДЛЯ

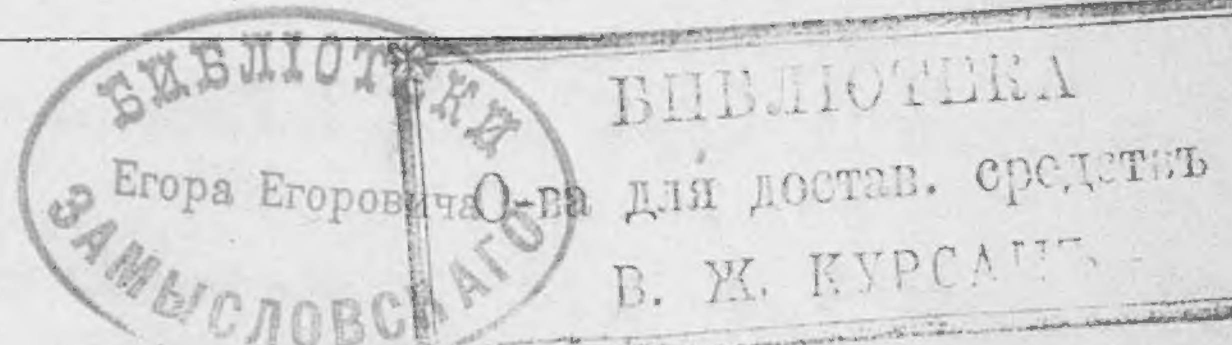
ВОСПИТАННИКОВЪ И ВОСПИТАННИЦЪ

СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

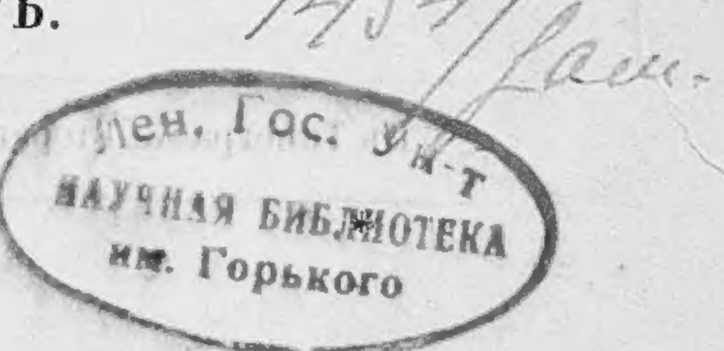
В. Шульгинымъ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.



Дозволено Ценсурою. С.-Петербургъ, 1864 г. Ноября 20.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

До-историческая Грецiя.

Историческая Грецiя.

Вѣра, искусство и наука Грековъ.

III.

Исторiя Римлянъ.

Стран.

Вѣра, искусство и наука у Римлянъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ «Курсѣ исторіи древняго міра», кромѣ общихъ основаній, высказанныхъ нами въ предисловіи къ «Курсу исторіи среднихъ вѣковъ», мы имѣли въ виду слѣдующія особенныя условія:

1) Начинать преподаваніе исторіи прямо научнымъ прагматическимъ изложеніемъ событій едва ли возможно: ему должно предшествовать ознакомленіе дѣтей съ біографіями историческихъ дѣятелей, съ картинами нравовъ, обычаевъ, замѣчательныхъ памятниковъ искусства, костюмовъ, утвари, оружія и т. п. Такое изложеніе можно начать даже съ 1-го класса, гдѣ оно должно войти, какъ содержаніе, въ изученіе языковъ. Въ третьемъ классѣ можно бы соединить разсѣянный матеріалъ связнымъ изложеніемъ, образцомъ котораго могутъ служить превосходные «Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній Грубе» (рус. переводъ изданъ въ Москвѣ въ 1861 г.). Проходить такимъ образомъ въ 3-мъ классѣ всю исторію излишне, довольно пройти одну древнюю. Когда учащіеся, въ извѣстной мѣрѣ, будутъ ознакомлены съ содержаніемъ исторіи и пріучены къ историческому разсказу, къ разумѣнію самыхъ простыхъ явленій народ-

ной жизни, тогда только можно начинать въ 4-мъ (а еще лучше въ 5-мъ) классѣ прагматическій курсъ по прилагаемому нами учебнику. Тогда, смѣемъ думать, въ рукахъ опытнаго преподавателя, который захочетъ оживить конкретными фактами иногда слишкомъ отвлеченныя положенія и выводы учебника, нашъ курсъ будетъ доступенъ учащимся въ 4-мъ классѣ. Что останется въ немъ неяснымъ, то уяснится, при окончательномъ повтореніи исторіи предъ концемъ курса, самими учениками, даже безъ помощи преподавателя.

2) Составляя нашъ учебникъ, мы старались языкъ его сдѣлать доступнымъ пониманію учащихся, не обращая нисколько вниманія на то, удобенъ или неудобенъ онъ для заучиванія.

3) Въ началѣ каждаго историческаго отдѣла у насъ помѣщены общія характеристики отдѣловъ. Быть можетъ, лучше будетъ, если преподаватель пройдетъ ихъ *послѣ* обозрѣнія каждаго отдѣла, когда учащіеся будутъ знать факты, на основаніи которыхъ сдѣланы общія характеристики.

4) Въ географическихъ очеркахъ мы старались избѣгать голой номенклатуры мѣстностей; собственныхъ именъ у насъ поэтому мало. Мы полагаемъ даже, что и изъ приведенныхъ нѣкоторыя можно опустить. Цѣль нашихъ очерковъ заключается въ томъ, чтобы дать понятіе о вліяніи физическихъ условій мѣстности на историческую жизнь ея обитателей. Понятны эти очерки будутъ учащимся не иначе, какъ при употребленіи орографическихъ и гидрографическихъ картъ (въ родѣ картъ

Сидова), независимо отъ историческихъ. Наглядныя указанія при этомъ безусловно необходимы.

5) Та же наглядность, какая необходима при объясненіи географическихъ очерковъ, необходима и при изложеніи отдѣла о древне-восточномъ и классическомъ искусствѣ, изъ которыхъ послѣднее особенно подробно изложено въ греческой исторіи, такъ какъ оно составляетъ существенный элементъ жизни древнихъ Грековъ. При изложеніи этого отдѣла можно рекомендовать Bilder-Atlas къ Conversationslexicon'у Брокгауза, или Bilder-Atlas zur Weltgeschichte von L. Weisser. 1860.

6) Для того, чтобы яснѣе напечатлѣлись въ представленіи учащихся характеристики политическихъ, религіозныхъ и литературныхъ партій, мы старались представить ихъ въ конкретныхъ образахъ ихъ предводителей. Рядъ историческихъ характеристикъ идетъ у насъ въ греческой и римской исторіи, начиная съ того времени, когда личность государственныхъ людей выступаетъ ярко среди революціонныхъ смутъ разлагающейся жизни (съ Перикла въ греческой, и Гракховъ въ римской исторіи, отъ стр. 148 и отъ стр. 270).

7) Исторію религіозныхъ вѣрованій (особенно у Грековъ и Римлянъ, имѣвшихъ философію) мы старались представить не какъ сводъ миѳологическихъ сказокъ о богахъ и герояхъ, но какъ исторію борьбы поэтической вѣры съ философскимъ анализомъ. Характеристика Сократа (стр. 168) надѣемся (по опыту) сдѣлаетъ эту борьбу понятною для мальчика и дѣвушки въ 12 лѣтъ.

8) Въ учебникѣ читатель встрѣтитъ имена писате-

лей, которые обработывали исторію каждаго народа. Это мы сдѣлали потому, что именъ нѣкоторыхъ писателей нельзя отдѣлить отъ изложенія извѣстныхъ явленій древней жизни, такъ напр. Шампольіонъ мл. съ трудомъ отдѣляется отъ представленія объ гіероглифахъ, Нибуръ отъ представленія объ римской исторіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы помѣщали по два мнѣнія о какомъ нибудь спорномъ вопросѣ. Это сдѣлано нами при вопросѣ о происхожденіи древнихъ Египтянъ и при вопросѣ о Ликурговыхъ поземельныхъ узаконеніяхъ; сдѣлано же потому, что новыя рѣшенія этихъ вопросовъ Лепсіусомъ и Гротомъ, очевидно справедливыя, еще не столько общеприняты, чтобы могли войти въ учебникъ безъ изложенія все еще господствующихъ рѣшеній.

9) Исторія Евреевъ, по принятому у насъ обычаю, входитъ въ курсъ священной исторіи ветхаго завѣта, которая преподается по особымъ руководствамъ законоучителемъ. Поэтому она исключена изъ нашего курса.

10) Составляя нашъ учебникъ не для однихъ мальчиковъ, но и для дѣвушекъ, мы конечно старались обходить въ немъ тѣ факты, изображеніе которыхъ могло бы оскорбить женственную природу воспитанницъ. Но почитаемъ долгомъ оговориться, что, при выборѣ событій, мы опускали не тѣ изъ нихъ, которыя нарушаютъ чопорныя формы внѣшнихъ приличій (составляющихъ не рѣдко безнравственное гипокритство), но тѣ, которыя дѣйствительно оскорбляютъ или грязнятъ нравственное чувство.

11) Библіографическій указатель составленъ съ тою

же цѣлію, какъ и при средневѣковой исторіи. Въ немъ упомянуты переводы классиковъ на русскій языкъ, которые могутъ читать преподаватели учащимся. Если списокъ великъ и невыполнимъ для библіотекъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то онъ не будетъ лишнимъ для справокъ самимъ преподавателямъ, въ случаѣ нужды.

12) Въ этомъ курсѣ помѣщены почти *безъ измѣненія* тѣ статьи изъ иностранныхъ и отечественныхъ монографій и учебниковъ, которыя, по убѣжденію составителя, вполнѣ удовлетворяютъ назначенію руководства. По этому въ немъ читатель встрѣтитъ статьи изъ Дункера, Герена, Грота, Курціуса, и въ особенности изъ статей Бабста, Грановскаго, Куторги, Кудрявцева и Леонтьева. Составителю настоящаго курса принадлежитъ главнымъ образомъ выборъ, планъ и наконецъ общая идея, лежащая въ основѣ учебника.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ ПО ИСТОРІИ ДРЕВНЯГО МІРА.

(Исправленный и дополненный).

Содержаніе и оцѣнка большей части означенныхъ сочиненій помѣщены въ

1. Historische Zeitschrift v. H. Sybel, I, II und III Jahrgang. (1859—1861).
2. Göttingische gelehrte Anzeigen разныхъ годовъ.
3. Leipziger Repertorium разныхъ годовъ

Самый полный списокъ историческихъ сочиненій, появившихся до 1842 года, находится въ

OETTINGER. (E. M.): Historisches Archiv, enthaltend ein systematisch-chronologisch geordnetes Verzeichniss von 16,000 der brauchbarsten Quellen zum Studium der Staats-Kirchen- und Rechtsgeschichte aller Zeiten und Nationen. Carlsruhe. 1840.

Продолженіемъ этого архива можетъ служить:

W. MUELDENER: Biblioteca historico-geographica, издающаяся съ 1851 года, по двѣ тетради въ годъ, въ Геттингенѣ.

Справочный библіографическій словарь:

MICHAUD: Biographie universelle. Нов. изд. 1857 г. будетъ въ XL. т. 8.

Мысли о преподаваніи исторіи изложены въ

Dr. J. CAMPE: Geschichte und Unterricht in der Geschichte. 1859. Основная мысль сочиненія: для историка на первомъ планѣ событіе, для ученика—личность. Сверхъ того для ознакомленія съ методами преподаванія исторіи замѣчательны: 1) Предисловіе къ историческимъ очеркамъ А. Груббе. 2) Der Geschichtsunterricht in der Schule von BIEDERMAN.

1860, гдѣ авторъ предлагаетъ коренное измѣненіе преподаванія исторіи посредствомъ самаго широкаго развитія культурно-историческаго элемента. Образецъ такого учебника далъ Кирхманъ въ своей «Исторіи труда и культуры». 3) Geschichte im Grundisse von Dr. PALMANN. 1860. 4) Обзоръ мнѣній о преподаваніи исторіи, статья помѣщенная въ журналѣ «Воспитаніе» 1861 г. № 12.

A) КУРСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Изъ наиболѣе доступныхъ для небольшихъ библіотекъ общихъ историческихъ курсовъ слѣдующіе отличаются или полнотою содержанія, или ясностію изложенія, или научною современностію:

1. SCHLOSSER: Weltgeschichte in zusammenhängender Erzählung. 1815—1849. VIII Bde.
2. ЕГО ЖЕ: Weltgeschichte für das deutsche Volk, bearbeitet von Dr. Kriegk. XIX Bde. 1844—58. 8°. Въ 1861 году началъ выходить русскій переводъ подъ редакціею г. Чернышевскаго.
3. Dr. WERNICKE: Die Geschichte der Welt. 1857. IV Bde. Съ конца 1861 г. издается рус. переводъ Шестаковымъ и Кайзеромъ. Оба эти сочиненія по легкости и простотѣ языка, по современности взгляда и по многостороннему изображенію жизни народовъ, съ большою пользою могутъ замѣнить пользовавшійся до послѣдняго времени популярностію курсъ.
4. K. F. BECKER'S: Weltgeschichte, umgearbeitet zum Theil von Voltmann, Menzel und Loebell. Послѣднее изданіе. Berlin. 1856 г. въ XVIII Bde. 8° (съ дополненіями Миллера, Дункера, Арндта доведено до 1850 года).
5. LOEBELL: Weltgeschichte in Umrissen und Ausführungen. 1846.
6. H. LEO: Lehrbuch der Universalgeschichte. Halle 1835—1844. VI Bde. 8°. (отличается клерикальнымъ взглядомъ).
7. BOETTICHER: Die Weltgeschichte in Biographien. Berl. 1838.
8. DITTMAR: Geschichte der Welt vor und nach Christus mit Rücksicht auf die Entwickelung des Lebens in Religion und Politik, Kunst und Wissenschaft, Handel und Industrie der welthistorischen Völker. VI Bde. 1846. sqq.
9. WACHSMUTH: Allgemeine Culturgeschichte. III. Bde. 1850—52. 8°.
10. KLEMM: Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit. X. Bd. 1843—52.
11. Dr. GEORG WEBER: Lehrbuch der Weltgeschichte mit Rücksicht auf Cultur, Litteratur und Religionswesen, für höhere

Schulanstalten und zur Selbstbelehrung. 1847. Рус. пер. Соколова. 1860.

12. ЕГО ЖЕ: Handbuch der Weltgeschichte 1858. Achte Ausg., перев. на рус. Е. и В. Коршъ. 1850—61.

13. ЕГО ЖЕ: Allgemeine Weltgeschichte mit besonderer Berücksichtigung des Geistes und Culturlebens der Völker und mit Benützung der neueren geschichtlichen Forschungen für die gebildete Stände bearbeitet. 1857—60. Появилось 3 части (Востокъ, Греція и Римъ); перев. на русскій Зуевъ и Игнатовичь. 1860. I-й т.

14. C. CANTU: Storia universale (франц. переводъ E. Aroux и Leopardi. 1857. sq. XIX voll).

15. F. NOESSELT: Lehrbuch der Weltgeschichte für Töchterschulen. 1823. II. Bde.

16. OESER: Weltgeschichte für Frauenschulen. 1845. sqq.

17. RUD. DIETSCH. Lehrbuch der Geschichte für die oberen Klassen der Gymnasien und zum Selbststudium. 2-te Ausg. 1860.

18. W. PUETZ: Grundriss zur Geographie und Geschichte der alten, mittlern und neuern Zeit für die obern Klassen der höherer Lehranstalten. 1860.

Французскія сочиненія по всеобщей исторіи далеко уступаютъ въ достоинствѣ сочиненіямъ нѣмецкихъ ученыхъ. Учебники у Французовъ отличаются: или табличнымъ изложеніемъ, имѣющимъ въ виду мнемоническую технику (образецъ ихъ — курсы Alvarés'a Lévi въ разнообразныхъ формахъ историческихъ очерковъ (esquises historiques), руководствъ (manuel hist.), этюдовъ (études hist.), обозрѣній (revues hist.), картинъ (tableaux hist.) и основаній (éléments d'hist.). или же біографическими разсказами, въ которыхъ меньше фактовъ и характеристики лицъ, чѣмъ водянистыхъ фразъ и приличныхъ правоученій (образецъ ихъ—сочиненія Lamé-Fleury). Лучшими сочиненіями по всеобщей исторіи на французскомъ языкѣ можно почесть:

19. A. OTT: Manuel d'histoire universelle. Paris. 1842. II. voll. и соч.

20. LAURENT: Etudes sur l'histoire de l'humanité. 1850—61. VII. Voll.

Изъ русскихъ учебниковъ по всеобщей исторіи первое мѣсто занимаетъ неуступающее въ достоинствѣ лучшимъ нѣмецкимъ курсамъ сочиненіе

21. Dr. ФР. ЛОРЕНЦА: Руководство ко всеобщей исторіи. Спб. 1842—49. V частей.

Для первоначальнаго изученія исторіи очень хороша:

22. БЕРТЕ: Краткая всеобщая исторія въ простыхъ разсказахъ для дѣтей,

Остальные русскіе учебники слѣдующіе:

П. КАЙДАНОВА (составленный довольно поверхностно по Герену и I. Миллеру), СМАРАГДОВА—одинъ для мужскихъ, другой для женскихъ учебныхъ заведенiй (составленный отчасти по Лео и Эзеру), ЗУЕВА, А. МАКСИМОВИЧА (передѣланный по Фольгера Leitfaden beim ersten Unterricht in der Geschichte), ПРЕОБРАЖЕНСКАГО (для женскихъ учебныхъ заведенiй), И. ВАСИЛЬКОВА (для женскихъ заведенiй, самый слабый. 1856. Москва) священника Н. СОКОЛЬСКАГО (Всеобщая гражданская исторiя для класснаго и домашняго употребленiя. Москва. 1851. въ 1 т.). МОДЕСТОВА (Древняя, средняя и новая исторiя для женскихъ учебныхъ заведенiй).

Для ознакомленiя учащихся съ первобытными до-историческими временами и съ самыми необходимыми для пониманiя исторiи геологическими и сравнительно-географическими понятiями, очень полезно прочитать имъ 1) «Введенiе во всемiрную исторiю для дѣтей ШЛЕЦЕРА, перев. Погодинымъ. Москва. 1829—30. 2 части». 2) Очеркъ исторiи земнаго шара соч. РОССМЕССЛЕРА, пер. Пузыревскаго. Спб. 1861.

Для исторiи экономическаго развитiя

1. KAUTZ: Die geschichtliche Entwickelung der National—Oekonomie und ihrer Litteratur. 1860. II Bde.
2. BEER: Allg. Geschichte des Welthandels. 1860.

Для исторiи костюма.

3. KRETSMER und ROHRBACH: Die Trachten der Völker vom Beginn der Geschichte bis zum XIX Jahrhundert. 1861.

Для исторiи умственнаго развитiя:

4. SCHERR: Allg. Geschichte der Litteratur. 2-te Ausg. 1861.

В) КУРСЫ ИСТОРIИ ДРЕВНЯГО МIРА.

1. HEEREN: Geschichte der Staaten des Alterthums. Götting. 1821. (На рус. яз. переведена Кояндеромъ. Москва. 1837).
2. ЕГО ЖЕ: Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. VI Bde. 1824—26. 4-te Aufl. Одно изъ самыхъ капитальныхъ сочиненiй по исторiи древней гражданственности (Востокъ и Грецiя). Извлеченiе изъ него сдѣлалъ ПОГОДИНЪ въ «Лекцiяхъ по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго мiра». Москва 1838 II т.
3. G. B. NIBUHR: Vorträge über alte Geschichte, herausg. von M. Nibuhr. 1847—51. VII Bde. Эти историческiя и филологическiя лекцiи, читанныя знаменитымъ Нибуромъ въ Бонскомъ университетѣ въ 1825, 26, 29 и 30 годахъ и издан-

ныя его сыномъ. Прекрасная оцѣнка и извлеченіе изъ этого изданія помѣщены Грановскимъ въ 3 и 5 томахъ «Пропилеевъ» изд. Леонтьевымъ. Москва. 1851—56. Въ трехъ томахъ содержатся курсы древней этнографіи и древней исторіи (Востокъ и Греція).

4. MAX DUNKER: Geschichte des Alterthums. 1852—59. Вышло V томовъ (Востокъ и Греція). Самый обширный изъ новыхъ трудовъ по исторіи древняго міра, далеко еще не оконченный и представляющій сводъ послѣднихъ научныхъ изслѣдованій о древности.
5. G. LENORMANT: Cours d'histoire ancienne. Paris. 1837.
6. ГРУББЕ: Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній. Москва. 1861.
7. BOCKEMUELLER: Erzählungen aus dem Reiche der alten Geschichte. 1860.

Изъ Русскихъ сочиненій:

8. РОСЛАВСКІЙ: Обозрѣніе исторія древняго міра. Харьковъ. 1852. sq. (Два выпуска: Востокъ и Греція до персидскихъ войнъ). Конспектъ лекцій, читанныхъ въ Харьковскомъ университетѣ.
9. ТУРУНОВЪ: Исторія древняго міра. Спб. 1847 (по Отту).
10. КАРЛОВЪ: Краткое руководство ко всеобщей исторіи. Древняя исторія. Спб. 1855. Очень хорошо составлено по учебнику Вебера.
11. ПРОХОРОВЪ: Краткое изображеніе исторіи древ. яго міра для морскаго кадетскаго корпуса. 1855. sq. 2 выпуска съ рисунками древнихъ костюмовъ, памятниковъ искусства и пр. Текстъ довольно сухъ и отвлеченъ, но мысль оживить его рисунками заслуживаетъ полнаго одобренія.
12. ТИМАЕВЪ: Исторія древняго міра. 1859. Его же Всемірная исторія для чтенія русскому юношеству. Часть 1-я. Исторія древняго міра. Спб. 1860.

С) ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

Общая исторія древняго Востока изложена въ приведенныхъ нами курсахъ всеобщей исторіи и исторіи древней. Здѣсь мы приведемъ только спеціальныя исторіи отдѣльныхъ государствъ древняго Востока, а изъ общихъ упомянемъ:

1. ED. WIPPERMANN: Die altorientalischen Religionsstaaten. Marb.. 1851.
2. STUHR: Die Religionssysteme der heidnischen Völker des Orients. 1836.

3. ROETH: Geschichte unserer abendländischen Philosophie. 1846 sq.
4. L. MARTIN: Les civlilisations primitives en Orient. 1861.

a) Исторія Китая.

1. GUTZLAFF: Geschichte des chinesischen Reichs. 1825. II voll. Deutsch von Neumam. 1847.
2. WILLS WILLIAMS: Das Reich der Mitte. Deutsch von Cullman. 1852—53.
3. M. HUC: (ancien missionnaire apostolique): l'Empire chinois. Paris. 1854. II gros vol.
4. О. ІАКИНѲЪ: (Бичуринъ) Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе. Спб. 1840. Его же: Исторія о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена. Спб. 1851 III ч.

b) Исторія Индіи.

1. BOHLEN: Das alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten. 1830. II Bde.
2. LASSEN: Indische Alterthumskunde. 1847—58. III Bde.
3. A. WEBER: Indische Studien. Beiträge für die Kunde des indischen Alterthums. Im Vereine mit mehreren Gelehrten herausg. 1858. IV Bde.
4. BURNOUF: Introduction à l'histoire du Buddhisme. 1848. Его же Wendidad-Sade. 1830. Commentaire sur la Yana. 1833. (О буддизмѣ монографіи Шмидта, Кеппена, Васильева и др.).

Сверхъ того труды В. Джонеса, Анкетиль—Дюпероона, Вестергарда и мн. др. Въ 5 томѣ Пропилеевъ Леонтьева помѣщена статья Вебера о современномъ состояніи свѣдѣній о древней Индіи.

c) исторія древняго Египта.

1. CHAMPOLLION (le Jeune): l'Egypte sous pharaons, II voll. Его же: Précis du système hiérogliphique des Egyptiens. 1824—28 и много др. соч.
2. BUNSEN: Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte. 1834—45. III Bde.
3. LEPSIUS: Chronologie der Aegypter. 1849 и множество монографій объ египетскихъ династіяхъ, Манеѳонѣ, о Königsbuch der alten Aegypter и пр.

4. BRUGSCH: Die Geographie des alten Aegyptens nach den altaegypt. Denkmälern u. s. w. 1857. Его же: Hist. d'Egypte. 1859.
5. UHLEMANN: Handbuch der gesammten aegyptischen (Alterthumskunde. 1859. IV Bde. (Самое новое руководство).

Огромный матеріалъ для изученія древняго Египта заключается въ многоцѣнныхъ изданіяхъ ученыхъ экспедицій: Наполеоновской (Description de l'Egypte. 1811—1814 III vol.), двухъ прусскихъ: Лепсіуса (Denkmähler aus Aegypten und Aethiopien. 1850—1856. 75 вып.) и Бругша (Monuments de l'Egypte. 1857 sqq. еще не оконченномъ), и италіанской Розеллини (Les monuments d'Egypte et de Nubie. 1833—45. X voll. съ атласомъ).

d) Исторія Вавилоніи и Ассиріи.

1. LAYARD: Niniveh und seine Ueberreste. Deutsch v. Dr. Meissner. mit Illust. 1849.
2. VAUX: Niniveh und Persepolis, eine Geschichte des alten Assyriens und Persiens, Deutsch v. Zenker. Mit Illustr. 1852.
3. BOTTA: Le monument de Ninive. Paris. 1847—49 fol.

e) Исторія Бактрянъ, Мидянъ и Персовъ

1. ANQUETIL DU PERRON: Zend-Avesta, ouvtage de Zoroastre. 1771 II voll. 4°.
2. BURNOUF: Vendidat Sade. 1830. Commentaire sur Yana. 1833.
3. RHODE: Die heilige Sage und das gesammte Religions-system der alten Bactrer, Meder und Perser oder Zendvolks. 1820.

Сверхъ того изслѣдованія о Зендавестѣ Westergaard'a (1852) и Spiegel'я (1851), изслѣдованія о гвоздеобразныхъ надписяхъ Grotefend'a, Rask'a Rawlinson'a.

4. MALCOLM: History of Persia. Lond. 1815. III voll.

f) Исторія Финикіянъ и Карфагенянъ.

1. MOEVERS: Die Phoenizier. 1841—50. III Bde.
2. BOETTICHER: Geschichte der Karthager. 182.

D) ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ И МАКЕДОНЯНЪ.

a) Общіе курсы.

Лучшіе общіе курсы греческой исторіи явились у Англичанъ.

1. O. GOLDSMITH: The Grecian history. Lond. 1774—76. II voll.

(Нѣм. перев. Beck'a, фран. Aubin'a, русскій—Огинскаго. 1812).

2. I. GILLIES: History of ancient Greece, its Colonies and Conquests. Lond. 1774 voll. 4° (Нѣм. пер. Blankenburg'a, франц. Car'ra, русскій—Огинскаго. 6 томовъ. 1830—32).

3. W. MITTFORD: History of Greece. Lond. 1784—86. II voll. 4°. (Нѣм. перев. Eichstädt'a. 5 Bde).

4. THIRLWALL: History of Greece. Lond, 1838—44. VII voll. (Нѣм. перев. Haymann'a и Schmitz'a 1839—49).

5. G. GROTE: History of Greece. Lond. 1845 sqq. XI voll. (Нѣмецкій переводъ Meissner'a. 1850—57). Образцовая рецензія и извлеченіе изъ этого образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ сочиненія сдѣланы Леонтьевымъ во II и III томахъ Пропилеевъ (миѳическая Греція и Греція до персидскихъ войнъ).

Германскіе ученые превосходны въ разработкѣ отдѣльныхъ частей и вопросовъ изъ древне-греческой исторіи. Лучшіе общіе курсы у Нѣмцевъ.

6. ZINKEISEN: Geschichte Griechenlands vom Anfang geschichtlicher Kunde bis auf unsere Tage. 1832—40. III Bde.

7. CURTIUS: Geschichte Griechenlands. 2-te Bde. 1857—61 (русскій переводъ 1-й половины 1-го тома изд. Поповъ. М. 1858).

8. KORTUEM: Gesch. Griech. von der Urzeit bis zum Untergang des achäischen Bundes. 1845. III Bde.

9. Dr. L. SCHMITZ: Gesch. Griechenlands von d. ältesten Zeiten bis zur Zerstörung Korinths. Nebst einem Anhange über die Civilisation, Religion, Literatur und Kunst der Griechen. 1859. Сочиненіе очень рекомендуется Hist. Zeitsch. v. Sybel. (II Jahrg. 1 Heft. 173 стр.).

На русскомъ языкѣ:

10. АРСЕНЬЕВЪ: Исторія греческихъ республикъ.

b) Внутренняя исторія греческаго общества вообще.

1. Dr. K. G. HERMANN: Lehrbuch der griechischen Antiquitäten: 1-r Bde. Staatsalterthümer. 1841. 2-r Bd. Gottesdienstliche Alterthümer. 1847. 3 r. Bd. Privatalterthümer. 1850—1852. Его же: Cultur-geschichte der Griechen und Römer, изд. по его смерти K. Schmidt'омъ. Götting. 1857—8°. II т. (собственно 1-й томъ),

2. WACHSMUTH: Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates. Halle. 1826—30. II Th.

3. TITTMANN: Darstellung der griechischen Staatsverfassungen. 1822.
4. E. V. LASAULX: Ueber den Entwickelungsgang des griechischen Lebens. 1847.
5. G. F. SCHOEMANN: Antiquitates juris publici Graecorum. 1838.
6. ЕГО ЖЕ: Griechische Alterthümer. 1859. II Bde.
7. F. JACOBS: Hellas. Vorträge über Heimath, Geschichte, Litteratur und Kunst der Hellenen. 1852.
8. G. BIPPART: Hellas. 1858. Образуетъ 1-й томъ его сочиненія: Hellas und Rom. Ein Grundriss des classischen Alterthums für die studirende Jugend.
9. BARTHELFMY: Voyage du jeune Anacharsis. Paris. 1788,
10. W. A. BECKER: Charicles. Bilder altgriechischer Sitte. 1840. II Bde.
11. WAEGNEG: Hellas. Das Land und Volk der alten Griechen. 1859. II Bde.

c) Исторія духовнаго развитія грековъ въ вѣрѣ, искусствѣ и наукѣ.

Исторія *вѣрованій.*

1. HEFFER: Religion der Griechen und Römer. 1845.
2. STUHR: Die Religionssysteme der Hellenen. 1838.
3. PRELLER: Mythologie der Griechen. 1850 sqq.
4. M. Off. HERMANN: Handbuch der Mythologie. 1857. III Bde.
5. STOLL: (H. W.) Handb. der Religion und Mythologie für Gymnasien. 1849.
6. LIMBOURG BROUVER: Histoire de la civilisation morale et religieuse des Grecs. 1833—1841. VIII voll.
7. USCHOLD: Vorhalle der griechischen Geschichte und Mythologie. 1838.
8. H. D. MUELLER: Mythologie der griechischen Stämme. 1857. 1 r. Th.

Сверхъ того по *общей* миѳологіи—сочиненія Creuzer'a (Symbolik) и Voss'a (Antisymbolik) и *монографіи* Леонтьева (О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи М. 1850), Уварова (Объ элевзинскихъ мистеріяхъ), Lobeck'a (Aglaophamus s. de theologiae mysticae Graecorum causis), и др.

Исторія *искусства:* (большею частію или общія исторіи древняго искусства или монографіи):

1. WINKELMANN: Geschichte der Kunst des Alterthums. 1754. II Bde 4°. Винкельманъ творецъ исторіи искусства.
2. MEYER: Geschichte der bildender Künste bei den Griechen u, Römer. 1826.

3. K. BOETTICHER: Die Tectonik der Hellenen. 1844—48.
4. TIRSCH: Ueber die Epochen der bildenden Kunst unter den Griechen.
5. SCHNAASE: Gesch. der bildenden Künste. 1843. II Bde.
6. KUGLER: Handbuch der Kunstgeschichte. 1848. 2-te Aufl. (Статьи Леонтьева, Благовѣщенскаго, Буслаева и др. въ Пропилеяхъ).
7. BERNHARDY: Grundriss der griechischen Literatur. II Bde. 1836, 42, 45.
8. O. MUELLER: Geschichte der griech. Litteratur. II Bde. 1841.
9. Wil. MURE of GOLDWELL: A critical history of the Language and Litteratur of ancient Greece. III voll. 1850 sqq.

Сверхъ того монографіи Ф. Шлегеля, Ульрици, Боде (исторіи поэзіи), Вестермана (исторіи ораторства).

Исторія *науки:*

TENNEMANN: Gesch. der Philosophie. 1798—1819 изъ IX томовъ I—VI.
2. RITTER: (H.) Gesch. der Phiosophie. I—IV Bde.
3. M. КАТКОВЪ: Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи.
4. WHEWELL: Gesch. der inductiven Wissenschaften (deutsch v. Littrow) 1-й томъ.
5. HUMBOLDT: Cosmos. 2-ter Thl. (на рус. пер. Фроловъ. 1850).
6. CREUZER: Die historische Kunst der Griechen. 1808.

d) Спеціальныя исторіи главнѣйшихъ государствъ греческихъ и монографіи главнѣйшихъ явленій греческой жизни.

1. O. MUELLER: Geschichte hellenischer Stämme und Städte. 4-r Bd. Orchomenos und die Mynier. 1820 II-er und III-er Bde. Dorier. 1823. (2-te Auf. 1845).
2. K. HOECK: Kreta. Ein Versuch zur Aufklärung der Mithologie und Geschichte, der Religion und Verfassung dieser Insel. 1823—29. III Bde.
3. I. K. F. MANSO: Sparta. Ein Versuch zur Aufklärung der Geschichte und Verfassung dieses Staates. 1800. 3 Th. in V Bden.
4. LACHMANN: Die spartanische Staatsverfassung. 1836.
5. AUG. BOECK: Die Staatshaltung der Athener. 1817. 2 Bde. (Новое изданіе этого славнаго труда дополненное въ 1851 г.).
6. M. MEIER und G. SCHOEMANN: Der attische Process. 1824.
7. M. КУТОРГА: 1) Колѣна и сословія аттическія. Спб. 1838; 2. Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильціада. Спб. 1848; 3. Критическія розысканія

о законодательствѣ Алкмеонида Клисөена, въ III томѣ Пропилеевъ.
8. C. KUTZEN: Pericles als Staatsmann. 1834 и De Atheniensium imperio Periclis et Cimonis tempore constituto. 1837 и Prie SICH: Zur Characteristik des Pericles und Cleon. 1859.
9. G. MEISSNER: Alcibiades 1835—38. V Bde.
10. Ed. BAUCH: Epaminondas und Thebens Kampf um die Hegemonie. 1834.
11. И. БАБСТЪ: Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія. Москва. 1851.
12. D. HAUPT: Das Leben und staatsmännische Wirken des Demosthenes. 1860.
13. СТАСЮЛЕВИЧЬ: Ликургъ Аөинскій. Спб. 1851.
14. L. FLATHE: Geschichte Makedoniens und der Reiche, welche von makedonischen Königen besiegt wurden. 1832—34. II Bde.
15. CLERMONT-DE ST. CROIX: Examen critique des anciens historiens d'Alexandre le Grand. 1775. 4°.
16. I. G. PROYSEN: Geschichte Alexanders des Grossen. 1833.
17. ЕГО ЖЕ: Geschichte des Hellenismus 1836—43. II Bde (не кончено).
18. W. SCHORN: Geschichte Griechenlands von der Entstehung des ätolischen und achäischen Bundes bis auf die Zerstörung Korinths. 1833.
19. HELMING: Geschichte des achäischen Bundes. 1829.
20. H. HERTZBERG: De rebus Graecorum inde ab Achaici foederis interitu usque ad Antoninorum aetatem. 1851.
21. CHAMPOLLJON-FIGEAC: Annales des Lagides. 1819. II vol. допол. 1820.
22. VAILLANT: Seleucidarum imperium. 1732.
23. LASSEN: Zur Geschichte der griehischen und. indo-skythischen Könige in Baktrien, Kabul und Indien. 1838.
24. RAOUL-ROCHETTE: Histoire critique de l'etablissement des colonies greques. 1315. II vol.
25. KRAUSE: 1) Olimpia. 1838. 2) Pythien, Nemaeen und Isthmien. 1841.
26. TITTMANN: Ueber den amphiktyonischen Bund.
27. БИБИКОВЪ: Очеркъ международнаго права въ древней Греціи. 1852. Москва.
28. W. COETTE: Das delphische Orakel und sein Einfluss auf die alte Welt. 1833.
29. F. GERLACH: Dodona. Eine historisch - antiquarische Untersuchung.

e) Переводы греческихъ классиковъ на русскій языкъ.

Въ заключеніи упомянемъ о переводахъ на русскій языкъ греческихъ авторовъ, которые можно читать при преподаваніи. Таковы:

1. *Гомеръ* въ переводѣ *Гнѣдича* (Иліада) и *Жуковскаго* (Одиссея).
2. *Плутархъ* въ переводѣ *Дестуниса*, XIII частей Спб. 1819—20.
3. *Өукидидъ*, *Ксенофонтъ* и *Арріанъ*, переводы коихъ помѣщены въ первыхъ 3-хъ томахъ Военной Библіотеки, изд. Глазуновымъ. Спб. 1836.
4. *Софокла:* Эдипъ царь (п. Шестакова), Антигона (п. Водовозова), Филоктетъ (п. Мартынова).
5. *Платона:* разговоры(п. Карпова).

E) ИСТОРІЯ РИМЛЯНЪ.

a) Общія сочиненія.

Полныхъ сочиненій, объемлющихъ *всю исторію* Римлянъ, мало; въ большей части ихъ она доведена до императоровъ. Изъ полныхъ упомянемъ:

1. KORTUEM: Römische Geschichte 1843.
2. FIELER: Geschichte des römischen Staats und Volks. 1839.
3. O. GOLDSMITH: Roman history. 1796 II voll. (Нѣмец. перев. Benzler'a Франц. C. G. 1805).
4. TH. ARNOLD: History of Rom. III voll. 1858. New ed.
5. MONTESQUIEU: Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains. 1734 и множество изданій.

Сочиненія, заключающія въ себѣ болѣе или- менѣе полную *исторію Рима до императоровъ:*

1. G. B. NIBUHR: Römische Geschichte. III Bde. Каждый томъ имѣлъ нѣсколько изданій: 1-й—1811, 27, 28, 26; II-й—1812, 1830 и 1836; III-й—1832 и 34. (Фр. перев. Гольбери) до конца 1-й пунической войны.
2. ЕГО ЖЕ: Vorträge über römische Geschichte, herausg. von. Jsler. III Bde 1836—48.
3. WACHSMUTH: Die ältere Geschichte des römischen Staats 1819- (Въ опровержение Нибура).
4. KOBBE: Römische Geschichte bis z. Kais. Octavianus 1830. II Bde.
5. GERLACH und BACHOFEN: Geschichte der Römer. 1851. 1-er Bde in. 2 Abth. (до республики).
6. A. ACHWEGLER: Römische Geschichte. III Bde. 1853—58 (до законовъ Лицинія).

7. MOMMSEN: Römische Geschichte. 1855—57. III Bde. (до битвы при Филиппахъ).
8. SIR. G. C. AEWIS: An inquiry into the credibilitu oi the early Roman hittory. 1855. (Нѣмец. перев. Liebrecht'a. 1858).
9. FERGUSON: History of the progress and termination of the Roman Republic. Loud. 1783. 3 Bde. (Нѣм. пер. Beck'a, фр. Demennier и Bergier. II voll)
10. ROLLIN: Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium. 1-е изд. 1739—49. Edition revue par Lettronne. 1826 XIII voll. (Руск. перев. Тредьяковскаго).
11. CH. LEVESQUE: Histoire critique de la république romaine 1807. III vol.
12. MICHELET: Histoire romaine (république). 1833—35. III voll.
13. DURUY: Histoire des Romains et des peuples soumis à leur domination. 1843—44. II vol. (республика).
14. NITZSCH: Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger. 1847 (См. соч. Грановскаго II. 225).
15. DRUMANN: Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republicanischen zur monarchischen Verfassung. 1844—44. VI Bde.

Исторія Рима *императорскаго* излагается въ:

16. GIBBON: The history of the decline and fall of the Roman empire 1777. (Нѣм. перев. Sporschil'яXII Bde Фран. Guizot).
17. TILLEMONT: Histoire des empereurs et des autres, qui ont régné dans les six premiers siècles de l'Eglise. 1707 V vol.
18. CREVIRE: Histoire des empereurs romains depuis Auguste jusqu'à Constantin. 1749. XII vol.
19. CHAMPAGNY: Les Césars 1840 (Исторія Нерона перев. на рус. яз. Башуцкимъ).
20. ALBERT DE BROGLIE: L' Eglise et l'empire romain au IV siècle. 1857—59. IV vol.
21. AM. THIERRY: Récits de l'histoire romaine au V-e siècle. Dernier temps de l'empire d'Occident. 1860. (Русскій переводъ Клеванова. 1861).
22. SCMIDT: Geschichte der Denk-und Glaubensfreiheit in 1 Jahrhundert der Kaiserschaft und des Christenthums. 1847 (Разборъ въ соч. Грановскаго).
23. П. КУДРЯВЦЕВЪ: Римскія Женщины. Историческіе разсказы по Тациту. М. 1856.
24. BOCKER: Gallus oder römische Scenen aus der Zeit Augusts. 1832. II Bde.

b) Исторія общественнаго устройства Римлянъ.

1. K. F. HERMANN: Culturgeschichte der Griechen und Römer. По смерти автора изд. Schmidt'омъ. 1858. II Th. (томъ 2-й).
2. GUETTHNG: Geschichte der römischen Staatsverfassung. 1840.
3. RUPETRI: Handbuch der römischen Alterthümer. 1841—49. III Bde.
4. W. A. BECKER: Handbuch der röm. Alterthümer, fortgesetzt von Marquart. 1843—51, III Bde. (V частей).
5. WALTHER: Geschichte des römich. Rechts. 1831—40, 44.

c) Исторія духовнаго развитія Римлянъ въ вѣрѣ, искусствѣ, наукѣ.

Исторія *религіозныхъ* вѣрованій Римлянъ, кромѣ общихъ сочиненій о религіозныхъ системахъ языческихъ народовъ (Швенка, Эккермана, Крейцера, Фосса и др.) и о миѳологіи классической (Гефтера и др.), изложена въ

1. HARTUNG: Die Religion der Römer. 1736. II Bde.
2. PRELLER: Mythologie der Römer. 1858.
3. AMBROSCH: a) Ueber die Religionsbücher der Romer. 1834. b) De sacerdotibus curialibus. 1740. c) Studien im Gebiet des altrömischen Bodens und Cultus.
4. PELLEGRINO: (Д. Крюковъ): Andeutungen über den ursprüng. Religionsunterschied der röm. Patricier und Plebejer. 1842. (Переводъ помѣщенъ въ IV томѣ Пропилеевъ).

Исторія *искусства* римскаго. Исторія архитектуры и пластики изложена въ общихъ исторіяхъ искусства (О. Мюллера, Шнаазе и Куглера. См. сочиненія по греческому искусству). Исторія словеснаго искусства въ сочиненіяхъ:

1. BERNHARDY: Grundriss der römischen Litteratur. 1830. 1850.
2. BAEHR: Geschichte der röm. Litteratur. 1845. III Bde. 3-te Aufl.

Исторію науки см. въ отдѣлѣ греческой науки.

d) Переводы римскихъ классиковъ на русскій языкъ.

1. Лѣтописи Тацита Пер. Кронеберга. 1858. II. М.
2. Саллюстій, Юлій Цезарь и Т. Ливій Пер. Клеванова. М. 1857. (подъ заглавіемъ: Библіотека римскихъ писателей).
3. Переводъ нѣкоторыхъ комедій Плавта—Шестакова (въ Пропилеяхъ и Современникѣ).
4. Оды Горація. Перев. Фета. Спб.

5. Сатиры Горація. Перев. Дмитріева. М. 1858.
6. 2-я книга Энеиды Виргилія перев. Жуковскимъ.

F) ЭНЦИКЛОПЕДІЯ И СБОРНИКИ ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

1. Real-Encyclopaedie der classichen Alterthumswissenschaft von Pauly Waitz und Teufel. 1837—5 VI gr. Bde.
2. Сверхъ того статьи изъ извѣстной Энциклопедіи Ersch'a и Gruber'a какъ напр. Аѳины О. Мюллера и мн. др.
3. Пропилеи, сборникъ статей по классической древности. изд. П. Леонтьевымъ, Москва. 1851—56 V томовъ.
4. Historisches Taschenbuch von Raumer.
5. Специальные историческіе журналы: a) Historische Zeitschrift herausgg. v. H. Sybel 1859, 1860, 1861.—b) Philologus и c) Rheinisches Museum. (Два послѣдніе собственно для классической древности).

а) Географія.

Общія сочиненія:

1. K. RITTER: Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte der Menschen 1817—51. XIV Bde. (Его введеніе «Идеи о сравнительномъ землевѣдѣніи» переведено на рус. яз. въ II т. Магазина Землевѣдѣнія изд. Фроловымъ М. 1853).
2. GUYOT: Grundzüge der vergleichenden phys. Erdkunde in Beziehung zur Geschichte der Menschen. (Нѣм. переводъ Birnbaum'a, 1851, русскій Делалета. Варш. 1856).
3. KAPP: Philosophische oder vergleichende Erdkunde, als wissenschaftliche Darstellung der Erdverhältnisse und des Menschenlebens in ihrem inneren Zusammenhange. 1845. II Bde.
4. PRICHARD: Naturgeschichte des Menschengeschlechts. Deutsch von Wagner. 1840—48. V Bde.
5. F. de ROUGEMONT: Précis de géographie comparée. 1831 и Précis d'ethnographie et de géographie historique. 1835—58. II voll
6. GOSSELIN: Recherches sur la géographie des anciens. 1789 II voll.
7. БРУТЪ: Землеописаніе древняго міра, съ атласомъ 1830. II т.

Частныя сочиненія.

1. По географіи древняго востока: Ritter's Erdkunde.
2. По географіи древней Греціи:

KRUSE: Hellas. 1825—27. CRAMER. Geographie d. alten Griechenlands.

CURTIUS: Peloponnesos 1851.

3. По географіи римскаго государства:

GROTEFEND: Zur Geographie und Geschichte von Alt-Italien. 1840—42.

WERNICKE: Italien im Verhältniss zur Cultur und zur Geschichte der Menschen. 1843.

Атласы:

1. LESAGE: Atlas historique, génealogique et géographique.
2. CH. U. F. KRUZE: Histor. Atlas (на рус. яз. перевелъ Модестовъ). Спб. 1843.
3. SPRUNER: Historisch-geographischer Handatlas. 1-e Atlas Antiquus. 27 Karten. 1850.
4. SIEPERT: Historisch-geograph. Handatlas der Alten Welt. 1848.
5. ТВЕЛЬКМЕЙЕРА: Атласъ древней, средней и новой исторіи. Остальные русскіе атласы: Барановскаго, Зуева, Левассера (переводный).

b) Хронологія:

1. GATTERER: Abriss der Chronologie. 1775.
2. HEGEWISCH: Einleitung z. Chronologie der Geschichte. 1811.
3. L. K. ROMIG: Zeittafeln der allgemeinen Geschichte. Neue bis Ende 1853 fortgesetzte Ausgabe v. Rieckher. 1854. 4°.

Примѣч. Сверхъ того статьи по исторіи: въ Журналѣ для дѣтей Чистякова, въ Подснѣжникѣ Майкова и въ др. общихъ журналахъ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Опредѣленіе, источники, вспомогательныя науки и раздѣленіе исторіи.

1) Опредѣленіе исторіи. Географія, описывая землю и ея обитателей, представляетъ намъ народы чрезвычайно различными по образу ихъ жизни и степени образованія. Въ однѣхъ странахъ свѣта, напр. въ Австраліи, мы видимъ людей, мало чѣмъ отличающихся отъ звѣрей, населяющихъ непроходимые, дремучіе лѣса ихъ родины: они живутъ почти безъ всякихъ понятій о религіи, безъ законовъ и государственнаго устройства, словомъ мы видимъ людей дикихъ. Съ другой стороны, если мы обратимъ вниманіе на нашу часть свѣта—Европу, то увидимъ зрѣлище совершенно противуположное: здѣсь намъ представляются народы образованные, озаренные свѣтомъ христіанской религіи, живущіе въ городахъ, удобно и красиво выстроенныхъ. Между этими двумя крайностями находится въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ множество народовъ полуобразованныхъ, которые составляютъ средину между совершенною грубостью дикихъ народовъ и утонченною образованностью просвѣщенныхъ европейцевъ; наконецъ есть и такіе народы, которые прежде были образованы, а потомъ постепенно одичали. Различіе ме-

жду народами дикими и образованными такъ рѣзко бросается въ глаза, что можно подумать, будто это не одни и тѣ-же люди. Между тѣмъ европейцы были нѣкогда такими-же дикими, какими мы видимъ теперь напр. жителей Новой Голландіи, и много времени должны были употребить, чтобы достигнуть той степени совершенства, на какой мы теперь ихъ видимъ.

При видѣ такого различія, невольно раждаются въ мыслящемъ человѣкѣ вопросы: вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ одни народы остались въ состояніи совершенной грубости, а, съ другой стороны, какія средства, какое время должны были употребить и какіе перевороты и перемѣны испытали образованные народы, переходя отъ дикаго состоянія въ состояніе жизни общественной? Чтобы рѣшить всѣ эти вопросы, мы должны узнать всю прошедшую жизнь этихъ народовъ; а *наука, которая вѣрно изображаетъ прошедшую жизнь человѣчества и объясняетъ, какимъ образомъ родъ человѣческій достигъ нынѣшняго своего состоянія, что способствовало и что препятствовало его развитію, называется исторіею человѣчества.*

Для достиженія этой цѣли, исторія должна показать: 1) Какимъ образомъ родъ человѣческій начался, размножился и распространился по всѣмъ частямъ свѣта; какъ возникли первыя государства и пришли между собою въ сношенія мирныя и враждебныя, какъ одни государства падали, другія на мѣсто ихъ возникали, какіе люди управляли судьбою государствъ? 2) Какимъ образомъ повсюду разливалось образованіе посредствомъ наукъ, ремеслъ и художествъ? 3) Какія понятія о Богѣ и нравственности имѣли разные народы, пока не явилось ученіе истинное, т. е. христіанская вѣра, какъ это ученіе проникло во всѣ страны, смягчая дикіе нравы, и наконецъ какъ христіанскіе народы пріобрѣли во всѣхъ частяхъ свѣта первенство надъ язычниками?

2) **Источники исторіи.** Мы можемъ знать исторію только тѣхъ народовъ, которые оставили послѣ себя какіе либо памятники или слѣды своей жизни. Всѣ такіе памятни-

ки, изъ которыхъ мы почерпаемъ извѣстія о минувшей жизни народа, называются *историческими источниками*, а народы, которые оставили ихъ послѣ себя, историческими народами; ихъ то жизнь и составляетъ въ собственномъ смыслѣ предметъ исторіи. Источники исторіи бываютъ: неписьменные или нѣмые и письменные.

а) Къ *неписьменнымъ* источникамъ относятся: 1) народныя изустныя преданія, разсказы и пѣсни про старину, которыя долго передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію; 2) остатки искусствъ и ремеслъ: зданія, статуи, картины, монеты, одежда, оружіе, домашняя утварь.

b) Къ *письменнымъ* памятникамъ относятся: 1) письменные разсказы современниковъ, т. е. людей, которые или сами участвовали въ описываемыхъ ими событіяхъ, или видѣли ихъ, или узнавали объ нихъ отъ очевидцевъ и передавали потомству свѣдѣнія о видѣнномъ и слышанномъ въ лѣтописяхъ, дневникахъ, запискахъ, письмахъ и пр.; 2) государственныя бумаги (акты), къ которымъ относятся разнаго рода законы, указы, договоры и т. п.; чѣмъ обильнѣе ими исторія, тѣмъ она достовѣрнѣе; 3) памятники наукъ и изящной словесности, напр. старинныя математическія, географическія и др. сочиненія, разныя стихотворенія и повѣсти.

3) Вспомогательныя науки исторіи. Всякое событіе случается гдѣ нибудь и когда нибудь, слѣд. всякое событіе можетъ сдѣлаться предметомъ исторіи тогда, когда мы знаемъ *мѣсто*, гдѣ оно случилось, и *время*, когда оно случилось. Иначе это событіе будетъ невѣрно, будетъ относиться къ сказкѣ, а не къ исторіи. Мѣсто, гдѣ случилось событіе, опредѣляетъ *географія;* время, когда оно случилось, опредѣляетъ *хронологія.* Поэтому географія и хронологія необходимы для основательнаго знанія исторіи и называются главными *вспомогательными* историческими науками (глазами исторіи). Географія опредѣляетъ мѣсто, гдѣ случилось какое-либо происшествіе; знаніе-же мѣстности для исторіи важно, потому что жизнь людей, которую должна изо-

бразить исторія, всегда почти зависитъ отъ той земли, на которой они живутъ, а именно: свойство земли и климатъ имѣютъ вліяніе на физическую природу человѣка, образъ его жизни, религію, богатство и силы. Слѣд. для вѣрнаго изображенія свойствъ народа, образа его жизни, религіи, богатства, могущества, исторія должна основываться на географическихъ свѣдѣніяхъ. Хронологія историческая есть искусство опредѣлять время, когда случилось какое нибудь событіе. Для этого необходимо взять одно какое нибудь важное событіе въ жизни одного или многихъ народовъ и отъ него считать годы всѣхъ прочихъ событій. Такое важное событіе называется *эрою*. У древнихъ народовъ, жившихъ до Р. Х., эръ было гораздо болѣе, нежели теперь у новыхъ, потому что древніе народы мало имѣли общаго между собою: у каждаго все было свое, отличное отъ другихъ: религія, законы и обычаи, а потому и исчисленіе времени было свое. Главнѣйшія изъ древнихъ эръ суть: 1) Начало олимпійскихъ игръ у Грековъ за 776 л. до Р. Х. Они совершались чрезъ каждые 4 года и каждое четырехлѣтіе называлось олимпіадою. 2) Основаніе города Рима у Римлянъ за 753 г. до Р. Х. 3) Сотвореніе міра у Евревъ за 5508 л. до Р. Х. У новыхъ народовъ важнѣйшія эры суть: 1) Рождество Христово у всѣхъ христіанъ, за 1864 года до нашего времени. 2) Бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину, у магометанъ, 622 г. по Р. Х. У разныхъ народовъ было различное и совершенно произвольное дѣленіе времени: одни дѣлили время на солнечные, другіе на лунные годы; годъ многіе дѣлили на 12, иные на 10, а иные на 13 мѣсяцевъ. Въ Европѣ теперь въ употребленіи 2 календаря: *юліанскій*, котораго придерживаются Русскіе и Греки, и *григоріанскій*, котораго держатся всѣ прочіе народы Европы. Первый отстаетъ отъ послѣдняго 12 днями и называется *старымъ стилемъ*, въ противоположность послѣднему, который называется *новымъ стилемъ*. У разныхъ народовъ за начало года принимались различные мѣсяцы; наконецъ разные народы различно начина-

ли день, одни съ утра, другіе съ вечера, полудня, полуночи и т. д.

4) **Раздѣленіе исторіи по времени.** Исторія человѣчества заключаетъ въ себѣ цѣлыя тысячелѣтія; въ каждое тысячелѣтіе и даже въ каждое столѣтіе мы находимъ большія перемѣны въ состояніи общества, такъ что ни одинъ вѣкъ не похожъ на другой. Перемѣны эти производятся важными событіями, которыя называются *эпохами*, а промежутокъ времени между двумя такими событіями называется *періодомъ*. Величайшими и важнѣйшими событіями или эпохами въ исторіи были: торжество надъ язычествомъ новой христіанской вѣры, почти чрезъ 5 вѣковъ послѣ рождества ея основателя Іисуса Христа, и паденіе Западной Римской имперіи, разрушенной новыми германскими народами (476 г. по Р. Х.). Этими то событіями, почти одновременно случившимися, и дѣлится всемірная исторія на двѣ огромныя части: 1) исторію *древнюю* отъ сотворенія міра или, правильнѣе, отъ появленія первыхъ государствъ, до паденія Западной Римской имперіи и торжества христіанства надъ древнимъ язычествомъ (она заключаетъ въ себѣ 25 вѣковъ, и народы, которыхъ жизнь она изображаетъ, называются древними и составляютъ *древній міръ*) и 2) исторію новыхъ вѣковъ или *новую* отъ паденія Западной Римской имперіи до нашихъ временъ. Она заключаетъ въ себѣ 18½ вѣковъ, и народы, въ ней дѣйствующіе, называются новыми и образуютъ *новый міръ*.

Новая исторія, хотя заключаетъ въ себѣ менѣе времени чѣмъ древняя, за то по множеству и разнообразію событій гораздо обширнѣе, и потому для легчайшаго обозрѣнія, ее дѣлятъ еще на 2 части: средневѣковую до конца XV в. и собственно новую до нашихъ временъ. Эпоха, отдѣляющая эти 2 части одну отъ другой, есть открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ въ 1492 г.

II.

Начало міра, людей и первыхъ государствъ.

1) Первобытныя времена, потопъ, раздѣленіе людей.

Какъ у каждаго человѣка сохраняются неясныя воспоминанія о томъ, что случилось съ нимъ въ самую раннюю пору дѣтства, такъ и у всѣхъ народовъ сохранились смутныя воспоминанія о тѣхъ перемѣнахъ, которыя испытала наша планета прежде, чѣмъ сдѣлалась жилищемъ рода человѣческаго. Эти воспоминанія въ величественной простотѣ высказаны у Моисея, въ книгѣ Бытія. Изъ нея узнаемъ мы, что образованіе земнаго шара и существъ, его населяющихъ, совершено было за 73½ вѣка до нашего времени въ 6-ть дней (йомовъ), изъ коихъ каждый имѣлъ свое утро и свой вечеръ. Послѣднимъ твореніемъ на землѣ былъ человѣкъ. Изслѣдованіе различныхъ слоевъ коры земной, внутри которыхъ сохранились окаменѣлые остатки громадныхъ растеній и животныхъ, очевидно теперь не существующихъ, и не сохранилось никакихъ слѣдовъ человѣка, доказываетъ также, что земля наша подвергалась многимъ переворотамъ до появленія на ней человѣка.

У того же Моисея записаны воспоминанія о первобытной судьбѣ рода человѣческаго. Первый мужъ *Адамъ* и первая жена *Ева* получили отъ Бога, въ отличіе отъ прочихъ животныхъ, душу разумную и тѣло безсмертное. Первое жилище первыхъ людей, Эдемъ или рай, находилось по всей вѣроятности въ горной возвышенности Азіи, откуда берутъ свое начало рѣки Тигръ, Евфратъ и Индъ. Первые люди, предназначенные Творцемъ господствовать надъ прочими тварями, согрѣшили, и Богъ осудилъ ихъ, а съ ними все человѣчество, рождаться въ болѣзняхъ, жить въ трудахъ и умирать смертію. Адамъ и Ева имѣли двухъ сыновей, земледѣльца *Каина* и пастуха *Авеля*. Каинъ убилъ брата: первый человѣкъ видѣлъ и перваго мертвеца. *Сиѳъ*, третій сынъ

Адама, былъ родоначальникомъ поколѣнія людей добрыхъ и нравственныхъ, а отъ Каина произошли люди злые и порочные, которые, смѣшавшись съ потомками Сиѳа, развратили ихъ. Испорченное человѣчество погибло въ такъ называемомъ *всемірномъ потопѣ*, спустя 22 вѣка по сотвореніи міра: спасся только праведный *Ной* съ семействомъ и послѣ потопа вышелъ на землю близъ горы Арарата въ Арменіи. Потомки трехъ сыновей Ноевыхъ, *Сима*, *Хама* и *Іафета*, размножились, населили долину между рр. Тигромъ и Евфратомъ, называемую *Сеннааръ*, и желая имѣть убѣжище на случай новаго потопа, начали строить огромную башню (впослѣдствіи прозванную Вавилонъ); но разгнѣванный Богъ смѣшалъ ихъ языки и потому люди, не понимая другъ друга, должны были разойтись въ разныя стороны. Потомки Сима (Семиты) населили западную Азію; потомки Хама (Хамиты) распространились по Африкѣ; потомки Іафета (Іафетиды) заняли Европу и южную Азію.

2) ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ НА ЗЕМЛѢ И ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ.

а) Измѣненія, произведенныя на землѣ природою и человѣкомъ. Поверхность земнаго шара теперь не такова, какою она была за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Это доказывается: 1) тѣмъ, что въ слояхъ земли, не только въ мѣстахъ низменныхъ, но и на вершинахъ высокихъ горъ, находятъ морскія раковины, слѣдовательно эти земли и эти горы были нѣкогда дномъ океана; 2) тѣмъ, что въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта есть множество пещеръ, наполненныхъ костями, а иногда и цѣлыми скелетами животныхъ, какъ существующихъ еще и теперь, такъ и исчезнувшихъ, и глубоко подъ землею находятъ много деревъ и даже цѣлые лѣса, иногда почти въ первобытномъ видѣ, превратившіеся въ торфъ и каменный уголь. Слѣдовательно такія мѣста были нѣкогда открыты и производили и этихъ животныхъ, и эти растенія.

Измѣненія и перевороты, которымъ подвергалась земля, были произведены на ней: a) отчасти природою, b) отчасти людьми.

1) Перемѣны, произведенныя на землѣ силою природы, водою, огнемъ и воздухомъ, произошли:

Во-*первыхъ*, отъ огромныхъ *наводненій*, подобныхъ всемірному потопу, на существованіе которыхъ намекаютъ намъ преданія всѣхъ древнихъ народовъ. Отъ этихъ наводненій цѣлые материки во многихъ мѣстахъ совершенно погружались въ воду со всѣмъ тѣмъ, что на нихъ находилось, а дно морское, совершенно отъ воды обнаженное, занимало ихъ мѣста, и на немъ являлись новыя растенія и животныя (*). Постоянные *приливы* и *отливы* морскіе также измѣняли и видъ береговъ, и самый объемъ материка,

Во-*вторыхъ*, отъ взрыва подземныхъ *вулкановъ* и *землетрясеній*, которыми образовано множество острововъ на моряхъ, озерахъ и рѣкахъ на сушахъ разорваны горы и произведены долины въ однихъ мѣстахъ, и навалены горныя возвышенности въ другихъ, наконецъ поглощены обширныя пространства земли и образованы бездонныя пропасти (**).

Въ *третьихъ*, отъ страшныхъ *урагановъ*, которыми лѣсистыя и плодоносныя страны обращены были въ песчаныя степи и наброшены цѣлыя песчаныя горы тамъ, гдѣ прежде были равнины.

Отъ этихъ переворотовъ терпѣло и все то, что на землѣ находилось: цѣлыя царства растеній и минераловъ, цѣлыя поколѣнія животныхъ исчезли, а на ихъ мѣстѣ явились новыя. Время такихъ большихъ переворотовъ давно кончилось для нашей планеты, но отъ постоянной дѣятельности силъ

(*) Между Африкою и южною Америкою находилась, вѣроятно, обширная страна, называемая *Атлантидою*; нынѣ здѣсь океанъ.

(**) Страшное изверженіе Везувія покрыло пепломъ и лавою цвѣтущіе города Геркуланумъ и Помпею. Гдѣ теперь Мёртвое море (въ Палестинѣ), тамъ жили нѣкогда люди и стояли города Содомъ и Гоморъ. Многіе острова Архипелага очевидно вулканическаго происхожденія.

природы происходятъ на ней медленныя, не такъ замѣтныя перемѣны. Голыя скалы съ теченіемъ времени покрываются иногда растеніями, море нерѣдко наноситъ на свой берегъ песчанные холмы, подъ которыми погребаетъ цѣлыя селенія; на немъ образуются коралловые острова и проч.

2) Не менѣе переворотовъ на землѣ произвелъ и самъ обитатель ея человѣкъ, желая образовать изъ нея удобное и прекрасное жилище, достойное господина всѣхъ земныхъ тварей. Человѣкъ сгладилъ во многихъ мѣстахъ утесы, засыпалъ озера, осушилъ болота и воздѣлалъ землю тамъ, гдѣ прежде можно было только плавать; каналами соединилъ рѣки, направилъ ихъ въ степи и чрезъ то обратилъ эти послѣднія въ цвѣтущіе луга. Онъ перенесъ произведенія четырехъ частей свѣта въ пятую; самый климатъ, воздухъ, погода повинуются силѣ его ума. Наконецъ величественные города были имъ построены тамъ, гдѣ прежде были безплодныя пустыни или дремучіе лѣса.

b) Перевороты, произведенные природою и человѣкомъ въ человѣчествѣ. Измѣняя жилище свое-землю, человѣкъ, съ теченіемъ времени и самъ подвергался различнымъ измѣненіямъ и переворотамъ, которые произведены въ его жизни или окружающею его природою или большею частію имъ самимъ, въ его стремленіи къ усовершенствованію.

Природа тѣхъ странъ, которыя заняты были разными частями потомства Ноева, имѣла безъ всякаго сомнѣнія вліяніе не только на *наружный видъ* людей, т. е. цвѣтъ, ростъ, устройство черепа, но и на *образъ ихъ жизни*. Такъ, между прочимъ, подъ вліяніемъ различныхъ климатовъ, народы, жившіе въ жаркомъ поясѣ, получили черный цвѣтъ (эѳіопская раса—Хамиты) и оливковый (малайская раса); другіе, жившіе въ холодныхъ странахъ,—желтый цвѣтъ (монгольская раса), наконецъ третьи, поселившіеся въ умѣренномъ поясѣ — бѣлый цвѣтъ (кавказская раса). Что касается до образа жизни и занятій людей, то народы, разсѣявшіеся по лѣсамъ, горамъ или морскимъ берегамъ, занимались главнымъ образомъ охотою и рыбною ловлею, которыя доставля-

ли имъ одежду и пищу. Жили они отдѣльно другъ отъ друга, въ шалашахъ изъ звѣриныхъ кожъ или древесныхъ листьевъ, иногда и въ земляныхъ пещерахъ. Вѣчная война съ дикими звѣрями дѣлала ихъ грубыми дикарями, ожесточая ихъ и въ отношеніяхъ къ имъ подобнымъ людямъ. Тѣ народы, которые разсѣялись по необозримымъ, покрытымъ травою степямъ и пустынямъ верхней Азіи или внутренней Африки, стали заниматься разведеніемъ огромныхъ стадъ домашнихъ животныхъ. Отъ стадъ получали они пищу и одежду и жили тамъ, гдѣ удобно было пастись стадамъ ихъ, а потому постоянно переходили съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ своими шатрами или кибитками, т. е. вели жизнь кочевую (номадную). Наконецъ народы, которымъ выпало на долю поселиться въ плодородныхъ равнинахъ или рѣчныхъ долинахъ, обратились прежде другихъ къ обработыванію земли; а трудъ, употребленный на воздѣлываніе почвы, привязалъ каждаго къ той землѣ, которую онъ обработалъ, и обратилъ людей въ народы осѣдлые, т. е. живущіе на однихъ мѣстахъ и въ постоянныхъ жилищахъ, изъ соединенія которыхъ мало по малу образовались селенія и города.

Таково было вліяніе мѣстной природы на наружный видъ и образъ жизни людей. Имѣла она вліяніе и на религіозныя ихъ вѣрованія. Такъ величественныя свѣтлыя ночи на югѣ заставляли жителей его боготворить звѣзды; такъ благотворныя для плодородія земли разлитія рѣкъ заставляли жителей ихъ береговъ покланяться рѣкамъ, какъ добрымъ богамъ, а въ сосѣднихъ пустыняхъ видѣть злыхъ духовъ; такъ, наконецъ, народы, жившіе на вулканической почвѣ, сдѣлались огнепоклонниками. Но вообще вліяніе природы на жизнь людей, очень сильное и многообразное во время ихъ первоначальной жизни, дѣлается постепенно слабѣе, по мѣрѣ того, какъ люди дѣлаются болѣе возмужалыми и образованными. Образованіе даетъ человѣку средства покорять и заставлять служить себѣ природу.

Но достигнуть этого образованія человѣкъ не иначе можетъ, какъ живя въ обществѣ съ себѣ подобными людьми:

онъ не можетъ жить одинокимъ, безъ помощи ближняго, потому что имѣетъ множество нуждъ, долго находится въ состояніи дѣтства, и умъ его развивается медленно. Эта потребность жизни общественной, для удовлетворенія которой данъ человѣку даръ слова, развивалась медленно и не у всѣхъ людей одинаково.

Первое общество, въ которомъ жилъ человѣкъ, было *семейство*, т. е. родственный союзъ родителей съ дѣтьми. Отдѣльными семействами жили и теперь живутъ большею частію народы дикіе (звѣроловы и рыболовы). Главами или повелителями семействъ бываютъ отцы семействъ: они держатъ порядокъ въ семьѣ, рѣшаютъ споры между членами семьи, приносятъ богамъ жертвы. Женщина у народовъ, живущихъ отдѣльными семействами, находится въ самомъ жалкомъ положеніи: она почитается рабою отца, мужа, брата и даже сына. Если семейство на войнѣ возьметъ кого нибудь въ плѣнъ, то плѣнникъ дѣлается рабомъ его. Изъ соединенія нѣсколькихъ семействъ происходитъ *родъ*, изъ соединенія нѣсколькихъ родовъ—*поколѣніе*. Владыкою рода и поколѣнія почитается одинъ общій родоначальникъ, старшій по лѣтамъ (т. е. по рожденію). Онъ судитъ родичей, предводительствуетъ ими на войнѣ, совершаетъ за нихъ жертвоприношенія. Отдѣльными родами живутъ большею частію народы номадные; изъ осѣдлыхъ же народовъ только менѣе образованные сохранили такой родовой или патріархальный бытъ, а другіе пошли далѣе. Такъ какъ не всегда старшій въ родѣ по лѣтамъ или рожденію бываетъ самымъ способнымъ управлять родомъ, защищать его земли и мирить родичей, то тѣ осѣдлые народы, которые болѣе другихъ чувствовали нужду въ огражденіи себя отъ внутреннихъ безпорядковъ и отъ внѣшнихъ враговъ, рѣшались съ-обща возлагать эти обязанности не на старшихъ по лѣтамъ, но на *одно* лицо или на *многихъ*, признанныхъ къ этому дѣлу способнѣйшими. Для того, чтобъ эти лица могли исполнять возложенныя на нихъ обязанности, т. е. защищать народъ отъ внѣшнихъ враговъ, охранять права каждаго члена его отъ нарушенія

ихъ другими членами и заботиться объ общемъ благосостояніи всѣхъ, народъ даетъ этимъ лицамъ власть: 1) издавать законы, т. е. правила, опредѣляющія права и обязанности каждаго лица, 2) устранять или наказывать нарушеніе этихъ законовъ и наконецъ 3) требовать отъ каждаго члена общества нѣкоторой части его имущества или работы для общихъ потребностей. Совокупность этихъ правъ образуетъ *верховную власть*, которая представляетъ волю цѣлаго народа и можетъ быть устроена различнымъ образомъ (*). Такой союзъ многихъ лицъ, ведущихъ осѣдлую жизнь, имѣющихъ цѣлію общее благосостояніе и управляемыхъ верховною властію, называется *государствомъ*. Если одинъ народъ покорялъ своей власти другой, тогда, по большей части, верховная власть переходила къ народу—побѣдителю.

Живя въ государствахъ, люди узнали новыя потребности, для удовлетворенія которымъ изобрѣли новые промыслы и ремесла, построили города, создали науки, искусства, получили лучшія понятія о взаимныхъ обязанностяхъ и такимъ образомъ обезопасили себя отъ непогоды, холода, внѣшнихъ враговъ, безпорядковъ и вообще стали жить удобно и красиво, совершенствоваться нравственно и умственно. Слѣдствіемъ этого было распредѣленіе гражданъ по занятіямъ, по образу жизни и по происхожденію на разные классы: военныхъ, духовныхъ, купцовъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, ученыхъ, художниковъ и т. п.

Первыя государства появляются, сколько намъ извѣстно,

(*) Если верховная власть находится въ рукахъ одного лица, то правленіе называется *монархическимъ* (единодержавнымъ), которое бываетъ *деспотическимъ*, когда произволъ правителя замѣняетъ законы,—*неограниченнымъ* (самодержавнымъ), когда правитель самъ издаетъ законы, и—*ограниченнымъ*, когда власть съ нимъ раздѣляетъ народъ посредствомъ выбранныхъ представителей (депутатовъ). Если власть находится въ рукахъ многихъ лицъ, а не одного, тогда правленіе называется *республиканскимъ* и опять—*аристократическимъ*, когда эти лица взяты изъ высшаго сословія, и *демократическимъ*, когда въ правленіи принимаетъ участіе весь народъ.

въ Африкѣ и Азіи за 30 вѣковъ до Р. Х., и были: египетское въ Африкѣ, индійское, китайское, вавилоно-ассирійское и еврейское въ Азіи.

Но не всѣ народы обратились къ жизни государственной. Племена, вытѣсненныя при раздѣленіи человѣческаго рода въ дремучіе лѣса, степи и песчаныя равнины, не могли, подобно жителямъ плодоносныхъ странъ, строить себѣ постоянныхъ жилищъ, потому что ничего не могли извлечь изъ неблагодарной почвы. Вслѣдствіе этого, одни изъ нихъ остались по прежнему дикими звѣроловами и рыболовами, и жили, мало чѣмъ отличаясь отъ звѣрей, населяющихъ непроходимые лѣса ихъ родины, — другіе, занявшись разведеніемъ стадъ и кочуя съ мѣста на мѣсто, остались на степени кочевыхъ народовъ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

Характеръ исторіи древняго міра.

Жизнь древняго или языческаго міра отличается отъ жизни новаго или христіанскаго міра:

а) *Мѣстомъ*, на которомъ происходили важнѣйшія событія. Историческая жизнь, начавшись во внутренности передней Азіи, у хребта Гинду-ку, главнымъ образомъ развивалась въ древности по берегамъ Средиземнаго моря.

b) *Народами*, которые дѣйствуютъ въ исторіи. Главную роль въ древности играютъ народы *индо-европейскаго корня* (Индусы, Мидо-Персы и Пеласги) и народы *семитическіе* (Вавилоняне и Ассиріяне, Евреи, Финикіяне и быть можетъ, Египтяне). Народы монгольской расы или живутъ издревле отдѣльно, не оказывая никакого вліянія на жизнь другихъ народовъ (Китайцы), или-же по временамъ дѣлаютъ опустошительные набѣги на земли образованныхъ древнихъ народовъ

с) *Характеромъ* самой жизни. Этотъ характеръ опредѣляется слѣдующими существенными свойствами: 1) Древніе мало цѣнили личность человѣка, какъ существа нравственно-свободнаго, и уважали его, смотря только по тому, отъ какого народа онъ происходилъ, какого государства былъ гражданинъ и какую вѣру исповѣдывалъ. Отсюда въ древности мы видимъ: преобладаніе гражданской жизни надъ семейною, рабство въ государствѣ и семействѣ, и наконецъ, отчужде-

ніе между народами, изъ которыхъ каждый себя только почиталъ избраннымъ, а прочихъ варварами или паріями. 2) Древніе презирали промышленный трудъ, почитая его недостойнымъ гражданъ, которые одни принимали участіе въ дѣлахъ государства и одни имѣли право на отдыхъ и досугъ, а работать, для поддержанія и удобства ихъ жизни, обязаны были рабы. 3) Древніе боготворили силы и явленія природы; отсюда въ религіозныхъ вѣрованіяхъ ихъ господствовало многобожіе (политеизмъ); религія подчинялась интересамъ государства, и жрецы были чиновники. 4) Наконецъ, наука и искусство у древнихъ также подчинены были государству и религіи; художники древніе болѣе умѣли изображать внѣшнюю природу, чѣмъ душевныя явленія; а древніе ученые преимущественно (хотя не исключительно) отличались изслѣдованіемъ явленій и свойствъ внѣшняго, физическаго міра.

Географическій обзоръ древняго міра.

Древній историческій міръ составляли только три части свѣта, да и то не во всей ихъ цѣлости: югозападная Азія, южная Европа и сѣверный берегъ Африки. Родъ человѣческій начался и распространился по другимъ странамъ изъ центра югозападной Азіи, но главнымъ мѣстомъ, на которомъ развивалась жизнь важнѣйшихъ народовъ древности, были берега *Средиземнаго моря*, которое у древнихъ называлось *внутреннимъ* моремъ (mare internum). На средиземноморскомъ побережьи находились образованнѣйшія государства; оно усѣяно было цвѣтущими городами; посредствомъ его происходили военныя, торговыя и умственныя сношенія между народами древности всѣхъ трехъ частей свѣта. Къ этому способствовали: во-первыхъ, удобная, изрѣзанная заливами, береговая линія Средиземнаго моря; во-вторыхъ многочисленность острововъ и полуострововъ, его покрывающихъ; наконецъ то, что только небольшой переше-

скъ отдѣлялъ его отъ Аравійскаго залива, и слѣд. Индійскаго океана, и облегчалъ сношенія съ восточными землями, а Гибралтарскій проливъ (столпы Геркулеса) открывалъ изъ него путь въ Атлантическій океанъ, и слѣд. на западъ. Чѣмъ далѣе лежали земли отъ Средиземнаго моря на югъ, западъ, сѣверъ и отчасти востокъ, тѣмъ болѣе замираетъ въ нихъ историческая жизнь, и тѣмъ менѣе онѣ извѣстны были древнимъ. Подъ конецъ древней исторіи раздвигаются мало-по-малу и предѣлы историческаго міра, такъ что въ концѣ древней исторіи (около времени Р. Х.) границами его были: на сѣверѣ Нѣмецкое и Балтійское моря и нынѣшняя сѣверная Россія; на сѣверовостокѣ Тибетскія горы; на востокѣ рѣка Индъ; на югѣ Индійскій океанъ и Атласскія горы; а на западѣ Атлантическій океанъ.

Древній міръ раздѣлялся на *Востокъ* и *Западъ*. Востокомъ называлась Азія и сѣверовосточная Африка (особенно Египетъ); Западомъ—Европа. На Востокѣ мы видимъ преобладаніе твердой земли и мѣстность болѣе однообразную: огромныя горныя возвышенности и обширныя равнины, орошаемыя немногими, но большими рѣками, которыя образуютъ междорѣчія (Гуанъ-ху и Дзянъ, Индъ и Гангъ, Тигръ и Евфратъ, Нилъ съ его рукавами). Климатъ, какъ континентальный, представляетъ рѣзкій переходъ отъ стужи къ зною; естественныя произведенія по всѣмъ тремъ царствамъ, хотя и превосходятъ богатствомъ и разнообразіемъ европейскія, но не такъ удобно распредѣлены, какъ въ Европѣ: иныя страны Востока вовсе бѣдны, другія необыкновенно богаты, и огромныя пространства, ихъ отдѣляющія, затрудняютъ обмѣнъ произведеній и вообще сношенія между народами. Другія свойства представляетъ намъ мѣстность Запада. Чѣмъ болѣе мы будемъ приближаться отъ востока Азіи къ Средиземному морю, тѣмъ болѣе видимъ преобладаніе острововъ и полуострововъ надъ сплошными континентами, тѣмъ горныя массы становятся и ниже и меньше, тѣмъ разнообразнѣе смѣняются они небольшими равнинами и долинами, которыя орошаются многими, но гораздо мень-

ними, чѣмъ на Востокѣ, рѣками, и приводится въ соприкосновеніе между собою и съ водами Средиземнаго моря. Климатъ на Западѣ болѣе морской, чѣмъ континентальный, и слѣдовательно умѣреннѣе и разнообразнѣе. Естественныя произведенія Запада не такъ красивы, величественны и многообразны, за то распредѣлены равномѣрнѣе между разными странами и удобнѣе могутъ быть взаимно обмѣниваемы.

Это различіе географическихъ свойствъ Востока и Запада отразилось въ жизни древнихъ народовъ Востока и Запада. На Востокѣ историческая жизнь выходила съ нагорій, сходила въ долины и особенно развивалась по теченію большихъ рѣкъ, въ междурѣчіяхъ (такъ было въ Китаѣ, Индіи, Вавилоно-Ассиріи, Египтѣ); у моря она останавливалась и далѣе идти не смѣла. На Западѣ море и береговыя страны были главнымъ поприщемъ дѣятельности народовъ и способствовали къ обмѣну между ними духовныхъ и естественныхъ произведеній. Суровая стужа или палящій зной, совершенная скудость или даровое богатство произведеній природы оцѣпеняли или разслабляли дѣятельность восточныхъ народовъ, тогда какъ на Западѣ умѣренный здоровый климатъ и свойство почвы вызывали людей на трудъ умственный и физическій: безъ труда обойтись было нельзя, за то трудъ вознаграждался съ избыткомъ природою Запада. Потому-то, хотя образованіе началось раньше на Востокѣ, но тамъ далеко не пошло и замерло; тогда какъ на Западѣ оно дѣятельно развивалось и шло все впередъ и впередъ.

Вотъ общій характеръ мѣстности Востока и Запада. Разсмотримъ теперь ближе входившія въ нихъ части свѣта:

I. ВОСТОКЪ обнимаетъ Азію и Африку.

А. Азія, огромнѣйшая часть свѣта, по мѣстоположенію своему представляетъ внутри огромный сплошной материкъ, состоящій изъ двухъ плоскихъ возвышенностей, восточной (Тибетско-Монгольской) и западной (Иранской), обставленныхъ высокими горными хребтами. На сѣверѣ онъ спускается низменностями къ Ледовитому океану, а на востокѣ, югѣ

и западѣ оканчивается вѣтвями, которыя вдаются въ окрестныя моря (Индо-Китай, Индустанъ, Аравія, Сирія и Малая Азія). Хребты дѣлятъ Азію на три обширныя полосы: сѣверную, среднюю и южную, различныя климатомъ, произведеніями, народонаселеніемъ и образованіемъ.

а) *Сѣверная Азія* представляетъ собою широкое пространство земель отъ хребта Алтайскаго до Ледовитаго моря, холодныхъ, болотистыхъ, лѣсистыхъ и совсѣмъ почти неизвѣстныхъ древнему міру.

d) *Средняя Азія* есть высокая горная плоскость между Алтайскими и Таврскими горами. Въ древности она извѣстна была подъ именемъ Скиѳіи и азіатской Сарматіи. Эта часть Азіи представляетъ обширныя степи; рѣкъ здѣсь мало, лѣсу почти нѣтъ. Осѣдлая, земледѣльческая жизнь не могла здѣсь развиться. За то вся эта возвышенность представляетъ тучныя пастбища, покрытыя кормовыми травами, а потому она удобна для кочевой жизни и была родиною кочевыхъ племенъ монгольской расы, которыя часто дѣлали огромныя разрушительныя вторженія въ Европу и Новый свѣтъ.

с) *Южная Азія* заключаетъ въ себѣ остальную часть материка, состоящую изъ вѣтвей, большею частію полуостровами вдающихся въ море. Разнообразіе мѣстности, большія рѣки и богатство животной, растительной и минеральной жизни заставили здѣсь человѣка жить иначе, чѣмъ въ сѣверной и средней Азіи. Самыя древнія преданія помѣщаютъ здѣсь начало земледѣлія, торговли, наукъ, религіозныхъ вѣрованій и гражданскихъ обществъ. Возвышенности Тибетская, Иранская и Парапомизская (Гималайская) почитаются первымъ мѣстопребываніемъ древнихъ племенъ и первымъ жилищемъ ихъ боговъ; отсюда, по теченію большихъ двурѣчій, спустились они въ долины и, раздѣленныя разбросанною мѣстностію, развили каждое своеобразную общественную жизнь. Въ древности особенно замѣчательны были въ югозападной Азіи слѣдующія гражданственности: 1) *Китайская*, развитая народами монгольской желтой ра-

сы по теченію рр. Гаунъ-ху и Дзяна, въ собственно—Китайской и Индо-Китайской равнинахъ, извѣстная своею древностію, неподвижностію и отчужденностію отъ другихъ народовъ. 2) *Индійская*, развитая народами бѣлой расы въ Индустанѣ по теченію рр. Инда и Ганга, мало извѣстная въ древности. 3) *Иранская*, основанная народами Зендскаго поколѣнія въ земляхъ между Каспійскимъ моремъ, рр. Тигромъ, Индомъ и Персидскимъ заливомъ, въ Бактріи, Мидіи и Персидѣ. Этой гражданственности довелось послѣдней изъ азіатскихъ народовъ владѣть всею переднею Азіею. 4) *Аравійская* на полуостровѣ того же имени, развитая семитическими народами, не игравшая почти никакой роли въ древности. 5) *Еврейская* и *Финикійская*, первая внутри, вторая по берегамъ Сиріи, развитыя также народами семитическаго поколѣнія. 6) *Вавилоно-Ассирійская*, развитая также семитами въ Мессопотаміи, т. е. въ междурѣчіи, образуемомъ Тигромъ и Евфратомъ. Она первая завладѣла всею переднею Азіею. Наконецъ 7) самая западная вѣтвь азіатскаго материка, полуостровъ *Малая Азія*, который по своему географическому положенію служилъ какъ бы мостомъ для перехода изъ Азіи въ Европу и поприщемъ столкновеній между народами Запада и народами Востока, заключала въ себѣ много различныхъ государствъ, изъ которыхъ важнѣйшими были: *Лидійское*, *Фригійское*, *Троянское*, *Понтійское* и *Греческія колоніи*. Всѣ эти государства вошли въ послѣдствіи въ составъ огромнаго Мидо-Персидскаго царства.

В. Африка представляетъ сплошную массу материка безъ вѣтвей, и потому имѣетъ самую однообразную береговую линію и однообразную мѣстность, состоитъ изъ голыхъ и невысокихъ скалистыхъ горъ, песчаныхъ и безводныхъ равнинъ, кое-гдѣ прерываемыхъ цвѣтущими оазами. По этому, съ древнихъ временъ до настоящаго, эта часть свѣта мало ушла на поприщѣ образованія. Древнимъ извѣстны были сѣверное и восточное побережья ея: здѣсь только и развилась историческая жизнь, особенно въ долинѣ, орошаемой

и оплодотворяемой р. Ниломъ, гдѣ жили *Египтяне*, и по сѣверному берегу Средиземнаго моря, гдѣ основаны были Финикіянами *Карѳагенъ*, а Греками *Киренаика*.

II. ЗАПАДЪ обнималъ южную и отчасти западную Европу. Европа представляетъ прямоугольный треугольникъ, котораго основаніе у бассейна Маныча и горъ Кавказскихъ. Восточная сторона ея образуетъ континентальную линію и опирается на Азію, а сѣверозападная и югозападная стороны, вдаваясь въ воды океана и моря, образуютъ самую разнообразную береговую линію въ видѣ полуострововъ, острововъ, очень выгодно расположенныхъ внутреннихъ морей и заливовъ, въ особенности на Средиземномъ морѣ. Изъ прилежащихъ къ Средиземному морю полуострововъ два, Балканскій и Аппенинскій, были мѣстомъ исторической жизни двухъ главнѣйшихъ народовъ древняго Запада, образующихъ такъ называемый классическій міръ: на полуостровѣ Балканскомъ жили *Греко-Македоняне*, а на Аппенинскомъ *Римляне*. Оба эти полуострова, Аппенинскій—посредствомъ горъ Аппенинскихъ, Балканскій посредствомъ цѣпи Гемуса (Балканы), соединяются съ сердцевиною европейскаго нагорья—Альпами: ибо Аппенины составляютъ западный, а Гемусъ —восточный конецъ Альповъ. Оба полуострова обрамливаются на сѣверѣ долинами: Италіанскій Падуанскою (р. По—Padus), а Балканскій Истрійскою (р. Дунай—Ister); оба начинаются подъ 45º с. ш.; оба оканчиваются почти одинаково: первый островомъ Сициліею, отдѣляемою отъ него Мессинскимъ проливомъ, второй полуостровомъ Мореею (Пелопоннезомъ), которая соединяется съ нимъ только узкимъ Истмійскимъ перешейкомъ; оба южными оконечностями приближаются къ образованнымъ народамъ древняго Востока: изъ Сициліи и Мальты ближайшій путь въ Карѳагенъ, а изъ Пелопоннеза и Крита—въ Египетъ. Но вообще, будучи сходны на югѣ и сѣверѣ, оба полуострова различны протяженіемъ на востокъ и западъ: Италіанскій уже Балканскаго. Въ этомъ же направленіи различна и историческая судьба ихъ. Для Италіи море замыкается Испа-

ніею, обращенною къ океану и Новому свѣту, для Греціи—Малою Азіею, обращенною къ азіатскому Востоку и образующею мостъ къ нему. Греція служила посредницею между Западомъ и колыбелью человѣчества—Востокомъ; Италія предназначена была къ распространенію образованности на западъ, къ открытію новаго океаническаго міра.

Остальныя части Европы, вошедшія въ историческій міръ подъ конецъ древней исторіи, были: 1) Галлія (Франція), населенная Кельтами, 2) Германія, гдѣ въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ жили народы, разрушившіе потомъ древній міръ, 3) Гиспанія или Иберія (Пиренейскій полуостровъ), 4) Британія (Альбіонъ, нынѣ Англія), 5) Скандинавія (южная Швеція), 6) Европейская Сарматія и Скиѳія (Польша и Европейская Россія).

I.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

Древнѣйшія государства появились на Востокѣ, въ Азіи и Африкѣ, почти за 30 вѣковъ до Р. Х.

Главнѣйшія изъ нихъ были основаны: народами монгольской породы въ Китаѣ, такъ называемыми народами арійскими въ Индіи, Мидіи, Персіи и Малой Азіи, наконецъ народами семитическаго происхожденія въ Вавилоніи, Ассиріи, Палестинѣ, Финикіи, Карѳагенѣ, а быть можетъ, и въ Египтѣ.

Жизнь государствъ древняго Востока имѣла слѣдующія характеристическія свойства: 1) Всѣ почти огромныя монархіи Востока основаны были посредствомъ завоеваній. Въ гла-

въ каждой стоялъ деспотъ: былъ-ли онъ царь или жрецъ— онъ былъ самовластенъ. Управленіе вездѣ основано было на силѣ. Предводители получали въ управленіе области, въ городахъ ставились гарнизоны или располагались кочевья около городовъ. На обязанности правителей лежали сборы податей и держаніе оружіемъ въ повиновеніи покоренныхъ; но впослѣдствіи военные намѣстники мало-помалу получали власть гражданскую. Съ теченіемъ времени побѣдители знакомились съ роскошью, подчинялись вліянію климата и принимали обычаи побѣжденныхъ. Возникало образованіе; но образованіе это было не внутреннее, народное, котораго не допускаетъ деспотизмъ, а образованіе роскоши, наружное. Побѣдители слабѣли, сераль начиналъ принимать сильное и вредное участіе въ управленіи, и государство падало подъ игомъ новыхъ завоевателей. 2) Деспотизмъ и строгое раздѣленіе народа на касты, общее почти явленіе всѣхъ азіатскихъ царствъ, препятствовали прочному развитію государственной жизни; многоженство, при которомъ жена и дѣти являлись рабами главы семейства, произвело отсутствіе прочности и нравственности въ семейномъ быту. 3) При извѣстной степени матеріальнаго богатства, которое происходило болѣе отъ даровыхъ силъ природы, чѣмъ отъ изобрѣтательности и труда человѣка, духовная жизнь народовъ осталась одностороннею и бѣдною. Религія состояла въ обожаніи природы и представляла смѣсь строгаго подвижничества съ самою необузданною чувственностью. Наука на Востокѣ, вслѣдствіе преобладанія въ народѣ фантазіи надъ умомъ, не могла достигнуть ясности, точности и положительности. Художество, находясь въ рабскомъ подчиненіи у восточныхъ деспотовъ и жрецовъ, не обнаружило свободнаго творчества и, вмѣсто изящныхъ созданій, произвело только громадные памятники, которыхъ образцами служили мѣстныя горы и пещеры.

I.

Исторія Китая.

Мѣстность Китая. Китай въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ всю восточную плоскую возвышенность Азіи, населенную испоконъ вѣка кочевниками, и двѣ равнины, собственно китайскую и индо-китайскую, въ глубокой древности бывшія мѣстомъ осѣдлой жизни. Изъ возвышенностей (а именно изъ Тибета) вышли первобытные жители Китая, поселившіеся по теченію рѣкъ Гуанъ-ху и Дзяна, въ равнинѣ, составляющей собственный Китай, который этими пришельцами прозванъ былъ *срединнымъ царствомъ.* Обѣ рѣки раздѣляютъ равнину Китая на 3 части съ тремя большими городами: Нанкиномъ въ средней, Пекиномъ въ сѣверной и Кантономъ въ южной. Нанкинъ имѣетъ въ китайской исторіи тоже значеніе, какое въ русской Москва, а Пекинъ и Кантонъ тоже, какое Петербургъ.

Очеркъ исторіи Китая. Китайцы приписываютъ себѣ глубокую древность; но о древнѣйшей исторіи ихъ мы почти ничего не знаемъ, потому что Греки и Римляне не оставили о Китаѣ точныхъ извѣстій, и Европѣ онъ сталъ немного извѣстенъ только въ средніе вѣки, а настоящимъ образомъ начали знакомить съ нимъ Европейцевъ только съ XVII вѣка іезуитскіе миссіонеры.

Китайскія преданія относятъ начало общества китайскаго за 3000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., когда 100 семействъ, родоначальниковъ китайскаго народа, сошли съ западныхъ горъ въ долину Цзинъ (нынѣ Шенси), которую застали въ дикомъ состояніи. Ее покрывали дремучіе лѣса; р. Гуанъ-ху опустошала ее наводненіями; хищные звѣри оспаривали землю у людей, не менѣе дикихъ, какъ и эти звѣри, *Фоги* и потомъ *Яо* и *Шунъ*, образцовые государи Китая, изобрѣвшіе письмена, выжегшіе лѣса, истребившіе звѣрей, прорубившіе

чрезъ горы проходъ въ море и научившіе народъ земледѣлію, почитаются творцами первыхъ началъ государственной жизни въ Китаѣ.

Послѣ Шуна (2100 до Р. Х.) начинаются историческія времена. Съ этихъ поръ до нашего времени 26 династій восходили одна за другою на престолъ. Однообразіе характеризуетъ исторію всѣхъ этихъ династій: въ правленіе каждой повторяются однѣ и тѣже явленія. Первые государи каждой династіи обыкновенно изображаются людьми высоко-добродѣтельными и мудрыми; но чрезъ нѣсколько поколѣній добродѣтели и мудрость исчезаютъ; государи впадаютъ въ бездѣйствіе и нравственную порчу: охота, пиры, наслажденія заставляютъ ихъ забывать обязанности свои къ подданнымъ. Происходитъ всеобщее неудовольствіе; какой-нибудь оскорбленный мандаринъ или подвластный князь становится предводителемъ недовольнаго народа, а какой-нибудь мудрецъ является съ ученіемъ, которое имѣетъ цѣлію возстановленіе упавшей нравственности. Возстаніе вспыхиваетъ, династія низводится съ престола и новая заступаетъ ея мѣсто, чтобы повторить тѣ-же явленія, которыя въ Китаѣ чередуются подобно постоянной смѣнѣ временъ года, дней и ночей. Въ 1644 году по Р. Х., монгольское племя *Манджу* напало на Китай, завладѣло имъ и основало 26-ю династію, которая правитъ и теперь. При Манджу начались сношенія съ Европейцами и допущены въ него католическіе миссіонеры. Нынѣ на тронѣ 6-й государь этой династіи. При немъ, въ 1850 году, началась революція, а потомъ война съ Англичанами и Французами. Подъ вліяніемъ этихъ событій Китайцы въ 1858 году принуждены были открыть доступъ въ свое государство европейскимъ народамъ.

Гражданственность Китая. Китайцы всегда отличались узкимъ самодовольствомъ, нелюдимостію, привязанностію къ внѣшнему обряду и церемоніи и сонливою неподвижностію. Характеръ ихъ жизни выражается въ восточной поговоркѣ: «стоять лучше чѣмъ ходить, сидѣть лучше чѣмъ стоять, лежать лучше чѣмъ сидѣть, спать лучше чѣмъ лежать.» Гор-

дясь своимъ, они все чужое презирали, чуждались всегда сношеній съ другими народами, а потому, развивши въ глубокой древности извѣстную образованность, остановились и окаменѣли въ томъ положеніи, въ какомъ были за 2000 лѣтъ до Р. Х. Прочное основаніе общественнаго, религіознаго и умственнаго образованія въ Китаѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохраняется до-нынѣ, положено было въ V в. до Р. Х. мудрецомъ-преобразователемъ *Кхунъ-дзы* (или Конфуціемъ), который явился во время одного изъ общественныхъ переворотовъ въ государствѣ.

Китайцы представляютъ свое государство огромнымъ семействомъ подъ деспотическою властію богдыхана, который оффиціально называется «сыномъ неба, единственнымъ владыкою земли и отцемъ народа,» которому воздаются божескія почести и приносятся жертвы. Отсюда китайское законодательство смотритъ на членовъ государства какъ на дѣтей, стремится пріучить ихъ къ дѣтскому образу мыслей, дѣйствуетъ на нихъ дѣтскими средствами. Богдыханъ управляетъ государствомъ посредствомъ экзаменованныхъ чиновникотъ (мандариновъ), которые раздѣляются, по количеству выученныхъ ими словъ китайскаго языка, на нѣсколько классовъ и отличаются цвѣтомъ шариковъ на шапкахъ. Каждый низшій мандаринъ есть рабъ или, по китайски, сынъ высшаго. Всѣ давятъ и обкрадываютъ другъ друга, богдыхана и народъ, не смотря на строгій надзоръ. Никто не смѣетъ даже въ частной жизни жить такъ, какъ ему хочется и можется, но долженъ жить, какъ предписано; одежда, жилище, образъ взаимнаго обращенія указаны закономъ, который подробно опредѣляетъ правила вѣжливости, число поклоновъ и привѣтствій. Главныя средства, которыми поддерживается порядокъ или «состояніе счасливой средины» въ этомъ семействѣ взрослыхъ дѣтей,—это награды шариками или наказанія бамбуковою тростью. Китайцы изображаютъ свое государственное устройство слѣдующимъ образомъ: срединное царство есть колесница, идущая вѣчно по одной и той-же дорогѣ; сынъ неба ея кучеръ, мандарины—его руки.

законы—возжи и узда, а бамбуковая трость—плеть, которою онъ погоняетъ коней, т. е. подданныхъ.

Въ Китаѣ въ разное время развились три религіозныя вѣрованія. Въ VI вѣкѣ до Р. Х. мудрецъ Лао-дзы проповѣдывалъ поклоненіе верховному разуму (Тао); но его ученіе, какъ несогласное, по своей духовности, съ характеромъ народа, не привилось и было гонимо. Въ V вѣкѣ Кхунъ-дзы далъ Китайцамъ чисто китайскую религію. Религіозное ученіе его состоитъ въ обожаніи силъ и явленій видимой природы подъ именемъ верховнаго неба, сыномъ котораго почитается богдыханъ. Въ основаніе нравственности положены семейная любовь и почтеніе, которыя состоятъ въ исполненіи однихъ внѣшнихъ обрядовъ (10,000 церемоній), въ благовидномъ поведеніи и спокойномъ безстрастіи (пребываніе въ счастливой срединѣ). Съ XIII вѣка по Р. Х., во время владычества въ Китаѣ Монголовъ распространилась третья религія *буддизмъ* (*). Для Китайца всѣ три религіи равны или, лучше сказать, ни одной у него нѣтъ: чиновники исповѣдуютъ казенную религію Кхунъ-дзы, ибо знаніе ея требуется на экзаменахъ, а въ душѣ имъ все равно: вѣрить-ли въ Тао, или въ Будду, или въ верховное небо.

Искусство въ Китаѣ не пошло далеко, по причинѣ отсутствія духовности въ религіи и бѣдности фантазіи Китайцевъ. Образецъ ихъ свѣтской и духовной архитектуры—утесъ или гостинный дворъ. Скульптура носитъ характеръ безвкусной вычурности. Изъ громадныхъ памятниковъ Китая замѣчательна великая стѣна, построенная въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ для защиты государства отъ сосѣднихъ кочевниковъ. Живопись въ младенчествѣ; нѣтъ ни перспективы, ни свѣтотѣней. Литература отличается количествомъ, а не качествомъ произведеній: вычурныя слова и выраженія замѣняютъ въ ихъ поэтическихъ произведеніяхъ чувство и фантазію.

(*) См. въ исторіи Индіи.

Наука рано развилась въ Китаѣ, но стала на одномъ мѣстѣ: вся она заключается въ изученіи безчисленныхъ словъ китайскаго языка. Земледѣліе есть основа китайскаго общественнаго быта и почитается занятіемъ почетнымъ для императора, а между тѣмъ ежегодно множество народа гибнетъ съ голода. Вся страна изрѣзана каналами. Внутреннее судоходство развито; внѣшней торговли почти нѣтъ. Китайцы въ глубокой древности владѣли всѣми средствами европейскаго просвѣщенія; компасомъ—и не умѣютъ плавать по морю, порохомъ—и не умѣютъ защищаться, книгопечатаніемъ—и они не сдѣлали ни одного великаго открытія, не знаютъ общественнаго мнѣнія, коснѣютъ въ рабствѣ.

2.

Исторія Индіи.

Мѣстность Индіи. Индія (у туземцевъ Ямбудвипа—мѣсто древа жизни) есть полуостровъ, выдающійся къ югу острымъ треугольникомъ и омываемый водами двухъ морей, Индійскаго и Бенгальскаго, а съ сѣвера окруженный высокими горами Гималая. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ роды мѣстностей—снѣжные хребты горъ, плоскія возвышенности, горныя равнины и долины, всѣ роды климатовъ, всѣ роды произведеній отъ полярныхъ мховъ до тропическихъ банановъ, отъ коралловъ до громадныхъ слоновъ, отъ гранита до неисчерпаемыхъ алмазныхъ копей. Тропическій жаръ умѣряется въ Индіи большими рѣками *Индомъ, Гангомъ, Буремпутеромъ* и другими, которыя съ высотъ Гималая низвергаются въ роскошныя равнины, обрамленныя густыми пальмовыми и банановыми лѣсами. Рѣка Гангъ въ теченіи своемъ, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль, принимаетъ въ себѣ множество притоковъ и до 11-ти большихъ рѣкъ и, вливаясь въ море, образуетъ дельту. Гангъ имѣетъ религіозное значеніе у Индусовъ: мно-

жество пилигримовъ посѣщаютъ и теперь священныя воды его. *Палиброта* въ землѣ Празіевъ, близь нынѣшней Патны, была самымъ большимъ и лучшимъ городомъ въ Индіи. Въ ней считалось до 64 воротъ и 570 башенъ, возвышавшихся надъ крѣпкими стѣнами.

Древніе образованные народы, Греки и Римляне, очень мало знали объ Индіи. Открытіе памятниковъ письменности и искуства древнихъ Индусовъ и изученіе по этимъ памятникамъ древнѣйшей исторіи этого народа начато только въ концѣ XVIII в. ученымъ Англичаниномъ Вильямомъ Джонсомъ и съ тѣхъ поръ усердно продолжается азіатскими учеными обществами въ Лондонѣ и Парижѣ и отдѣльными лицами (*).

Очеркъ исторіи Индіи. О народахъ, издревле населявшихъ Индію, мы ничего не можемъ сказать утвердительнаго по недостатку лѣтописей и даже преданій. Изъ всѣхъ преданій, дошедшихъ до насъ, видно только, что въ незапамятныя времена первобытные темнокожіе жители полуострова были покорены пришлымъ бѣлолицымъ племенемъ Браминовъ и Баніановъ, которые явились изъ верхнихъ странъ Индостана. Послѣ упорной борьбы, они распространили свое образованіе и свою власть до самого Цейлона, обративъ туземцевъ въ отверженный классъ паріевъ. За борьбою пришельцевъ съ туземцами слѣдовала, вѣроятно, борьба касты жрецовъ съ кастою воиновъ, кончившаяся въ пользу духовной власти. Изъ всѣхъ древнихъ поэмъ видно, что Индія въ глубокой древности была раздѣлена на мелкія и независимыя государства, управляемыя *раджами* или *царями*.

Исторія Индіи дѣлается болѣе извѣстною со времени похода Александра Великаго (327 г. до Р. Х.). Покоривъ восточную Азію, Александръ вступилъ побѣдителемъ въ Индію и проникъ до береговъ Гифазиса. Раджа или царь *Токсилъ*, владычествовавшій по ту сторону Инда, заключилъ

(*) У французовъ Сильвестръ-де Саси, Ремюза, Бюрнуфъ, у Нѣмцевъ Лассенъ, Боленъ и др.

союзъ съ македонскимъ завоевателемъ, но Александръ встрѣтилъ упорное сопротивленіе въ другомъ могущественномъ царѣ *Порѣ*. Поразивъ этого царя и подружившись съ нимъ, Александръ вступилъ въ кровопролитную войну съ другими раджами Индіи. Но, приближаясь къ Гангу, къ землѣ Празіевъ, ратники македонскіе не хотѣли идти далѣе, страшась могущества Индусовъ. По удаленіи грознаго Александра *Сандракотъ*, человѣкъ незнатнаго происхожденія, возмутилъ жителей западныхъ областей, убилъ намѣстника Александрова, завладѣлъ западною Индіею и вскорѣ присоединилъ къ ней страну за Гангомъ. Преемники Сандракота были то данниками царей сирійскихъ, то снова дѣлались независимыми. Близкія отношенія къ Грекамъ познакомили Индійцевъ съ европейскимъ образованіемъ. Въ эту эпоху, лѣтъ за 100 до Р. Х., жилъ знаменитый царь *Викрамадитія*. При его содѣйствіи, искусства и науки достигли высокаго развитія, и его царствованіе почитается золотымъ вѣкомъ санскритской литературы. Признательность народа выразилась въ томъ, что Индійцы начали вести свое лѣтоисчисленіе отъ года вступленія на престолъ этого государя (именно 78 г. до Р. Х.). Съ этого времени до распространенія магометанскаго владычества въ средніе вѣки, исторія Индіи опять становится мало извѣстною: вторженія Скиѳовъ, Парѳовъ и монгольскихъ племенъ производили только временное истребленіе населенія,

Гражданственность древнихъ Индусовъ. Жители Индіи раздѣлялись на 4 касты (т. е. народныя сословія, которыя рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга; переходъ изъ одной касты въ другую былъ строго запрещенъ); касту *браминовъ* или жрецовъ, *кшатріевъ* или воиновъ, *вайсіевъ* или промышленниковъ и касту *судры* или рабовъ. Первыя три происходили отъ завоевателей и отличались отъ послѣдней, состоявшей изъ природныхъ покоренныхъ жителей, правомъ читать священныя книги Веды и носить кушаки. Каста браминовъ имѣла болѣе всѣхъ правъ и преимуществъ: имъ позволялось читать и изъяснять Веды, они совершали жертвы, объявляли

волю боговъ, засѣдали въ судахъ и въ совѣтахъ царей, которые оказывали имъ глубочайшее почтеніе. Земли браминовъ освобождались отъ налоговъ, а сами брамины отъ смертной казни. Обязанность второй касты—воиновъ была защищать народъ оружіемъ; они имѣли право читать, но не изъяснять Веды; приносить, но не совершать жертвы, и раздавать, но не принимать милостыни. Третья каста вайсіевъ, или ремесленниковъ, была самая многочисленная; сй позволяется заниматься земледѣліемъ, торговлею и скотоводствомъ. Четвертую касту составляли судра и паріи. Подъ смертною казнію имъ запрещено было чтеніе Ведъ.

Правленіе въ Индіи большею частію было монархическое, наслѣдственное по праву первородства. Царь или раджа происходитъ отъ касты воиновъ, но власть его чрезвычайно ограничивалась браминами, предписывавшими ему даже образъ жизни и занятій.

Индія съ самыхъ древнихъ временъ считалась страною богатою всѣми возможными произведеніями и дарами природы. Кромѣ серебра, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней, слоновой кости, красильныхъ и курительныхъ веществъ и пряныхъ кореньевъ, она была богата хлопчатою бумагою, а потому одинъ изъ важныхъ предметовъ индійской внѣшней и внутренней торговли были ткани. Знатнѣйшія торговыя мѣста находились въ сѣверныхъ странахъ Гангеса. Торговля производилась караванами; впрочемъ сами Индійцы рѣдко предпринимали путешествія въ чужіе края для сбыта своихъ товаровъ. Индійская *религія* признавала верховное существо, вѣчное, безконечное, всемогущее, сотворившее все. Это существо, называемое *Пара-Брамъ*, проявляется въ видѣ трехъ главныхъ боговъ: *Брамы*, *Вишну* и *Сивы* (или Шивы), которые составляютъ индійскую троійственность, извѣстную подъ именемъ *Тримурти* и имѣющую три качества: творить, сохранять и разрушать. Брама есть творящій духъ: при рожденіи человѣка онъ опредѣляетъ все, что должно съ нимъ случиться въ продолженіе жизни. Сива есть божество истребляющее и возобновляющее. Вишну есть

промыслитель и сохранитель жизни. Кромѣ трехъ главныхъ божествъ, религія Индійцевъ признаетъ цѣлыя поколѣнія боговъ и богинь, изъ коихъ каждое божество имѣетъ свое значеніе. Всѣ силы и явленія въ природѣ и въ человѣкѣ почитаются у Индійцевъ проявленіемъ Парабрама. Такой видъ многобожія называется *пантеизмомъ* (всебожіемъ). Индійцы вѣрили также въ безсмертіе душъ, только по ихъ понятіямъ, душа напередъ должна была очиститься отъ пороковъ и слабостей человѣческихъ; по смерти тѣла она переходила въ другое низшее тѣло и, только послѣ многихъ тысячъ лѣтъ переселенія изъ одного тѣла въ другое, очищенная душа возвращалась къ божеству—своему началу. Согласно этому понятію, Индійцы презирали жизнію и находили счастье въ созерцательномъ бездѣйствіи. Религія Индійцевъ послужила источникомъ многочисленныхъ расколовъ, болѣе или менѣе важныхъ. Изъ нихъ замѣчателенъ *буддаизмъ* или *буддизмъ*, который отвергалъ различіе кастъ. Этимъ онъ вооружилъ противъ себя касту жрецовъ и воиновъ и, послѣ кровавыхъ гоненій, былъ изгнанъ изъ Индіи. Буддизмъ утвердился тогда на островѣ Цейлонѣ и въ Китаѣ.

Индійцы въ самой глубокой древности развили оригинальную образованность. Санскритскій языкъ, бывшій въ древности въ употребленіи у Индусовъ, есть одинъ изъ богатѣйшихъ, благозвучнѣйшихъ языковъ въ мірѣ. Индійцы называли его языкомъ боговъ; на немъ писаны священныя книги и вообще всѣ творенія индійской древности. Изъ многихъ сочиненій санкритскихъ древнѣйшимъ почитаются 4 Веды, т. е. книги религіозныхъ законовъ. Гражданскіе же законы помѣщены въ книгахъМану. Словесность индійская чрезвычайно богата эпопеями; важнѣйшія и замѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: Рамайяна и Магабарата. Предметомъ первой служитъ побѣда божественнаго духа Рамы надъ Ровуною, царемъ злыхъ духовъ; предметомъ второй (состоящей изъ 100.000 стиховъ)—явленіе Вишну на землѣ въ видѣ Кришны и побѣды, одержанныя, подъ его предводительствомъ, добрыми духами надъ злыми. Вслѣдствіе преоблада-

нія у Индійцевъ фантазіи надъ прочими душевными способностями, поэмы ихъ отличаются громадными образами, роскошными картинами, обиліемъ сравненій; но въ нихъ замѣтно отсутствіе стройности и красоты. Философія и науки точныя получили въ Индіи значительное развитіе. Съ незапамятныхъ временъ Индійцы наблюдали затмѣнія, вычисляли годы, солнечный и лунный.

Къ памятникамъ индійскаго искусства можно отнести: 1) храмы, высѣченные въ утесахъ подъ землею, 2) храмы, высѣченные въ утесахъ надъ землею и 3) обыкновенныя произведенія зодчества. Между храмами перваго разряда извѣстнѣйшіе находятся на островѣ Элефантинѣ и въ Эллорѣ. Къ второму принадлежитъ семь пагодъ или монументы Магамалайпурамскіе, на Коромандельскомъ берегу, заключающіе въ себѣ не только храмы, но и великолѣпный царскій дворецъ, или лучше сказать, довольно большой городъ, почти весь высѣченный въ скалѣ. Къ третьему разряду можно отнести обыкновенные храмы и пагоды; на Коромандельскомъ берегу, во внутренности полуострова и на Явѣ находится большая часть подобныхъ святилищъ. По преданіямъ, время ихъ постройки относится къ отдаленной эпохѣ. Въ храмахъ соединялись всѣ изящныя искусства. Они служатъ нагляднымъ памятникомъ огромнаго значенія жрецовъ въ Индіи.

3.

Исторія Египта при Фараонахъ.

Мѣстность древняго Египта. Древніе относили Египетъ къ Азіи; и дѣйствительно, находясь въ Африкѣ, онъ, по физическимъ свойствамъ мѣстности и по характеру исторической жизни, на немъ происходившей, имѣетъ болѣе сходства съ ближайшими къ нему азіатскими странами, чѣмъ съ африканскими.

Рѣка Нилъ, у древнихъ Египтянъ священная и таинственная и даже въ настоящее время окончательно не изслѣ-

дованная, слагается изъ двухъ рѣкъ (Багеръ-абіада, бѣлой и Багеръ-асрака, голубой) и верхнимъ, среднимъ и нижнимъ теченіемъ своимъ образуетъ три террасы: Аббиссинію, Нубію и Египетъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ меньшихъ террасъ. Древній Египетъ простирался узкою полосою между двухъ каменныхъ горъ отъ водопадовъ нильскихъ (у Сіены) до Средиземнаго моря на пространствѣ 6,000 м. Нигдѣ природа такъ повелительно не положила своего отпечатка на человѣка; нигдѣ жизнь историческая не зависѣла столько отъ мѣстности, какъ въ Египтѣ. Три дѣятеля, рѣка, горы и облака, съ удивительнымъ согласіемъ и правильностію помогаютъ здѣсь другъ другу поддерживать и сохранять самую роскошную растительную жизнь среди мертвой песчаной пустыни. 1) Теченіе Нила и расположеніе горъ естественнымъ образомъ раздѣлили Египетъ на 3 части: *верхній*, въ которомъ находился городъ—стовратныя *Ѳивы*, имѣвшія 100 верстъ въ окружности, *средній* съ городомъ *Мемфисомъ* и озеромъ *Мерида*, и наконецъ *нижній* или *дельту* (отъ греческой буквы Δ), образуемый устьями Нила, знаменитый городами *Саисомъ* и *Александріею*. 2) Нилъ, горы и облака образовали плодородіе Египта и положили въ основу его быта земледѣліе. Ежегодно, отъ августа до октября, Нилъ разливается по всей окрестности, напаяетъ песчаную и сухую почву Египта, оставляетъ на ней свой илъ, изъ котораго образуется тучный черноземъ; такъ что, по стеченіи воды, земледѣлецъ безъ всякаго труда бросаетъ сѣмена въ тучную почву и, въ надеждѣ на богатую жатву, забываетъ свое поле на нѣсколько мѣсяцевъ. Но періодическіе вѣтры, предвозвѣстники жатвы, могли бы уничтожить благодѣянія Нила, занося съ собою пески пустыни и покрывая ими плодородныя берега. Отъ этой невыгоды оберегаетъ Египетъ цѣпь каменныхъ горъ, заслоняющая нильскую долину отъ песковъ смежной мертвой пустыни. Наконецъ облака, періодически покрывающія горизонтъ надъ цѣлою нильскою долиною въ знойное время года (начиная съ мая), заслоняютъ растительность отъ палящаго африкан-

скаго солнца. Создавъ среди мертвой пустыни полосу плодородной земли, природа опредѣлила главнѣйшимъ занятіемъ древнихъ Египтянъ земледѣліе. 3) Горы послужили моделью и доставляли матеріалъ для постройки тѣхъ громадныхъ памятниковъ, которыми Египтяне увѣковѣчили себя въ исторіи. Наконецъ 4) свойства Нила имѣли вліяніе на развитіе религіозныхъ вѣрованій древнихъ Египтянъ и указали направленіе древней египетской мудрости, обративъ ее на изслѣдованіе природы и усовершенствованіе техническихъ сооруженій.

Исторія древняго Египта. Древніе писатели передали намъ гораздо болѣе извѣстій о древнемъ Египтѣ, чѣмъ объ Индіи и Китаѣ. Это потому, что Египетъ находился ближе къ центру образованнаго древняго міра, имѣлъ болѣе сношеній съ Евреями, Греками и Римлянами, наконецъ оригинальностію своего быта и чудным свойствомъ мѣстности возбуждалъ интересъ въ любознательныхъ писателяхъ сосѣднихъ народовъ. Свѣдѣнія о древнемъ Египтѣ мы находимъ главнымъ образомъ у еврейскаго историка Моисея, греческаго Геродота, римскаго Страбона и египетскаго жреца Манеѳона. Въ новое время, именно съ начала XIX в., весьма много сдѣлано для изученія памятниковъ письменности и вообще быта древнихъ Египтянъ: ученою коммисіею, посланною Наполеономъ I для описанія Египта, путешествіемъ и трудами Шампольона младшаго, ученою экспедиціею, отправленною прусскимъ королемъ подъ начальствомъ профессора берлинскаго университета Лепсіуса (1842—45), и двумя путешествіями (въ 1853 и 1857 г.) прусскаго ученаго Генриха Бругша.

Новѣйшіе ученые несогласны въ своихъ мнѣніяхъ о происхожденіи древнихъ Египтянъ и ихъ образованности. Одни (большинство), принимая въ соображеніе свидѣтельство греческихъ писателей и библіи, рисунки и надписи на памятникахъ древняго Египта, наружныя очертанія лица и формы череповъ древнихъ жителей нильской долины, полагаютъ, что древнее населеніе Египта было смѣшанное изъ побѣжденныхъ чернокожихъ туземцевъ и изъ побѣдителей—при-

шельцевъ кавказской расы. Ученые, которые держатся этого мнѣнія, думаютъ, что теченіе Нила указываетъ на естественный ходъ заселенія и основанія государствъ въ древнемъ Египтѣ. Ходъ этотъ былъ слѣдующій: вслѣдствіе какого нибудь переворота, въ незапамятной древности народы заріійскаго или семитическаго поколѣнія чрезъ Аравійскій заливъ вошли въ Аббиссинію, отсюда спустились горными проходами въ Нубію, гдѣ основали первую колонію въ *Мероэ*, въ междурѣчіи, образуемомъ Ниломъ и его рукавомъ Артаборасъ. Оружіемъ и превосходствомъ образованія утвердили переселенцы свою власть надъ туземными эѳіопскими племенами и основали въ Мероэ жреческое деспотическое государство. Изъ пришельцевъ побѣдителей образовались высшія касты—жрецовъ и воиновъ, а изъ побѣжденныхъ туземцевъ—низшія, на долю которыхъ выпалъ трудъ промышленный. Въ главѣ государства стоялъ фараонъ (царь), котораго избирали изъ своей среды и держали подъ сильнымъ своимъ вліяніемъ жрецы. Изъ этого-то мероійскаго царства, въ разное время, принесены были первыя начала гражданской жизни въ нильскую долину, которая первоначально заселена была дикими племенами эѳіопской расы. Изъ Мероэ отправляемы были по теченію рѣки жреческія колоніи, и каждая колонія закладывала свой храмъ, покоряла своей власти окрестныхъ жителей и основывала такимъ образомъ особый городъ или поселеніе. Такъ произошли древнѣйшія государства Египта. Другіе писатели (*) (въ новѣйшее время) полагаютъ, что Египтяне принадлежатъ къ туземнымъ жителямъ сѣверовосточной Африки и, основываясь на томъ, что памятники нижняго Египта проще и грубѣе памятниковъ верхняго Египта и нубійскихъ, полагаютъ, что эта оригинальная образованность распространена была не внизъ, но вверхъ по теченію рѣки Нила, изъ Египта въ Нубію и Мероэ. Какъ-бы то ни было, снизу или сверху рас-

(*) Напр. Лепсіусъ и Бругшъ.

пространялась гражданская жизнь въ нильской долинѣ, но въ глубокой древности эта долина покрыта была независимыми храмовыми городами, которые, быть можетъ, признавали надъ собою первенство одного или двухъ какихъ-либо городовъ. Такими первенствующими городами въ верхнемъ Египтѣ были *Өивы*, а въ среднемъ *Мемфисъ*. Священныя сказанія Египтянъ говорятъ, что Египетъ первоначально въ теченіи 18000 лѣтъ былъ управляемъ богами, пока не появился первый фараонъ *Менесъ*, основатель Мемфиса. Изъ этихъ сказаній можно вывести то заключеніе, что правленіе въ городахъ древняго Египта было теократическое, т. е. жрецы управляли народомъ во имя боговъ, пока Египтяне, недовольные властію жрецовъ, не потребовали себѣ, подобно Евреямъ, особаго царя, которымъ и былъ поставленъ Менесъ въ Мемфисѣ и, быть можетъ, другихъ городахъ средняго Египта. Въ Өивахъ и другихъ городахъ были свои цари, на что намекаютъ различные, дошедшіе до насъ списки фараоновъ. Хотя эти фараоны избирались большею частію жрецами и изъ касты жрецовъ, но едвали они такъ подчинены были жрецамъ, какъ раджи Индустана.

Время правленія Менеса или происхожденія царской власти въ египетскихъ государствахъ относятъ ученые къ XXX-му вѣку до Р. Х. (за 3800 *л.*). Здѣсь начинается *первый періодъ* египетской исторіи, продолжающійся *до нашествія Гиксовъ* (за 2000 или за 1800 до Р. Х.). Главными явленіями этого періода почитаютъ: 1) продолженіе колонизаціи по нильской долинѣ, 2) происхожденіе царскаго достоинства, 3) борьбу фараоновъ и касты воиновъ съ жрецами за первенство и власть и 4) построеніе высочайшихъ пирамидъ и вообще памятниковъ нижняго и средняго Египта. Первенствующими городами или государствами въ этомъ періодѣ были сначала Мемфисъ въ среднемъ и Өивы въ верхнемъ Египтѣ, имѣвшіе своихъ фараоновъ; а съ 2300 г. оба государства соединились подъ правленіемъ фараоновъ өивской династіи, но управлявшихъ не изъ Өивъ, а изъ

Мемфиса (*). Подъ конецъ этого періода народъ, утративъ воинственность, не могъ устоять противъ нападенія Гиксовъ, кочующихъ семитическихъ племенъ, жившихъ около Аравійскаго залива, которые за 2000 л. до Р. Х. завладѣли нижнимъ и среднимъ Египтомъ. *Второй періодъ* египетской исторіи, *періодъ рабства* (продолжавшійся по однимъ изслѣдователямъ 900, по другимъ 500 и 200 лѣтъ), когда цари пастухи замѣнили туземныхъ фараоновъ, представляется въ древнихъ сказаніяхъ временемъ самымъ тяжкимъ и для жрецовъ и для народа. Цари были перебиты, храмы разрушены, народъ обложенъ данью, по городамъ разставлены войска. Всѣхъ иноземныхъ царей было 6; они управляли страною изъ нижняго Египта. Одни фараоны ѳивскіе, въ верхнемъ Египтѣ, сохранили свою независимость, хотя и платили дань Гиксамъ. Наконецъ послѣ упорной и долговременной борьбы, удалось ѳивскому фараону *Тутмозису III* освободить Египетъ отъ поработителей.

Третій, самый блестящій періодъ египетской исторіи, *періодъ Рамезесовъ* (или Сезостридовъ) начинается съ Тутмозиса III и продолжается до 1200 г. до Р. Х. По освобожденіи страны отъ Гиксовъ, Тутмозисъ III соединилъ весь Египетъ подъ свою власть и управлялъ имъ изъ Ѳивъ. Главными явленіями періода Рамезесовъ были: 1) завоеванія въ юго-восточной Африкѣ и передней Азіи, 2) увѣковѣченіе этихъ завоеваній памятниками, которые воздвигнуты были

(*) Изъ мемфискихъ фараоновъ этого періода, прочитанныхъ на памятникахъ, примѣчательны: *Хафра* (у Грековъ Хефренъ), *Хуфу* (у Грековъ Хеопсъ) и *Менкера* (у Грековъ Микеринъ). Два первые, по словамъ жрецовъ, были враги вѣры (т. е. жрецовъ) и мучители народа, который, не пуская въ храмы, они мучили постройкою высочайшихъ пирамидъ и за то не удостоены погребенія въ выстроенныхъ ими для себя гробницахъ. Изъ фараоновъ соединеннаго Египта замѣчателенъ *Аменема III* (у Грековъ Мерисъ) увѣковѣчившій свою память ископаніемъ огромнаго Мерисова озера, для устройства правильныхъ наводненій рѣки, и построеніемъ огромнѣйшаго изъ дворцовъ—лабиринта, впослѣдствіи разрушеннаго и опять возобновленнаго:

въ верхнемъ Египтѣ и Нубіи и выражаютъ высшую степень процвѣтанія древне-египетскаго искусства и 3) полное развитіе египетскаго государственнаго устройства. Знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ Сезостридовъ, представителемъ самой блестящей эпохи въ жизни древняго Египта, былъ *Рамезесъ II Міамунъ* (у Грековъ Сезострисъ В.), «любимецъ Аммона, сынъ солнца и владыка повинующагося народа». Онъ былъ идеалъ египетскаго героя и государя, и потому преданіе приписываетъ ему все великое въ исторіи Египта. *Во первыхъ*, представляя его образцомъ *завоевателя*, преданія разсказываютъ о томъ, что онъ покорилъ ѳіопію, Ливію и всю почти историческую Азію. Имя его и изображенія его походовъ сохранились на многихъ памятникахъ египетскихъ, ѳіопскихъ и воздвигнутыхъ въ отдаленной Азіи. *Во вторыхъ*, какъ *устроитель* своего государства, Рамезесъ упрочилъ политическое единство Египта, обративъ прежніе самостоятельные города въ провинціи или номы, подъ управленіемъ особенныхъ номарховъ, и способствовалъ развитію земледѣлія проведеніемъ каналовъ и раздачею народу земель подъ обработку. Наконецъ Рамезесъ, вѣрный характеру египетскаго фараона, соорудилъ руками покоренныхъ народовъ много величественныхъ памятниковъ въ Нубіи и въ верхнемъ Египтѣ, которые представляютъ высшую степень развитія египетскаго искусства. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ огромный дворецъ рамезеумъ—каменная лѣтопись славнаго царствованія. По смерти Сезостриса потеряны были всѣ его завоеванія и владѣнія Египта ограничились по прежнему нильскою долиною. Около VII в. до Р. Х. начинается *четвертый періодъ* египетской исторіи, продолжающійся 600 лѣтъ, ознаменованный ослабленіемъ царства, владычествомъ иноземцевъ и внутреннею борьбою кастъ. Фараоны, царствовавшіе послѣ Сезостриса, ничѣмъ не замѣчательны, кромѣ построенія большихъ памятниковъ. Въ половинѣ VII в. государство ослабѣло до того, что имъ овладѣли Эѳіопляне и господствовали въ немъ 50 лѣтъ. Послѣ освобожденія отъ иноземцевъ, обнаружилась сильная вражда

между господствующими кастами жрецовъ и воиновъ. Эта вражда окончилась преобладаніемъ военной касты и распаденіемъ Египта на 12 независимыхъ государствъ (додекархія). Одинъ изъ государей, *Псамметихъ,* воспользовался выгодами мѣстоположенія своего прибрежнаго царства, вошелъ въ сношенія съ Греками, и его царство въ короткое время стало процвѣтать. Союзомъ съ иноземцами Псамметихъ нарушилъ древніе обычаи народа, вооружилъ противъ себя жрецовъ и возбудилъ зависть въ прочихъ царяхъ. Они вооружились противъ него и сначала имъ удалось даже вытѣснить его изъ его владѣній. Но Псамметихъ, съ помощію греческихъ наемниковъ, одержалъ верхъ надъ своими врагами, покорилъ ихъ и соединилъ весь Египетъ подъ свою державу.

Съ Псамметиха, управлявшаго изъ Саиса въ нижнемъ Египтѣ, начинается *пятый* и послѣдній періодъ самостоятельной жизни Египтянъ, оканчивающійся подчиненіемъ Египта Персамъ (650—525). Древній порядокъ, существовавшій съ незапамятныхъ временъ, въ этомъ періодѣ измѣнился, и жизнь Египтянъ получила новое направленіе, которое выражается: 1) въ томъ, что отчужденная прежде страна дѣлается доступною для другихъ народовъ, и исторія ея по этому дѣлается достовѣрною; во 2) въ томъ, что исключительно земледѣльческій Египетъ развиваетъ довольно обширную морскую торговлю; наконецъ 3) въ томъ, что значеніе касты жрецовъ упадаетъ и возвышается свѣтская власть. Но излишняя склонность Псамметиха и его преемниковъ къ греческимъ наемникамъ поколебала довѣріе къ нимъ въ господствующихъ кастахъ жрецовъ и воиновъ и, слѣдовательно въ руководимой жрецами массѣ народонаселенія: а страсть этихъ фараоновъ къ завоеваніямъ привела Египетъ въ столкновеніе съ сильными государствами Азіи, противъ которыхъ царь не имѣлъ достаточной опоры въ одномъ наемномъ войскѣ. Вслѣдствіе этого, не только завоеванія были непрочны, но и самъ Египетъ подвергался опасности. Это испыталъ *Нехао*, сынъ Псамметиха, который, превос-

ходя отца своего предпріимчивостію, завоевалъ было сначала всю Сирію до Евфрата, но здѣсь пришелъ въ столкновеніе съ Навуходоноссоромъ, царемъ вавилонскимъ, былъ разбитъ на голову при Цирцезіумѣ и лишился всѣхъ своихъ завоеваній въ Азіи, Нехао усилилъ флотъ на Средиземномъ морѣ и, для оживленія торговли, пытался, впрочемъ неудачно, соединить каналомъ Черное море съ Средиземнымъ. Изъ тѣхъ же торговыхъ видовъ, по желанію его, предпринято было служившими у него Финикіянами путешествіе вокругъ Африки. Преемники Нехао были нелюбимы подданными и несчастливы въ своихъ походахъ. Возмутившееся войско низвергло фамилію Псамметиха и начальникъ возмутившихся *Амазисъ* былъ превозглашенъ фараономъ. Умный Амазисъ умѣлъ, не оскорбляя ни воиновъ, ни жрецовъ, продолжать планы фараоновъ Псамметиховой фамиліи. Подобно имъ онъ содержалъ наемное войско, еще болѣе ихъ покровительствовалъ Грекамъ, которымъ позволилъ селиться и строить храмы въ нижнемъ Египтѣ и далъ большія торговыя привиллегіи. Мудрецы греческіе, Солонъ и Пиѳагоръ посѣщали при немъ Египетъ. Дружественныя связи съ греческими государствами, Киренаикою и Самосомъ, и завоеваніе Кипра распространили внѣшнюю торговлю Египтянъ и подорвали торговлю Финикіянъ. Вообще царствованіе Амазиса было благодѣтельно для Египта, но союзъ его съ Вавилономъ и Лидіею противъ Кира, царя персидскаго, привлекъ въ Египетъ сильнаго врага. Бѣда обрушилась на Амазисова сына *Псамменита*. Камбизъ, царь персидскій, напалъ на Египетъ и, послѣ побѣды при Пелузіумѣ, взялъ въ плѣнъ царя, истребилъ царское семейство и жрецовъ, осквернилъ народную религію и, покоривъ весь Египетъ, обратилъ его въ персидскую провинцію (525 до Р. Х.).

Съ этихъ поръ, въ теченіи двухъ столѣтій, Египетъ находился подъ властію Персовъ, хотя и пытался часто возстановить свою независимость и природныхъ фараоновъ. Въ 331 году имъ завладѣлъ Александръ В., царь македонскій. По смерти его Египетъ получилъ самостоятельныхъ царей гре-

ческаго происхожденія изъ фамиліи Птоломеевъ, при которыхъ столица его, городъ Александрія въ нижнемъ Египтѣ былъ центромъ греческой и восточной учености и торговли древняго міра. Въ 30 г. до Р. Х. Египетъ обращенъ былъ въ римскую провинцію.

Гражданственность древнихъ Египтянъ. Основными чертами государства египетскаго также, какъ и въ Индіи, были: раздѣленіе народа на касты и деспотизмъ фараоновъ и жрецовъ. Жрецы и воины образовали господствующія касты; земледѣльцы, ремесленники и пастухи, а позднѣе торговцы—подвластныя касты. Такого строгаго отдѣленія одной касты отъ другой, какъ въ Индіи, не было: одни свинопасы почитались отверженною кастою, подобно индійскимъ паріямъ. Фараонъ избирался изъ касты воиновъ и почитался главою не только государства, но и религіи, былъ настоящимъ деспотомъ. Не смотря на это, жрецы, хотя и слабѣе, чѣмъ въ Индіи, но все таки имѣли сильное вліяніе на государя. Эта сила главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что жрецамъ предоставлено было право произносить, по смерти фараона, приговоръ, признававшій или не признававшій его достойнымъ погребенія, лишеніе котораго почиталось въ Египтѣ великимъ безчестіемъ. Сверхъ того, будучи образованнѣйшимъ классомъ народа, владѣя наукою и законами, жрецы занимали важнѣйшія государственныя должности, творили во имя религіи судъ и расправу, и, само собою разумѣется, имѣли сильное вліяніе на народъ. Родственныя связи пользовались большимъ уваженіемъ у Египтянъ. Женщины, при выходѣ замужъ, приносили приданое и пользовались нѣкоторымъ значеніемъ въ семейномъ быту. Праздность была строго преслѣдуема. Болѣе всѣхъ отраслей промышленности жрецы покровительствовали земледѣлію, находя въ немъ источникъ народнаго богатства и сверхъ того свои выгоды. Скотоводства, которое пріучаетъ къ кочевой жизни, и мореходной торговли, которая знакомитъ съ сосѣдними народами и развиваетъ въ человѣкѣ стремленіе къ свободѣ, жрецы не любили и старались отвратить отъ нихъ

народъ. Торговля была большею частію внутренняя, а внѣшняя была караванная.

Какъ въ составѣ населенія, такъ и въ религіи древнихъ Египтянъ должно различать два начала: религію жрецовъ-пришельцевъ и религію народную—туземную. Основной догматъ религіи жреческой состоялъ въ признаніи *Аммона*, единаго высшаго существа, изъ котораго проистекали боги, люди и все сущее въ мірѣ. Догматъ этотъ выражался въ одной храмовой надписи: «я есмь все, что было, есть и будетъ, и ни одинъ смертный не снялъ завѣсы, покрывающей меня». Въ дальнѣйшемъ развитіи этого догмата есть нѣкоторое сходство съ брамаизмомъ: такъ первоначальное истеченіе изъ Аммона трехъ боговъ (Kneph, Phta, Thot) напоминаетъ индійскую тримурти. Вѣрованія эти, переходя въ народъ, видоизмѣнялись и получали мѣстный характеръ отъ вліянія туземныхъ вѣрованій и грубости массъ, а отчасти вслѣдствіе желанія жрецовъ сдѣлать ихъ доступными народу. Народная же религія Египтянъ состояла: 1) въ грубой зоолатріи, т. е. въ боготвореніи разныхъ, или особенно вредныхъ, или особенно полезныхъ, животныхъ (крокодила, быка *Аписа*, собакъ, кошекъ, птицы Ибиса, змѣй) и 2) въ обожаніи разныхъ силъ и явленій мѣстной природы, также имѣвшихъ благотворное или вредное вліяніе на человѣка (такъ боготворили Нилъ и солнце подъ именемъ *Озириса*, луну подъ именемъ жены его *Изиды*, сосѣднюю пустыню подъ именемъ злаго *Тифона*). Египтяне вѣрили въ *оракулы*, изъ которыхъ важнѣйшимъ почитался Аммоновъ, на одномъ изъ оазисовъ, къ западу отъ нильской долины, и въ безсмертіе души. Послѣднее вѣрованіе соединено было съ вѣрою въ странствованіе душъ по тѣламъ животныхъ. Чтобы сохранить тѣло умершаго для принятія души послѣ этого странствованія, Египтяне бальзамировали трупы покойниковъ: т. е. вынувъ внутренности, напитывали тѣло разными душистыми мазями и травами и наполняли его разными составами изъ соли, смолы и пр. Бальзамированныя тѣла назывались *муміями;* ихъ клали въ каменные гробы и стави-

ли въ пещерахъ или катакомбахъ. Такихъ мумій и теперь еще много уцѣлѣло въ Египтѣ.

Мало найдется въ древности народовъ, которые бы оставили потомству такіе величественные памятники своей жизни, какъ Египтяне. По всей нильской долинѣ взоры путешественника встрѣчаютъ развалины храмовъ и другихъ строеній, великолѣпіе и огромность которыхъ приводятъ его въ изумленіе. Эти памятники, теперь развалившіеся и покрытые большею частію пустыннымъ пескомъ, выстроены изъ гранита, порфира, мрамора и песчаника, которые содержатся въ горахъ, лежащихъ между Ниломъ и Аравійскимъ заливомъ. Болѣе всего памятниковъ встрѣчается въ верхнемъ Египтѣ; но самые древніе, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, принадлежатъ нижнему Египту. Архитектура выражаетъ господство фараоновъ и жрецовъ въ Египтѣ: всѣ произведенія ея посвящены были религіи и удовлетворенію роскоши и великолѣпія фараоновъ въ здѣшней жизни и увѣковѣченію ихъ подвиговъ въ потомствѣ. Моделью египетской архитектуры были горы, и слѣдовательно основная форма ея произведеній—*пирамида*. Главнѣйшіе роды архитектурныхъ произведеній были: 1) храмы и обелиски, 2) дворцы, 3) пирамиды, мавзолеи и катакомбы. *Храмы* египетскіе отличались великолѣпіемъ и огромностію; на постройку ихъ употреблялись не годы, а цѣлые вѣка. Остатки храмовъ, находящихся на развалинахъ Ѳивъ, особенно поражаютъ насъ своими гигантскими размѣрами. Здѣсь лежитъ теперь деревня Карнакъ, которая занимаетъ только малую часть одного древняго храма, имѣвшаго, какъ говорятъ, полчаса въ окружности. Наружныя стѣны храмовъ идутъ съуживаясь къ верху; крыши плоскія; предъ храмами обыкновенно строились длинныя колоннады; но самъ храмъ имѣлъ колонны не снаружи, а внутри. Въ храмѣ царствовалъ таинственный полумракъ; потолокъ, усыпанный по голубому полю золотыми звѣздами, поддерживался колосальными колоннами или статуями боговъ; въ глубинѣ храма, раздѣленнаго на нѣсколько отдѣленій, хранилась святыня. Общее впечатлѣніе,

производимое колосальностію храма, невольно импонировало зрителя. Къ разряду храмовыхъ сооруженій нѣкоторые относятъ *обелиски* (четыреугольные столбы съ широкимъ основаніемъ, къ верху съуживающіеся и оканчивающіеся на верху малою пирамидою). Они большею частію высѣчены изъ одного куска гранита и покрыты разнаго рода названіями и надписями. Первоначально посвящались они въ честь солнца, а потомъ сооружались въ память особенно набожныхъ фараоновъ. Многіе изъ обелисковъ перевезены въ Европу, гдѣ служатъ украшеніемъ площадей, какъ напр. луксорскій обелискъ въ Римѣ. Другой родъ египетскихъ сооруженій образуютъ *дворцы*, превосходившіе даже храмы своею обширностію. Изъ нихъ въ особенности замѣчателенъ былъ *лабиринтъ*, состоявшій изъ 3000 покоевъ, и *рамезеумъ*, колоссальный дворецъ Рамезеса В. Къ надгробнымъ сооруженіямъ относились пирамиды и катакомбы. *Пирамиды*—это огромныя четыреугольныя каменныя зданія, которыя имѣютъ широкое основаніе, а къ верху все болѣе и болѣе съуживаются и оканчиваются тупымъ шпицемъ. Высочайшая пирамида, построенная Хеопсомъ, имѣетъ 110½ саж. въ основаніи и 70 сажень въ вышину, стало быть огромнѣе всѣхъ нынѣшнихъ зданій. Въ древности пирамиды снаружи были покрыты мраморомъ или гранитомъ; внутри пирамидъ находятся узкіе ходы и по нѣскольку комнатъ, въ которыхъ ставили гробы (саркофаги) фараоновъ. *Катакомбы* суть огромныя пещеры, вырубленныя въ скалахъ, стѣны которыхъ покрыты надписями и картинами и въ которыхъ хранились муміи. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ находились около Мемфиса и Ѳивъ. Изъ произведеній египетской скульптуры, сдѣланныхъ изъ цѣльнаго камня, особенно замѣчательны колоссы и сфинксы. *Колоссы* суть статуи людей въ сверхъестественныхъ размѣрахъ, высѣченныя изъ цѣльнаго камня; особенно извѣстенъ колоссъ Мемнона, издававшій звуки при захожденіи солнца. Вообще статуи египетскія изображаютъ человѣка въ покойномъ положеніи: отъ сидящей египетской статуи съ придвинутыми къ туловищу рука-

ми вѣетъ мертвечиною. *Сфинксами* называются огромныя изваянія лежащихъ животныхъ (барановъ и львовъ) съ женскими головами. Изъ сфинксовъ состояли аллеи, ведущія отъ одного храма къ другому. Нѣсколько сфинксовъ перевезено въ Европу (два изъ нихъ въ Петербургѣ). Живопись была тѣсно связана съ скульптурою: всѣ почти произведенія скульптурныя были раскрашены. Извѣстнымъ божествамъ принадлежали извѣстные цвѣта. Перспективы Египтяне не знали. Вообще колоссальность и таинственность составляютъ отличительный характеръ египетскаго искусства. За предѣлами родной страны оно показалось бы страннымъ, но въ Египтѣ вполнѣ гармонируетъ съ окружающею природою: строгій порядокъ природы, однообразіе явленій, меланхолическое величіе безмѣрныхъ пустынь, таинственность Нила,—все это естественно вдохновляло художниковъ и отпечатлѣлось въ египетскомъ искуссвѣ.

Наука въ Египтѣ была исключительнымъ достояніемъ жрецовъ и народу не была доступна. Одною изъ причинъ этой недоступности было таинственное письмо, въ которое жрецы облекали свои научныя познанія. Египетскія письмена раздѣлялись на 3 отдѣла: 1) *гіероглифическія*, выражающія предметъ или образно (рисункомъ) или посредствомъ подобія (символически), 2) *гіератическія*, приспособленныя къ скорописи, упрощенные гіероглифы и 3) *демотическія*, похожія на обыкновенную азбуку семитическихъ языковъ. Разборомъ гіероглифовъ прославился въ особенности французъ Шампольіонъ младшій. Что касается до содержанія прославленной древними мудрости Египтянъ, то вся она имѣла характеръ практическій и опытный и была вызвана условіями мѣстности Египта. Разлитія Нила, періодически возвращающіяся, но въ различной степени половодія, заставили Египтянъ обратить вниманіе во-первыхъ на опредѣленіе времени этихъ разлитій, во-вторыхъ на проведеніе каналовъ и озеръ, которыя, служа резервуаромъ нильской воды, могли бы всегда уравнивать половодіе; наконецъ въ третьихъ на распредѣленіе сельскихъ работъ сообразно съ

временемъ разлитія. Отсюда особенно развиты были въ Египтѣ астрономія, механика, геометрія. Такъ рѣка Нилъ имѣла вліяніе на всю жизнь Египта, и не даромъ Греки называли его «подаркомъ Нила».

4.

Исторія государствъ передней Азіи.

Владычество надъ переднею Азіею переходило постепенно въ руки государствъ—ассирійскаго, вавилонскаго, мидійскаго и персидскаго. Эти 4 государства владѣли Азіею попарно: сначала Ассирія и Вавилонія, потомъ Мидія и Персія. Каждая пара принадлежала къ различной народности: первая къ семитической, вторая къ арійской. Мидо-персидское государство, покоривъ вавилоно-ассирійское, захватило подъ свою власть всю историческую Азію и, когда оно въ свою очередь пало, то въ лицѣ его Востокъ отыгралъ свою роль, и страною историческою становится по преимуществу Европа. Къ остальнымъ историческимъ народамъ передней Азіи относятся: Финикіяне, Евреи и малоазіатскіе народы: Лидійцы, Фригійцы и Трояне.

А) Вавилоно-ассирійской государство.

Мѣстность Вавилоніи и *Ассиріи.* 1) Вавилонское государство находилось въ долинѣ между Евфратомъ и Тигромъ, имѣвшей видъ треугольника, котораго основаніе на сѣверѣ въ Таврскихъ горахъ, а вершина образуется соединеннымъ устьемъ обѣихъ рѣкъ. Междурѣчье это раздѣлялось на 2 части. Первая—*Месопотамія* лежала между среднимъ теченіемъ рѣкъ Тигра и Евфрата. Въ срединѣ ея находилась пустая степь, прерываемая грядами холмовъ, озерами и оазисами, среди которой кочевали пастухи и перебѣгали стада страусовъ и дикихъ ословъ. Только по берегамъ обѣихъ рѣкъ, обросшимъ платанами и кипарисами, были пло-

дородныя земли и стояли города. Вторая — *Вавилонія* (или Сеннааръ), обнимала нижнее теченіе Тигра и Евфрата на пространствѣ 100 миль. Мѣстность здѣсь поката съ запада на востокъ. Отъ этихъ рѣкъ зависѣли свойства страны: русло Евфрата мелко, теченіе тихо, берега пологи; русло Тигра глубоко, теченіе быстро и берега высоки. Когда снѣга начинали таять на Армянскихъ горахъ, воды Евфрата заливали всю долину. Въ странѣ, жаркой и бѣдной дождями, отъ этого разлитія зависѣло плодородіе; но, съ другой стороны, это разлитіе было бы пагубно, если бы человѣкъ не умѣлъ поставить границъ наводненію и устроить изъ природныхъ средствъ искусственное орошеніе. Отсюда механическія искусства должны были рано развиться въ Вавилоніи, также точно какъ въ Египтѣ. Для отвращенія вредныхъ слѣдствій разлитія водъ и для того, чтобы воспользоваться благотворными свойствами его, употреблены были въ дѣло *каналы, плотины, озера* и *болота.* Труды, поднятые жителями для этихъ сооруженій, были вполнѣ вознаграждены: по отзывамъ древнихъ, рѣдко гдѣ можно было встрѣтить такое плодородіе, какъ въ Вавилоніи: она давала самъ-двѣсти, а въ хорошій годъ самъ-триста. За то въ Вавилоніи былъ недостатокъ въ лѣсѣ, камнѣ, виноградѣ и оливахъ. Недостатокъ лѣса и камня имѣлъ вліяніе на архитектуру: такихъ прочныхъ сооруженій, какія были въ Индіи и Египтѣ, здѣсь не было; для построекъ употреблялась превосходная глина и смола. Вавилонъ и Вавилонія имѣли выгодное положеніе для торговли: находясь въ срединѣ между Средиземнымъ и Индійскимъ морями, Вавилонъ былъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ. Городъ *Вавилонъ*, по словамъ самовидца Геродота, самый великолѣпный изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ городовъ, былъ построенъ квадратнымъ четвероугольникомъ (въ 3 мили) по обѣимъ сторонамъ Евфрата, которыя соединялись каменнымъ мостомъ съ подвижнымъ навѣсомъ. Въ одной части города былъ дворецъ, въ другой — храмъ Ваала съ высокою башнею, на вершинѣ которой стоялъ золотой истуканъ. Городъ обведенъ былъ наполненнымъ водою рвомъ и

двойною, широкою и высокою стѣною съ желѣзными воротами. Развалины Вавилона (около города Гиллахъ), раскапываемыя и обозрѣваемыя новѣйшими изслѣдователями, состоятъ изъ огромныхъ холмовъ, покрытыхъ грудами щебня и мусора. На нихъ растетъ и теперь дерево очевидно изъ глубокой древности; вѣтви его еще зелены, но стволъ выгнилъ и высохъ: можетъ быть это послѣдній остатокъ *висячихъ садовъ*, одного изъ семи чудесъ древняго міра. На одномъ изъ холмовъ (Бирсъ-и-Нимрудъ) видна полуразрушенная, вѣроятно, молніею башня; около вершины ея носятся облака, во впадинахъ обитаютъ львы, которые спокойно выходятъ изъ нихъ грѣться на солнцѣ. Ученые почитаютъ эту башню остатками столпа Вавилонскаго.

2) Границы Ассиріи въ разное время измѣнялись и совпадали съ границами Вавилоніи. Въ собственномъ смыслѣ Ассирія находилась на сѣверѣ отъ Вавилоніи, по лѣвую сторону рѣки Тигра, между армянскимъ и иранскимъ нагорьемъ. Южныя части ея ровны, плодородны и до-нынѣ хорошо застроены; на сѣверѣ и востокѣ начинаются цѣпи холмовъ, покрытыхъ дубомъ и орѣшникомъ. Главный городъ ея былъ *Ниневія,* на рѣкѣ Тигрѣ, знаменитая въ преданіяхъ Востока. Въ 1843 году ученый Французъ Ботта и Англичанинъ Лейярдъ начали раскапывать ея развалины. Раскопки эти, и теперь продолжающіяся, открываютъ для насъ въ совершенно новомъ видѣ и полнотѣ исторію вавилоно-ассирійскаго государства, которую до сихъ поръ мы знали только отрывками изъ баснословныхъ, преувеличенныхъ разсказовъ древнихъ греческихъ писателей.

Очеркъ исторіи вавилоно-ассирійскаго государства. Древнѣйшія свѣдѣнія о Вавилоніи и Ассиріи даетъ намъ Моисей, говоря о потопѣ и разселеніи рода человѣческаго. Сличая эти свѣдѣнія съ религіозными преданіями самихъ Вавилонянъ о началѣ міра и людей (*) и съ недавно открытыми на-

(*) Сохранившимися у халдейскаго жреца Бероза.

мятниками, мы приходимъ къ тому заключенію, что первыя начала государственной жизни и образованія принесены были къ дикимъ жителямъ междурѣчія *Халдеями*, народомъ семитическаго племени. Народъ этотъ, спустившись съ горъ армянскихъ, утвердился сначала по низовьямъ рѣки Евфрата, между Аравіею и Персидскимъ заливомъ, въ странѣ, надолго удержавшей имя Халдеи. Отсюда, за 2000 лѣтъ до Р. Х., вышли завоеватели тигро-евфратскаго междурѣчія: внукъ Хама *Нимвродъ*, великій ловецъ предъ Господомъ, первый владѣтель, а можетъ быть, и строитель Вавилона, и *Ассуръ*, строитель Ниневіи, давшій имя Ассиріи. О томъ, что случилось потомъ въ Вавилоніи и Ассиріи, мы, кромѣ именъ 5-ти династій, ничего не знаемъ до того времени, когда *Нинъ*, царь ассирійскій, одинъ изъ потомковъ Ассура, покорилъ Вавилонъ и сдѣлался царемъ вавилоно-ассирійскаго царства.

Около *Нина*, жены его *Семирамиды* и послѣдняго потомка ихъ *Сарданапала* сосредоточиваются всѣ легенды и миѳическія преданія семитическихъ народовъ Востока. Въ Нинѣ и въ особенности въ Семирамидѣ (великое имя) эти народы олицетворили понятіе свое о великомъ властителѣ; имъ приписываются всѣ тѣ завоеванія и сооруженія, которыя совершены были нѣсколькими поколѣніями, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Въ Сарданапалѣ напротивъ представленъ образецъ изнѣженнаго деспота и эпоха паденія восточныхъ царствъ. Нинъ, сынъ бога Бела, покоряетъ Вавилонію, Арменію, Мидію, Персію, всю Малую Азію по Черному морю до Дона и Бактрію. При осадѣ города Бактры выступаетъ на сцену впервые Семирамида. Дочь богини Деркето, брошенная звѣрямъ на съѣденіе, она вскормлена была голубями, посвященными ея матери; выросши, сдѣлалась женою одного изъ полководцевъ Ниновыхъ и въ мужеской одеждѣ сопровождала его въ походахъ. Она помогла Нину взять Бактру, ворвавшись въ крѣпость съ отрядомъ войска, и, очарованный красотою, умомъ и храбростію воительницы, Нинъ отнялъ ее у мужа и назвалъ своею женою. Вообще преданія придаютъ неотразимыя чары лицу Семирамиды; она

губитъ тѣхъ, кого очаруетъ: первый мужъ ея самъ убилъ себя съ горя, потерявъ ее, втораго—Нина убила сама Семирамида; та-же участь постигла другихъ, и многіе курганы въ Азіи легенда называетъ могилами поклонниковъ Симирамиды. Поэтическія сказанія продолжаются и по смерти Нина. Сынъ его былъ еще ребенокъ, Семирамида сѣла на тронъ и, облеченная въ полуженскій костюмъ, который сдѣлался національнымъ костюмомъ Вавилонянъ и Ассиріянъ, царствовала какъ мудрая правительница и доблестная героиня. Соорудивъ мостъ чрезъ Евфратъ, висячіе сады и огромныя стѣны Вавилона, проложивъ дороги чрезъ горы и скалы, продолжая завоеваніямужа, Семирамида съ баснословнымъ количествомъ войска отправилась на покореніе Индіи, но походъ былъ неудаченъ. По возвращеніи домой Семирамида передала власть сыну, Ниніасу, и умерла въ глубокой старости. Какъ рожденіе, такъ и смерть ея облечены въ поэтическую таинственность: въ однихъ сказаніяхъ ее убиваетъ сынъ, въ другихъ, мучимая совѣстью за убійство мужа, она сама моритъ себя голодомъ на могилѣ его; въ третьихъ, наконецъ, вскормленная въ дѣтствѣ голубями своей богини-матери, она, превратясь въ голубицу, улетаетъ изъ этого міра. Приписавъ всѣ завоеванія и великія дѣла Нину и Семирамидѣ, сказанія ничего не оставили ихъ преемникамъ, кромѣ безславной жизни въ сералѣ. Ниніасъ и 30 за нимъ слѣдовавшихъ царей потеряли всѣ завоеванія Нина и Семирамиды. Послѣдній изъ нихъ *Сарданапалъ* заперся въ гаремѣ, окружилъ себя женщинами, бѣлился, румянился и занимался женскими рукодѣліями. Оскорбленный народъ возсталъ противъ него подъ начальствомъ Арбака, правителя Мидіи, и Белезиса, правителя Вавилоніи. Сарданапалъ три года защищался, запершись въ Ниневіи, и наконецъ, потерявъ надежду спастись, роскошный деспотъ востока трагически погибъ вмѣстѣ съ своими рабынями и сокровищами на кострѣ.

Сарданапаломъ (около конца IX вѣка) оканчивается только древнѣйшій *миѳическій* періодъ жизни Вавилоно-Асси-

ріянъ: въ погибели этого царя преданіе представило, по всей вѣроятности, паденіе династіи Нина и волненія между покоренными народами, которыми сопровождались всегда перемѣны династій на Востокѣ, гдѣ управленіе основано на военномъ деспотизмѣ. По смерти Сарданапала Ассирія потеряла Вавилонію и Мидію и вообще владычество надъ сѣверовостокомъ Азіи; но само царство ассирійское продолжало существовать подъ управленіемъ новой династіи, представителемъ которой почитается *Фулъ* (въ половинѣ VIII вѣка). Объ этомъ періодѣ, когда Ассирійцы пришли въ близкія, то мирныя, то враждебныя сношенія съ Евреями, мы имѣемъ, хотя сухія, но достовѣрныя извѣстія. Та-же воинственность отличала царей этой династіи, какъ и прежнихъ, только съ тѣмъ различіемъ, что теперь они дѣлали завоеванія на западѣ и на югѣ отъ тигроевфратской долины, тогда какъ прежніе воевали съ сѣверо-востокомъ Азіи. Знаменитѣйшими царями этого періода были *Салманассаръ* и *Сеннахиримъ*, удачно воевавшіе съ Евреями и Финикіянами. Послѣднимъ царемъ ассирійскимъ былъ *Саракъ*, при которомъ Мидяне и Вавилоняне разрушили Ниневію и положили конецъ существованію независимаго ассирійскаго государства (610). Съ этихъ поръ власть въ тигроевфратской долинѣ и первенство надъ историческою Азіею переходитъ снова въ руки Вавилона, который достигъ громаднаго могущества при *Новуходоноссорѣ* (600 г.). Нинъ и Семирамида были героями миѳическаго періода, Новуходоноссоръ является героемъ *историческаго* періода жизни вавилоно-ассирійской. Какъ великій завоеватель, Новуходоноссоръ отнялъ у египетскаго фараона Нехао всѣ завоеванія Египтянъ въ Азіи, разрушилъ Іерусалимъ, покорилъ іудейское царство и перевелъ Іудеевъ въ Вавилонъ, подчинилъ своей власти всю Финикію и разрушилъ, послѣ 15-лѣтней осады, главный городъ ея, старый Тиръ. Новуходоноссору нѣкоторыя преданія Востока приписываютъ величественныя сооруженія Семирамиды въ Вавилонѣ: храмъ Бела, мостъ чрезъ Евфратъ и наконецъ вися-

чіе сады, которыми онъ хотѣлъ своей женѣ Нитокрисѣ напомнить горную ея родину, Мидію. Вообще можно предполагать, что западная часть Вавилона обстроена Семирамидою, а восточная—Новуходоноссоромъ: ибо остатки сооруженій, открываемыхъ въ восточной части, по стилю гораздо новѣе западныхъ. Послѣ Новуходоноссора, какъ послѣ Семирамиды, слѣдуетъ быстрое паденіе царства и идетъ рядъ государей, извѣстныхъ только по имени. Послѣдній царь *Набонедъ* или *Вальтасаръ* былъ такой-же роскошный и изнѣженный деспотъ, какъ Сарданапалъ: царствованіе его было временемъ пировъ и разврата. Напрасно раздавался обличительный голосъ пророка Даніила, предвозвѣстившаго, среди пира Вальтасарова, роковое паденіе царства. Въ 538 году персидскій царь Киръ напалъ на Вавилонъ и, пользуясь безпечностію утомленныхъ праздничнымъ разгуломъ жителей, взялъ городъ и покорилъ царство. Съ паденіемъ Вавилона первенство въ Азіи переходитъ къ Мидо-Персамъ.

Гражданственность Вавилонянъ и Ассиріянъ. Объ общественномъ бытѣ, вѣрѣ, искусствѣ и наукѣ Вавилоно-Ассиріянъ мы имѣемъ скудныя и отрывочныя извѣстія древнихъ греческихъ и европейскихъ писателей, которыя теперь пополняются раскопками древней Ниневіи.

Образъ правленія былъ деспотическій. Деспотизмъ опирался на военной силѣ и на понятіи о божественности царя и обставленъ былъ обыкновенными принадлежностями восточныхъ деспотовъ: роскошью, великолѣпіемъ, гаремомъ и эвнухами. Изображенія послѣднихъ всего болѣе встрѣчаются на памятникахъ; они составляютъ свиту царей, представляются вождями, чиновниками и намѣстниками провинцій (сатрапами). Любимымъ занятіемъ царей была война и охота на вепрей и львовъ. Военное искусство достигло довольно большаго развитія, особенно осадное. Семейныя отношенія не высоко были поставлены въ Вавилоно-Ассиріи: бракъ совершался по распоряженію государства и женихъ покупалъ невѣсту. Раздѣленія на касты не встрѣчаемъ. Было жреческое сословіе *маговъ*, которое могло пополняться изъ дру-

гихъ классовъ народа и могло имѣть только нравственное вліяніе на народъ, владѣя исключительно образованіемъ.

По свидѣтельству всѣхъ древнихъ, Вавилонъ былъ самымъ роскошнымъ и развитымъ государствомъ Востока. Роскошь предполагаетъ сильное развитіе промышленности, въ особенности фабричной и торговой. И дѣйствительно, занимаясь усердно земледѣліемъ, Вавилоняне особенно отличались въ выдѣлкѣ разнаго рода тканей, въ рѣзьбѣ на камняхъ и приготовленіи благовоній. Ковры вавилонскіе славились на всемъ Востокѣ изяществомъ отдѣлки и прочностью красокъ. По выгодному своему положенію Вавилонъ былъ центромъ и складочнымъ мѣстомъ обширной караванной торговли, передававшей товары Индіи на сѣверъ и западъ.

Какъ у всѣхъ семитическихъ народовъ, въ основаніи религіозныхъ вѣрованій у Вавилоно-Ассиріянъ лежало поклоненіе звѣздамъ (сабеизмъ): это потому, что рѣдко гдѣ небо было такъ величественно и рѣдко гдѣ звѣзды сіяли такъ ярко, какъ въ лѣтнія ночи Вавилоніи. Въ звѣздахъ, поклонялся житель тигро-евфратской долины своимъ богамъ и героямъ. Къ этому главному и туземному вѣрованію принесено было съ горъ армянскихъ поклоненіе богу огня—Сандану, въ честь котораго установленъ былъ праздникъ, когда рабы отпускались на волю. Наконецъ встрѣчаемъ здѣсь и третій догматъ: боготвореніе творческой силы природы подъ видомъ божества Мелиты и Бела, въ которомъ соединены были мужчина и женщина и понятія о которомъ перенесены отчасти на Семирамиду. Богослуженіе состояло изъ куреній и жертвъ.

Начавшіяся въ 1843 году и до сихъ поръ съ успѣхомъ продолжающіяся раскопки Ботты и Лейярда около деревень Харзабада и Куюнджика, на мѣстѣ древней Ниневіи и въ окрестностяхъ ея, открыли богатый матеріалъ для изученія искусства вавилоно-ассирійскаго. Въ кучахъ мусора и щебня открыто нѣсколько огромныхъ дворцовъ съ множествомъ залъ, коридоровъ и переходовъ, имѣвшихъ освѣщеніе сверху, а внутри деревянныя колонны. Стѣны ихъ покрыты

гвоздеобразными (*) надписями и самыми разнообразными скульптурными изображеніями религіозныхъ процессій, военныхъ сценъ, придворныхъ выходовъ, охоты, увеселеній и пиршествъ. Среди этихъ изваяній попадаются такія, которыя напоминаютъ египетскія, но есть и совершенно различныя, какъ напр. крылатые люди, крылатые львы и вепри съ человѣчьими головами и бородами. Всѣ открытые памятники, по мѣрѣ раскопокъ, доставляются въ Британскій музей и въ Лувръ. Въ настоящее время, изъ разсматриванія этихъ памятниковъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) Относительно стиля и совершенства отдѣлки эти памятники представляютъ дальнѣйшее развитіе египетскаго искусства и отличаются отъ него, вслѣдствіе вліянія мѣстности, отсутствіемъ пирамидальности и громадной высоты, большею живостію и разнообразіемъ отдѣлки. Изъ искусства вавилоно-ассирійскаго развилось потомъ греческое и персидское, съ которыми эти памятники имѣютъ также сходство. 2) Относительно содержанія изображеній, ассирійскіе памятники представляютъ болѣе сценъ изъ религіозной и общественной жизни и меньше изъ домашняго быта. 3) Въ нихъ почти нѣтъ символическихъ и іероглифическихъ изображеній, и наконецъ 4) искусство здѣсь служило болѣе деспоту, чѣмъ религіи. Объ музыкѣ и поэзіи Вавилоно-Ассиріянъ намъ доселѣ ничего почти неизвѣстно.

Наука вавилоно-ассирійская подобна египетской: одинаковыя условія мѣстности произвели въ той и другой одинаковыя явленія. Астрономическими свѣдѣніями Вавилоняне превосходили даже Египтянъ: они имѣли точный астрономическій годъ, умѣли опредѣлять время лунныхъ затмѣній. Храмъ Бела былъ вмѣстѣ и обсерваторіею. Механика и геометрія были тоже развиты. Письмо было гвоздеобразное. Маги владѣли преимущественно научными познаніями, но не отстраняли отъ образованія народъ.

(*) Въ гвоздеобразной и клинообразной азбукѣ каждая буква составлена изъ нѣсколькихъ нарубокъ, представляющихъ видъ клина или гвоздя. Разборомъ этой азбуки занимались Гротефендъ и Раулинсонъ.

d) МИДО-ПЕРСИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Мѣстность. Между долиною рѣки Инда и бассейномъ тигро-евфратскимъ возвышается плоскогорье *Иранъ*, родина зендскихъ народовъ. Съ юга омываетъ его Индійскій океанъ, съ сѣвера и востока сопредѣлены ему Каспійское море и степи по рѣкѣ Оксусу. Иранъ образуетъ длинный четвероугольникъ, который бѣденъ заливами и рѣками, За то мѣстность, климатъ и производительность въ немъ очень разнообразны: окраины его въ этомъ отношеніи совершенно отличны отъ внутреннихъ земель. Внутреннія земли, большею частію степнаго свойства, были населены кочевыми полудикими народами (*), которые были всѣ покорены Персами, но, потерявъ свою независимость, не утратили племеннаго различія. Только западная и сѣверо-восточная окраины Ирана были мѣстомъ, на которомъ развивалась историческая жизнь.

Западныя страны Ирана были заняты Мидянами и Персами. Мидія (Адербаэджанъ и Курдистанъ), на югѣ, была одною изъ плодороднѣйшихъ странъ Азіи: здѣсь росли апельсины, лимоны, виноградъ; на гористомъ сѣверѣ ея были тучныя пастбища, гдѣ паслись, знаменитыя въ древности своею породою, мидійскія лошади. Земли у Каспійскаго моря, наполненныя сопками, были родиною огнепоклонниковъ (гебровъ). *Экбатана*, которой и слѣдовъ теперь нѣтъ, была сначала крѣпостью, потомъ столицею мидійскаго царства и наконецъ лѣтнею резиденціею царей персидскихъ. Всѣ зданія ея были построены изъ кедра и кипариса, многія покрыты золотомъ. Чрезъ Экбатану шла большая дорога изъ Вавилона въ Туранъ (н. Бухара), по которой двигались и торговые караваны, и толпы непріятелей на Мидію и изъ Мидіи. Фарсистанъ (или Персида), называемый у персидскихъ поэтовъ страною розъ и соловьевъ, лежалъ у Персидскаго залива и состоялъ на сѣверѣ изъ горныхъ террасъ, бо-

---

(*) Караманы, Гедрозіи, Арахозіи, Гирканцы, Согдіане и многіе другіе.

гатыхъ всѣхъ родовъ естественными произведеніями, имѣвшихъ самый здоровый климатъ, а на югѣ—изъ узкаго песчанаго берега. Горы Фарсистана были родиною Персовъ; здѣсь же находился *Персеполисъ*, мѣсто погребенія царей персидскихъ, котораго развалины, покрытыя гвоздеобразными надписями, служили предметомъ ученыхъ изслѣдованій (К. Нибура, Раулинсона, Фландена и другихъ).

На сѣверной и сѣверовосточной окраинѣ иранской возвышенности находились *Парѳія и Бактрія*, изъ которыхъ въ послѣдней было начало исторической жизни древнихъ зендскихъ народовъ, а въ первой конецъ ея. Парѳія лежала на востокѣ отъ Мидіи, вдоль по протяженію Эльборуса, у каспійской низменности. На югѣ страна эта была пустынна; на сѣверѣ же, гдѣ горы склоняются къ морю и земля орошается тающими горными снѣгами и ниспадающими съ горъ рѣчками, она производила тропическую растительность (виноградъ, финики, сарацинское пшено, сахарный тростникъ) и особенно богата была медомъ. Частыя землетрясенія, снѣжныя завирухи и обвалы зимою, проливные дожди весною и болотистыя міазмы лѣтомъ составляли невыгодныя свойства этой страны. На крайнемъ сѣверовостокѣ Ирана лежала Бактрія, начинавшаяся у сѣверныхъ склоновъ хребта Гиндуку. Въ нѣдрахъ его находилось много рубиновъ, по склонамъ—прекрасныя пастбища для лошадей и овецъ, у подошвы разстилалась долина съ южною растительностію, которая могла прокормить хлѣбомъ много людей. Такимъ образомъ Бактрія заключала въ себѣ богатство произведеній всѣхъ царствъ природы. Но въ то же время, внутри Бактріи, лежали огромныя песчаныя степи, въ которыхъ вѣтры, дующіе съ Каспія, засыпали пескомъ не только дороги, но и самыхъ путешественниковъ. Въ этой пустынѣ, какъ на открытомъ морѣ, надо было отгадывать путь по звѣздамъ. Главный городъ страны—*Бактра* лежалъ на одномъ изъ притоковъ р. Оксуса и былъ всемірнымъ рынкомъ для Азіи. Теперь горы мусору около города Балка означаютъ мѣсто старой Бактры: до 10 каналовъ, проводящихъ воду съ горъ

въ окрестности напоминаютъ прежнее величіе; въ 6 миляхъ за городомъ начинается уже пустыня. Древняя Бактрія могла выставить до 30,000 всадниковъ, и жители ея слыли за отличныхъ воиновъ.

Очеркъ исторіи мидо-персидскаго государства. Свѣдѣнія о древнѣйшей исторіи Персовъ передаютъ намъ писатели еврейскіе (Ездра, Неемія, Эсѳирь и пророки) и греческіе (Ктезій, Геродотъ, Ксенофонтъ и Арріанъ), персидскіе поэты (Фирдуси и Мирхондъ) и наконецъ священныя книги Зендовъ (*).

Мидяне и Персы принадлежали къ огромному племени зендскому (или арійскому), которое населяло Азію отъ рѣки Тигра до Инда и отъ р. Оксуса до Индійскаго океана. Народы эти, рѣзко отличаясь и наружностію и языкомъ и общественнымъ бытомъ отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей монгольскаго племени, отличаясь языкомъ и религіозными вѣрованіями и отъ западныхъ сосѣдей семитическаго племени,—были сродны и по языку и по вѣрованіямъ съ своими южными сосѣдями—Индусами.

Священныя сказанія Зендовъ называютъ первоначальную родину зендскаго племени райскою страною (Эріэне-Виджо) и помѣщаютъ ее на востокъ отъ Бактріи, у пограничныхъ горъ Индіи. Вслѣдствіе какого-то физическаго переворота, часть народа зендскаго покинула эту страну и, отправясь на западъ, поселилась въ Бактріи, Индіи и Персіи. Здѣсь, вслѣдствіе вліянія мѣстности, переселенцы принимали различный образъ жизни и переходили, мало-по-малу и не въ одно время, отъ номадности къ осѣдлости, отъ родоваго устройства къ государственному. Въ Бактріи и Мидіи гражданственность развилась раньше, потому что здѣсь пролегала большая караванная дорога; Персы же довольно долго еще жили номадами въ родовомъ быту. Сообразно времени перехода Зендовъ къ гражданственности, исторія

(*) Изъ новѣйшихъ писателей разъясненіемъ персидской исторіи занимались Гротефендъ, Раулинсонъ, Бюрнуфъ.

ихъ можетъ быть раздѣлена на 3 періода: бактрійскій, мидійскій и персидскій.

О *бактрійскомъ* періодѣ чисто-историческихъ свѣдѣній нѣтъ; есть только легенды, заключающіяся въ религіозныхъ и поэтическихъ произведеніяхъ Зендовъ. Въ легендахъ этихъ разсказывается о борьбѣ боговъ и первыхъ царей съ злыми духами и съ дикими народами, которыхъ они постепенно обуздывали и пріучали къ земледѣлію и осѣдлой жизни. Героемъ этого періода является *Джемшидъ*, идеалъ миѳическаго государя у Зендовъ: онъ окончательно побѣдилъ дивовъ (злыхъ духовъ) и ввелъ солнечный годъ; при немъ была райская жизнь: люди не умирали, все жило и цвѣло— люди и природа. Но подъ конецъ Джемшидъ подчинился вліянію зла и за то былъ свергнутъ Аравитянами. Сынъ его *Феридунъ*, хотя и воротилъ престолъ отцовскій, но золотое время Джемшида не воротилось. При сыновьяхъ Феридуна происходила борьба Иранцевъ съ царствомъ тьмы, т. е. съ сосѣдними туранскими народами. Эта борьба составляетъ сюжетъ поэмы Шахъ-наме и героемъ ея является славный витязь востока Рустемъ. Со вступленіемъ на престолъ фамиліи мидійской *Каянидовъ*, изъ которой восточныя преданія производятъ и Кира, началось очевидно преобладаніе Мидіи.

О періодѣ *мидійскомъ* мы имѣемъ болѣе положительныя свѣдѣнія изъ греческихъ историковъ. Мидія сперва, вмѣстѣ съ Бактріею и Персидою, признавала власть Ассиріянъ. При Сарданапалѣ Мидяне отложились подъ начальствомъ Арбака. Сначала они жили въ чисто родовомъ быту: каждый родъ имѣлъ своего вождя и судью въ родоначальникѣ. Около начала VII вѣка (700 *л.* до Р. Х.), вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и новаго усиленія Ассиріи, Мидяне почувствовали необходимость оставить родовой быть и избрали, изъ среды своихъ родоначальниковъ, царемъ правосуднаго *Дейока*. Чтобы выйти изъ ряда прежнихъ товарищей-родоначальниковъ, Дейокъ построилъ крѣпость Экбатану и отсюда, окруживъ себя недоступностію восточнаго деспота, управ-

лялъ народомъ. Сынъ его *Фраортъ* покорилъ Персовъ, но въ войнѣ съ Ассиріянами былъ побѣжденъ и убитъ. При сынѣ его *Ціаксаръ* передняя Азія выдержала первое разорительное нападеніе кочующихъ племенъ средней Азіи, которыя подъ именемъ Скиѳовъ 30 лѣтъ властвовали въ Мидіи. Освободясь хитростію отъ Скиѳовъ, Ціаксаръ, въ союзѣ съ Вавилонянами, отомстилъ за смерть своего отца разрушеніемъ Ниневіи и, овладѣвъ Ассиріею, на время получилъ господство въ передней Азіи. Послѣдній царь мидійскій *Астіагъ* былъ свергнутъ съ престола внукомъ своимъ Киромъ, царемъ персидскимъ (560). Здѣсь оканчивается періодъ преобладанія Мидянъ.

Періодъ *персидскаго* владычества надъ Азіею представляетъ два отдѣла: время силы и процвѣтанія, отъ Кира до Ксеркса I (560—486), и время упадка, до покоренія Персіи Александромъ В. (486—330).

а) Время силы. Въ то время, когда племена Бактріи и Мидіи вышли изъ грубаго состоянія и перешли къ жизни осѣдлой, *Персы* хранили еще первобытные нравы. Они раздѣлялись по образу жизни и занятій на 10 колѣнъ, изъ которыхъ одни почитались благородными, другіе занимались земледѣліемъ, третьи вели жизнь кочевую. Первое мѣсто между благородными колѣнами занимали *Пассаргады*. Изъ этого племени, изъ знаменитой фамиліи *Ахеменидовъ*, происходилъ основатель персидскаго царства. Сперва назывался онъ *Аградатомъ*, но когда всѣ Персы провозгласили его царемъ, то онъ, по восточному обычаю, перемѣнилъ имя и назвался *Киромъ* или *Коресомъ*, т. е. солнцемъ.

Рожденіе и юность Кира украшены народными преданіями, которыя разсказываютъ слѣдующее: Астіагъ, царь мидійскій, имѣлъ дочь *Мандану*; однажды ему видѣлся страшный сонъ, будто сынъ, ею рожденный, лишитъ его трона и завладѣетъ всею Азіею. Испуганный Астіагъ выдалъ дочь свою за одного персидскаго князя Камбиза и, когда родился у нея сынъ, велѣлъ своему придворному *Гарпагу* умертвить младенца. Гарпагъ не умертвилъ ребенка, но отдалъ его

пастуху, который воспиталъ его подъ именемъ своего сына. Аградатъ или Киръ выросъ такимъ образомъ между пастухами и сдѣлался уменъ не по лѣтамъ. Однажды, играя съ другими дѣтьми, онъ оскорбилъ сына одного вельможи, который пожаловался самому Астіагу. Этотъ случай открылъ происхожденіе Кира. Астіагъ узналъ въ немъ своего внука, оставилъ его на нѣсколько времени при своемъ дворѣ, а потомъ, когда онъ выросъ, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Персіи; Гарпагу же за ослушаніе страшно отомстилъ, угостивъ его тѣломъ убитаго сына. Киръ не забылъ участи, приготовленной ему дѣдомъ, и потому возмутилъ противъ него Персовъ, разбилъ Астіага, покорилъ Мидію и этимъ произвелъ переворотъ во всей передней Азіи: вмѣсто Мидянъ господствующимъ въ ней народомъ сдѣлались Персы. Впрочемъ покоренные Мидяне, будучи гораздо образованнѣе Персовъ, удержали надъ ними умственное превосходство: Персы, жившіе дотолѣ въ грубомъ состояніи, заимствовали образованіе у Мидянъ (560 *л.* до Р. X.). Образецъ восточнаго государя, храбрый, воинственный, умный и великодушный, Киръ ввелъ строгій порядокъ въ своемъ войскѣ, преобразовалъ воспитаніе дѣтей и потомъ рѣшился завоевать всѣ сосѣдственныя земли. Прежде всего онъ покорилъ *лидійское* царство, обнимавшее всю западную часть Малой Азіи (*). Ли-

---

(*) Малая Азія въ самой глубокой древности была населена многими разнородными племенами, образовавшими множество отдѣльныхъ государствъ. Между ними болѣе другихъ замѣчательны: *фригійское*, въ срединѣ полуострова, *троянское* и *лидійское*, на западѣ. Сверхъ того, по берегамъ, и въ особенности по южнымъ, находилось множество колоній финикійскихъ, а по западнымъ—греческихъ.

Трояне занимали небольшое пространство земли на сѣверо-западномъ берегу Малой Азіи; впослѣдствіи они покорили себѣ небольшія сосѣднія племена и обогатились отъ прибыльной торговли и золотыхъ рудниковъ, которыми изобиловала страна ихъ. Троя особенно процвѣтала въ правленіе послѣдняго царя *Пріама*, который украсилъ городъ многими великолѣпными зданіями; но ему же суждено было видѣть гибель роднаго города и своего семейства: при немъ произошла извѣстная *троянская война*.

дійскій царь Крезъ самъ накликалъ на себя бѣду. Имѣя сильное войско и неистощимыя сокровища, Крезъ хотѣлъ остановить успѣхи Кира и заключилъ противъ него союзъ съ Египтомъ, Вавилономъ, малоазіятскими Греками и Карфагеномъ, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ (*). Вслѣдъ за покореніемъ Лидіи, Киръ обратилъ свое оружіе противъ *Вавилона.* Царь вавилонскій Валтасаръ, разбитый въ открытомъ полѣ, заперся въ городѣ. Жители Вавилона запаслись съѣстными

Паденіе троянскаго царства послужило поводомъ къ усиленію царства *лидійскаго*. При знаменитомъ *Крезѣ*, извѣстномъ своими несмѣтными богатствами и роскошью, Лидія достигла высшаго могущества: Крезъ владѣлъ всѣми государствами Малой Азіи.

Вообще должно замѣтить, что въ древнемъ мірѣ мало находилось странъ, которыя были бы столь исторически примѣчательны, какъ Малая Азія. Этимъ значеніемъ она обязана своей географической мѣстности, будучи, вмѣстѣ съ островами Эгейскаго, какъ бы мостомъ изъ Европы въ Азію и на оборотъ. Вслѣдствіе этого, *во-первыхъ* Малая Азія была поприщемъ войнъ между Европою и Азіею и здѣсь часто рѣшалась судьба сильныхъ государствъ; *во-вторыхъ*, находясь въ срединѣ между востокомъ и западомъ древняго міра и владѣя множествомъ прекрасныхъ гаваней, Малая Азія была средоточіемъ древней торговли: въ нее сходились караваны изъ внутренней Азіи съ товарами и произведеніями отдаленной Индіи и корабли греческіе и финикійскіе для обмѣна западныхъ произведеній на восточныя; въ *третьихъ*, Малая Азія, будучи населена множествомъ племенъ, пришедшихъ въ разное время изъ Европы и Азіи и различавшихся между собою образованіемъ, не могла образовать ни одного пространнаго долговременнаго государства, и потому была всегда добычею чуждыхъ завоевателей; наконецъ въ-*четвертыхъ*, Малая Азія была проводникомъ греческаго образованія на Востокъ и обратно.

(*) Вотъ какое обстоятельство спасло Креза, осужденнаго сначала на смерть: находясь уже на пылающемъ кострѣ, Крезъ вскричалъ «о Солонъ! Солонъ!» Киръ велѣлъ спросить у него о причинѣ такого восклицанія, и Крезъ отвѣчалъ: «нѣсколько лѣтъ тому назадъ гостилъ у меня аѳинскій мудрецъ Солонъ; показавъ ему всѣ свои богатства, я называлъ себя счастливѣйшимъ изъ людей; но мудрецъ сказалъ мнѣ: ни одинъ человѣкъ не можетъ назвать себя счастливымъ пока живъ. Тогда я не вѣрилъ ему, но теперь горькимъ опытомъ узналъ истину словъ его». Киръ, подумавъ, что и онъ человѣкъ, что и ему можетъ измѣнить счастіе, даровалъ жизнь Крезу и потомъ сдѣлалъ даже его своимъ другомъ и совѣтникомъ.

припасами и два года выдерживали упорную осаду. Наконецъ Киръ отвелъ воду изъ Евфрата, по сухому дну рѣки вторгнулся въ городъ и взялъ его въ то время, когда жители, вмѣстѣ съ царемъ своимъ, предавались пирамъ и увеселеніямъ. Іудеи, бывшіе въ плѣну вавилонскомъ, получили отъ Кира дозволеніе возвратиться на родину и построить вновь храмъ въ Іерусалимѣ. Еще прежде покорены были *Греки*, жившіе въ *Малой Азіи*. *Финикіяне* покорились Киру добровольно, и потому Персы не только ихъ не угнетали, но даже покровительствовали ихъ торговлѣ. Послѣдній походъ Кира былъ противъ *скиѳскихъ* племенъ, кочевавшихъ въ степяхъ, на сѣверъ отъ Мидіи. Но среди степей Киръ долженъ былъ претерпѣть множество препятствій и, кажется, былъ побѣжденъ болѣе природою, нежели храбростью непріятелей. Большая часть персидскаго войска погибла, и въ одной битвѣ палъ самъ Киръ. Легенда говоритъ, что царица скиѳская Томириса погрузила его голову въ сосудъ, наполненный кровью, говоря: «пей кровь, которой ты всегда жаждалъ!» Персы до позднѣйшихъ временъ воздавали Киру божескія почести. Они называли его отцемъ народа: и въ самомъ дѣлѣ въ немъ были соединены съ храбростію благородныя свойства величіе души и справедливость. Греческій писатель Ксенофонтъ избралъ его въ героя своего историческаго романа, подъ названіемъ «Киропедія». По смерти Кира осталось два сына его: *Камбизъ* и *Смердисъ*. Старшій Камбизъ вступилъ на престолъ и обезславилъ безумною жестокостію тронъ, прославленный отцемъ его. Свирѣпый характеромъ, онъ, сверхъ того, чрезмѣрно любилъ вино, преданъ былъ нѣгѣ и ввелъ при дворѣ, вмѣсто прежней простоты нравовъ, роскошь, великолѣпіе и расточительность. Желая отмстить египетскому царю Амазису за союзъ съ Крезомъ, онъ напалъ на Египетъ и, покоривши его, убилъ царя Псамменита, его сына и множество жрецовъ, наругался надъ религіею Египтянъ и надъ прахомъ Амазиса и чрезъ то возбудилъ въ Египтянахъ непримиримую ненависть къ Персамъ. Неожиданное, легкое завоеваніе Египта увлекло

Камбиза къ новымъ походамъ, но всѣ они были не удачны: войско, посланное для завоеванія оазиса аммонскаго, погибло безъ вѣсти среди безводныхъ и знойныхъ степей Ливіи; другое войско, съ которымъ Камбизъ хотѣлъ завоевать богатую золотомъ Эѳіопію, должно было по причинѣ голода возвратиться назадъ, не дойдя до границъ Эѳіопіи. Послѣ этого Камбизъ не зналъ предѣловъ своей жестокости: еще прежде онъ велѣлъ убить брата своего Смердиса, теперь умертвилъ сестру свою и тиранилъ Персовъ и Египтянъ. Во время пребыванія его въ Египтѣ, одинъ мидійскій магъ, воспользовавшись сходствомъ съ убитымъ Смердисомъ, объявилъ себя царемъ Персіи. Услышавъ объ этомъ, Камбизъ тотчасъ отправился домой, но на пути случайно самъ себя ранилъ и отъ раны умеръ. Послѣ этого ложный Смердисъ правилъ не долго: обманъ его вскорѣ былъ открытъ, Персы умертвили его и всѣхъ маговъ мидійскихъ. День убіенія маговъ Персы ежегодно праздновали подъ именемъ «магофоніи», какъ торжество своей народности надъ мидійскою. Заговорщики возвели на престолъ ближайшаго родственника Кирова Дарія, сына Гистаспова.

Дарій I Гистаспъ, послѣ Кира, есть славнѣйшій изъ царей персидскихъ. Киру и Камбизу нѣкогда было заняться внутреннимъ устройствомъ государства; Дарій, продолжая завоеванія, съ цѣлію придвинуть государство къ естественнымъ его границамъ, въ то-же время даетъ персидскому государству окончательное устройство и тотъ видъ, въ которомъ оно вступило въ борьбу съ европейскою гражданственностію. Онъ раздѣлилъ государство на 20 сатрапій или провинцій, опредѣлилъ порядокъ управленія ими и умножилъ государственную казну и войско (*). Изъ военныхъ его предпріятій въ особенности замѣчательны: 1) *Усмиреніе Вавилонянъ*. Безпорядки, происходившіе въ Персіи во время ложнаго Смердиса, подали Вавилонянамъ мысль освободиться отъ власти Персовъ, и они защищались съ такою силою, что

(*) О внутреннемъ устройствѣ см. ниже.

двадцать мѣсяцевъ Дарій осаждалъ Вавилонъ; наконецъ удивительное самопожертвованіе Перса Зопира предало Вавилонъ въ руки царя персидскаго. Дарій приказалъ распять 3.000 Вавилонянъ и разрушить крѣпкія стѣны Вавилона. 2) *Походъ въ Скиѳію* имѣлъ свою двоякую цѣль: желаніе обезпечить сѣверныя области отъ набѣговъ кочевыхъ хищниковъ и желаніе овладѣть всѣми берегами Чернаго моря, которые, по богатству своихъ произведеній, имѣли важное торговое значеніе. Дарій собралъ огромное войско, перешелъ черезъ Дунай, на которомъ для этого построилъ мостъ, и явился въ землѣ Скиѳовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго и Каспійскаго моря (*). Скиѳы, безпрестанно отступая, завели Дарія въ голодныя, безводныя степи, гдѣ начали тревожить его безпрестанными нападеніями. Дарій, растерявъ большую часть войска, воротился назадъ. Впрочемъ онъ навѣрное погибъ-бы въ Скиѳіи, если-бы Греки, которымъ онъ поручилъ стеречь мостъ на Дунаѣ, разрушили его, послушавшись Скиѳовъ. Слѣдствіемъ этого похода было покореніе Македоніи, завоеванной однимъ изъ полководцевъ Дарія. Наконецъ 3) начатая Даріемъ *война съ Греками* была совсѣмъ неудачна: она прославила только Грековъ, а Дарію и его преемникамъ стоила огромныхъ денегъ и войска.

b) Время упадка. Смертію Дарія Гистаспа оканчивается счастливый періодъ жизни Персовъ: послѣ него государство слабѣетъ и наконецъ теряетъ независимость.

Причины ослабленія Персіи и вмѣстѣ главныя событія

(*) Скиѳія (по Геродоту) занимала Молдавію, Галицію, Новороссійскій край и среднюю Россію до Оки. Въ составъ ея входили 3 племени: татарское, финское и отчасти славянское. Они раздѣлялись на множество поколѣній, изъ коихъ главнымъ было поколѣніе царскихъ Скиѳовъ. Бытъ ихъ во время Дарія представляетъ самую низкую степень гражданственности. Одни царскіе Скиѳы были земледѣльцы, прочіе были номады: ни деревень, ни городовъ у нихъ не было; они перекочевывали съ мѣста на мѣсто въ скрыпучихъ арбахъ, запряженныхъ волами; питались скотоводствомъ. Греческаго образованія, которое начало проникать къ нимъ отъ греческихъ колонистовъ на Черномъ морѣ, они терпѣть не могли.

персидской исторіи по смерти Дарія I-го были слѣдующія: 1) *походы въ Грецію*, стоившіе множества денегъ и людей, такъ что Персы стали нанимать войска изъ Грековъ и изъ кочевыхъ племенъ средней Азіи. Эти наемники, не привыкшіе къ подчиненности, скоро становились разбойниками и грабили самую Персію, особенно во время мира. 2) *Возмущеніе сатраповъ*, которые, при первыхъ наслѣдникахъ Дарія, присвоивъ себѣ власть военную и гражданскую, возставали безпрестанно противъ царей и въ отдаленныхъ провинціяхъ дѣлались сами независимыми царями. 3) *Возстанія Египтянъ*, поддерживаемыя Греками и стоившія Персіи много войска. 4) *Вліяніе женщинъ, придворныя интриги и неопредѣленность престолонаслѣдія*, имѣвшія слѣдствіемъ безпрестанную смѣну царей: рѣдкій царь вступалъ на престолъ, не истребивъ своихъ соперниковъ и родственниковъ; такъ что персидскій тронъ, съ перемѣною каждаго царя, былъ театромъ кровавыхъ сценъ. 5) Къ причинамъ непрочности существованія Персіи можно наконецъ отнести *разнородный ея составъ*. Со времени царствованія Дарія, простираясь отъ Инда, до моря средиземнаго и отъ Яксарта до верхнихъ частей Нила, персидское государство заключало въ себѣ множество народовъ, различныхъ по религіи, по языку, правамъ и обычаямъ, которыхъ связывало только одно оружіе и грубая сила; а потому, при каждомъ удобномъ случаѣ, они старались освободится изъ-подъ власти Персовъ.

Дарію I-му Гистаспу наслѣдовалъ гордый сынъ его *Ксерксъ I*, который желалъ, чтобы ему повиновались самыя стихіи. Мстя за безчестіе, нанесенное Греками персидскому оружію при отцѣ его, онъ отправился съ сильнымъ войскомъ въ Грецію; но Греки, воодушевленные любовію къ отечеству, разсѣяли огромныя толпы Персовъ, и Ксерксъ со стыдомъ долженъ былъ бѣжать въ Персію. Онъ былъ убитъ начальникомъ своей гвардіи, который возвелъ на престолъ *Артаксеркса Долгорукаго* (Лонгимана). При немъ Персы опять потерпѣли пораженіе отъ Грековъ и заключили съ ними миръ, по которому должны были отказаться отъ власти

надъ малоазійскими греческими колоніями. Далѣе персидская исторія представляетъ только два замѣчательныя царствованія *Артаксеркса II Памятливаго* (Мнемона) *и Дарія III Кодомана*. Правленіе Артаксеркса II ознаменовано интригами сераля и войнами съ Греками. Нелюбимый матерью своею *Паризатидою*, онъ при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, долженъ былъ вести войну съ роднымъ братомъ своимъ, *Киромъ младшимъ*, которому помогали Греки и который былъ убитъ въ этой войнѣ. Потомъ, при дворѣ Артаксеркса стала свирѣпствовать мать его, гнавшая всѣхъ друзей своего сына и отравившая его супругу; за тѣмъ родной сынъ Артаксеркса, *Дарій* составилъ противъ него заговоръ, который былъ открытъ и стоилъ жизни заговорщикамъ. Наконецъ золото персидское и ненависть остальныхъ Грековъ къ Спартанцамъ спасли Персію отъ оружія царя спартанскаго Агезилая и даже возвратили Персамъ власть надъ малоазійскими колоніями, по такъ называемому Анталкидову миру. Наслѣдникъ Артаксеркса II, *Артаксерксъ III Охъ*, образецъ восточнаго тирана, утвердившійся на престолѣ истребленіемъ всѣхъ братьевъ, кровавымъ образомъ отомстилъ Египтянамъ за возстаніе. Послѣ его смерти, престолъ персидскій еще нѣсколько разъ былъ обагряемъ кровью царей, и наконецъ правленіе принялъ *Дарій III Кодоманъ*, который, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ, не могъ уже возстановить прежняго могущества Персовъ, и царство его пало подъ ударами знаменитаго завоевателя Александра Великаго, царя македонскаго. Разбитый въ трехъ сраженіяхъ (при Граникѣ, Иссѣ и Арбеллахъ), Дарій искалъ спасенія во внутренней Азіи, но былъ измѣннически убитъ сатрапомъ своимъ *Бессомъ*. Съ Даріемъ III кончилось существованіе персидскаго царства, продолжавшееся 230 лѣтъ.

Гражданственность Мидо-Персовъ. Персидскій царь былъ неограниченнымъ властелиномъ надъ жизнью и собственностью своихъ подданныхъ, которые всѣ назывались царскими рабами; жрецъ въ Персіи изчезалъ предъ царемъ.

Власть царя была тѣмъ сильнѣе, что его считали не только господиномъ, но и обожали какъ священную особу. Хотя у Персовъ и были законы, и даже при дворѣ находилась особенная коллегія судей, которые объясняли смыслъ законовъ и судили по законамъ; но царь не стѣснялся ни этими законами, ни судьями, которые, на вопросъ Камбиза: позволяетъ-ли законъ брату жениться на сестрѣ? отвѣчали: такого закона нѣтъ, но есть другой: царю можно дѣлать все, что ему угодно. По извѣстіямъ древнихъ писателей, дворъ и частная жизнь персидскихъ государей представляются совершенно въ такомъ-же видѣ, въ какомъ и нынѣ находятся на востокѣ. Дворъ и придворное правительство назывались портою. Благоговѣйный страхъ, внушаемый особою государя, былъ причиною того, что никто не смѣлъ къ нему приближаться иначе, какъ потупя глаза и съ подарками; говорить съ нимъ можно было не иначе, какъ падая ницъ: его окружало множество придворныхъ чиновниковъ, называвшихся обыкновенно очами или ушами государевыми. Одни изъ этихъ чиновниковъ представляли царю всѣ дѣла государственныя, другія посылаемы были въ провинціи для наблюденія за вѣрностью сатраповъ. О многочисленности царской свиты можно судить изъ того, что за царскимъ столомъ ежедневно обѣдало 15,000 человѣкъ. Но для самого царя приготовлялся особенный столъ: онъ, какъ владыка и повелитель всей страны, употреблялъ въ пищу только то, что было въ ней лучшаго и драгоцѣннѣйшаго. Хотя Дарій Гистаспъ сдѣлалъ столицею городъ Сузу, но персидскіе государи въ разныя времена года перемѣняли свое мѣстопребываніе: лѣто дворъ обыкновенно проводилъ въ Экбатанѣ, на осень переѣзжалъ въ Вавилонъ. Непомѣрная роскошь, лесть и низкое угодничество окружали царей персидскихъ и портили государей, не смотря на то, что имъ даваемо было прекрасное воспитаніе. Привыкая къ невоздержанію и тиранству, они обыкновенно забывали прекрасное правило, которое имъ каждый день долженъ былъ напоминать одинъ изъ вельможъ: «государь! встань и подумай объ обязанностяхъ,

которыя возложилъ на тебя Ормуздъ, дѣлая тебя царемъ». Наглядное изображеніе персидскаго царя представляетъ Ксерксъ, бичующій море, бросающій въ него цѣпи и требующій повиновенія отъ стихіи. Деспотизмъ и владычество, пріобрѣтенное Персами посредствомъ завоеваній, опирались на огромномъ войскѣ, которое сначала набиралось изъ Персовъ, а потомъ изъ наемниковъ, разставлено было по провинціямъ и окружало дворъ царя. Кромѣ этого регулярнаго войска, въ особенныхъ случаяхъ царь повелѣвалъ всѣмъ своимъ подданнымъ вооружаться поголовно, и тогда со всѣхъ сторонъ стекались подъ знамена царей воины, различные по происхожденію, одеждѣ и вооруженію. Управленіе совершалось посредствомъ 20 сатраповъ, надъ которыми надзирали очи и уши государевы. Кастъ въ Персіи не было, ибо наслѣдственности занятій не существовало. Хотя народъ раздѣлялся на жрецовъ, воиновъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ; но дѣленіе это было болѣе мѣстное, чѣмъ родовое. Земледѣльцы принадлежали къ почтнымъ лицамъ. Зендавеста проповѣдуетъ миръ и любовь между сословіями. Семейныя отношенія основывались на единоженствѣ (одинъ царь могъ имѣть нѣсколько женъ), на правѣ женщины имѣть свою собственность и на неограниченной власти родителей надъ дѣтьми. Земля почиталась собственностію царя. Дань собиралась натурою и слитками. Каждая сатрапія должна была посылать царю все, что есть въ ней лучшаго, содержать войско и сатрапа, которые грабили ее нещадно. Города раздавались царемъ въ подарокъ вельможамъ. Земледѣліе было особенно развито: но промышленность фабричная и торговая была въ презрѣніи и находилась въ рукахъ рабовъ.

Первоначальныя вѣрованія Персовъ заключались въ боготвореніи свѣтилъ небесныхъ; при Кирѣ, съ принятіемъ ученія маговъ, вошло поклоненіе зиждительной и разрушительной силѣ огня, вызванное вулканическою почвою сѣверной Мидіи. При Даріѣ I, можетъ быть гораздо раньше, еще въ бактрійскій періодъ, явился реформаторъ, рожденный женщиною отъ бога, Зороастръ (или Зердушта), и основалъ

все религіозное ученіе на понятіи о борьбѣ свѣта и мрака, добра и зла (дуализмъ). Ученіе Зороастра заключается въ священной книгѣ Зендавестѣ (живое слово); «оно призвано наполнить радостію землю: чрезъ него примирятся левъ и агнецъ». Вотъ основныя черты этого ученія: вѣчное, нескончаемое и безначальное время (Цэруане-Акерене) создало двухъ духовъ: *Ормузда*, вѣчное добро, правду и свѣтъ, и *Аримана*, который, будучи созданъ чистымъ и свѣтлымъ, палъ и обратился въ представителя зла и мрака. Они находятся въ борьбѣ. Каждое божество создаетъ существа міра видимаго и невидимаго, какъ орудія борьбы. Все доброе творитъ Ормуздъ, все злое—Ариманъ. Духи безплотные, люди, животныя раздѣлены на чистыхъ и нечистыхъ: первые—созданія и слуги Ормузда; вторые—Аримана. Первая чета людей пала, вкусивъ отъ запрещенной пищи по наущенію Аримана. Около трона Ормуздова стоятъ семь Амшаспадовъ или князей свѣта; имъ подчинены геніи добра (Изеды) и ангелы хранители людей. Также точно и престолъ Аримана окружаютъ семь верховныхъ Дивовъ, или князей зла, которымъ подчинены низшіе демоны. Борьба Ормузда съ Ариманомъ кончится тѣмъ, что Ариманъ будетъ побѣжденъ, царство тьмы разрушится, старый міръ погибнетъ отъ огня огромной кометы, Ариманъ очистится огнемъ: возникнетъ новая земля, прекрасная и вѣчно неизмѣнная; добро и зло примирятся, и будетъ одно царство свѣта и добра: тогда возвратится золотое время Джемшида. Главное основное правило нравственности Персовъ было: старайся во всемъ подражать Ормузду и враждуй всегда Ариману. Сохраненіе Зороастрова ученія было поручено магамъ и жрецамъ. Они почитались посредниками между богами и людьми: чрезъ нихъ Ормуздъ объявлялъ волю свою и чрезъ нихъ молитвы людей достигали къ престолу боговъ. Они были духовниками и воспитателями царей, но на правленіе вліянія не имѣли. У Зендовъ идоловъ и особыхъ храмовъ не было: они приносили жертвы на высокихъ горахъ, подъ открытымъ небомъ, солнцу, лунѣ или огню вѣчному.

Вслѣдствіе такого богослуженія, храмовая архитектура не могла развиться въ Персіи: какъ у Индусовъ городъ состоялъ изъ великолѣпнаго храма, окруженнаго хижинами, такъ у Персовъ городъ состоялъ изъ величественнаго дворца, окруженнаго хижинами. Свѣтская архитектура и ваяніе развились болѣе; судить объ нихъ можно по развалинамъ Персеполя, въ которомъ цари вступали на престолъ и погребались и который имѣлъ священное значеніе у Персовъ. Послѣ раскопокъ Лейярда въ Ниневіи и сличенія ихъ съ развалинами Персеполя, открывается, что образцомъ персидскаго искусства было ассирійское и что сооруженія его относятся къ періоду Ахеменидовъ, когда Персы покорили государства тигро-евфратской долины. Основною моделью персидской архитектуры была горная терасса.

Науки мало получили развитія у Персовъ. Сами Персы, пренебрегая мирными науками, преимущественно были заняты войною, а занятіе науками предоставлено было главнымъ образомъ побѣжденнымъ народамъ: Мидянамъ, Вавилонянамъ, Египтянамъ и мало-азіатскимъ Грекамъ. Основаніемъ мудрости почиталась священная Зендавеста. Дѣти въ Персіи почитались собственностью государства и воспитаніе ихъ было чисто государственнымъ. Только мальчики были воспитываемы: до 6 лѣтъ младенецъ воспитывался дома, на седьмомъ поступалъ въ школу; ребенокъ даже пищу свою не смѣлъ вкушать дома, а приносилъ ее въ училище. Здѣсь, до 15-лѣтняго возраста дѣти учились воинскимъ упражненіямъ, и имъ внушали строгія понятія о справедливости, покорности и умѣренности. Грамотѣ ихъ едвали-ли учили. На 26 году оканчивалось воспитаніе.

Изъ всего нами сказаннаго о Персахъ можно заключить, что характеръ персидскаго царства, запечатлѣнный преобладаніемъ деспотическаго правленія, въ цвѣтущій періодъ его жизни выразился въ воинственномъ стремленіи къ завоеваніямъ, а въ періодъ паденія—въ интригахъ придворныхъ и волненіяхъ внутреннихъ.

C) ФИНИКІЯНЕ И КАРѲАГЕНЯНЕ.

1) *Исторія Финикіянъ.* Финикіяне жили, къ сѣверо-западу отъ Палестины, по берегу Средиземнаго моря, въ небольшой землѣ, простиравшейся въ длину на 175 верстъ, а въ ширину на 35 верстъ. Страна эта была песчана, а потому неспособна ни къ земледѣльческой, ни къ пастушеской жизни; за то весь западный берегъ Финикіи изобиловалъ прекрасными гаванями и заливами; а на близлежащихъ горахъ Ливанскихъ росъ корабельный лѣсъ. Такое свойство страны, занимаемой Финикіянами, сдѣлало ихъ отважными мореходами, и онѣ прославились мореплаваніемъ, торговлею, фабричною и мануфактурною промышленностію, заведеніемъ колоній въ разныхъ частяхъ свѣта и мирнымъ распространеніемъ гражданственности. Свѣдѣнія о жизни Финикіянъ переданы намъ въ отрывкахъ еврейскими и греческими писателями (Іезекіилемъ и Геродотомъ) (*). Уже въ глубокой древности (около 1450 г. до Р. Х.) въ Финикіи были богатые торговые города, изъ коихъ особенно замѣчательны: *Сидонъ* (нынѣ Саидъ), *Тиръ, Арадъ* и *Триполисъ.* Въ промежуткахъ между этими и другими городами Финикіи было множество фабричныхъ заведеній, такъ что всѣ они вмѣстѣ составляли какъ будто одинъ обширный городъ, кипѣвшій самою дѣятельною жизнью, представлявшій нѣчто похожее на нынѣшній Лондонъ или Парижъ, во время всемірной выставки. Замѣчательно, что всѣ финикійскіе города были основаны другъ другомъ: такъ Сидонъ основалъ гг. Тиръ и Арадъ, а всѣ они вмѣстѣ—Триполисъ. Впрочемъ Финикія никогда не составляла одного государства, но каждый городъ съ своимъ округомъ имѣлъ своего царя, котораго власть ограничивали важнѣйшіе сановники изъ зажиточныхъ гражданъ и отъ части жрецы. Изъ всѣхъ народовъ восточныхъ у однихъ Финикіянъ мы встрѣчаемъ отсутствіе

(*) Изъ новѣйшихъ обработывалъ исторію Финикіянъ особенно Моверсъ.

чистаго деспотизма, уваженіе къ промышленному труду и совершенное отсутствіе кастъ. Въ случаѣ опасности со стороны враговъ, города финикійскіе вступали въ союзъ другъ съ другомъ, и общенародныя совѣщанія ихъ происходили въ Триполисѣ. Первое мѣсто въ такомъ союзѣ сперва занималъ Сидонъ, а потомъ Тиръ. Исторія этихъ двухъ городовъ намъ извѣстнѣе, чѣмъ исторія другихъ. Древній Тиръ стоялъ на твердой землѣ и процвѣталъ силою и торговлею до временъ Навуходоносора. Изъ царей его особенно замѣчателенъ *Пигмаліонъ*, котораго сестра *Дидона*, по преданію, вывела колонію въ Карѳагенъ. Главными врагами Финикіянъ были вавилонскіе и ассирійскіе цари, главными торговыми соперниками—Греки. Уже Салманасаръ покорилъ всю Финикію кромѣ Тира (720 г.), а Навуходоносоръ, послѣ 13-лѣтней осады, разрушилъ и Тиръ (600 г. до Р. Х.); но жители его успѣли спастись со всѣми своими богатствами на одинъ вблизи лежавшій островъ, гдѣ они построили новый Тиръ, затмившій богатствомъ и могуществомъ древній Тиръ и прозванный царемъ финикійскихъ городовъ. Лѣтъ сорокъ спустя, вся Финикія покорилась Персамъ, которые однако поддерживали и поощряли ея торговлю и промышленность. Наконецъ Александръ Великій, царь македонскій, завоевалъ, послѣ семимѣсячной осады, новый Тиръ (332 г. до Р. Х.) и уничтожилъ торговлю финикійскую построеніемъ въ Египтѣ города Александріи, куда обратилась вся всемірная торговля. Теперь едва можно узнать тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда процвѣталъ этотъ первый торговый городъ древняго міра: волны морскія засыпали пескомъ всѣ его гавани, и по песчаному взморью рыбаки на гладкихъ камняхъ сушатъ свои сѣти (*).

(*) Сравни пророческія слова Іезекіиля «я самъ пойду на тебя, Тиръ: какъ море воздымаетъ волны свои, такъ я наведу на тебя многіе народы, и обвалятъ они стѣны, и опрокинутъ башни твои; я развѣю прахъ твой и превращу тебя въ гладкій камень, на которомъ рыбаки будутъ сушить неводы и сѣти».

Морская торговля Финикіянъ имѣла двоякое направленіе: на западъ и востокъ. На западѣ они плавали и заводили торговыя поселенія сначала по Средиземному морю, но когда встрѣтили здѣсь соперниковъ въ Грекахъ, то обратились за столпы Геркулеса въ Атлантическій океанъ, Нѣмецкое и Балтійское моря. Они привозили серебро изъ Испаніи, олово изъ Британіи, янтарь, цѣнимый тогда наравнѣ съ золотомъ, съ береговъ Балтійскаго моря (Пруссіи). На востокѣ они отважно отправлялись, по Аравійскому и Персидскому заливамъ, въ Индійскій океанъ, за сокровищами Индіи и Африки, какъ напр. пряными кореньями, бумажными тканями, золотомъ, слоновою костью, благовоніями и пр., которыя они продавали съ большими выгодами народамъ, жившимъ у Средиземнаго моря. Говорятъ, что они, по желанію египетскаго царя Нехао, объѣхали кругомъ всю Африку. Сверхъ того Финикіяне вели довольно значительную сухопутную торговлю съ Аравіею, Вавилоніею, Ассиріею, Египтомъ и Арменіею.

Чтобы придать болѣе цѣны сырымъ товарамъ, Финикіяне старались дать имъ красивѣйшій и удобнѣйшій видъ: это было причиною процвѣтанія ихъ фабрикъ. Первое мѣсто между фабриками занимали красильни. Тирскій пурпуръ (красная краска) принадлежалъ къ блистательнѣйшимъ предметамъ роскоши древняго міра. За красильнями слѣдовали: тканье разныхъ матерій, стеклянные заводы и выдѣлка галантерейныхъ вещей изъ золота, янтаря и проч., которыми славился г. Сидонъ.

Имѣя частныя сношенія по торговлѣ съ Египтянами, Вавилонянами и Ассиріянами, Финикіяне заимствовали у нихъ разныя научныя свѣдѣнія и, въ свою очередь, усовершенствовали ихъ и познакомили съ ними отдаленныя земли Европы и Африки. Самимъ Финикіянамъ приписываютъ изобрѣтеніе письменъ, цифръ, монетъ, вѣсовъ, стекла, открытіе пурпуровой краски. Представителями учености своей они почитали *Таута* и *Санхоніатона*. О религіи Финикіянъ намъ мало извѣстно; знаемъ только, что они, по-

добно другимъ семитамъ, были звѣздопоклонники: въ *Ваалѣ* обожали солнце, въ *Астартѣ* — луну. Имѣя сношенія со всѣми народами древности, они заимствовали у нихъ нѣкоторые религіозные догматы. Геркулесъ (Мелькартъ) почитался защитникомъ Тира; въ миѳѣ о странствованіяхъ его представлена символически исторія распространенія финикійскихъ колоній.

Сгущеніе народонаселенія на узкомъ финикійскомъ берегу, торговыя и промышленныя цѣли, а иногда и внутренніе волненія—все это было причиною переселеній Финикіянъ въ другія земли и основанія колоній. Эти колоніи находились въ большомъ числѣ по всѣмъ островамъ и берегамъ Средиземнаго моря, по Персидскому и Аравійскому заливамъ. Славнѣйшими изъ нихъ были: *Офиръ* въ Аравійскомъ заливѣ, *Герра* въ Персидскомъ; *Гадесъ* (нынѣ быть можетъ Кадиксъ) былъ главою западныхъ средиземноморскихъ колоній, а *Карѳагенъ* въ Африкѣ—главою южныхъ средиземноморскихъ колоній, которыхъ на одномъ африканскомъ берегу насчитывалось до 300. Послѣдній образовалъ могущественное государство, пережилъ свою метрополію и продолжалъ еще 2 вѣка играть ея роль, до тѣхъ поръ пока не былъ покоренъ Римлянами. Исторія его составляетъ поэтому естественное продолженіе финикійской.

2) *Исторія Карѳагенянъ.* Преданіе говоритъ, что Карѳагенъ былъ основанъ въ IX вѣкѣ (800 л. до Р. Х.) *Дидоною*, сестрою тирскаго царя Пигмаліона. Преслѣдуемая братомъ своимъ, Дидона удалилась изъ Тира, со множествомъ приверженцевъ и съ несмѣтными богатствами, на сѣверный берегъ Африки, купила у тамошнихъ жителей столько земли, сколько могла обхватить воловья шкура, разрѣзанная на мелкіе ремни, и построила на этой землѣ Карѳагенъ. Древній Карѳагенъ находился близъ нынѣшняго Туниса, на прекрасномъ, небольшомъ полуостровѣ, который только узкимъ перешейкомъ соединялся съ твердою землею.

Сначала Карѳагеняне платили дань туземнымъ жителямъ Африки, но, воспользовавшись своимъ выгоднымъ мѣ-

стоположеніемъ, они мало-по-малу подчинили своей власти окрестную Африку и устремили свою дѣятельность на морскія завоеванія и основаніе колоній. Между 600 и 500 г. до Р. Х. Карѳагенъ достигъ первенства надъ африканскими финикійскими городами и надъ племенами ливійскими. Началомъ усиленія Карѳагена былъ упадокъ его метрополіи, Тира, вслѣдствіе войнъ съ вавилонскими и ассирійскими царями и въ особенности вслѣдствіе страшнаго разрушенія, которое она потерпѣла отъ Навуходоносора. Съ тѣхъ поръ Карѳагенъ дѣлается, такъ сказать, наслѣдникомъ Тира во всемірной торговлѣ; съ этого времени Карѳагенъ обратилъ вниманіе и на острова Средиземнаго моря, столь выгодные для торговли, и, чрезъ основаніе колоній, покорилъ Сардинію, Корсику, Балеарскіе и Канарскіе острова, а отчасти и Сицилію. Посредствомъ этихъ пріобрѣтеній, Карѳагеняне распространили свою торговлю, подобно родичамъ своимъ Финикіянамъ, въ отдаленнѣйшія земли до Британіи и западнаго берега Африки, могли содержать сильныя сухопутныя войска и еще сильнѣйшій флотъ. Вообще самое цвѣтущее время жизни Карѳагенянъ было въ VI в. до Р. Х., когда правленіе находилось въ рукахъ фамиліи *Магоновъ*, къ которой принадлежали всѣ знаменитѣйшіе люди Карѳагенской исторіи. Сознавая, что рѣшительное первенство въ торговлѣ зависитъ отъ обладанія островомъ Сициліею, Карѳагеняне, въ концѣ V столѣтія, обратили всѣ силы къ покоренію этого плодороднаго острова, а это стремленіе вовлекло ихъ въ продолжительную борьбу сначала съ Сиракузами, а потомъ съ Римлянами, и окончилось паденіемъ Карѳагена.

Еще прежде появленія Карѳагенянъ въ Сициліи, слишкомъ за 2000 л. до Р. Х., Финикіяне основали на этомъ островѣ свои колоніи, но вскорѣ встрѣтили опасныхъ для себя соперниковъ въ Грекахъ, желавшихъ утвердить здѣсь свое торговое могущество. Между всѣми колоніями греческими знаменитѣйшею была коринѳская колонія *Сиракузы*, на юго-западномъ берегу. Этотъ городъ скоро возвысился

надъ другими греческими колоніями и, въ тоже время, сдѣлался мѣстомъ внутреннихъ смятеній, вслѣдствіе борьбы двухъ партій, аристократической и демократической. Карѳагеняне утвердились въ 540 г. въ бывшихъ финикійскихъ колоніяхъ Сициліи и, распространивши свою власть на сѣверныя и западныя части острова, рѣшились, пользуясь внутренними смутами Сиракузъ, овладѣть цѣлымъ островомъ. Съ этого времени начинается слишкомъ двухсотлѣтняя борьба между Карѳагеномъ и Сиракузами за обладаніе Сициліею. Она ознаменована тремя войнами и имѣла въ результатѣ перевѣсъ Карѳагенянъ на островѣ надъ сиракузскими Греками. Но изъ этого перевѣса родились соперничество и три войны Карѳагенянъ съ Римлянами, извѣстныя подъ именемъ *пуническихъ*. Въ *первую* войну Карѳагеняне потеряли всѣ свои владѣнія въ Сициліи и лишились господства надъ Средиземнымъ моремъ. Хотя эту потерю вскорѣ вознаградило завоеваніе богатой Испаніи, совершенное славнымъ карѳагенскимъ полководцемъ *Гамилькаромъ*, но *вторая* война съ Римлянами, не смотря на славныя побѣды сына Гамилькарова, знаменитаго Ганнибала, стоила Карѳагену всѣхъ африканскихъ владѣній и всего флота. Наконецъ въ *третью* войну Карѳагенъ, не смоя на геройское сопротивленіе, былъ разрушенъ Римлянами. Жители или погибли въ пламени или отведены были въ рабство, въ 146 году до Р. Х.

Образъ правленія въ Карѳагенѣ былъ сначала монархическій, потомъ обратился въ аристократическій: только члены немногихъ фамилій, отличныхъ богатствомъ и происхожденіемъ, имѣли право управлять государствомъ; народу предоставленъ былъ только выборъ государственныхъ чиновниковъ. Первыя власти въ республикѣ были: 1) *сенатъ*, состоявшій изъ аристократовъ, 2) *совѣтъ ста мужей*, которому полководцы отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, 3) *два суффета*, имѣвшіе власть исполнительную и судебную, и 4) *полководцы*, которые предводительствовали на войнѣ. *Религія* Карѳагенянъ была финикійская: жрецы не

составляли особенной касты, но должности жреческія были исполняемы лицами изъ важнѣйшихъ фамилій. Въ торговлѣ и промышленности Кереагеняне не уступали Финикіянамъ, превосходя ихъ богатствомъ и военными силами. *Торговля* Карфагенянъ была чрезвычайно обширна; она служила главнымъ источникомъ ихъ могущества и раздѣлялась на морскую и сухопутную. Первая производилась не только по берегамъ Средиземнаго моря, но и по западнымъ берегамъ Европы, доставлявшимъ олово и янтарь, и по берегамъ Африки. Карфагеняне достигли даже до Сенегала и Гамбіи. Сухопутная торговля была караванная и шла изъ Египта чрезъ ѳивскую степь къ храму Юпитера Аммона, откуда чрезъ часть степи Барки (Феццанъ). Главными предметами ея были: финики, соль, невольники и золотой песокъ.

Ни одно государство древняго міра, послѣ такого блестящаго состоянія, не кончило такъ печально своей жизни, какъ Карѳагенъ: всѣ славные люди его имѣли трагическій конецъ. Такова была, по народному преданію, судьба *Дидоны*, основательницы Карѳагена, которая въ молодости гонима была братомъ, убившимъ ея мужа, потомъ вѣроломно брошена была троянскимъ княземъ *Энеемъ*, которому оказала гостепріимство, и наконецъ въ отчаяніи погибла на кострѣ. Столь-же печальна была судьба *Ганнибала*, одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ древности, питавшаго непримиримую ненависть къ врагамъ своей родины Римлянамъ: прославя оружіе Карѳагена побѣдами, онъ въ старости долженъ былъ бѣжать изъ отечества, долго скитался въ изгнаніи и наконецъ отравилъ себя ядомъ. Не менѣе грустное впечатлѣніе производитъ на насъ участь знатной Карѳагенянки *Софонизбы*, которая въ войнѣ съ Римлянами лишилась любимаго супруга *Сифакса*, попала въ плѣнъ къ нумидійскому царю *Массиниссѣ*, сдѣлалась его женою и, чтобы не попасть въ руки Римлянъ, съ твердостію приняла ядъ, присланный ей ея побѣдителемъ и супругомъ. Печальна наконецъ смерть жены *Газдрубала*, послѣдняго полководца карѳаген-

скаго, которая, видя гибель своихъ согражданъ и малодушіе мужа, умертвила себя и дѣтей и погибла въ пламени роднаго города.

II.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И МАКЕДОНІИ.

—

Задача исторической жизни Грековъ состояла въ томъ, чтобы развить и распространить между народами древняго міра образованіе общественное, умственное и художественное. Поэтому Греки, переработавши то, что заимствовали у древняго Востока, развили науку, искусство и общественную жизнь и передали ихъ восточнымъ народамъ и Римлянамъ.

Географическое обозрѣніе древней Греціи.

Земля, которую населяли древніе Греки, на ихъ собственномъ языкѣ называлась *Элладою;* латинское-же названіе *Греціи* и *Грековъ* произошло отъ древнихъ жителей Эпира, *Грайковъ,* которые въ глубокой древности переселились въ Италію. Хотя подъ именемъ Греціи обыкновенно разумѣютъ нынѣшній Балканскій полуостровъ съ островами, на сосѣднихъ моряхъ лежащими, но народъ греческій распространился во всѣхъ частяхъ древняго міра гораздо далѣе означенныхъ предѣловъ. Въ прекраснѣйшей части западнаго берега Малой Азіи, въ южной Италіи и Сициліи, по берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей, были разсѣяны греческія колоніи; а со временъ Александра Великаго, языкъ, нравы и народъ греческій, посредствомъ переселеній и завоеваній, разлились въ глубь Азіи до рѣкъ *Оксуса* и *Инда.* Но такъ какъ судьба этихъ, на такомъ огромномъ пространствѣ разсѣ-

янныхъ, греческихъ поколѣній, чрезвычайно разнообразна, то въ исторію Греціи входятъ тѣ только чисто греческія племена, которыя жили въ средней и южной части нынѣшняго Балканскаго полуострова, на островахъ Архипелага и Средиземнаго моря, въ южной Италіи и по западному берегу Малой Азіи.

А) МАТЕРИКЪ ГРЕЧЕСКІЙ.

Греція, въ собственномъ смыслѣ этого слова, или твердая земля Греціи, лежала между 36 и 41 °/₀ сѣверной широты и простиралась въ длину на 50, а въ ширину на 33 квадр. мили. *Границами* ея были: на сѣверѣ: Македонія и Иллирія; на востокѣ, Эгейское и Миртойское моря; на югѣ, Либійское море; на западѣ, Іоническое море. Всѣ эти моря суть части одного Средиземнаго моря и образуютъ множество заливовъ, которые сообщаютъ съ моремъ почти всѣ области Греціи. *Эгейское море* образуетъ *заливы*: Пагазэйскій, Маліенскій и Опунтскій; *Миртойское море*—заливы: Сароническій и Арголическій; *Либійское море*—заливы Лаконскій и Мессенскій; *Іоническое море*—заливы: Кипарисскій, Криссейскій, Коринѳскій и Амбракійскій.

Вообще, разсматривая наружное очертаніе береговъ Греціи, мы можемъ сказать, что нѣтъ въ мірѣ страны, которая, при такомъ небольшомъ пространствѣ, представляла-бы такую обширную береговую линію и имѣла-бы столько заливовъ, гаваней и бухтъ. Такимъ образомъ, поставленная въ срединѣ 3-хъ частей свѣта, Греція, при такомъ свойствѣ береговъ ея, казалось, самою природою была предназначена къ дѣятельной промышленности и къ живому и разнообразному обмѣну естественныхъ и умственныхъ произведеній.

Мѣстоположеніе материка Греціи вездѣ самое разнообразное: горы перемѣшаны съ долинами и съ плодоносными равнинами; озеръ и рѣкъ много, но послѣднія незначительной величины; впрочемъ недостатокъ большихъ рѣкъ вознаграждается множествомъ заливовъ.

Самыя высокія горы идутъ по сѣвернымъ границамъ Греціи. Въ Ѳессаліи возвышается гора *Олимпъ* (6,500 ф.), насупротивъ его возвышается гора *Осса*, а между обѣими горами находится роскошная долина *Темпейская*, орошаемая рѣкою *Пенеемъ*. Между Ѳессаліею и Эпиромъ находится гора *Пиндъ*, пускающая отъ себя вѣтви во всѣ стороны, а именно: къ сѣверу между Македоніею и Иллиріею идетъ г. *Эропъ;* къ востоку *Камбунскія* горы, отдѣляющія Грецію отъ Македоніи; къ западу *Акрокераунскія* горы, отдѣляющія Эпиръ отъ Иллиріи, къ югу гора *Тимфрестъ*; отъ него на востокъ чрезъ Ѳессалію проходятъ горныя вѣтви: *Отрисъ* (сѣвернѣе) и *Эта* (южнѣе), которая замыкаетъ съ юга Ѳессалію и оканчивается узкимъ проходомъ *Ѳермопильскимъ.* Отъ Эты на югъ чрезъ среднюю Грецію проходятъ одна за другой горы: *Парнассъ, Геликонъ*, *Киѳеронъ*, *Пентеликонъ* и *Лавріонъ*, оканчивающійся мысомъ *Сунійскимъ.* Въ Пелопоннесѣ идутъ *горы Аркадскія*, южная отрасль коихъ есть гора *Тайгетъ*, оканчивающаяся мысомъ *Тенаромъ.* Изъ озеръ замѣчательны: *Копайское* въ средней и *Ахерузійское* въ сѣверной Греціи. Важнѣйшія рѣки: *Пеней* и *Сперхей*, текущія въ Эгейское море, *Ахеронъ* со впадающею въ него р. *Коцитомъ*, текущіи въ Іоническое море (всѣ въ сѣверной Греціи); *Ахелой*, *два Кефисса* и *Плиссъ* въ средней Греціи, наконецъ *Алфей* и *Эвротъ* въ Пелопоннесѣ.

Климатъ въ Греціи не такъ былъ благорастворенъ, какъ бы ожидать должно отъ географической ея широты. Частію восточное положеніе Греціи, частію высокія, нерѣдко снѣжныя вершины горъ производятъ довольно значительную прохладу въ воздухѣ. Не смотря на это, климатъ Греціи очень благопріятно дѣйствовалъ на физическія и духовныя силы ея жителей. Какъ разнообразно было мѣстоположеніе Греціи, такъ точно разнообразенъ былъ климатъ ея и естественныя произведенія. Въ мартѣ мѣсяцѣ одинъ путешественникъ нашелъ въ Греціи лѣто, весну и зиму. Различіе въ климатѣ и температурѣ между горными возвышенностями и низменными мѣстами такъ велико, что въ послѣднихъ жат-

на бываетъ уже убрана и вся растительность сожжена, когда на горахъ хлѣбъ еще зеленъ и луга представляютъ обильный подножный кормъ. А это произвело въ глубокой древности обычай пасти стада попеременно то на горахъ, то въ равнинахъ. Такимъ образомъ происходило общеніе горныхъ странъ съ низменностями. Почвѣ греческой свойственны были плоды странъ тропическихъ и полярныхъ.

Греція самою природою раздѣлялась на три части *сѣверную, среднюю (Элладу)* и *южную (Пелопоннесъ).*

1. *Южная Греція (Пелопоннесъ).* Полуостровъ Пелопоннесъ есть высокій горный хребетъ, пускающій отъ себя отрасли во всѣ стороны, между коими простираются плодоносныя равнины, орошаемыя рѣками.

Въ Пелопоннесѣ находились области: a) Аркадія, въ срединѣ Пелопоннеса, страна назначенная самою природою къ жизни пастушеской, очень похожая на Швейцарію, мѣстоположеніемъ, любовью къ свободѣ и простотою нравовъ жителей. Аркадяне, огражденные горами, никогда не несли ига завоевателей; любовь пастушеской жизни всегда между ними господствовала. Впрочемъ позднѣе, мы находимъ у нихъ нѣсколько городовъ, изъ коихъ замѣчательны: *Мегалополь*, *Тагея*, *Мантинея* и *Орхоменъ*, другъ отъ друга независимые. b) Лаконія, лежавшая къ югу отъ Аркадіи, простиравшаяся на 80 квадр. миль, страна суровая, гористая, но сильно населенная, съ рѣкою *Эвротомъ*, на берегу коего стояла *Спарта*, столица Лаконіи, глава дорическаго союза, получившая впослѣдствіи первенство надъ всѣми городами Пелопоннеса. c) Мессенія, на западѣ отъ Лаконіи, самая плодоносная страна въ Пелопоннесѣ, очень рано была покорена Спартою и находилась подъ властію ея до Эпаминонда. Замѣчательные города: *Мессена* и *Пилосъ*. d) Элида, лежавшая на западной сторонѣ Пелопоннеса и орошаемая рѣкою *Алфеемъ*. Главный городъ—Элида былъ посвященъ Зевсу и потому былъ безъ стѣнъ. На берегахъ *Алфея* находилась священная роща, и въ срединѣ ея національный храмъ *Зевса олимпійскаго*; здѣсь праздновались славныя *Олимпій-*

скія игры. e) Ахаія, къ сѣверу Элиды лежавшая, состояла изъ 12 городовъ, издревле составлявшихъ союзъ и сохранявшихъ миръ между собою. f) Сикіонія и g) Фліазія, области мало замѣчательныя. h) Коринѳія, съ городомъ Коринѳомъ; знаменита по обширной торговлѣ, къ чему очень много содѣйствовало выгодное положеніе ее между двумя заливами, Коринѳскимъ и Сароническимъ; на *Истмійскомъ* перешейкѣ праздновались *Истмійскія игры.* i) Арголида, къ востоку отъ Аркадіи, языкомъ вдается въ море. Знаменита она по воспоминаніямъ изъ героическаго періода греческой жизни. Здѣсь находились города: *Тиринѳъ*, откуда Геркулесъ началъ свои подвиги; *Микены*, столица Агамемнона; *Немея*, гдѣ отправлялись игры въ честь Нептуна. За то Арголида, въ позднѣйшее время, не смотря на свою довольно обширную область никогда не попадала въ число первыхъ государствъ греческихъ. k) Кинурія, маленькая область, лежавшая между Арголидою, Лаконіею и Аркадіею, была предметомъ раздоровъ между Спартанцами и Аргосцами.

2. *Средняя Греція (Эллада).* За перешейкомъ истмійскимъ начинается средняя Греція или Эллада въ собственномъ значеніи этого слова; она заключала въ себѣ восемь областей. Тотчасъ за перешейкомъ начинается: a) Мегарида, маленькая область съ городомъ Мегарой; жители ея съ успѣхомъ отстаивали свою свободу въ борьбѣ Коринѳянъ съ Аѳинянами. За Мегаридою слѣдовали: b) Аттика, страна любимая богами по преданію Грековъ и игравшая первую роль между всѣми греческими государствами. Она была невелика: самая большая ширина ея, гдѣ она прилежитъ къ твердой землѣ, 6 миль. Она не принадлежала къ числу плодороднѣйшихъ земель Греціи, не производила даже довольно хлѣба для своего продовольствія; за то она изобиловала: маслинами и медомъ на г. *Гиметѣ*, мраморомъ въ г. *Пентиликонѣ* и серебряными рудниками въ г. *Лавріонѣ.* Трудолюбіе и промышленность жителей вознаградили ее съ избыткомъ за то, въ чемъ отказала ей природа. Мѣстоположеніе

вездѣ живописное, климатъ благорастворенный. Главный городъ *Аѳины* на разстояніи одной мили отъ моря между двумя рѣками—Кефиссомъ и Илиссомъ, на равнинѣ усыпанной холмами, изъ которыхъ на высочайшемъ находилась крѣпость или верхній городъ (акрополисъ), кругомъ ея нижній городъ (анополисъ). При входѣ въ крѣпость находились *пропилеи*, великолѣпное зданіе въ родѣ воротъ, украшенное чудными изваяніями и живописью; въ крѣпости находился храмъ богини *Аѳины*, покровительницы Аѳинъ, на лѣво *эректейскій*, на право *парѳенонъ*; въ нижнемъ городѣ—съ одной стороны *одеонъ*, гдѣ поэты читали свои произведенія и *театръ Бахуса*, вмѣщавшій въ себѣ 30,000 зрителей; съ другой стороны—*пританей*, гдѣ хранились законы и священный огонь и содержались на казенный счетъ заслуженные граждане. Городъ, имѣвшій 10 воротъ, былъ окруженъ прекрасными садами, гдѣ находились *лицей* и *академія*, мѣста, прославленныя лекціями греческихъ философовъ. Двѣ огромныя стѣны вели изъ нижняго города къ тремъ гаванямъ аѳинскимъ: *Пирею*, *Мунихіи* и *Фалерону*. Пирей съ своими площадями, храмами, рынками и торговымъ шумомъ составлялъ особенно живой городъ, живѣе, можетъ быть, самихъ Аѳинъ. Изъ другихъ мѣстъ Аттики замѣчательны: *Элевзинъ*, мѣсто священныхъ таинствъ, и *Мараѳонъ*, знаменитый побѣдою Грековъ надъ Персами. c) Беотія, къ сѣверозападу отъ Аттики, окруженная хребтами Геликона, Киѳерона и Парнасса. Многочисленныя горныя рѣки своими разлитіями образовали здѣсь озеро (Копайское) и утучнили почву. Это была самая плодоносная область; города ея всѣ знамениты въ исторіи, судьба хотѣла, чтобы жребій Греціи рѣшался всегда въ Беотіи; при *Платеѣ* снискана была свобода, при *Херонеѣ* потеряна, при *Танагрѣ* побѣдили Спартанцы, при *Левктрѣ* были побѣждены и должны были уступить гегемонію *Ѳивамъ*, главѣ городовъ беотійскихъ. Горою Парнассомъ отдѣлялась отъ Беотіи d) Фокида, въ которой находились важнѣйшіе горные проходы въ Беотію и Аттику. На южной сторонѣ горы Парнасса расположены были гор-

ные *Дельфы* съ славнымъ *аракуломъ Аполлона* и удивительными произведеніями искусства. Здѣсь въ совѣтѣ *амфиктіоновъ* созрѣли правила народнаго права Грековъ, сюда стекались толпы богомольцевъ и зрителей на праздпества и *пифійскія игры*, здѣсь при Кастальскомъ ручьѣ звучали пѣсни поэтовъ на торжественныхъ собраніяхъ. Теперь не осталось никакихъ слѣдовъ отъ всего этого. e) Локрида, между горою Парнассомъ и Фокидою, раздѣлялась на три части. Здѣсь находились *Ѳермопилы*, единственный путь изъ Ѳессаліи въ Элладу. f) Дорида, небольшая область къ сѣверу отъ Локриды, составляла союзъ четырехъ городовъ и была колыбелью дорическихъ племенъ. g) Этолія и h) Акарнанія, западныя части Эллады, раздѣленныя Ахелоемъ, играли незначительную роль въ исторіи Греціи. Этолія выступила на сцену уже послѣ Александра В. въ такъ называемомъ *этолійскомъ союзѣ;* Акарнанія же замѣчательна по сраженію при мысѣ Акціумѣ, происходившему въ 30 г. до Р. Х. между двумя Римлянами: Антоніемъ и Октавіемъ, которое доставило послѣднему изъ нихъ владычество надъ древнимъ міромъ.

3. *Сѣверная Греція.* Хребетъ Эта отдѣляетъ среднюю Грецію отъ сѣверной, въ которой Ѳессалія занимаетъ восточную, а Эпиръ западную часть. a) Ѳессалія, колыбель всѣхъ греческихъ племенъ, съ трехъ сторонъ замыкается горными хребтами *Эты*, *Пинда* и *Олимпа*, а съ четвертой омывается моремъ. Землетрясеніе прорвало сплошный хребетъ и образовало между *Олимпомъ* и *Оссою* прекрасную *Темпейскую* долину, орошаемую рѣкою *Пенеемъ*. Здѣсь говоритъ преданіе, Эллины начали воздѣлывать землю и отсюда племена ихъ распространились на югъ. Имена всѣхъ областей напоминаютъ о древнѣйшемъ періодѣ и героическомъ вѣкѣ греческой жизни. Городовъ было множество; самые замѣчательные: *Ларисса* и *Фарсалъ*. Богатство и плодородіе страны имѣло вредное и разслабляющее вліяніе на духъ народа. b) Эпиръ, послѣ Ѳессаліи величайшая, но менѣе воздѣланная земля Греціи; изъ городовъ ея примѣ-

чателенъ: *Додона*, славный по своему оракулу. За рѣкою Пенеемъ терялось чистое племя и языкъ Эллиновъ; тамъ жили другія племена, вѣроятно, иллирійскаго происхожденія.

b) ОСТРОВА.

Твердая земля Эллады была окружена островами, изъ коихъ каждый имѣлъ свою достопамятность, свою славу.

1. *Острова на Іоническомъ морѣ:* a) Коркира славилась плодородіемъ, гаванью и садами. b) Левкадія съ мысомъ *Левката*, прославленнымъ трагическою смертію *Сафо*. c) Иѳака, родина *Улисса*. d) Киѳера почиталась царствомъ Афродиты.

2. *У восточнаго берега лежащіе:* a) Эгина, не смотря на малую величину, процвѣтала своею торговлею и искусствомъ и долго спорила съ Аѳинами о владычествѣ на морѣ. b) Саламинъ дорогъ былъ для всѣхъ Грековъ побѣдою надъ Персами. c) Эвбея, одинъ изъ огромнѣйшихъ острововъ съ городами *Халкидою* и *Эретріею*, славилась плодородіемъ.

3. *Цикладскіе острова:* a) Делосъ, съ храмомъ *Аполлона*. b) Паросъ, съ лучшимъ въ Греціи мраморомъ. c) Наксосъ.

4. *Спорадскіе острова:* a) Самоѳракія, мѣсто знаменитыхъ таинствъ. b) Ѳазосъ съ золотыми рудниками.

5. *У азіятскаго берега:* a) Лесбосъ. b) Хіосъ. c) Самосъ. d) Патмосъ. e) Косъ и f) Родосъ, съ колоссомъ родосскимъ.

6. *Острова Критъ* и *Кипръ*. a) Критъ, мѣсто древнихъ дорическихъ постановленій, съ городомъ *Кноссомъ* и горою *Идою*. b) Кипръ, прославленный богослуженіемъ *Афродитѣ* и превосходнымъ виномъ.

Разсматривая географическое положеніе Греціи, мы выводимъ слѣдующіе результаты:

1) Греція сама въ себѣ географически такъ раздѣлена и разорвана, что одно сильное государство не могло въ ней

возникнуть: не легко могла Θессалія владычествовать по ту сторону Эты, еще менѣе Эллада надъ Пелопонессомъ или на оборотъ.

2) Хотя Греція уступаетъ многимъ странамъ въ плодородіи, но за то въ Европѣ невозможно найти другую страну, гдѣ бы природа представляла столько удобствъ для разныхъ отраслей промышленности. Греція была способна къ земледѣлію, скотоводству и торговлѣ. Мессенія особенно отличалась нивами, а Аркадія пастбищами, Аттика масломъ и медомъ, Θессалія конями; рудокопство процвѣтало въ Лавріонѣ и на о. Θазосѣ. Для торговли выгодны были всѣ приморскіе города: разорванные берега и цѣпь острововъ привлекали къ судоходству. Такимъ образомъ естественныя свойства страны породили многосторонность и дѣятельность жизни, а эта послѣдняя произвела многосторонность идей и занятій и послужила основаніемъ для дальнѣйшаго развитія греческой націи.

3) Наконецъ никакая другая страна въ Европѣ не имѣла такого выгоднаго положенія для сообщенія съ древнѣйшими образованными странами древняго міра, какъ Греція. Въ Малую Азію и Финикію дорога шла съ острова на островъ, въ Италію былъ одинъ переѣздъ, недалеко было и до Египта.

Характеръ и происхожденіе греческаго народа.

Народъ греческій богато одаренъ былъ отъ природы въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ. Какъ у другихъ народовъ красота, такъ у Грековъ ея отсутствіе было странностію, исключеніемъ изъ общаго правила. По сохранившимся до насъ произведеніямъ греческаго ваянія, по живущему доселѣ населенію Греціи, мы можемъ довольно вѣрно представить себѣ наружный видъ древняго Эллина. Высокій ростъ, стройный станъ, соразмѣрность во всѣхъ членахъ, бѣлое лице, самый развитой черепъ, благородный прямой

профиль, голубые, исполненные одушевленія глаза, красиво вьющіеся волоса—вотъ наружные признаки Эллиновъ. Вольная жизнь на воздухѣ и солнцѣ развивала и укрѣпляла ихъ легкія, сообщала особую гибкость членамъ и силу мускуламъ. Доказательствомъ здоровья ихъ служитъ то, что, при раннемъ развитіи, у нихъ старость отъ 80 до 100 лѣтъ была не въ рѣдкость; мудрецы и государственные люди въ этомъ возрастѣ находились еще во всей полнотѣ своей дѣятельности.

Способность быстраго пониманія, вѣрная память, свѣтлый умъ и необыкновенно богатая фантазія составляли отличительныя свойства эллинскаго духа, сдѣлавшія Эллиновъ способными развить науку и искусство, болѣе всѣхъ народовъ древности. Чувство гармоніи между наружнымъ и внутреннимъ (между формою и содержаніемъ) и любовь къ прекрасному были врождены Грекамъ, и вся жизнь ихъ, общественная, умственная и религіозная, развивалась подъ вліяніемъ идеи прекраснаго. Статное, красивое и здоровое сложеніе почиталось естественнымъ выраженіемъ здороваго и правильно развитаго духа: для Грековъ казалось удивительнымъ, что въ такихъ неизящныхъ формахъ, каковъ былъ черепъ Сократа, обиталъ духъ, стремившійся къ божественному. Отсутствіе постоянства и силы характера, коренные недостатки Эллиновъ, произвели то, что, «нѣжный, изящный цвѣтъ греческой жизни, не имѣлъ въ себѣ силъ цвѣсти долго; хотя кратковременное цвѣтеніе его и было прекрасно».

У самыхъ Грековъ не было преданій о переселеніи ихъ народа въ Элладу: они не въ состояніи были даже представить себя внѣ Эллады, чувствовали себя связанными съ этою землею и называли себя туземцами—автохтонами. Но хотя въ сказаніяхъ Грековъ не сохранилось воспоминаній о какой либо другой первоначальной родинѣ, кромѣ Эллады, тѣмъ не менѣе первоначальная родина ихъ не въ Европѣ, а въ Азіи. Учеными изслѣдователями признано, что греческій языкъ принадлежитъ къ семьѣ индо-германскихъ или арій-

скихъ языковъ, сходство которыхъ приводитъ къ заключенію, что всѣ народы, говорящіе этими языками, суть вѣтви одного, который въ незапамятныя времена жилъ въ верхней Азіи у вершинъ Гинду-ку (Парапомиза). Отъ этого кореннаго народа пошли Индусы, Персы, Греки, Италійцы, Славяне, Германцы, Кельты. Раньше другихъ оставили Азію и чрезъ Уральскія ворота перекочевали въ Европу Кельты, Германцы и Славяне; но свойство новой ихъ родины, покрытой лѣсами, болотами, суровой и дикой, было причиною довольно поздняго ихъ развитія. Позднѣе другихъ перешли чрезъ Каспійскія ворота въ южную Европу Греко-Италійцы, извѣстные подъ общимъ именемъ *пеласгическихъ народовъ* (Пеласговъ): одна отрасль этихъ народовъ заняли Балканскій полуостровъ и легла въ основу греческой народности; другая заняла Аппенинскій полуостровъ и легла въ основу римской народности. Обѣ эти главныя отрасли Пеласговъ раздѣлялись опять на множество вѣтвей и состояли изъ множества народовъ, которые, имѣя въ основаніи общій языкъ, одни физическія и нравственныя свойства, различались другъ отъ друга въ частностяхъ: каждый говорилъ своимъ нарѣчіемъ, имѣлъ свои обычаи, свой особенный характеръ и стоялъ на извѣстной степени развитія. Въ особенности это случилось съ Пеласгами, занявшими Балканскій полуостровъ, гдѣ такое разнообразіе вызвано и усилено было разнообразіемъ мѣстности (*).

(*) Надъ разработкою исторіи греческой трудились особенно Нѣмцы и Англичане. Самое лучшее новѣйшее сочиненіе по греческой исторіи написалъ Англичанинъ Георгъ Гротъ.

До-историческая Греция.

I.

Преданія о первоначальныхъ народахъ Греціи и о колонистахъ; Эллины и событія героическаго времени.

Многочисленныя племена той отрасли Пеласговъ, которая заняла греческій полуостровъ съ окружающими его островами, во первыхъ, *не за одинъ разъ переселились* сюда съ противоположнаго берега Азіи, но переселенія эти повторялись нѣсколько разъ въ разное время; во-вторыхъ, пришельцы *не съ разу осѣлись* на постоянныхъ мѣстахъ, но часто смѣняли другъ друга, и каждое племя, тѣснимое другимъ сильнѣйшимъ, не имѣя сначала прочной осѣдлости, безъ особеннаго труда бросало свои пажити.

Въ разновременныхъ переселеніяхъ пеласгическихъ народовъ изъ Азіи въ Грецію ученые различаютъ *двѣ эпохи;* болѣе древній приливъ привелъ на Балканскій полуостровъ населеніе, за которымъ удержано было въ собственномъ смыслѣ названіе *Пеласговъ;* позднѣе, чрезъ нѣсколько вѣковъ (въ XV в. до Р. Х.), сдѣланъ былъ новый приливъ нѣсколькихъ племенъ пеласгическихъ, собраніе которыхъ извѣстно подъ именемъ *Эллиновъ.* Будучи гораздо малочисленнѣе прежней, проложившей имъ путь въ Грецію, массы Пеласговъ, эти Эллины были одарены высшими духовными силами и призваны были пробудить историческую жизнь среди раньше ихъ вышедшихъ одноплеменниковъ, которыхъ они отчасти подчинили своей власти, а отчасти вытѣснили изъ прежнихъ мѣстъ. Но не однимъ собственнымъ силамъ и способностямъ обязаны Греки началомъ образованія и общественной жизни: по обще-распространенному преданію, сѣмена образованія принесены были къ нимъ, въ древнѣйшее время, *колонистами* изъ образованнѣйшихъ странъ Востока: Финикіи и Египта.

Преданія и воспоминанія о заселеніи и передвиженіяхъ племенъ пеласгическихъ на Балканскомъ полуостровѣ и о древнѣйшихъ сношеніяхъ ихъ съ Финикіею и Египтомъ составляютъ предметъ *до-историческаго* или миѳическаго періода греческой жизни (до 776 г. до Р. Х. или до первой записанной олимпіады). Разсказы о событіяхъ этого отдаленнаго времени, прежде чѣмъ записали ихъ историки, были достояніемъ народной молвы и поэзіи, и нельзя поручиться, что эта молва не измѣнила ихъ вида смѣшеніемъ дѣйствительности и вымысла, которое столь обыкновенно въ народныхъ сказаніяхъ, а тѣмъ болѣе въ сказаніяхъ такою поэтическою, такою сильною фантазіею одареннаго народа, какъ Греки. На этомъ основаніи всѣ преданія о первоначальной жизни древнихъ Грековъ (до тѣхъ поръ, пока, на ряду съ народнымъ сказаніемъ, является первое современное записываніе событій, за 776 л. до Р. Х.) должны быть отнесены къ такъ называемому миѳическому или до-историческому времени; только съ 1-й записанной олимпіады начинается достовѣрная исторія, историческое время. Выключить вовсе изъ исторіи преданій о до-историческомъ времени мы не можемъ: вопервыхъ потому, что въ нихъ скрывается начало жизни греческаго народа, какъ и всякаго народа, во-вторыхъ потому, что въ этихъ легендахъ заключается исторія духовной жизни народа.

Въ до-историческій періодъ греческой жизни происходили: а) первое заселеніе Греціи Пеласгами; б) переходъ первоначальныхъ жителей ея къ жизни общественной, посредствомъ сношенія съ образованнымъ Востокомъ: и с) подчиненіе Пеласговъ одноплеменными, но позднѣе ихъ пришедшими изъ Азіи Эллинами, или героическій періодъ жизни Грековъ.

А) ПРЕДАНІЯ О ПЕЛАСГАХЪ.

Отдаленность времени, въ которое пришли Пеласги изъ азіатской родины своей въ Грецію, сгладила въ памяти поз-

днѣйшихъ Грековъ представленіе объ этомъ переселеніи, и они почитали этихъ Пеласговъ коренными туземцами, которые приготовили почву для Эллиновъ, очистили лѣса, осушили болота, выровняли скалы. Легенда называетъ ихъ дѣтьми Пеласга, котораго родила «черная земля Аркадіи.» Къ пеласгическому времени относится сказаніе о такъ называемомъ Огигесовомъ потопѣ, который измѣнилъ наружный видъ мѣстности (особенно въ Аттикѣ и Беотіи), общею опасностію соединилъ тѣснѣе колѣна Пеласговъ другъ съ другомъ и заставилъ ихъ на вершинахъ горъ построить громадныя башни и стѣны, чтобы въ случаѣ новой бѣды найти пріютъ. Эти постройки, извѣстныя подъ именемъ *циклопскихъ памятниковъ* и до нынѣ уцѣлѣвшія въ разныхъ мѣстахъ, къ которымъ привязано имя Пеласговъ, сложены изъ огромныхъ глыбъ камня, безъ всякой отдѣлки и безъ всякой связи (цемента), и имѣютъ внутри форму полусвода. Они похожи на такъ называемые друидическіе памятники западной Европы. Пеласги, по преимуществу народъ земледѣльческій и пастушескій, удержали и въ позднѣйшія времена старобытный характеръ, особенно въ Аркадіи, гдѣ среди горъ уцѣлѣлъ надолго старый типъ пеласгическій въ особой чистотѣ. Легенды о Пеласгахъ сохранились: a) въ *Эпирѣ*, въ которомъ находился оракулъ додонскій, какъ центръ религіозной жизни ихъ; b) въ *Өессаліи*, гдѣ въ плодоносныхъ долинахъ они издревле стали заниматься земледѣліемъ; c) въ *Беотіи*, гдѣ преданія помѣщаютъ самое сильное пеласгическое государство—*Орхоменъ*, основанный пеласгическимъ колѣномъ Миніями, кругомъ котораго сохранились циклопскія постройки и водопроводъ озера Копайскаго; d) въ *Аркадіи*, которая почитается родиною древнѣйшаго культа (богослуженія) греческаго Зевсу ликейскому, съ человѣческими жертвами; e) въ *Аргосѣ*, гдѣ царствовалъ Инахъ, котораго имя у Грековъ обратилось въ нарицательное прозвище сказочнаго царя, какъ въ нашихъ сказкахъ имя царя Гороха.

в) Предапія о восточныхъ колонистахъ.

Греки имѣли огромное вліяніе на образованность древняго міра, но нельзя отрицать, чтобы и они сами остались чужды вліянія своихъ предшественниковъ въ исторіи— образованныхъ народовъ Востока. Народное мнѣніе самихъ Грековъ объ этомъ вліяніи высказано, во-первыхъ, въ преданіяхъ о стародавнемъ поселеніи Египтянъ (Даная въ Аргосѣ и Кекропса въ Аттикѣ), Финикіянъ (Кадма въ Беотіи) и Фригійцевъ (Пелопса въ Элидѣ); во-вторыхъ повторяется у древнѣйшихъ поэтовъ греческихъ; въ-третьихъ принимается историками и философами, которые (какъ напр. Геродотъ и Платонъ) не изъ однихъ книгъ почерпали свѣдѣнія свои, но и изъ живаго наблюденія, во время путешествій по Египту и Азіи. Если же нельзя отрицать (подобно нѣкоторымъ ученымъ) древнѣйшаго вліянія на Грецію Финикіянъ и Египтянъ, то надо признаться, что самыя преданія о поселеніяхъ этихъ народовъ въ Греціи такъ украшены поэтическими вымыслами, что трудно отдѣлить въ нихъ дѣйствительность отъ сказки. За достовѣрное можно принять вотъ что: Финикіяне, всемірные торговцы древности, издревле приплывали къ островамъ и берегамъ Греціи, съ цѣлію добывать мѣдную, желѣзную и серебряную руду (напр. на островѣ Θазосѣ), ловить пурпуровыя раковины, которыми изобиловали берега Пелопоннеса и Беотіи, и рубить лѣсъ, которымъ богаты были «обильно-лиственныя горы Эллады.» При этомъ они завели издревле здѣсь свои торговыя стоянки и факторіи. Торговля была мѣновая; но, вмѣстѣ съ мѣною товаровъ, происходила передача и разныхъ религіозныхъ, общественныхъ, промышленныхъ свѣдѣній и учрежденій образованными Финикіянами грубымъ Пеласгамъ. Были-ли въ глубокой древности прямыя сношенія у Пеласговъ съ Египтомъ и заимствованія у Египтянъ, или же происходили они чрезъ руки Финикіянъ, достовѣрно опредѣлить нельзя. Колонія Фригійца Пелопса, очевидно, эллинскаго происхожденія. Греки брали у иноземцевъ толь-

ко то, что приходилось имъ по ихъ натурѣ, и потомъ такъ переработали и такъ далеко усовершенствовали заимствованное, что оно явилось какъ-бы оригинальнымъ созданіемъ ихъ богатаго силами духа (*).

(*) Вотъ легенды о древнѣйшихъ восточныхъ колонистахъ:

Переселенцемъ изъ Финикіи былъ *Кадмъ*, который поселился въ Беотіи и положилъ основаніе ѳивскому государству. Онъ научилъ Пеласговъ винодѣлію, рудокопству и особенно письменному искусству. Судьба и преступленія потомка его Эдипа были у позднѣйшихъ Грековъ сюжетомъ трагедій.

Первымъ колонистомъ изъ Египта былъ *Кекропсъ*, поселившійся съ своею колоніею въ Аттикѣ и построившій крѣпость *Кекропію*, кругомъ которой возникли потомъ *Аѳины*. Ему приписываютъ соединеніе разсѣянныхъ жителей Аттики въ одинъ народъ, учрежденіе у нихъ религіозныхъ обрядовъ, погребенія мертвыхъ, земледѣлія и воздѣлыванія оливковыхъ деревьевъ.

Другая колонія египетская была основана *Данаемъ* въ Аргосѣ. Богатая фантазія Грековъ особенно развилась въ поэтическихъ сказаніяхъ о судьбѣ Данаевыхъ потомковъ *Персея* и *Геркулеса*, величайшаго героя миѳической Греціи.

Персей прославился истребленіемъ Медузы, чудовища, отъ взгляда котораго каменѣли люди. На Пегасѣ (крылатомъ конѣ), этотъ герой совершилъ много славныхъ дѣлъ. Еще болѣе Персея прославился потомокъ его *Геркулесъ* своими знаменитыми подвигами, своею необыкновенною силою и отвагою. По опредѣленію судьбы, повинуясь приказаніямъ брата своего, онъ поймалъ ужаснаго немейскаго льва и задушилъ его руками (кожа этого страшнаго звѣря служила ему впослѣдствіи одеждою), потомъ убилъ лернейскую гидру, чудовище, у котораго вмѣсто одной отрубленной головы выростала новая; укротилъ свирѣпаго вепря и живаго принесъ его къ царю на своихъ плечахъ; истребилъ гарпій, страшныхъ птицъ съ крыльями летучей мыши, съ желѣзными клювами и острыми кривыми когтями; похитилъ славныя золотыя яблоки, которыя оберегались стоглавымъ дракономъ въ гесперидскихъ садахъ африканскаго царя Атласа, и совершилъ множество другихъ славныхъ подвиговъ.

Наконецъ выходецъ изъ Фригіи *Пелопсъ* поселился на западномъ берегу южной Греціи, въ Элидѣ. Богатства доставили ему случай породниться съ благородными владѣтелями изъ фамиліи Даная, а впослѣдствіи онъ успѣлъ овладѣть цѣлымъ полуостровомъ, который по его имени прозванъ Пелопоннесомъ. Потомки Пелопса, Агамем-

c) ПРЕДАНІЯ ОБЪ ЭЛЛИНАХЪ.

Спустя много времени послѣ перваго переселенія пеласгическаго народа изъ Азіи въ Европу, слѣдовали переселенія отдѣльныхъ племенъ того же народа, которыхъ позднѣйшіе Греки назвали однимъ общимъ именемъ *Эллиновъ* (Геллеповъ) (*). Перейдя Геллеспонтъ, они чрезъ Ѳракію проникли въ сѣверо-греческую альпійскую страну Ѳессалію и здѣсь, въ горныхъ кантонахъ, ведя жизнь земледѣльческую, охотничью и пастушескую, образовали четыре главныя поколѣнія *Дорянъ*, *Іонянъ*. *Эолянъ* и *Ахейцевъ*. Къ этимъ Эллинамъ привязаны всѣ завѣтныя и дорогія воспоминанія

нонъ, царь микенскій, и братъ его Менелай, царь спартанскій, являются героями въ сказаніяхъ о троянской войнѣ.

(*) Вотъ поэтическій разсказъ о происхожденіи Эллиновъ. *Прометей,* потомокъ неба и земли, человѣкъ, одаренный божественнымъ духомъ, захотѣлъ подобно Зевсу быть творцемъ человѣка: онъ сдѣлалъ изъ глины человѣческую статую и воодушевилъ ее огнемъ, похищеннымъ съ неба. За такую дерзость Зевсъ велѣлъ приковать его къ скалѣ кавказской, гдѣ коршунъ безпрерывно терзалъ его сердце. Наконецъ Геркулесъ избавилъ страдальца отъ мученій: Зевсъ простилъ его и даровалъ ему безсмертіе. Этому разсказу ученые толкователи даютъ тотъ смыслъ, что геніальный Прометей научилъ дикій народъ, жившій около кавказскихъ горъ, употребленію огня и разнымъ ремесламъ и искусствамъ, необходимымъ въ жизни. Чрезъ это онъ изъ народа дикаго какъ бы вновь создалъ людей просвѣщенныхъ и, при этомъ, показалъ благодѣтельное и высокое стремленіе оградить человѣка отъ опасностей, которымъ грозитъ ему природа. Далѣе преданіе говоритъ, что сынъ Прометея *Девкаліонъ* переселился въ Ѳессалію и за свою добродѣтель и благочестіе былъ спасенъ отъ потопа, которымъ Зевсъ казнилъ страну эту. По окончаніи потопа Девкаліонъ и супруга его Пирра пристали на караблѣ къ г. Парнассу и слышали съ неба голосъ, который приказывалъ имъ, для заселенія опустошенной земли, бросать чрезъ себя кости своей матери. Они набрали камней и бросали ихъ чрезъ себя; и эти камни, почитаемые костями земли, общей матери человѣковъ, обращались въ людей, которые въ короткое время и заселили всю Грецію. Девкаліонъ былъ отцемъ Эллина, отъ сыновей и внуковъ котораго пошли 4 главныя поколѣнія Эллиновъ: Эоляне, Доряне, Іоняне и Ахейцы.

Грековъ. Они гордились своею эллинскою кровью, народностію и религіею; они создали для Эллиновъ особое миѳическое родословіе: это уже не потомки Пеласга, сына черной земли, но потомки Эллина, ведущаго свое начало отъ титана Прометея, творца, благодѣтеля и доблестнаго страдальца за человѣческій родъ въ борьбѣ съ Зевсомъ, у котораго онъ похищаетъ для людей священный огонь образованія. Такова была народная молва о происхожденіи Эллиновъ; но уже, между самими Греками, даровитѣйшій историкъ Ѳукидидъ смотрѣлъ на древнѣйшихъ жителей Греціи, Пеласговъ и Эллиновъ, какъ, *на одинъ народъ*, а въ наше время, большинствомъ ученыхъ признано, что Пеласги и Эллины принадлежатъ къ одному и тому же племени пеласгическому и различаются не столько по крови, сколько по времени пришествія въ Грецію и по степени развитія. Пеласги пришли раньше и не пошли далѣе пастушескаго и простаго земледѣльческаго быта; а Эллины пришли позднѣе, подчинили себѣ Пеласговъ и пробудили въ нихъ начало многосторонней общественной жизни.

Съ появленіемъ воинственнаго племени Эллиновъ начинается такъ называемый *героическій вѣкъ* греческой жизни, исторія котораго облечена въ покровъ богатыхъ поэтическихъ сказаній и увѣковѣчена въ неумирающихъ пѣсняхъ древнихъ поэтовъ и цѣлаго народа. Въ этотъ вѣкъ свѣжая, молодая дѣятельность Эллиновъ проявилась въ безпрерывныхъ войнахъ и смѣлыхъ предпріятіяхъ, какъ отдѣльныхъ народныхъ героевъ (Геркулеса, Тезея и др.), такъ и цѣлыхъ племенъ, въ Греціи и за-моремъ, въ странахъ отдаленныхъ. Изъ предпріятій героическаго времени, въ которыхъ участвовало наибольшее число племенъ и героевъ греческихъ, особенно любимы были поэтами слѣдующія: a) походъ Аргонавтовъ, около котораго сосредоточены сѣверо-греческія легенды, b) ѳиванскія войны, главный сюжетъ беотійскихъ сказаній, c) троянская война, центръ обще-греческихъ преданій героическаго періода, самое дорогое для Грековъ воспоминаніе изъ первоначальной ихъ жиз-

ни. Троянскою войною, какъ слѣдствіе, вызвано было d) вторженіе Дорянъ въ Пелопоннесъ подъ предводительствомъ *Гераклидовъ*, завершающее собою до-историческій періодъ греческой жизни.

а) *Походъ Аргонавтовъ*. Поэтическія преданія разсказываютъ, что *Фриксъ*, князь беотійскій, гонимый своею злою мачихою, убѣжалъ вмѣстѣ съ сестрою *Геллою* на золоторунномъ баранѣ въ Колхиду (Грузію). Дорогою онъ лишился сестры, утонувшей въ морѣ (Геллеспонтѣ), и, прибывши въ Колхиду, принесъ барана въ жертву богамъ, а золотое руно его отдалъ царю колхидскому, который повѣсилъ этотъ подарокъ въ лѣсу и поставилъ стражемъ его дракона. Спустя сто лѣтъ, греческіе герои (числомъ 50) соединенными силами, на кораблѣ Арго, предприняли походъ въ Колхиду, чтобы возвратить оттуда золотое руно. Предводителемъ похода былъ храбрый *Язонъ*, князь ѳессалійскій, а славнѣйшими сподвижниками его: *Геркулесъ*—идеалъ древне-греческаго героя, *Орфей*—поэтъ, увлекавшій звуками своихъ пѣсенъ скалы и дикихъ звѣрей, *Тезей*—народный герой Аѳинянъ. Аргонавты должны были пройти вдоль и поперегъ всѣ страны земли, прежде чѣмъ достигли своей цѣли. Преданіе заставило ихъ побывать въ каждой землѣ, дѣйствительно извѣстной Грекамъ или созданной ихъ фантазіею. Въ какое мѣсто ни пріѣзжалъ потомъ Грекъ, чтобы начать торговлю или основать колонію, онъ увѣренъ былъ, что аргонавты были тамъ прежде его, основывалъ какое-нибудь святилище въ ихъ память и испрашивалъ себя ихъ покровительство. Такимъ образомъ, памятники посѣщенія аргонавтовъ могли легко распространиться по всѣмъ морямъ на востокѣ и западѣ, гдѣ только перебывали потомъ Греки. Легенда оканчивается тѣмъ, что Язонъ, при помощи чаръ дочери колхидскаго царя *Медеи*, успѣлъ овладѣть руномъ, увезъ Медею, бросилъ ее на дорогѣ и, послѣ долгаго и труднаго странствованія, воротился домой съ своими дружинниками. Весь разсказъ исполненъ чудеснаго. Отдѣлить въ немъ вымыслъ отъ правды нельзя; можно только дога-

дываться, что онъ въ поэтической формѣ изображаетъ народныя понятія о древнѣйшихъ мореходныхъ сношеніяхъ Грековъ, въ особенности съ Грузіею, богатою золотымъ пескомъ, который тамъ добывали въ рѣкахъ посредствомъ овчинокъ.

b) *Ѳиванскія войны.* Не менѣе баснословенъ разсказъ о ѳиванскихъ войнахъ. Преданіе разсказываетъ, что царю ѳивскому *Лаю* оракулъ предсказалъ смерть отъ руки роднаго сына. Испуганный Лай, когда у него родился сынъ, велѣлъ убить младенца, но исполнитель приказанія не осмѣлился поднять рукъ на малютку и бросилъ его на близь лежащей горѣ. Найденный пастухами, онъ, былъ принесенъ въ Коринѳъ и отданъ тамошнему царю, который воспиталъ его, какъ роднаго сына, и назвалъ *Эдипомъ.* Когда Эдипъ выросъ и узналъ, что онъ не сынъ царя коринѳскаго, то отправился къ дельфійскому оракулу узнать тайну своего рожденія. Проѣзжая узкій проходъ въ Фокидѣ, онъ встрѣтилъ Лая, который приказалъ ему посторониться. Эдипъ, не зная царя, принялъ это повелѣніе за обиду и убилъ Лая. Прійдя за тѣмъ въ Ѳивы, Эдипъ освободилъ городъ отъ крылатаго чудовища Сфинкса, и благодарные Ѳиванцы возвели его на престолъ Лая, а вдова Лая отдала ему свою руку. Прошло нѣсколько лѣтъ, вдругъ по всему государству распространилась моровая язва. Эдипъ спросилъ оракула о средствахъ къ прекращенію бѣды. Оракулъ объявилъ, что небеса этимъ бѣдствіемъ караютъ Ѳивянъ за то, что они возвели на престолъ отцеубійцу, женатаго на родной матери. Несчастный Эдипъ рѣшился болѣе не смотрѣть на свѣтъ дневной: онъ самъ себѣ выкололъ глаза и добровольно оставилъ отечество, желая умереть тамъ, гдѣ еще не былъ извѣстенъ его плачевный жребій. Другіе-же говорятъ, что онъ былъ изгнанъ своими сыновьями *Этеокломъ* и *Полиникомъ.* Вездѣ, гдѣ ни проходилъ этотъ злополучный старикъ, люди въ ужасѣ бѣжали отъ него, при одномъ его имени. Только добрая дочь его *Антигона* посвятила всю жизнь свою на служеніе слѣпому отцу, дѣлила съ нимъ изгнаніе и сопровождала его повсюду, гдѣ онъ влачилъ жалкую жизнь

свою. Судьба, гнавшая Эдипа, гнала и весь родъ его. Этеоклъ и Полиникъ, сыновья Эдипа, согласились царствовать по очереди, но Этеоклъ не хотѣлъ уступить занятаго имъ престола и выгналъ Полиника, который удалился къ царю аргосскому, женился на его дочери и, вмѣстѣ съ своимъ тестемъ и пятью другими царями пелопоннезскими, отправился противъ брата. Ѳивы упорно защищались; братья рѣшились окончить дѣло поединкомъ: они яростно бросились другъ на друга и оба пали мертвыми. Ненависть, одушевлявшая этихъ братьевъ-враговъ, была такъ сильна, что когда тѣла ихъ, по обычаю того времени, были положены на костеръ для сожженія, то даже и пламя, пожиравшее ихъ тѣла, раздѣлилось, и самый прахъ ихъ не могъ быть соединенъ вмѣстѣ. При осадѣ погибли и другіе князья, участвовавшіе въ войнѣ. Сыновья семи вождей, павшихъ подъ стѣнами Ѳивъ, спустя 10 лѣтъ возобновили войну, взяли городъ и возвели на престолъ ѳивскій сына Полиника. Гнѣвъ небесъ тяготѣлъ и надъ внукомъ Эдипа: онъ сошелъ съ ума, и Ѳивяне возвели на престолъ новое поколѣніе царей, которые правили ими со славою.

Въ легендахъ о трагической гибели Эдипа и всего преступнаго рода его выражено религіозное вѣрованіе народа въ зависимость людей отъ судьбы (Ананке), опредѣленій которой человѣку избѣжать невозможно.

c) *Троянская война*, продолжавшаяся десять лѣтъ (отъ 1194 по 1184 г. до Р. Х.), есть главнѣйшее событіе героическаго времени. Разсказъ о ней, переданный намъ въ самомъ великомъ народномъ эпосѣ Грековъ, въ Иліадѣ Гомера, и въ поэмѣ римскаго поэта Виргилія—Энеидѣ, также поэтиченъ, какъ и всѣ легенды Грековъ. Въ троянскомъ походѣ мы видимъ въ первый разъ участіе и соединеніе всѣхъ греческихъ племенъ; со времени его Греки стали смотрѣть на себя, какъ на одинъ народъ. Уже давно Греки, и въ особенности Пелопиды (т. е. потомки Пелопса), питали вражду къ Троянцамъ за то, что родоначальникъ ихъ Пелопсъ былъ изгнанъ Троянцами изъ Малой Азіи; они искали только слу-

чая къ войнѣ, и случай этотъ представился, когда *Парисъ*, сынъ сильнаго троянскаго царя, «владыки Иліона и окрестныхъ народовъ», старика *Пріама*, оскорбилъ спартанскаго царя *Менелая*, отнявъ у него жену, красавицу Елену. Всѣ Греки взволновались, когда Менелай возвѣстилъ о нанесенной ему обидѣ. Большая часть князей греческихъ и 100 тысячъ простыхъ воиновъ стеклись подъ знамена брата Менелаева, царя микенскаго *Агамемнона*, сильнѣйшаго изъ всѣхъ царей Греціи, и на 1200 корабляхъ отправились въ Трою, для отмщенія за обиду, нанесенную Троянцемъ ихъ товарищу. Славнѣйшими героями греческими въ этомъ походѣ, кромѣ «царя мужей» Агамемнона и Менелая, были: хитроумный *Одиссей* (Улиссъ), владѣтель острова Итаки, *Несторъ*, царь мессенскій, опытный старикъ, изъ устъ котораго «рѣчи сладчайшія меда лилися,» *Ахиллесъ* «быстроногій,» князь ѳессалійскій, самый пылкій и доблестный герой греческій, сопровождаемый другомъ своимъ *Патрокломъ*. Предводителемъ и защитникомъ Троянцевъ былъ «блистательный, шлемомъ сверкающій» *Гекторъ*, старшій сынъ старика Пріама и мужъ несчастной *Андромахи*. Предъ отплытіемъ въ походъ, Агамемнонъ принесъ въ жертву богамъ дочь свою Ифигенію. Приставъ къ берегамъ Трои, Греки со всѣхъ сторонъ окружили Иліонъ, защищаемый твердыми стѣнами. Надежда скоро взять городъ обманула ихъ: Троянцы защищались отчаянно, битвы слѣдовали за битвами. Народная фантазія свела боговъ съ Олимпа и заставила участвовать въ борьбѣ людей. Много Грековъ и Троянцевъ легло уже подъ стѣнами Иліона, какъ вдругъ, на 9-мъ году войны, въ греческомъ лагерѣ появилась моровая язва, которая истребила пропасть народа и породила въ Грекахъ раздоръ. Пылкій Ахиллесъ оскорбленъ былъ Агамемнономъ; разгнѣванный, онъ заперся въ своей ставкѣ и перестаетъ сражаться. Этимъ случаемъ воспользовался Гекторъ, напалъ ночью на станъ греческій, зажегъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, умертвилъ много воиновъ и въ томъ числѣ Патрокла, друга Ахиллесова. Смерть друга вдохно-

вила Ахиллеса мщеніемъ: онъ снова ринулся на битвы, убилъ Гектора и самъ погибъ, сраженный рукою Париса. Недолго послѣ этого стоялъ Иліонъ: лишенный лучшаго своего защитника въ Гекторѣ, онъ былъ взятъ Греками посредствомъ хитрости и сдѣлался добычею меча и пламени (*). Пріамъ и Парисъ были убиты, а царица *Гекуба* съ своими дочерьми отведена была въ рабство. Но и со стороны Грековъ много легло героевъ подъ стѣнами Трои, а оставшіеся въ живыхъ встрѣтили, на возвратномъ пути и дома, неожиданныя несчастія. Агамемнонъ былъ убитъ своею женою Клитемнестрою; Менелай занесенъ былъ бурею въ Египетъ, а Одиссей десять лѣтъ блуждалъ по разнымъ странамъ, прежде чѣмъ могъ достигнуть своего отечества и увидѣть вѣрную и добрую жену свою *Пенелопу*.

d) *Вторженіе Гераклидовъ и слѣдствіе его* (1100 г.).

Долговременное пребываніе главнѣйшихъ греческихъ владѣтелей подъ Троею, погибель многихъ изъ нихъ подъ стѣнами ея, смуты и раздоры, встрѣченные нѣкоторыми изъ нихъ по возвращеніи на родину,—ослабили греческія государства героическаго періода, въ особенности въ Пелопоннесѣ.

(*) Вотъ что разсказываетъ преданіе о взятіи Греками Трои. По совѣту хитраго Одиссея, Греки, подавая видъ, что отказываются отъ надежды разрушить неодолимыя стѣны Иліона, сѣли на корабли, какъ будто для того, чтобы возвратиться въ Грецію и оставили на берегу огромнаго деревяннаго коня, распустивъ слухъ, что приносятъ его въ даръ богу моря для того, чтобы онъ послалъ имъ счастливое плаваніе. Во внутренности этого коня помѣщено было значительное число воиновъ. Троянцы, съ восторгомъ проводивши удаляющихся Грековъ, имѣли неосторожность втащить эту огромную лошадь (по совѣту одного измѣнника) въ свой городъ. Тогда, съ наступленіемъ ночи, Греки вышли изъ коня и отворили ворота своимъ товарищамъ, снова приставшимъ къ берегу, напали съ ними на неосторожныхъ Троянцевъ, умертвили Пріама, зажгли городъ, и все народонаселеніе его погибло отъ меча и пламени. Спасся только князь *Эней*, который бѣжалъ въ Италію.

Въ слѣдствіе этого, вскорѣ послѣ троянской войны, въ Греціи произошли сильныя потрясенія: одни поколѣнія потѣснили другія и заставили ихъ переселиться или въ другія области, или на острова. Описаніе этихъ переселеній относится еще къ области легендъ: что происходило постепенно и было слѣдствіемъ продолжительнаго ряда событій, то изображается въ этихъ легендахъ, какъ одно великое и славное дѣло, совершенное въ короткое время подъ предводительствомъ нѣсколькихъ миѳическихъ лицъ. Особенно знаменито въ области греческихъ легендъ завоеваніе Пелопоннеса Дорянами или такъ называемое возвращеніе Гераклидовъ. Пелопоннесъ по этому сказанію принадлежалъ издавна потомкамъ Геркулеса, котораго предокъ Данай вышелъ изъ Египта и поселился въ Аргосѣ; но его фамилія вытѣснена была изъ Пелопоннеса Пелопсомъ и Пелопидами. Такимъ образомъ завоеваніе Пелопоннеса Дорянами подъ начальствомъ Гераклидовъ легенда изображаетъ какъ возвращеніе его прежнимъ владѣтелямъ, по повелѣнію дельфійскаго оракула. Одна дружина въ одинъ походъ совершила это великое дѣло: три брата, праправнуки Геркулеса, предводительствуя горцами—Дорянами и Этолянами, вторгнулись въ Пелопоннесъ съ сѣвера, заняли почти весь полуостровъ, покорили прежнихъ его жителей и раздѣлили между собою его земли: старшій братъ Теменъ взялъ Арголиду, второй Кресѳонтъ—Мессенію, а дѣти третьяго Аристодема, Проклъ и Еврисѳенъ—Лаконику. Народное преданіе очень подробно разсказываетъ самое завоеваніе, но о томъ, что случилось послѣ него въ теченіе 3 вѣковъ, совершенно молчитъ. Новѣйшіе изслѣдователи доказали, что на самомъ дѣлѣ завоеваніе совершилось не такъ быстро, не за одинъ разъ, и что не одинаковымъ путемъ шли завоеватели. Сначала были завоеваны Аргосъ и Коринѳъ пришельцами съ моря; потомъ завоеваны были Лаконика и Мессенія Дорянами, которые пришли съ сѣвера Греціи, именно тѣмъ путемъ, какимъ приводитъ ихъ легенда. На завоеваніе одного

южнаго Пелопоннеса пришельцамъ нужны были усилія цѣлыхъ столѣтій.

Съ завоеваніемъ Пелопоннеса кончилась эпоха переселеній; племена осѣдаютъ окончательно на своихъ мѣстахъ; начинается развитіе городской жизни; образуются національные характеры главныхъ эллинскихъ племенъ и въ тоже время общенародный эллинскій характеръ; обнаруживаются зачатки богатаго умственнаго и художественнаго развитія, и эллинизмъ распространяется по восточному и западному бассейнамъ Средиземнаго моря, посредствомъ колонизаціи. Всѣ эти явленія относятся уже къ достовѣрной исторической эпохѣ.

2.

Гражданственность первобытной Греціи.

У Грековъ, какъ у народа, одареннаго богатою фантазіею, въ героическій періодъ ихъ жизни было много народныхъ поэтовъ, которые, переходя изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, на пирахъ и праздникахъ, увеселяли народъ пѣснями про старину, сопровождая свое пѣніе игрою на киѳарѣ или семиструнной лирѣ. Этихъ странствующихъ пѣвцовъ называли *рапсодами*. Подобно тому, какъ наши украинскіе бандуристы и кобзари поютъ про стародавніе казацкіе подвиги, пѣли и рапсоды о подвигахъ героевъ старой Греціи и особенно о подвигахъ, совершенныхъ при осадѣ Трои, самомъ народномъ событіи до-исторической Греціи. Около двухсотъ лѣтъ послѣ паденія Иліона, появился въ малоазіатскихъ колоніяхъ греческихъ одинъ изъ такихъ рапсодовъ, бѣдный слѣпой старикъ, все богатство котораго состояло въ семиструнной лирѣ, на которой онъ воспѣвалъ бѣдствія славнаго Иліона, подвиги Ахиллеса, странствованія Одиссея. Его звали *Гомеромъ*. Даръ пѣснопѣнія привлекалъ къ нему толпами слушателей; многіе выучивали наи-

зустъ его пѣсни, сами слагали новыя и потомъ ходили изъ края въ край, воспѣвая славу боговъ и героевъ. По смерти Гомера семь греческихъ городовъ спорили между собою о мѣстѣ его рожденія; въ другихъ городахъ воздвигали въ честь его храмы. Этому-то знаменитѣйшему рапсоду приписаны были пѣснопѣнія всѣхъ рапсодовъ, которые сначала сохранялись изустно и, уже вѣка четыре спустя, были собраны въ формѣ двухъ великихъ поэмъ: *Иліады*, гдѣ воспѣвается осада Трои отъ появленія моровой язвы до погребенія Гектора, и *Одиссеи*, гдѣ описаны странствованія хитроумнаго Одиссея.

Въ древности эти двѣ поэмы почитались священною книгою и основаніемъ греческаго воспитанія; того называли невѣждою, кто не зналъ стиховъ Гомера. Въ этихъ двухъ великихъ поэмахъ, Иліадѣ и Одиссеѣ, при чтеніи которыхъ сильно билось сердце каждаго грека, по которымъ онъ начиналъ и оканчивалъ свое воспитаніе, какъ живая, изображена и возстаетъ предъ ними героическая Греція, съ ея битвами, героями, нравами, обычаями и религіозными вѣрованіями.

Древнѣйшее населеніе Греціи жило въ родовомъ быту, привлекательный образъ котораго представленъ въ поэтическихъ сказаніяхъ (Гезіода) подъ именемъ золотаго вѣка, когда люди жили небольшими семействами подъ управленіемъ родоначальниковъ. Съ размноженіемъ народонаселенія, отношенія, основанныя на кровной привязанности родичей, ослабѣли. Настало время насилій, безурядицы и господства грубой силы. Постоянныя передвиженія еще не осѣвшихся племенъ ускорили паденіе родоваго быта и внесли въ него новый характеръ дружинный. Во всѣхъ предпріятіяхъ и событіяхъ героическаго времени на первый планъ выступаетъ личность *героевъ*, ясный признакъ дружиннаго быта. Уваженія къ обществу и закону еще нѣтъ: каждый дѣйствуетъ изъ личныхъ побужденій, отъ себя и для себя; передъ глазами нашими постоянно является или личная доблестная храбрость и кровожадная жестокость, или личная

привязанность родственниковъ и товарищей. Но и слѣды родовыхъ отношеній еще встрѣчаются. Вообще жизнь героическаго времени представляетъ смѣсь родоваго быта съ дружиннымъ и переходъ отъ перваго къ послѣднему.

Въ главѣ общества, какъ вождь, судья и жрецъ народа, стоялъ *царь* (базилевсъ), въ которомъ тѣлесное и душевное превосходство соединено было съ наслѣдственнымъ правомъ т. е. дружинныя условія съ родовыми. На личномъ его достоинствѣ основано добровольное ему подчиненіе дружины и народа, на родовомъ старшинствѣ—неограниченность его власти. Народъ съ подобострастіемъ внималъ голосу царя, съ ревностію принималъ его предложенія и повиновался его приказаніямъ, ибо вѣрилъ, что на царѣ и цѣломъ родѣ его благословеніе боговъ и что царь нерѣдко происходилъ прямо отъ боговъ. Но, чтобы поддержать въ народѣ это уваженіе, героическій царь долженъ былъ превосходить другихъ извѣстными душевными и тѣлесными свойствами. «Дряхлаго старца, изнуреннаго въ силахъ, перестаютъ честить народы». Гомерическіе цари мужественны въ полѣ, мудры въ думѣ и краснорѣчивы на вѣчѣ; они одарены тѣлесною силою и дѣятельностію болѣе прочихъ людей, хотя, и ругаются какъ обыкновенные люди (такъ Ахиллесъ и Агамемнонъ называютъ другъ друга собакою, пьяницею и т. п.); впрочемъ и самые боги не отстаютъ отъ нихъ въ перебранкѣ.

Около царя стояло небольшое число вождей, которые также назывались царями, также отличались древностію рода и личною доблестью по душѣ и по тѣлу. Они составляли *думу* (буле) главнаго царя. Впрочемъ эта дума не имѣла самостоятельной власти: она давала царю совѣты, но останавливать его воли не смѣла. Еще меньшее значеніе дается у Гомера *вѣчу* (агора) или собранію народа. Глашатаи сзывали вѣче; собравшійся народъ долженъ былъ сѣсть: стоящее вѣче признавалось признакомъ безпорядка. Равнымъ образомъ требовалось, чтобы народъ молчалъ. Царь открывалъ совѣщаніе сообщеніемъ своего предложенія, потомъ начинали разсуждать старики и вожди, воодушевляя на-

родъ къ ревностному исполненію царской воли. Этимъ вѣче и оканчивалось; о собираніи голосовъ Гомеръ не упоминаетъ. Собраніе вѣча было не болѣе, какъ средствомъ сдѣлать гласною волю царя, за незнаніемъ письма. Народъ имѣлъ только право слушать, а вожди—дѣйствовать.

Вообще, вездѣ у Гомера на первомъ планѣ являются вожди: имъ онъ удивляется, ихъ подвиги прославляетъ; вся остальная масса народа имѣетъ весьма мало значенія. Она состоитъ изъ свободныхъ простолюдиновъ и рабовъ; между первыми отличаются особеннымъ именемъ плотникъ, кузнецъ, кожевникъ, врачь, прорицатель, пѣвецъ, рыбакъ, глашатай, называвшіеся всѣ общимъ именемъ *деміурговъ*. У нихъ были въ личной собственности участки земли, которыхъ межи заботливо обозначались и ревностно охранялись. Но большая часть земли еще не была обработана и употреблялась на пастбище. Крупный скотъ былъ главнымъ имуществомъ богатаго человѣка и главнымъ предметомъ ссоръ и распрей; хлѣбъ и мясо были почти единственною пищею всѣхъ. На помѣстьяхъ богатыхъ людей работали по большей части рабы; они-же пасли ихъ стада; но въ извѣстной степени употреблялись для того и свободные безземельные люди, которые носили имя *ѳетовъ* и шли въ услуженіе за извѣстную плату и на извѣстное время.

Относительно *рабовъ* въ миѳической Греціи не замѣчается особенной суровости: всѣ классы общества стояли, относительно вкуса, чувства, образованія, почти на одной и той же степени; по этому образъ жизни раба былъ не многимъ хуже образа жизни господина. Съ нѣкоторыми рабами особенно хорошо обращались; такимъ преимуществомъ болѣе другихъ пользовались пастухи. Имъ ввѣрялся главный предметъ богатства господина; ихъ занятіе удаляло ихъ изъ-подъ прямаго надзора господина; поэтому пастухамъ подчиняли другихъ рабовъ и разсматривали ихъ почти какъ членовъ семейства. Рабство было несчастіемъ, которое въ то невѣрное время могло постигнуть каждаго; рабъ бывалъ часто по рожденію не менѣе благороденъ, какъ его господинъ. Классъ

рабовъ, судьба котораго была самая жалкая, составляли *невольницы*. Число ихъ было больше, нежели рабовъ, и съ ними обращались строже. На нихъ лежали самыя тяжелыя, изнурительныя работы дома: они носили воду изъ источника, мололи муку въ ручныхъ мельницахъ. Впрочемъ тяжкую работу раздѣляли съ рабынями госпожа и ея дочери: онѣ вмѣстѣ пряли и ткали, ходили по воду, мыли бѣлье. Не смотря впрочемъ на эти заботы и на обычай покупать жену у родителей большими подарками, обычай, который естественно долженъ былъ вести за собою беззащитность жены, мы видимъ, что жены героическаго времени пользуются даже большею свободою, и имѣютъ болѣе обширный кругъ дѣйствія, нежели въ исторической Греціи. Греческія легенды обязаны женщинамъ значительною частію своего интереса: Пенелопа, Андромаха, Елена, Клитемнестра, Іокаста, Гекуба стоятъ всѣ на первомъ планѣ картины, благодаря или добродѣтели своей, или красотѣ, или преступленіямъ и страданіямъ. Можетъ быть, такое явленіе происходило отъ частаго отсутствія господина дома, при чемъ его жена должна была заступать его мѣсто.

Въ одинаковомъ почти положеніи, какъ рабы, находились свободные бѣдняки, безземельные *ѳеты*. Бѣдный наймитъ былъ совершенно предоставленъ произволу своего господина. Число такихъ несчастныхъ безземельныхъ свободныхъ людей было, вѣроятно, довольно велико въ героическое время: они составляли большинство простыхъ ратниковъ, слѣдовавшихъ за героемъ на войну; ими же наполнялись многочисленныя шайки сухопутныхъ и морскихъ разбойниковъ того времени. Они принуждены были искать подобнаго занятія уже потому, что ихъ обыкновенно нанимали только на время рабочей поры, а постоянныхъ занятій ремесленническихъ было весьма мало въ Греціи того времени.

Общественныхъ законовъ, которые бы каждаго защищали, еще не было: все дѣлалось по личному чувству и личнымъ побужденіямъ. *Номосъ*—слово, означающее законъ, не встрѣчается у Гомера; Гомеръ знаетъ только повелѣнія

Зевса, или *ѳемисты*, и *обычаи*, основанные на этихъ велѣніяхъ. Эти обычаи ограничиваютъ разгулъ личнаго произвола; они требуютъ вѣрности клятвѣ, помощи страннику, гостепріимства и защиты просящему объ убѣжищѣ, но не было ничего, чтобы обязывало человѣка оставаться вѣрнымъ этимъ обычаямъ. Они дѣйствительно безпрестанно нарушались, иногда самымъ грубымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, хотя поэтъ и общество считали ихъ священными и боги наказывали за ихъ нарушеніе: трагическій ужасъ, проходящій по всему поколѣнію Кадма, основанъ на глубокомъ чувствѣ симпатіи къ священнымъ обычаямъ. Но богиня Ата, Пагуба, постоянно затемняла умъ героя и отвлекала его отъ ихъ исполненія. Особенно часто встрѣчается убійство; иногда чрезъ открытое нападеніе, иногда тайкомъ. Ахиллесъ закалаетъ 12 плѣнныхъ Троянъ надъ могилой Патрокла, а его сынъ Неоптолемъ, не только умерщвляетъ сѣдовласаго Пріама, но и схватываетъ за ногу ребенка, сына Гекторова, и сбрасываетъ его съ одной изъ башень Трои. Ахиллесъ, Менелай и Одиссей грабятъ, гдѣ только открывается возможность, устраняютъ противодѣйствіе не только силою, но и хитростью. Занятія морскаго разбойника пользовались даже уваженіемъ. Вообще можно сказать, что кто не въ состояніи былъ самъ себя защищать, тотъ не находилъ защиты у общества. Всѣ греческіе вожди ругались надъ трупомъ Гектора и вонзали въ него свои копья. Между тѣмъ, во время персидскихъ войнъ, считалось недостойнымъ оскорблять трупъ непріятеля, даже если былъ поводъ къ отмщенію на немъ прежней обиды. Убійца гомерическаго времени опасался не общественной мести и наказанія за свое преступленіе, а личной мести родственниковъ и друзей убитаго. Для избѣжанія этой опасности онъ принужденъ былъ или бѣжать изъ своей страны, или подарками купить себѣ прощеніе. Обязанность мстить за убійство лежала и на товарищахъ, но преимущественно она лежала на родственникахъ.

Торговлей почти никто не занимался. Въ героической Греціи она была дѣломъ почти однихъ Финикіянъ. Этотъ из-

воротливый народъ умѣлъ извлекать выгоду изъ частыхъ въ тогдашнее время насилій и разбоевъ. Финикіяне привозили Грекамъ разные наряды и украшенія, красивыя ткани, золото, электръ, слоновую кость, въ замѣнъ они получали кожу, шерсть и рабовъ, и были готовы, при удобномъ случаѣ, на нечестную прибыль. Финикіянинъ называется въ Одиссеѣ:

.... обманщикъ коварный,
Злой козподѣй, отъ котораго много людей пострадало.

Замѣчательно, что въ героическое время серебро и желѣзо были еще очень рѣдки. Всѣ драгоцѣнныя вещи дѣлались изъ золота и электра, а оружіе изъ «безжалостной» мѣди, которую тогда умѣли закаливать. Но не однимъ матеріаломъ, изъ котораго дѣлали оружіе, отличается гомерическое военное дѣло отъ позднѣйшаго греческаго: не менѣе рѣзкая противоположность видна и въ самомъ способѣ сражаться. Гоплиты или тяжело вооруженная пѣхота исторической Греціи составляли твердую линію; они дружно нападали на непріятеля копьями и сражались, не разстроивая рядовъ. Герои Иліады и Одиссеи, напротивъ того, употребляли копья, какъ бросательное оружіе, которое они съ неимовѣрною силою метали въ непріятеля; у каждаго изъ нихъ была своя колесница, запряженная парою коней, съ особеннымъ возничимъ; на ней они выѣзжали вскачь далеко впередъ отъ своихъ воиновъ и бросали копья въ выѣхавшаго также впередъ героя—непріятеля; иногда они соскакивали съ колесницы и вступали въ рукопашный бой, употребляя въ дѣло то длинный мечъ, то короткій кинжалъ; но колесница всегда оставалась вблизи ихъ, чтобы увезти ихъ съ поля сраженія. Въ битвѣ пѣшіе воины не сохраняли строя, не въ одно время бросали свои копья, а врознь нападали на воиновъ непріятельскихъ, также разрозненныхъ. Иліада сдѣлала безсмертными эти нестройныя битвы. Въ нихъ рѣзко выдаются немногіе блестящіе образы героевъ, а все остальное составляетъ безпорядочную, безсильную массу. Героическая тактика также мало могла имѣть успѣха въ осадѣ крѣпостей. При обѣихъ большихъ

осадахъ легендарнаго времени, при осадѣ Трои и Ѳивъ, взятіе города не было дѣломъ штурма. Троя была взята хитростью; Ѳивы сдались, когда жители, потерявъ сраженіе въ полѣ, оставили городъ по совѣту боговъ.

Историческая Греція.

I.

ОТЪ ЗАВОЕВАНІЯ ПЕЛОПОННЕСА ДОРЯНАМИ ДО ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ (ОТЪ XI ДО VI ВѢКА): ПЕРЕХОДЪ КЪ ДОСТОВѢРНОЙ ИСТОРІИ; КОЛОНИЗАЦІЯ; ОБРАЗОВАНІЕ ОСОБЕННАГО ХАРАКТЕРА ВЪ ПЛЕМЕНАХЪ; ЭЛЛИНИЗМЪ.

Переселеніе Дорянъ съ сѣвера Греціи на югъ и завоеваніе ими Пелопоннеса потѣснило прежнихъ жителей и имѣло слѣдствіемъ распространеніе эллинскаго народа по всему средиземному побережью, посредствомъ вывода колоній. Осѣвшіяся послѣ этого на своихъ мѣстахъ эллинскія племена занялись обработкою своего общественнаго и духовнаго быта, каждое подъ вліяніемъ особой мѣстности, на которой поселилось, и другихъ обстоятельствъ. Отсюда выработалось чрезвычайное разнообразіе въ многочисленныхъ городскихъ государствахъ, разбросанныхъ по берегамъ Средиземнаго моря; особенно рѣзка была противоположность между дорическими, по преимуществу сухопутными городами, образцемъ которыхъ была Спарта, и между іоническими, по преимуществу приморскими городами, главою которыхъ были Аѳины. Но не смотря на все разнообразіе особенностей въ развитіи каждаго мелкаго государства Эллады, всѣ они гордились одинаково своею эллинскою кровью, народностію и религіею; всѣ они одинаково презирали все не-эллинское,

называя его варварскимъ. Родство по крови и языку, общіе боги и праздники, сходство въ главныхъ обычаяхъ и наклонностяхъ — вотъ тѣ узы, которые соединяли историческихъ Грековъ въ одинъ народъ эллинскій и отъ которыхъ отказаться для Грека, по его собственному сознанію, было бы позорно. Эти общія свойства и учрежденія эллинизма также выработались въ первые 5 вѣковъ исторической жизни Греціи.

Итакъ внѣшнее распространеніе эллинизма посредствомъ основанія *колоній*, образованіе внутри эллинскаго міра особенныхъ *племенныхъ отличій* и, въ то же время, выработка *обще-эллинскаго характера*, въ противоположность варварамъ востока — вотъ три главныя явленія періода исторической Греціи до персидскихъ войнъ.

А) Историческій обзоръ греческихъ колоній.

Распространеніе эллинизма посредствомъ колонизаціи происходило въ теченіи почти всего періода отъ вторженія Дорянъ въ Пелопоннесъ до персидскихъ войнъ; оно начинается вѣроятно въ XI вѣкѣ; особенно сильно было сначала на востокъ отъ материка Греціи, а потомъ на западъ; оканчивается VI вѣкомъ. Образъ происхожденія колоній былъ двоякій. Однѣ колоніи были основаны безъ содѣйствія метрополіи, вслѣдствіе вторженія внѣшнихъ непріятелей или внутреннихъ войнъ въ метрополіяхъ; онѣ были независимы отъ метрополіи. Другія колоніи возникли при содѣйствіи метрополій, изъ видовъ политическихъ, торговыхъ и отчасти военныхъ; этого рода колоніи сначала управлялись законами своихъ метрополій, пока не усиливались и не выработывали собственныхъ законовъ; тогда политическая зависимость прекращалась, и мѣсто ея заступала нравственная связь, которую древніе сравнивали съ отношеніями выдѣленныхъ взрослыхъ дѣтей къ дому родительскому. Она выражалась тѣмъ, что колонисты брали съ собою на новую землю священный огонь метрополіи изъ храма Весты, который былъ символомъ государства; она поддерживалась раз-

ными почетными обрядами: колоніи отправляли въ метрополіи почетныя посольства, праздновали ихъ праздники, испрашивали у метрополіи предводителей, въ случаѣ вывода отъ себя колоніи, и проч. Впрочемъ эти добрыя связи иногда нарушались.

Главными колоніальными странами древнихъ Грековъ были: Малая Азія на востокѣ и Великая Греція (южная Италія) съ островомъ Сициліею на западѣ: это тоже, что Остъ-Индія и Вестъ-Индія у нынѣшнихъ Англичанъ. Къ этимъ странамъ примыкали другія, второстепенныя колоніи на Востокѣ.

1. *Восточныя колоніи* раздѣлялись на двѣ группы:

а) Мало-азіатскія колоніи были выведены раньше другихъ (XI — X в.), тотчасъ послѣ передвиженія Дорянъ. Онѣ тянулись вдоль западнаго берега Малой Азіи, отъ р. Граника до острова Родоса, и образовали три союза: эолійскій, іонійскій и дорійскій. *Эолійскій* союзъ состоялъ изъ 12 самостоятельныхъ и независимыхъ городовъ. Важнѣйшія изъ колоній этого союза были: на островѣ Лесбосѣ—*Метилене*, на континентѣ—*Смирна*, которая перешла послѣ въ руки Іонянъ. Онѣ имѣли общія религіозныя празднества (Панэоліи, отправлявшіяся около г. Кумъ). *Іонійскій союзъ* состоявшій также изъ 12 городовъ, занималъ берегъ на югъ отъ эолійскаго союза до мыса Посейдонова и острова Самосъ и Хіосъ. Основателями этихъ колоній были Іоняне, оставившіе Аттику вскорѣ послѣ уничтоженія царскаго достоинства въ Аѳинахъ. Храмъ Посейдона на м. Микале былъ общимъ святилищемъ союза и главнымъ мѣстомъ совѣщаній городовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свое собственное правленіе, находившееся большею частію въ рукахъ тиранновъ. Іонійскіе колоніальные города утратили свою независимость раньше другихъ греческихъ поселеній въ Малой Азіи, подпавъ сначала подъ власть Лидійцевъ, а потомъ Персовъ, которые впрочемъ мало вмѣшивались во внутреннія дѣла ихъ. Замѣчательнѣйшіе изъ іонійскихъ городовъ: Милетъ, Фокея и Эфесъ. *Милетъ*, по торговлѣ и богатству, считался въ числѣ

первыхъ городовъ древняго міра. Всѣ берега Чернаго Моря были покрыты его колоніями, которыхъ онъ основалъ до 100. Вся сѣверная торговля находилась въ рукахъ его, тогда какъ западная была въ рукахъ *Фокеи*, имѣвшей много колоній въ Италіи, Сициліи и Галліи, въ которой она основала Массилію (Марсель). *Эфесъ*, замѣчательный храмомъ Діаны, чудомъ свѣта, возвысился послѣ паденія Милета и Фокеи. Изъ островов іонійскаго союза островъ *Самосъ* (съ г. Самосомъ) замѣчателенъ по своей торговлѣ и морской силѣ. Цвѣтущій періодъ его былъ при тираннѣ Поликратѣ (во 2-й половинѣ VI в.), знаменитомъ своимъ баснословнымъ счастіемъ и трагическимъ концемъ. *Дорійскій союзъ*, самый южный состоялъ изъ 6 городовъ. Храмъ Аполлона на Книдѣ былъ главнымъ святилищемъ и мѣстомъ совѣщанія дорійскаго союза. Изъ городовъ его замѣчательны *Галикарнасъ*, на твердой землѣ и *Родосъ* на островѣ того же имени. Островъ *Критъ* заселенъ былъ также Дорянами, но во времена до-историческія; устройство его, съ которымъ потомъ во многомъ явилось сходнымъ спартанское, приписываютъ миѳическому царю Миносу. Другой островъ, *Эгину*, можно также отнести къ числу дорійскихъ колоній; онъ знаменитъ древнѣйшимъ развитіемъ искусства и огромною торговлею; въ V вѣкѣ благосостояніе его было уничтожено Аѳинянами.

b) Колоніи на сѣверовостокѣ по берегамъ Пропонтиды (Мраморнаго м.), Понта Эвксинскаго (Чернаго моря) и Меотійскаго озера (Азовскаго м.) принадлежали одному городу Милету. Изъ нихъ въ нынѣшней южной Россіи замѣчательны: *Пантикапея*, *Танаисъ* и особенно *Ольвія*, средоточіе торговли хлѣбомъ, которымъ изобиловали земли Скиѳовъ. По восточному берегу Чернаго моря *Фазисъ*, *Діоскуры* и *Фанагорія* были главными рынками для торга невольниками. Чрезъ южную Россію Греки имѣли сношеніе съ отдаленнымъ Востокомъ. Здѣсь замѣчательны были двѣ торговыя дороги на Востокъ: одна караванная, для мѣновой торговли, шла изъ Ольвіи на сѣверовостокъ нынѣшней Россіи, а отсюда чрезъ Великую Бухарію (Туранъ) до Индіи; другая, судоходная

по рѣкѣ Оксу, по Каспійскому морю до устья Аракса, а отсюда сухимъ путемъ до Фазиса и потомъ Чернымъ моремъ къ Македоніи и Греціи.

2. *Западныя колоніи* основаны были позднѣе, съ VIII вѣка. Онѣ большею частію дорическаго происхожденія.

a) Въ южной Италіи, прозванной, по многочисленности здѣсь греческихъ колонистовъ, *Великою Греціею*, важнѣе другихъ были: *Сибарисъ, Кротонъ* и *Тарентъ. Сибарисъ*, роскошь котораго вошла въ пословицу, покоренъ былъ въ VI вѣкѣ Кротономъ. *Кротонъ* обязанъ былъ своимъ состояніемъ философу Пиѳагору, который въ VI вѣкѣ основалъ здѣсь особый нравственно-политическій союзъ, имѣвшій цѣлію улучшить воспитаніе, образованіе и общественное устройство въ республикѣ. Въ правилахъ этого союза замѣтны слѣды восточнаго вліянія. *Тарентъ* былъ самый могущественный и торговый городъ южной Италіи. Всѣ великогреческія колоніи въ концѣ IV и началѣ III вѣка покорены были Римлянами.

b) На островѣ Сициліи изъ всѣхъ греческихъ колоній самая важная была *Сиракузы*, глава сицилійскихъ колоній, сильнѣйшая изъ всѣхъ морскихъ державъ греческихъ. Въ V и IV вѣкахъ Сиракузяне выставляли до 200 военныхъ кораблей и большое сухопутное войско. Правленіе у нихъ представляло безпрестанную смѣну аристократіи, демократіи и тиранніи. Замѣчательнѣйшіе тиранны сиракузскіе были: *Гелонъ и Гіеронъ* (нач. V в.), творцы могущества Сиракузъ, и *два Діонисія*, I и II, извѣстные жестокостію. За обладаніе всею Сициліею Сиракузы были въ постоянной враждѣ съ Карѳагеномъ. Въ III вѣкѣ они покорены были Римлянами.

c) Изъ остальныхъ колоній западной системы замѣчательны: въ Галліи—*Массилія*, торговая республика; въ Испаніи—*Сагунтъ*; въ Африкѣ *Киренаика*, соперница Карѳагена въ восточной торговлѣ.

Колоніи имѣли огромное значеніе въ греческой исторіи. Во-*первыхъ*, благодаря счастливой мѣстности, благородному соперничеству и богатству, доставленному обширными тор-

говыми оборотами, колоніи, прежде своихъ митрополій, развили всѣ формы общественнаго устройства, умственную и художественную дѣятельность: здѣсь первые слѣды аристократіи, демократіи, тиранніи, со всѣми ихъ разнообразными оттѣнками; здѣсь развилась эпопея и лирика, исторія и философія. *Во-вторыхъ*, отвоевывая новую родину у туземцевъ и выработывая во внутренней борьбѣ свое общественное устройство, колоніи, среди этой трудной двоякой борьбы, далеко раздвинули внѣшніе географическіе предѣлы эллинской народности и эллинскаго образованія.

Посмотримъ теперь, какъ выработывалась греческая гражданственность внутри, въ ея разнообразныхъ особенностяхъ.

в) Развитіе противоположности между Дорянами и Іонянами.

Два главныя греческія племени, Доряне и Іоняне, рѣзко отличались другъ отъ друга. Въ дорическихъ государствахъ мы видимъ простоту и однообразіе жизни, твердую привязанность къ старинѣ, отвращеніе отъ всего иностраннаго, склонность къ аристократіи и узкость эстетическаго и умственнаго развитія. Въ іоническихъ государствахъ напротивъ рѣзко бросается въ глаза смѣна и новизна ощущеній, широкое развитіе демократіи, пристрастіе къ иностраннымъ обычаямъ, стремленіе къ матеріальному богатству, изящной и роскошной обстановкѣ жизни, любовь къ наукѣ и искусству. Представителемъ доризма является Спарта, а іонизма—Аѳины.

1) Исторія Спарты до персидскихъ войнъ.

Лаконія была завоевана Дорянами подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Гераклидовъ: Прокла и Эврисѳена, которые и начали собою двойственный рядъ спартанскихъ царей. Первыя времена по завоеваніи были эпохою смутъ, происходившихъ отъ неопредѣленности отношеній между побѣ-

дителями Дорянами и побѣжденными Ахейцами. Но исторія этихъ смутъ, намъ вовсе неизвѣстна. Первое несомнѣнно вѣрное и важное историческое событіе внутренней исторіи Спарты было введеніе Ликурговыхъ узаконеній, на которомъ основана вся послѣдующая исторія Спарты. О самомъ законодателѣ Ликургѣ, его рожденіи, путешествіяхъ, смерти, а равно о его политическихъ и законодательныхъ дѣйствіяхъ ходили въ Греціи различныя сказанія. Вотъ сущность этихъ сказаній.

Ликургъ (около 820 или 830 г. до Р. Х.) былъ сынъ спартанскаго царя Эвнома (благой законъ), погибшаго среди народныхъ смутъ. По смерти старшаго брата своего Полидекта, онъ добровольно отказался отъ царской власти въ пользу своего маленькаго племянника Харилая, родившагося уже по смерти Полидекта. Враги, и въ особенности мать Харилая, успѣли оклеветать Ликурга предъ народомъ, и Ликургъ оставилъ отечество, долго путешествовалъ по Египту, Малой Азіи и особенно по острову Криту, гдѣ изучилъ древне-дорическія узаконенія. Въ Спартѣ настали между тѣми смуты; народъ вспомнилъ о Ликургѣ, просилъ его воротиться и установить благой порядокъ (Эвкосмъ сынъ Ликурга). Ликургъ согласился на желаніе сограждань только тогда, когда дельфійскій оракулъ сказалъ, что его законы доставятъ счастіе Спартѣ и что онъ самъ столько же богъ, сколько и человѣкъ. Вообще личность Ликурга сдѣлалась полнымъ достояніемъ народныхъ легендъ: отрицать его существованіе нельзя, но нельзя не сказать, что на его сказанія перенесли все то, что относилось къ установленію спартанскаго государственнаго устройства.

Въ законодательствѣ Ликурга мы видимъ много общаго съ тѣмъ устройствомъ, какое имѣла Греція гомерическая, но въ тоже время, такъ какъ законодатель хотѣлъ сохранить неприкосновеннымъ рѣзкое отличіе Дорянъ-побѣдителей отъ побѣжденныхъ туземцевъ, то въ законахъ его древнія дорическія узаконенія доведены до самаго полнаго развитія. Вотъ существенныя черты Ликурговыхъ узаконеній.

Въ главѣ государства стояли по прежнему *два царя*, производившіе родъ свой отъ Геркулеса, самаго доблестнаго греческаго героя. Оба царя имѣли совершенно равную власть и часто дѣйствовали на перекоръ другъ другу: отъ этого нерѣдко терпѣли общественныя дѣла, но, съ другой стороны, такое устройство ограничивало честолюбивые замыслы и обезпечивало прочность учрежденій. Къ этому ограниченію впослѣдствіи (въ VIII в.) присоединилось другое еще, болѣе важное, особая коммисія изъ 5 членовъ, называвшихся *эфорами*. Эти сановники, избираемые изъ всѣхъ гражданъ и ежегодно смѣняемые, имѣли сначала значеніе защитниковъ народнаго собранія отъ царей и сената, а съ теченіемъ времени, вся верховная власть перешла въ ихъ руки: имъ отдавали цари отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; во власти ихъ было бросить въ тюрьму царя, подозрѣваемаго въ измѣнѣ; сами же они не были ни предъ кѣмъ отвѣтственны и даже позволяли себѣ нарушать спартанскій образъ жизни. При такомъ положеніи дѣлъ, два Гераклида, называвшіеся царями, были не болѣе, какъ первые изъ Спартанцевъ, которые предсѣдательствовали въ сенатѣ (герусіи), служили представителями государства предъ богами и только на войнѣ были предводители неограниченные и полновластные, пока и здѣсь власть ихъ впослѣдствіи не была стѣснена. Вообще вліяніе царей на политическія дѣла было крайне ограничено. За то народъ питалъ къ нимъ благоговѣйное и патріархальное уваженіе, какъ къ потомкамъ знаменитаго рода, издревле любезнаго отцу боговъ. Они были очень богаты, потому что владѣли довольно большими помѣстьями и получали большіе доходы. Обѣдая за общимъ столомъ, они занимали первое мѣсто и получали двойную порцію. По смерти ихъ установлялись 10-дневныя траурныя церемоніи.

Война и миръ въ большей части случаевъ зависѣли отъ думы старцевъ—*Герусіи* и народнаго вѣча—*галіи*. Спартанцы давали въ политическихъ дѣлахъ высокое значеніе старческой опытности, а потому къ сану думнаго человѣка до-

пускались люди, имѣвшіе не менѣе 60 лѣтъ возраста, отличавшіеся родомъ, неукоризненною жизнію и испытаннымъ достоинствомъ. Герусія разсматривала важныя мѣры, которыя должны были поступать на рѣшеніе народнаго собранія; въ уголовныхъ дѣлахъ, которыя исключительно подлежали ея вѣдѣнію, герусія могла приговаривать къ безчестію и смерти; она имѣла также верховный надзоръ за правами гражданъ. Въ своихъ рѣшеніяхъ геронты руководствовались закономъ отцевъ и за рѣшенія свои никому не давали отчета.

Въ народномъ *вѣчѣ* (галіи) участвовали всѣ спартанцы 30 лѣтъ отъ роду. Безъ его согласія не могъ быть изданъ никакой законъ, но на рѣшеніе его вносилось только то, что предварительно было разсмотрѣно въ думѣ старцевъ. Голоса подавались посредствомъ крика. Народъ могъ только принять или отвергнуть предлагаемый законъ, но измѣнить его не имѣлъ права; напротивъ того, цари и дума имѣли право отступиться отъ народныхъ рѣшеній, ежели находили, что они «кривы». Изъ этого видно, что участіе народа (демоса) въ государственныхъ дѣлахъ въ Спартѣ было не болѣе какъ формальностію, и все зависѣло отъ рѣшенія лучшихъ, т. е. аристократовъ.

Раздѣленіе народонаселенія страны на сословія опредѣлилось прежде Ликурга самымъ завоеваніемъ Дорянами Лаконики. Сословій было три: Спартанцы, періэки и гелоты. *Спартанцы* составляли племя, устроенное Ликургомъ для господства. Происходили они большею частію отъ дорійскихъ завоевателей и пользовались правомъ полнаго гражданства и избираемости въ почетныя государственныя должности. Они всѣ жили въ 4-хъ или 5-ти слободахъ, называвшихся общимъ именемъ Спарты, должны были въ строгости соблюдать требованіе введеннаго Ликургомъ образа жизни и обѣдать за общимъ столомъ. Отъ исполненія этихъ условій зависѣло сохраненіе ихъ правъ на гражданство. Вообще Ликургово законодательство условіемъ гражданства постановило не столько рожденіе, сколько воспитаніе: сыновья гело-

тянокъ, воспитанные по-спартански, пользовались всѣми правами и достигали высшихъ сановъ и почестей, между тѣмъ какъ урожденные Спартанцы, уклонявшіеся отъ дисциплины Ликурга, теряли полноту правъ и равенство съ согражданами. *Равными* между собою почитались только тѣ Спартанцы, которые получили одинакое воспитаніе и вели одинакій образъ жизни. Остальное населеніе страны состояло изъ покоренныхъ, которые раздѣлялись на два класса: *періэки* были свободные горожане покоренныхъ городовъ Лаконіи, а *гелоты*—сельскіе жители и находились въ состояніи недалекомъ отъ рабства. Въ рукахъ періэковъ была вся торговля и промышленность, которыми пренебрегали воинственные Спартанцы; но въ политическомъ отношеніи періэки лишены были самостоятельности и находились въ униженіи; они платили царямъ подать, и эфоры имѣли право казнить ихъ безъ суда и изслѣдованія. Гелоты были прикрѣплены къ землѣ, обработывали свои поля и платили оброкъ жившимъ въ Спартѣ господамъ. Но они пользовались преимуществомъ домашняго очага, имѣли женъ и семейство. Гелоты считались не столько подвластными лицу своего господина, сколько цѣлому спартанскому гражданству. Ихъ нельзя было продавать, по крайней-мѣрѣ за предѣлы государства. Они имѣли право пріобрѣтать имущество. Это уже показываетъ, что гелоты стояли на степени несравненно высшей, чѣмъ рабы въ другихъ государствахъ греческихъ. Въ обращеніи съ гелотами видно не столько жестокости, сколько презрѣнія. Не смотря на это, гелоты, сознавая свое греческое происхожденіе, однокровность и одноязычность съ своими повелителями, Спартанцами, были недовольны своимъ положеніемъ, и Спартанцы, пользуясь ихъ военною службою и зная ихъ храбрость, всегда опасались ихъ: не разъ возстанія гелотовъ повергали Спарту въ серьезную опасность. Для отклоненія этой опасности эфоры, позволяли себѣ прибѣгать къ самымъ ужаснымъ мѣрамъ, истребляя иногда до 2000 гелотовъ тайнымъ убійствомъ. Сверхъ того Ликургу приписываютъ нѣкоторые писатели установ-

леніе, для этой цѣли, такъ называемой *криптіи*, которая вѣроятно состояла въ томъ, что тайные агенты изъ молодыхъ, дѣятельныхъ Спартанцевъ, вооруженные кинжалами, разсыпались по Лаконіи, чтобы блюсти тайный надзоръ за гелотами и, въ случаѣ нужды, исподтишка или ночью умерщвлять гелотовъ, внушавшихъ особое опасеніе.

Оригинальность и сущность Ликурговыхъ узаконеній выражается не въ установленіи государственныхъ властей, которыя были тѣ же, какъ и въ героическихъ государствахъ, и не въ распредѣленіи народа по сословіямъ, которое вытекло изъ завоеванія Лаконіи Доряпами. За учрежденіе Ликурга должно признать строгій и суровый бытъ, отличавшій Спартанцевъ не только отъ другихъ Грековъ, но и отъ соплеменныхъ имъ Дорянъ. Характеристическія черты этого быта состояли въ установленіи общихъ столовъ, въ публичности жизни и въ воспитаніи. Установленіе общихъ столовъ или *сисситій* состояло въ томъ, что всѣ Спартанцы, желавшіе сохранить всѣ права гражданства, должны были ежедневно обѣдать вмѣстѣ за общимъ столомъ. Каждый вносилъ для этого небольшое количество денегъ и извѣстную долю ячной муки, вина, сыра и смоквы, и сверхъ того часть животнаго, приносимаго въ жертву богамъ. Члены каждаго стола были постоянные, и для вступленія требовалось единогласное избраніе членами застольнаго общества. Обѣдъ былъ одинъ для всѣхъ. Вино пили пополамъ съ водою. Оживленіемъ и украшеніемъ застольной бесѣды было пѣніе. Съ общими обѣдами соединена была одинаково простая для всѣхъ одежда, простыя жилища. Вся жизнь спартанскаго гражданина отдана была государству и находилась подъ надзоромъ начальниковъ и согражданъ; онъ постоянно стѣсненъ былъ строгимъ соблюденіемъ полувоенныхъ, полумонашескихъ правилъ національнаго образа жизни, не зная самостоятельности домашняго хозяйства, тайкомъ посѣщая жену и почти не видя дѣтей. День проводилъ онъ въ публичныхъ учрежденіяхъ или за публичнымъ столомъ, ночь въ общественной будкѣ. Дѣти въ Спартѣ принадлежали не родителямъ, а го-

сударству, которое воспитывало только здоровыхъ и крѣпкихъ, а слабыхъ обрекало, какъ безполезныхъ, на смерть. Воспитаніе начиналось съ семилѣтняго возраста, все было направлено къ тому, чтобы образовать изъ ребенка сильнаго, дѣятельнаго и способнаго къ перенесенію тяжкихъ трудовъ воина,—и потому состояло главнымъ образомъ въ гимнастикѣ и суровой дисциплинѣ. Недвижно выдерживать величайшую тѣлесную боль, переносить голодъ и жажду, жаръ, холодъ и усталость, ходить босикомъ по самой неудобной землѣ, зиму и лѣто носить одно платье, безусловно повиноваться старшему, умѣть говорить, мало, но мѣтко (лаконически), и во всякой опасности сохранять присутствіе духа и находчивость, а когда не требуется дѣятельности, представлять собою нѣчто подобное безмолвной и неподвижной статуѣ—вотъ что считалось качествами вполнѣ образованнаго спартанскаго юноши. По временамъ составлялись изъ молодыхъ спартанцевъ дружины, которыя вступали въ борьбу на площади подъ надзоромъ сановниковъ; не смотря на то, что оружія у нихъ не было, борьба доходила до крайняго ожесточенія: бойцы кусались, выбивали другъ другу глаза. Не меньшее упорство показывали молодые Спартанцы въ молчаливомъ перенесеніи жестокаго бичеванія предъ жертвенникомъ Артемиды, при чемъ иногда случалось, что бичуемые испускали духъ, не издавая ни малѣйшаго стона. Кромѣ различныхъ родовъ гимнастики, юноши упражнялись въ хорическихъ пляскахъ, употреблявшихся на религіозныхъ праздникахъ. Охота въ горахъ и лѣсахъ пріучала ихъ къ усталости и лишеніямъ. Пищи давалось имъ очень мало и недостатокъ позволялось дополнять не только охотой, но и кражей, только такъ, чтобы ихъ нельзя было поймать; въ противномъ случаѣ они подвергались строгому тѣлесному наказанію. Великая цѣль законодателя—поддержаніе крѣпкаго поколѣнія гражданъ—опредѣлила образъ жизни, предписанный имъ и для спартанскихъ женщинъ. Дочери Спартанцевъ получали такое же физическое воспитаніе, какъ и ихъ сыновья. Онѣ упражняли свои тѣлесныя силы и состяза-

лись между собою въ бѣганіи, борьбѣ и кулачномъ бою. При этихъ упражненіяхъ присутствовали юноши и цари. Равнымъ образомъ спартанскія дѣвушки участвовали въ религіозныхъ процессіяхъ, пѣли и плясали на празднествахъ и присутствовали, какъ зрительницы, при гимнастическихъ упражненіяхъ юношей. Самый костюмъ ихъ мало защищалъ ихъ отъ непогоды: онѣ носили легкій хитонъ изъ двухъ несшитыхъ по сторонамъ полотнищъ. Красота лакедемонскихъ женщинъ славилась во всей Элладѣ; не менѣе славились онѣ и любовію къ отечеству. «Возвратись со щитомъ или на щитѣ»—было наставленіе, которое Спартанки давали сыновьямъ, отправлявшимся на войну. Вступали онѣ въ бракъ поздно. Рожденіе сильныхъ дѣтей, будущихъ защитниковъ отечества, было главною цѣлію брака: для этого законодатель пожертвовалъ даже скромностію женской природы. Но жосткое воспитаніе и мужескій образъ жизни Спартанокъ должны были убить въ нихъ женственность, а это не могло не отозваться рано или поздно. И дѣйствительно, въ IV вѣкѣ старая простота и строгость нравовъ изчезли, и Аристотель говоритъ, что въ его время Спартанки жили слишкомъ вольно, невоздержно и расточительно. Онѣ имѣли большое вліяніе на мужей и даже на ходъ государственныхъ дѣлъ; почти половина недвижимой собственности находилась въ ихъ рукахъ.

Такова была строгая дисциплина, введенная Ликургомъ въ Спартѣ. Дѣйствіе ея усиливалось и сохранялось вслѣдствіе отсутствія сообщеній съ иноземцами. Спартанцы не могли, безъ позволенія, переступить границу; иноземцы не имѣли права на долго оставаться въ Спартѣ: имъ позволяли пріѣзжать только на время, и правительство всегда могло объявить *ксенеласію*, т. е. изгнаніе иностранныхъ гостей.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Ликургъ былъ болѣе воспитателемъ своего народа и основателемъ военнаго братства, нежели политическимъ законодателемъ. Члены этого братства жили, по выраженію Плутарха, какъ пчелы въ ульѣ, зная только интересы общины, которой они

были преданы душею и тѣломъ, и лишенные сладости семейной и человѣчной жизни. Дисциплина Ликургова дѣлала изъ человѣка храбраго солдата, сильнаго тѣломъ, скуднаго духомъ: онъ не могъ быть ни семьяниномъ, ни образованнымъ человѣкомъ. Самое государство Ликурга похоже было не на гражданское общество, но на дорійскій лагерь, постоянно упражняющійся и готовый двинуться противъ побѣжденныхъ туземцевъ (гелотовъ), еще непривыкшихъ переносить рабство, или противъ иностранныхъ непріятелей (*).

Говорятъ, что Ликургъ, взявши клятву со всего народа исполнять его законы до его возвращенія, отправился въ Дельфы и уже никогда не возвращался въ отечество. Умирая, онъ велѣлъ даже прахъ свой разсѣять по воздуху, чтобы не дать Спартанцамъ повода нарушить его законы. Спартанцы воздавали Ликургу божескія почести, воздвигли ему храмъ

(*) До настоящаго времени всѣ историки принимали на—слово извѣстіе, передаваемое историкомъ Плутархомъ, что Ликургъ, для уничтоженія господствовавшаго прежде большаго неравенства въ имуществахъ гражданъ, для изгнанія роскоши и удержанія навсегда разъ опредѣленнаго строгаго и простаго образа жизни, во-первыхъ сдѣлалъ новое раздѣленіе поземельной собственности на 39.000 частей, изъ коихъ 9.000 отдалъ Спартанцамъ а 30.000 періэкамъ, запретивъ раздробленіе участковъ между дѣтьми, во-вторыхъ изгналъ золотую и серебряную монету, замѣнивъ ее кусками желѣза, которые своею тяжестію и объемомъ затрудняли скопленіе денегъ въ однѣхъ рукахъ. Въ послѣднее время славный англійскій историкъ Гротъ повѣрилъ это извѣстіе и доказалъ его ложность тѣмъ: 1) что другіе первостепенные историки греческіе объ немъ не упоминаютъ; 2) что, при раздѣленіи страны на участки, предполагается, будто вся Лаконія была покорена уже во время Ликурга, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно противное; 3) что законовъ о нераздѣльности участковъ въ Спартѣ не было; и 4) что золотая и серебряная монета также не могла быть изгнана изъ Спарты, потому что ее впервые начали чеканить въ Греціи спустя 100 лѣтъ послѣ Ликурга. Извѣстіе о равномъ раздѣленіи земель Ликургомъ выдумано позднѣе, когда, въ половинѣ III вѣка, цари спартанскіе Агисъ и Клеоменъ задумали дѣйствительно ввести такое раздѣленіе, опираясь на великомъ имени Ликурга и называя свою новую мѣру возобновленіемъ древняго Ликургова постановленія.

и ежегодно въ честь его праздновали одинъ день. Проникнутые духомъ воинственнымъ, они вскорѣ пріобрѣли перевѣсъ надъ всѣмъ Пелопоннесомъ. Прежде всего довершено было покореніе цѣлой Лаконіи, а за тѣмъ подпали владычеству Спарты жители плодородной Мессеніи, послѣ двухъ упорныхъ и продолжительныхъ войнъ, которыя ознаменованы порывами великодушной храбрости и удивительнымъ отчаяніемъ со стороны Мессенцевъ. Эти порывы придаютъ исторіи *войнъ мессенскихъ* поэтическій характеръ. Въ *первой войнѣ* особенно прославился своимъ геройскимъ отчаяніемъ царь мессенскій *Аристодемъ*, который, для спасенія отечества, принесъ въ жертву свою единственную дочь и потомъ, когда боги не сжалились надъ несчастнымъ народомъ, убилъ самъ себя на могилѣ своей дочери. *Во второй войнѣ,* которая началась 40 лѣтъ спустя послѣ первой, Спартанцы сначала не имѣли успѣха и вездѣ были разбиваемы мессенскимъ царемъ *Аристоменомъ*, котораго безпримѣрные подвиги поддерживали воинственный духъ въ бѣдномъ народѣ, но подъ конецъ, воодушевленные вдохновенными пѣснями Аѳинянина Тиртея, Спартанцы преодолѣли Мессенцевъ. Аристоменъ еще нѣсколько разъ бился какъ левъ, наконецъ измѣна союзниковъ заставила его удалиться изъ отечества. Мессенцы были обращены въ гелотовъ спартанскихъ. Вслѣдъ за покореніемъ Мессеніи прочія государства Пелопоннеса признали надъ собою первенство (гегемонію) Спарты. Это первенство состояло въ томъ, что спартанскіе цари были председателями въ общенародныхъ совѣщаніяхъ государствъ Пелопоннеса и предводителями въ общенародныхъ войнахъ. Образецъ аристократическаго государства, Спарта была враждебна всѣмъ греческимъ демократіямъ.

2) исторія аѳинъ до персидскихъ войнъ.

Аѳины до Солона. Въ Аттикѣ, «любимомъ созданіи боговъ», развилась жизнь Аѳинянъ, представителей іоническаго племени, жизнь, совершенно противоположная спартан-

ской, самая многосторонняя и прекрасная, до какой только могъ достигнуть человѣкъ древняго міра. Въ поэтическую легенду облечено начало города: богиня мудрости Аѳина и богъ морей Посейдонъ спорятъ о томъ, чьимъ именемъ назвать городъ: мудрость приноситъ въ даръ людямъ оливу и одерживаетъ верхъ надъ богомъ морей, создавшимъ коня: городъ получаетъ имя Аѳинъ.

Легенды и поэзія начинаютъ древнѣйшую исторію страны и долго сопровождаютъ ее. Первыя начала гражданской жизни въ Аттикѣ сказаніе приписываетъ Египтянину *Кекропсу*; за тѣмъ идетъ легенда о пришествіи и водвореніи въ странѣ, подъ начальствомъ Ксуѳа сына Гелленова, Іонянъ, раздѣлявшихся на 4 колѣна или филы. До знаменитаго въ преданіяхъ потомка Ксуѳова—*Ѳезея*, Аттику представляетъ сказаніе раздѣленною на 12 городовъ, изъ которыхъ каждый былъ независимъ; только въ случаяхъ общей опасности они совѣщались между собою, подъ предсѣдательствомъ аѳинскихъ царей. Ѳезею приписываютъ тотъ важный переворотъ, вслѣдствіе котораго вся Аттика получила одно правительство и Аѳины были признаны за главный городъ: мѣстные городскіе сановники и думы перестали существовать, и ихъ власть перешла въ руки аѳинскаго царя и сената (ареопагъ). Память объ этомъ событіи поддерживалась, во все продолженіе историческаго времени, особымъ праздникомъ (синойкія) въ честь Аѳины. Этотъ же Ѳезей, по словамъ легендъ, очистилъ Аттику отъ разбоевъ, освободилъ Аѳины отъ дани, платимой критскому царю Миносу, раздѣлилъ весь народъ на три класса: благородныхъ *(эвпатридовъ)*, земледѣльцевъ *(геоморовъ)* и ремесленниковъ *(деміурговъ)*. Первый классъ состоялъ изъ знатныхъ людей, участвовавшихъ въ правленіи; оба послѣдніе образовывали народъ—демосъ. Эвпатриды, стремясь къ совершенному господству въ государствѣ, находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ царямъ, которые опирались на демосѣ. Въ XI-мъ вѣкѣ, во время нашествія Дорянъ на Аттику эвпатриды достигли своей цѣли. Тогдашній царь аѳинскій *Кодръ*, внимая словамъ

оракула, требовавшаго смерти его для спасенія Аѳинъ, принесъ себя въ жертву отечеству. Эвпатриды объявили тогда, что, послѣ такого великодушнаго царя, никто не можетъ быть достойнымъ наслѣдникомъ, уничтожали царское достоинство и мало-помалу захватывали всю власть въ свои руки. Мѣсто царя заступили *архонты*, избираемые изъ сословія эвпатридовъ, которые должны были отдавать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сначала архонтъ избирался на всю жизнь изъ фамиліи Кодра; потомъ только на 9 лѣтъ; далѣе на одинъ только годъ; а, сначала VII вѣка, избирали уже по 9 архонтовъ ежегодно. Избираемые изъ знатныхъ, они управляли государствомъ, опираясь на ареопагъ или сенатъ, также состоявшій изъ эвпатридовъ, къ которымъ такимъ образомъ совершенно перешла раздробленная власть въ государствѣ. Народъ (геоморы и деміурги), удаленный отъ всякаго участія въ дѣлахъ правленія, потерялъ всѣ свои права и былъ угнетаемъ до такой степени, что неразъ вынужденъ былъ возставать противъ эвпатридовъ, чтобы возвратить утраченныя права. Эта борьба продолжалась долгое время тѣмъ болѣе, что положительныхъ законовъ не было: рѣшеніе дѣлъ зависѣло отъ произвола господствующаго сословія. Народъ требовалъ непремѣнно обнародованія положительныхъ законовъ. Эвпатриды рѣшились наконецъ для возстановленія покоя, написать законы, которые «могли бы быть видимы народу», и возложили эту обязанность на архонта *Дракона*. Строгій эвпатридъ и непримиримый врагъ демоса, онъ хотѣлъ поддержать права своего сословія и написалъ законы, которые до такой степени стѣсняли права народа, что Аѳиняне недолго повиновались имъ и, говоря, что законы эти написаны кровью человѣческою, изгнали Дракона и уничтожили его постановленія. Снова начались раздоры и волненія въ государствѣ; среди нихъ Аѳины едва было не подпали подъ власть тиранна, которымъ хотѣлъ сдѣлаться одинъ эвпатридъ Килонъ. Попытка его была уничтожена другимъ эвпатридомъ Мегакломъ, изъ славнаго рода Алкмеонидовъ; но при этомъ Мегаклъ запятналъ городъ ко-

варнымъ избіеніемъ приверженцевъ Килона, искавшихъ защиты у алтарей, и за то былъ изгнанъ изъ города и родъ его считался проклятымъ богами. Послѣ этого насталъ такой раздоръ въ государствѣ, что наконецъ сами эвпатриды увидѣли необходимость преобразовать тогдашнее печальное положеніе народа и обязанность реформатора возложили на архонта *Солона*.

594 г. *Солонъ* былъ эвпатридъ съ умѣреннымъ состояніемъ, но самой знатной породы; онъ принадлежалъ къ роду Кодридовъ, производившему себя отъ бога Посейдона. Отецъ его расточилъ все свое имѣніе, и Солонъ въ юности рѣшился прибѣгнуть къ торговлѣ, занятія которою привели его къ посѣщенію многихъ частей Греціи и Азіи. Въ этихъ странствованіяхъ онъ приготовилъ себя къ великому дѣлу законодательства изученіемъ нравовъ и обычаевъ своего и чужихъ народовъ. Поэтъ въ душѣ, онъ излагалъ въ стихотворной формѣ совѣты и мысли, съ которыми часто обращался къ своимъ согражданамъ, и народъ, удивляясь мудрости этихъ совѣтовъ, причислилъ его къ числу семи мудрецовъ греческихъ. Въ первый разъ онъ выступилъ на политическое поприще по случаю борьбы Аѳинъ съ Мегарою за островъ Саламинъ. Потерпѣвъ въ борьбѣ этой пораженіе, Аѳиняне запретили кому либо изъ гражданъ заводить рѣчь о возвращеніи острова Саламина. Это унизительное для народной гордости рѣшеніе глубоко оскорбило Солона и онъ рѣшился поднять духъ своего отечественнаго города. Принявъ на себя видъ восторженнаго человѣка, въ костюмѣ больнаго, онъ явился на народной площади и прочелъ народу небольшое стихотвореніе, въ которомъ укорялъ его въ постыдной робости, и такъ подѣйствовалъ на Аѳинянъ, что запрещеніе говорить о Саламинѣ было уничтожено и объявлена война, въ которой Солонъ, избранный вождемъ, возвратилъ отечеству потерянный островъ. Кромѣ завоеванія Саламина, Солонъ оказалъ услугу Аѳинамъ во время изгнанія Алкмеонидовъ и пріобрѣлъ благосклонность дельфійскаго оракула защитою храма его противъ жителей Кирры.

Съ этими заслугами, любимый народомъ Солонъ взялся за дѣло законодателя.

Величайшее зло, отъ котораго страдало тогда государство, состояло въ угнетеніи большинства бѣдныхъ немногими богатыми. По существовавшимъ тогда немилосердымъ законамъ о долгахъ, бѣдные люди, не имѣя куска хлѣба, занимали деньги у богачей подъ залогъ своего тѣла и тѣла другихъ лицъ своего семейства, т. е. закабаливали себя въ рабство кредиторамъ. Эта кабала исполнялась съ такою строгостью, что многіе несостоятельные должники стали рабами своихъ заимодавцевъ, другіе были проданы на чужбину, третьи продавали дѣтей своихъ, иные бросали отечество, чтобы укрыться отъ преслѣдованій. Солонъ. «стряхнулъ эту бѣду съ аѳинскаго народа» такъ называемою *сисахѳіею*, которая заключалась въ увеличеніи нарицательной цѣны денегъ (75 драхмъ значили то же, что прежде 100), въ освобожденіи изъ рабства всѣхъ закабаленныхъ и запрещеніи на будущее время занимать деньги подъ залогъ тѣла своего и своихъ ближнихъ. При этомъ Солонъ самъ подалъ первый примѣръ великодушія, простивъ значительную часть слѣдовавшихъ ему долговъ.

Другой источникъ раздоровъ въ государствѣ до Солона заключается въ томъ, что знатные захватили въ свои руки всѣ права и власть, а народъ былъ безправенъ. Чтобы уничтожить это зло, Солонъ рѣшился предоставить политическое значеніе не породѣ, но имуществу, съ тѣмъ, чтобы каждый имѣлъ участіе въ правленіи, по мѣрѣ своего капитала и платимыхъ съ него податей на пользу государства. Для этого Солонъ, оставя въ силѣ прежнее родовое дѣленіе гражданъ на колѣна, независимо отъ него раздѣлилъ ихъ на 4 класса, принявъ за основаніе количество дохода (такъ называемую тимему или цензъ) гражданъ и платимыхъ ими податей. Хотя граждане всѣхъ четырехъ классовъ имѣли право голоса въ народныхъ собраніяхъ и участвовали въ судопроизводствѣ и выборѣ чиновниковъ, но къ общественнымъ должностямъ и къ военной службѣ допускались только

лица первыхъ трехъ классовъ, какъ обложенные податями, а званіе архонта исключительно предоставлено было первому классу, который платилъ податей болѣе всѣхъ (*).

За тѣмъ, государственныя власти, отчасти преобразованныя, отчасти вновь установленныя Солономъ, были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) Право издавать законы, избирать чиновниковъ, судить преступленія противъ народа, объявлять войну и заключать миръ принадлежало *народному вѣчу* (экклезіи) изъ гражданъ всѣхъ 4-хъ классовъ, собиравшемуся 4 раза въ 35 дней на холмѣ Пниксѣ. Оно отличалось отъ спартанской галіи тѣмъ, что въ немъ всѣ предлагаемыя дѣла сначала обсуждались ораторами, говорившими за и противъ, и уже по обсужденіи собирались голоса народа. Такой образъ рѣшенія дѣлъ имѣлъ благотворное вліяніе на развитіе судебнаго и политическаго ораторства въ Аѳинахъ. 2) Предварительное совѣщаніе о дѣлахъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію народнаго вѣча, общій надзоръ за ходомъ всего управленія и главное завѣдываніе финансами принадлежали *совѣту* (буле), который состоялъ изъ 400 ежегодно избираемыхъ членовъ, не моложе 30 лѣтъ и безупречной жизни. 3)Верховная исполнительная власть, веденіе иноземныхъ сношеній, надзоръ за религіею и предсѣдательство въ судахъ распредѣлены были между 9 ежегодно изъ 1-го класса выбираемыми *архонтами*, которые были отвѣтственны предъ народнымъ вѣчемъ. Особа ихъ была священною; они свободны были отъ податей, занимали почетное мѣсто во всѣхъ собраніяхъ и строго отвѣчали за всякій проступокъ, ронявшій ихъ достоинство. 4) Верховный уголов-

(*) Классы эти были: *пентакозіомедимны, всадники, зевгиты* и *ѳеты;* послѣдніе податей не платили и мало или вовсе не имѣли земель. Кромѣ гражданъ въ составъ аѳинскаго населенія входили: 1) *метэки*— переселенцы изъ другихъ греческихъ государствъ, лично свободные, но безъ всякихъ правъ на участіе въ общественныхъ дѣлахъ и 2) *рабы*, составлявшіе самую многочисленную часть населенія, на которой лежали всѣ домашнія, и хозяйственныя работы. Убить раба не позволялось, но обращеніе съ ними было жестокое.

ный судъ, надзоръ за нравственностію гражданъ и воспитаніемъ юношества, охраненіе неприкосновенности государственныхъ учрежденій и религіи противъ опрометчивости народа и надзоръ за дѣйствіями правительства—предоставлены были старинному *ареопагу*, совѣту, членами котораго были архонты, безукоризненно окончившіе служебное поприще. По мысли Солона, въ буле и ареопагѣ аѳинское государство должно быть имѣть «два якоря, которые охранятъ его во всѣхъ буряхъ». Изъ сказаннаго видно, что образъ правленія, установленный Солономъ, состоялъ изъ соединенія аристократіи съ демократіею съ перевѣсомъ впрочемъ послѣдней, ибо народному вѣчу отдавали архонты отчетъ въ управленіи. Самъ Солонъ говорилъ: «я далъ демосу столько силы, сколько ему достаточно, и за тѣми, которые имѣли власть и были первые по богатству, должно было остаться все уваженіе. Я стоялъ, распростерши крѣпкій щитъ надъ тѣми и другими, и не дозволилъ ни однимъ неправедной побѣды».

Для поощренія промышленной дѣятельности въ народѣ приняты были законодателемъ нѣкоторыя мѣры: запрещенъ вывозъ сырыхъ произведеній, позволено давать право гражданства только тѣмъ иноземцамъ, которые навсегда селились въ Аѳинахъ и заводили какое-нибудь ремесло; ареопагъ долженъ былъ строго смотрѣть, чтобы всякій гражданинъ имѣлъ какое нибудь занятіе; наконецъ положено было, что сынъ, котораго отецъ не выучилъ какому-либу ремеслу или искусству, не обязанъ кормить его въ старости.

Изъ послѣдняго постановленія видно, что Солонъ обратилъ вниманіе и на воспитаніе молодаго поколѣнія; но не храбраго солдата только, а вполнѣ образованнаго гражданина должно было дать это воспитаніе государству. Гармоническая красота души и тѣла составляли идеалъ и цѣль воспитанія. Не государство, какъ въ Спартѣ, а отецъ рѣшалъ жизнь или смерть новорожденнаго сына и имѣлъ неограниченное право надъ дѣтьми; не одно государство, но и се-

мейство имѣло право воспитывать дѣтей. Первыя заботы матери были о томъ, чтобы младенецъ выросталъ какъ можно прекраснѣе. На седьмомъ году начинали учить дѣтей грамотѣ, и все ихъ дѣтство разцвѣтало на поэтическихъ преданіяхъ, на пѣсняхъ Гомера и другихъ поэтовъ. По мѣрѣ того, какъ дитя выростало, правительство въ помощь домашнему воспитанію предлагало воспитаніе общественное въ школѣ. Впрочемъ родители могли брать учителей на домъ. Предметами воспитанія были поэзія, музыка и гимнастика: двѣ первыя облагороживали душу гражданина, послѣдняя придавала красоту, ловкость и силу тѣла. На 18 году оканчивалось образованіе. Что касается до воспитанія дѣвушекъ, то оно было чисто семейное: тихо, подъ крыломъ матери, выростали дочери, не выходя, какъ спартанскія дѣвушки, на борьбу. Впрочемъ образованіе дѣвушекъ было очень ограничено: за исключеніемъ нѣкоторыхъ высшихъ семействъ, все образованіе заключалось только въ домашнихъ рукодѣліяхъ. Женщина пользовалась въ Аѳинахъ вообще меньшимъ значеніемъ, чѣмъ въ Спартѣ; она вела однообразную и скучную жизнь въ гинэкеѣ (женскомъ отдѣленіи): «мы тѣмъ болѣе уважаемъ женщину, чѣмъ менѣе она извѣстна» говорили Аѳиняне. Только на религіозныхъ праздникахъ, въ религіозныхъ хороводахъ являлись аѳинскія дѣвушки въ бѣлыхъ волнующихся одеждахъ съ вѣнками на головахъ и пѣли религіозныя пѣсни.

Солоново законодательство имѣло цѣлію примирить тогдашнія враждебныя партіи въ Аѳинахъ и дать государству такое устройство, которымъ всѣ, болѣе или менѣе, могли бы быть довольны. Но, не смотря на успѣхъ своего законодательства, не смотря на одобренія согражданъ и дельфійскаго оракула, самъ Солонъ не считалъ его прочнымъ и связалъ Аѳинянъ клятвою сохранять его лишь въ продолженіи 10 лѣтъ, а, на случай будущихъ смутъ, наложилъ на всѣхъ гражданъ обязанность принимать въ нихъ дѣятельное участіе, подъ опасеніемъ безчестія и лишенія права гражданства за уклоненіе. Этимъ онъ хотѣлъ обуздать аѳинскихъ

честолюбцевъ отъ возможности захватить власть въ свои руки. Онъ не утверждалъ, что его законы были самые лучшіе, какіе онъ могъ составить, но лучшіе изъ тѣхъ, къ принятію которыхъ онъ могъ склонить народъ. Не смотря на то, что законы были приняты безъ сопротивленія, пониманіе и исполненіе ихъ оказывалось труднымъ: каждый день обращались къ Солону то съ порицаніемъ и похвалой, то съ предложеніемъ исправленій, то съ требованіемъ объясненій. Наконецъ, утомясь этими нескончаемыми разсужденіями, Солонъ рѣшился на 10 лѣтъ оставить отечество и употребилъ это время на путешествія по Египту, Криту и Малой Азіи, гдѣ, говорятъ, видѣлся съ Крезомъ лидійскимъ.

Пизистратиды (560—510). Опасенія Солона сбылись: воротясь въ отечество, онъ нашелъ въ полномъ разгарѣ борьбу прежнихъ партій: богатыми предводилъ Алкмеонидъ *Мегаклъ*, а большинствомъ бѣдныхъ—*Пизистратъ*, родственникъ Солона. Особенно опасенъ былъ для свободы государства Пизистратъ, стремившійся къ тиранніи (*): онъ прославился военными подвигами и умѣлъ ослѣпить народъ величественною наружностію, популярностію обращенія и симпатіею къ бѣднымъ. Солонъ сначала увѣщалъ его отказаться отъ покушеній на власть, потомъ обратился къ народу и раскрылъ ему планы честолюбца. Но все было напрасно: Пизистратъ прикинулся преслѣдуемымъ своими врагами и, явясь весь израненный на площадь, просилъ у народа помощи и защиты. Народъ далъ ему позволеніе окружить себя вооруженными тѣлохранителями. Солонъ противился этому опредѣленію, но ему сказали, что онъ отъ старости изъ ума выжилъ. Полученіе стражи было рѣшительнымъ шагомъ къ возвышенію Пизистрата: онъ завладѣлъ

(*) *Тираннами* Греки называли тѣхъ, которые достигали монархической власти, не по праву своего рода и не по законамъ, но происками. Тираннъ могъ быть самымъ мудрымъ и кроткимъ правителемъ, но все таки назывался тиранномъ. VII и VI вѣка почитаются періодомъ, когда наиболѣе было такихъ тиранновъ въ греческихъ государствахъ.

крѣпостію (акрополемъ), выгналъ всѣхъ своихъ противниковъ и захватилъ власть. Солонъ явился на площади и старался открыть глаза народу: его никто не слушалъ; никто не присоединился къ нему тогда, когда онъ, не смотря на глубокую старость, надѣлъ оружіе и, какъ воинъ, сталъ у дверей своего дома. «Я исполнилъ свою обязанность: я всѣми силами защищалъ отечество и его законы!» сказалъ онъ и удалился отъ дѣлъ, но не изъ отечества, надѣясь найти защиту въ своей старости. Пизистратъ не тронулъ старика, и онъ умеръ, имѣя 80 лѣтъ отъ роду.

Пизистратъ, захвативъ власть съ свои руки, долженъ былъ однакожъ еще долго бороться за нее: два раза даже его изгоняла враждебная партія Алкмеонидовъ, пока ему не удалось окончательно утвердиться, какъ тирану, въ главѣ государства. Правленіе его было кротко и мудро. Стараясь окружить власть свою религіознымъ блескомъ, онъ учредилъ праздникъ *панаѳеней*, самый торжественный изъ всѣхъ праздниковъ аѳинскихъ, на которомъ произносили рапсодіи Гомера, собранныя и возстановленныя въ полномъ и правильномъ видѣ Пизистратомъ. Онъ собиралъ также произведенія другихъ поэтовъ, и потому нѣкоторые приписываютъ ему учрежденіе публичной библіотеки. Наконецъ Пизистратъ началъ постройки колоссальнаго храма Зевсу олимпійскому, величайшаго изъ всѣхъ храмовъ аѳинскихъ, но не успѣлъ его кончить.

Пизистратъ успѣлъ войти въ такую милость у народа, что и послѣ смерти его (527) народъ дозволилъ двумъ сыновьямъ его, *Гиппію* и *Гиппарху*, удержать верховную власть. Сначала они управляли совершенно въ духѣ отца своего; но когда Гиппархъ былъ убитъ изъ личной мести двумя молодыми Аѳинянами, Гармодіемъ и Аристогитономъ, то Гиппій сдѣлался подозрительнымъ и жестокимъ тираномъ: обременялъ народъ податями, казнилъ и отправилъ въ ссылку многихъ гражданъ и вступилъ въ сношенія съ варварами—Персами. Народнымъ неудовольствіемъ воспользовался жившій въ изгнаніи даровитый Алкмеонидъ *Клисѳенъ* и спа-

чала, предводительствуя силами аѳинскихъ изгнанниковъ и недовольныхъ, думалъ прогнать Гиппія; но когда это не удалось, привлекъ на свою сторону общественное мнѣніе въ Греціи, возобновленіемъ на свой счетъ сгорѣвшаго храма дельфійскаго, и, получивъ помощь отъ Спарты, успѣлъ освободить Аѳины отъ тиранна Гиппія, который бѣжалъ къ Персамъ. Ненависть свою къ тиранну и восторгъ при освобожденіи отъ него, Аѳиняне выразили чрезмѣрнымъ мщеніемъ и чрезмѣрною благодарностію. Жилище Гиппія было разрушено, помѣстья Пизистратидовъ конфискованы и родъ ихъ объявленъ безчестнымъ; приверженцы Гиппія, одни были казнены, другіе изгнаны, всѣ объявлены безчестными. За то Гармодія и Аристогитона народъ объявилъ спасителями республики и мучениками тиранновъ, воздвигъ надъ могилами ихъ памятники, вылилъ изъ бронзы ихъ статуи, потомковъ ихъ освободилъ отъ всѣхъ податей и запретилъ рабамъ носить имя Гармодія и Аристогитона.

Послѣ уничтоженія тиранніи и изгнанія тиранна, спокойствіе не возвратилось; опять начались междоусобія и войны, долго потрясавшія государство. Дѣло шло о томъ: быть-ли Аѳинамъ демократическою республикою или аристократическою. Клисѳенъ, освободитель отечества отъ тиранна, далъ своими преобразованіями перевѣсъ демократіи. Сущность Клисѳеновой реформы заключалась въ томъ, что онъ уничтожилъ старое родовое дѣленіе народа на колѣна, замѣнивъ его новымъ по мѣсту жительства, увеличилъ объемъ и значеніе народнаго собранія и уменьшилъ значеніе прочихъ властей—совѣта, ареопага и архонтовъ (*).

(*) Вотъ главнѣйшія преобразованія Клисѳена: 1) Вмѣсто 4 старыхъ іоническихъ колѣнъ введено было 10 новыхъ мѣстныхъ и включены въ число гражданъ свободные метэки: такимъ образомъ уничтожены были родовыя притязанія и увеличено число членовъ народнаго собранія. 2) Учреждена особая форма политическаго суда, называвшаяся *судомъ черепковъ* (остракизмомъ), которая давала народному собранію право, въ случаѣ государственной необходимости, приго-

Извѣстіе о введеніи демократіи въ Аѳинахъ быстро распространилось въ Греціи и произвело сильное впечатлѣніе на республики аристократическія. Всѣхъ болѣе поражена была Спарта, которая рѣшилась, во чтобы то ни стало, уничтожить противную ея духу и учрежденіямъ демократію. Нѣсколько попытокъ сдѣланы были царемъ спартанскимъ Клеоменомъ съ этою цѣлію: первая въ союзѣ съ аристократическою партіею въ самыхъ Аѳинахъ, вторая въ союзѣ съ находившимися подъ гегемоніею Спарты пелопонезскими городами, съ Халкидикою, Беотіею и островомъ Эгиною. Когда Аѳиняне, благодаря своей твердости и патріотизму, вышли съ торжествомъ изъ борьбы съ сильнымъ врагомъ, Клеоменъ рѣшился соединить интересъ Спарты и всѣхъ дорическихъ государствъ съ интересомъ изгнаннаго Гиппія и возвратить тиранна въ Аѳины. Употребивъ въ дѣло религію, заставя оракула говорить противъ демократическихъ Аѳинъ, Клеоменъ вызвалъ Гиппія, созвалъ въ Спарту на сеймъ пословъ всѣхъ пелопоннезскихъ государствъ и требовалъ отъ нихъ содѣйствія къ возстановленію Гиппія. Но на этомъ сеймѣ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны Коринѳянъ. «Небо и земля перемѣнятъ свое мѣсто, рыбы выйдутъ изъ воды и поселятся на сушѣ, а люди пойдутъ жить въ глубину моря, когда вы, Спартанцы, рѣшитесь на дѣло, самое несправедливое между людьми и самое ненавистное богамъ. Если вы находите тираннію полезною для другихъ, то начните съ себя и подайте примѣръ другимъ. Общими богами Эллады умоляемъ васъ: откажитесь

варивать къ изгнанію, большинствомъ 6000 голосовъ, людей, казавшихся опасными для общественнаго спокойствія. 3) Сообразно новому дѣленію народа увеличено число членовъ совѣта до 500 (по 50 изъ каждой филы) и отнято у него завѣдываніе финансами, порученное особымъ 10 чиновникамъ. 4) Сокращено было судебное значеніе ареопага учрежденіемъ обширнаго судилища *геліастовъ*, состоявшаго изъ 9000 присяжныхъ гражданъ. 5) Военное управленіе отъ архонта полемарха перешло въ руки 10 *стратеговъ*.

отъ своего намѣренія. Если же вы будете настаивать на немъ, то по крайней мѣрѣ Коринѳяне никогда не будутъ вашими союзниками». Такъ говорилъ посолъ Коринѳа. Эта рѣчь увлекла все собраніе. Спартанцы закрыли сеймъ, согласившись съ желаніемъ своихъ союзниковъ. Гиппій удалился, не покидая надежды воротиться посредствомъ Персовъ.

Такъ отстояли Аѳиняне свою демократію. Труды и пожертвованія ихъ были огромны, и потому-то они такъ горячо любили свободу и законы страны своей. Съ этихъ поръ разныя политическія партіи въ Аѳинахъ перестаютъ дѣйствовать другъ противъ друга оружіемъ и возмущеніями; но начинается правильное развитіе государственной жизни, государственнаго устройства, посредствомъ разумныхъ споровъ въ народномъ вѣчѣ. Здѣсь образуются теперь двѣ партіи, въ челѣ которыхъ стоятъ самые знатные люди и которыя можно назвать: одну *охранительною* (консервативною), а другую—*преобразовательною* (прогрессивною). Обѣ партіи повиновались законамъ Солона и Клисѳена; но первая полагала, что государство уже вполнѣ устроено этими законами, а другая смотрѣла на эти законы, какъ на начало новаго порядка вещей, который нужно усовершенствовать и развивать. Охранители полагали силу и богатство государства въ сухопутномъ войскѣ, крѣпостяхъ и земледѣліи и хотѣли быть въ дружбѣ съ Спартою; преобразователи напротивъ полагали, что для благоденствія и безопасности государства нужно заводить флотъ, строить гавани, заводить колоніи и поощрять торговлю, а извнѣ держаться на сторожѣ противъ Спарты и искать союза съ демократическими государствами. Главою охранителей въ концѣ VI вѣка былъ *Мильціадъ*, человѣкъ талантливый, но не вполнѣ чистой нравственности; партія преобразовательная считала въ рядахъ своихъ много даровитыхъ людей, находившихся въ близкомъ или далекомъ родствѣ съ Алкмеонидами, таковы: *Ѳемистоклъ*—во время персидскихъ войнъ, а въ послѣдствіи—*Периклъ* и *Алкивіадъ*. Каждая партія искала опоры въ народѣ посредствомъ краснорѣчія и щедрости.

Эта борьба партій отразилась въ концѣ VI и началѣ V в. и во всѣхъ Греческихъ государствахъ, какъ метрополіяхъ, такъ и колоніяхъ. Аристократическія государства, въ главѣ которыхъ была Спарта, держались болѣе охранительной системы и отчасти сочувствовали Персамъ, видя въ нихъ враговъ демократіи; демократическія, въ главѣ которыхъ были Аѳины, сочувствовали болѣе преобразовательной партіи. Эта противоположность и борьба партій произвела ту многостороннюю и дѣятельную жизнь, которая отличаетъ Грека отъ жителя древняго Востока. По тѣсной связи умственной жизни у Грековъ съ общественною, эта противоположность отразилась и въ ихъ литературѣ, въ особенности въ лирической поэзіи. Такъ, *Пиндаръ* ѳиванскій прославляетъ въ своихъ стихахъ аристократію, только въ ней видя доблесть, благородство и возвышенныя чувства; онъ даже остается равнодушенъ при побѣдѣ демократическихъ Аѳинъ надъ Персами. Напротивъ у *Симонида* кеосскаго, свидѣтеля торжества Грековъ надъ Персами, выражается глубокое сочувствіе къ демократіи: любимые герои его—Гармодій и Аристогитонъ и люди павшіе за свободу Греціи въ борьбѣ съ варварами.

c) УСТАНОВЛЕНІЯ, ПОДДЕРЖИВАВШІЯ СОЗНАНІЕ ОБЩЕНАРОДНАГО ЕДИНСТВА У ГРЕКОВЪ (ЭЛЛИНИЗМЪ).

Не смотря на то, что греческій міръ раздѣлялся на нѣсколько племенъ и безконечное число другъ отъ друга независимыхъ городскихъ государствъ, Греки никогда и нигдѣ не забывали, что всѣ они суть члены одного великаго народа эллинскаго: кромѣ родства по крови и языку, кромѣ сходства въ главныхъ обычаяхъ и наклонностяхъ, общіе боги и нѣкоторыя общія религіозно-политическія учрежденія—вотъ тѣ узы, которыя соединяли всѣхъ Грековъ въ одинъ народъ и отъ которыхъ отказаться было-бы для Грека позорно. Эти общенародныя учрежденія были:

1) *Общіе боги* и *оракулы.* Уже въ гомерическихъ пѣсняхъ говорится объ общихъ богахъ и посвященныхъ имъ пѣсняхъ. Хотя въ историческое время каждый городъ имѣлъ своихъ, особенно почитаемыхъ боговъ, но всѣ эти боги отдѣльныхъ городовъ признавались и остальными городами и были членами одного Олимпа, верховный властитель котораго Зевсъ былъ главнымъ богомъ для всѣхъ Эллиновъ. Поэтому обряды поклоненія не только публичные, но и тайные были постоянно доступны для всѣхъ Грековъ. Сосѣдніе города сходились на общіе праздники, посылали другъ къ другу праздничныя посольства (ѳеоріи) и не рѣдко содержали на общій счетъ одни храмы. Изреченія оракуловъ, *додонскаго* (въ Эпирѣ) и особенно *дельфійскаго* (въ Фокидѣ), были священнымъ закономъ для всѣхъ Грековъ: безъ совѣщанія съ ними Греки ничего важнаго не предпринимали. Въ Додонѣ жрецы толковали будущее по шелесту листьевъ священнаго дуба, по журчанію источника, по звуку мѣдныхъ сосудовъ; въ Дельфахъ жрица садилась на треножникъ, стоявшій надъ пещерою, изъ которой выходили испаренія, приводившія ее въ изступленіе. Въ этомъ состояніи она произносила несвязныя слова, изъ которыхъ жрецы составляли отвѣты вопрошавшимъ о судьбѣ своей. Оракулы служили политическимъ орудіемъ въ рукахъ хитрыхъ правителей, которые умѣли дарами снискать благосклонность жрецовъ и получали отвѣты оракула по своему желанію.

2) *Амфиктіоніи.* Обычай взаимнаго посѣщенія праздниковъ и участія въ содержаніи храмовъ привелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи къ учрежденію соединеній, приближающихся къ международнымъ союзамъ, но все таки по преимуществу религіозныхъ. Таковы были *Амфиктіоніи*, довольно распространенныя въ древнѣйшее время. Между ними болѣе другихъ знаменита была амфиктіонія *ѳермопильско-дельфійская*, которая пріобрѣла съ теченіемъ времени такой перевѣсъ, что стала называться амфиктіоніей по преимуществу. Членами ея были 12 греческихъ племенъ, имена которыхъ указываютъ на глубокую древность союза. Они

собирались каждые 6 мѣсяцевъ, одинъ разъ въ Ѳермопилахъ, другой въ Дельфахъ, и связаны были слѣдующею клятвою: «не будемъ разрушать ни одного амфиктіонійскаго города, не будемъ лишать его текучей воды.» Въ историческое время главнымъ назначеніемъ амфиктіонійскаго союза была защита безопасности, выгодъ и сокровищъ дельфійскаго храма—«ногою, рукою, голосомъ и всякимъ средствомъ, находящимся во власти союзниковъ». Имѣя сначала характеръ чисто религіозный, амфиктіонія эта пріобрѣла впослѣдствіи значительное вліяніе и на дѣла политическія.

3) *Общественныя игры* были чисто національными греческими учрежденіями: всѣ Греки дорожили ими, прославляли и возвеличивали ихъ. Ни одинъ народъ не цѣнилъ такъ высоко праздничной радости, какъ древніе Греки: общественныя *игры* были для Грековъ не простымъ дѣломъ забавы и развлеченія, а религіознымъ дѣйствіемъ богопочитанія. Вождями и законодателями игръ они почитали боговъ; они думали, что въ пирахъ и хорахъ боги сопраздпуютъ людямъ. Праздничные дни были, по ихъ понятіямъ, днями, когда люди, освобождая духъ свой отъ житейскихъ заботъ, сближаются съ богами и живутъ ихъ жизнію. Игръ было 4: *олимпіскія* въ Элидѣ, *истмійскія* въ Коринѳѣ, *немейскія* въ Арголидѣ и *пиѳійскія* въ Дельфахъ. На этихъ играхъ происходили состязанія въ борьбѣ, бѣгѣ и другихъ гимнастическихъ упражненіяхъ; здѣсь же поэты, ораторы, историки читали свои произведенія. Наградою побѣдителю былъ вѣнокъ. На каждый годъ приходились въ Греціи одни игры; ихъ совокупность называлась періодомъ, и самою большою славою для Грека было заслужить имя періодоника, т. е. побѣдителя во всѣхъ четырехъ національныхъ играхъ. Болѣе всѣхъ славились игры *олимпійскія*, учрежденіе которыхъ поэзія приписываетъ Геркулесу, а возобновленіе царю Иѳиту (по другому сказанію Ликургу). Такъ какъ онѣ праздновались всегда правильно, чрезъ 4 года на пятый, то съ 776 года, когда записано было въ первый разъ имя побѣдителя, Греки начали вести свое лѣтосчисленіе по *олимпіадамъ*; каждая

олимпіада заключала въ себѣ 4 года. Названіе игръ происходитъ отъ мѣстечка Олимпіи на р. Алфеѣ, гдѣ находились: священная роща изъ масличныхъ деревьевъ, храмъ Зевса, алтари многихъ другихъ боговъ, также различныя религіозныя и общественныя зданія, мѣсто для бѣганья или стадія, и ристалище или гипподромъ. Праздникъ продолжался пять дней и состоялъ въ жертвоприношеніяхъ, пѣніи религіозныхъ гимновъ и играхъ. Послѣднія составляли: бѣганіе, борьба, кулачный бой, бросаніе въ цѣль диска (плоскаго металлическаго кружка), и ристаніе на лошадяхъ. Награда была при всѣхъ играхъ одинаковая, но побѣдитель въ бѣганіи считался главнымъ побѣдителемъ. Въ часы, свободные отъ игръ собравшіеся Греки слушали произведенія поэтовъ и другихъ писателей. Поэты не получали награды, они довольствовались тѣмъ, что всѣ Греки удивлялись ихъ превосходнымъ произведеніямъ. Послѣдній день праздника посвящался на прославленіе побѣдителей. Масличный вѣнокъ, которымъ украшали голову побѣдителей и который они имѣли право носить при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, считался въ глазахъ всѣхъ Грековъ величайшею почестью; имъ гордился не только самъ побѣдитель, но и весь его отечественный городъ: потому, при возвращеніи побѣдителя домой, всѣ граждане выходили къ нему на встрѣчу въ праздничныхъ одеждахъ, несли его на рукахъ въ городъ и обыкновенно ставили ему мраморную статую въ Олимпіи, гдѣ сверхъ того имя его и его родины записывалось въ общую книгу побѣдителей, чтобы увѣковѣчить память о его подвигахъ.

Вотъ тѣ явленія, въ которыхъ выражалось національное единство всѣхъ Эллиновъ, рѣзко отличавшихъ себя отъ *варваровъ*, т. е. народовъ чужой крови и чуждаго языка.

Въ началѣ V вѣка предстояло имъ отстоять свою народную независимость въ борьбѣ съ однимъ изъ этихъ варварскихъ народовъ—Персами.

2.

ОТЪ ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ ДО ПРЕОБЛАДАНІЯ ФИЛИППА МАКЕДОНСКАГО (ОТЪ НАЧАЛА V ДО ПОЛОВИНЫ IV В.): ВНѢШНЯЯ ВОЙНА ГРЕКОВЪ СЪ ПЕРСАМИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЦВѢТЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОДЪ ГЕГЕМОНІЕЮ АѲИНЪ; ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА ДОРЯНЪ И ІОНЯНЪ ЗА ПЕРВЕНСТВО И УПАДОКЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОДЪ ГЕГЕМОНІЕЮ СПАРТЫ.

А) **ПЕРСИДСКІЯ ВОЙНЫ** (496—469).

Распространивъ свою народность по всему средиземноморскому бассейну до внутренности Малой Азіи, Греки столкнулись съ огромнымъ, сложившимся изъ 4-хъ восточныхъ царствъ и основаннымъ на военномъ деспотизмѣ владычествомъ Персовъ. Завязалась между обоими народами великая національная борьба, извѣстная подъ именемъ *персидскихъ войнъ*. Въ этой борьбѣ пробуждаются духовныя силы народа греческаго и достигаетъ полнаго развитія государственная, умственная и художественная жизнь его.

Борьба съ Персами. Въ началѣ V вѣка весь греческій міръ представляется раздѣленнымъ на двѣ части: государства аристократическія въ колоніяхъ и метрополіяхъ подъ гегемоніею Спарты и государства демократическія подъ предводительствомъ Аѳинъ: первыя преобладали на югѣ Греціи, вторыя на сѣверѣ. Блестящіе успѣхи, сдѣланные демократіею въ послѣднее время въ Аѳинахъ, навели страхъ на аристократовъ сѣверной Греціи и заставили ихъ искать помощи внѣ своего отечества у Персовъ. Въ это же время персидскій царь Дарій Гистаспъ, владѣвшій всею переднею Азіею, обдумывалъ средства распространить свое господство и въ Европѣ: неудачный походъ противъ Скиѳовъ еще болѣе утвердилъ его въ намѣреніи покорить Грецію. Онъ старался сблизиться съ утратившими значеніе греческими

вельможами, надѣясь чрезъ нихъ скорѣе достигнуть своей цѣли; вездѣ покровительствовалъ аристократамъ, награждалъ съ большою щедростію греческихъ предателей, принялъ у себя изгнаннаго тиранна Гиппія и ввелъ тираннію въ подвластныхъ, со временъ Кира, Персамъ греческихъ мало-азіатскихъ колоніяхъ. Это послѣднее обстоятельство было причиною того, что мало-азіатскіе греческіе города, въ особенности богатый Милетъ, руководимые Гистіэемъ и Аристагоромъ, возстали какъ противъ Персовъ для пріобрѣтенія себѣ независимости, такъ и противъ тиранновъ, которые утѣсняли ихъ съ персидскою помощію. Но собствен- 496 г. ныхъ силъ у колонистовъ было мало. Они искали помощи у сильнѣйшихъ государствъ Греціи. Спарта отказала; а Аѳины рѣшились помочь своимъ единоплеменнымъ колонистамъ и послали имъ нѣсколько кораблей. Но трудно было жителямъ Милета, и съ этимъ пособіемъ, устоять противъ огромныхъ силъ Дарія. Сначала, правда, имъ удалось сжечь городъ Сардесъ; когда же Персы оправились отъ перваго удара и собрали свои силы, то Аѳиняне удалились восвояси, а мало-азіатскіе Греки, разбитые на сушѣ и на морѣ, должны были смириться. Милетъ былъ разрушенъ. Но этимъ дѣло не кончилось.

Дарій, раздраженный на Аѳинянъ за то, что они помогли возмутившимся его подданнымъ, и подстрекаемый изгнанникомъ Гиппіемъ, не терявшимъ надежды на возвратъ прежняго значенія въ Аѳинахъ, далъ повелѣніе своему полко- 492 г. водцу *Мардонію* вторгнуться въ Грецію. Такъ начались долговременныя войны между Греками и Персами,—войны, которыя возвеличили первыхъ и убили могущество послѣднихъ.

Походъ Мардонія былъ неудаченъ: сухопутное войско его погибло въ борьбѣ съ жителями Ѳракіи и Македоніи, а флотъ былъ разрушенъ бурею. Но эти неудачи не устрашили Дарія. Вскорѣ два другіе полководца (Датисъ и Артафернъ), по при- 490 г. казанію его, повели въ Грецію болѣе ста тысячъ войска. Имъ предшествовали послы его, требуя отъ греческихъ госу-

дарствъ земли и воды, въ знакъ покорности. Многія государства исполнили ихъ требованіе, Спарта и Аѳины отказали и даже убили пословъ. Войско персидское опустошило островъ Эвбею и перешло въ Аттику. Народъ въ Аѳинахъ былъ воодушевленъ противъ варваровъ представленіемъ трагедіи Фриниха «Паденіе Милета»; но своихъ силъ было мало, и потому Аѳиняне послали въ Спарту просить о помощи. Спартанцы праздновали въ это время одно религіозное торжество и потому не могли выступить въ походъ до полнолунія. Тогда Аѳиняне, по совѣту главы охранительной партіи *Мильціада*, выступили съ 10,000 войска противъ страшнаго непріятеля и на поляхъ *Мараѳонскихъ* увидѣли необозримые ряды персидскаго войска. По общему согласію аѳинскихъ предводителей, въ день битвы Мильціадъ получилъ главное начальство. Онъ такъ искусно устроилъ войска Аѳинянъ, что Персы, не смотря на свою многочисленность, потерпѣли совершенное пораженіе, бросились на корабли и тотчасъ поплыли къ Аѳинамъ, чтобы съ другой стороны напасть на беззащитный городъ; но побѣдители, не смотря на усталость, съ такою быстротою устремились на защиту роднаго города, что многіе задыхались и падали мертвыми. Персы, подойдя къ Аѳинамъ, увидѣли тѣхъ же воиновъ, которыми нѣсколько раньше были разбиты, и, не смѣя напасть на городъ, отплыли въ Азію. Съ великою добычею они оставили Аѳинянамъ громкую славу совершеннаго ими подвига. На другой день пришли Спартанцы, но уже все было кончено: имъ оставалось только быть зрителями торжества храбрыхъ Аѳинянъ (490).

Вся Греція праздновала побѣду Аѳинъ, но радость Аѳинянъ была выше всякаго описанія: надгробные памятники и похвальныя рѣчи были наградою павшихъ Грековъ; лавровые вѣнки и хвалебные гимны — наградою живыхъ Грековъ. Мильціадъ осыпанъ былъ почестями и изображеніе его выставлено было подъ портикомъ, который находился на народной площади въ Афинахъ.

Но перемѣнчивъ въ чувствахъ своихъ былъ народъ

аѳинскій: партія преобразователей, отстраненная Мильціадомъ отъ участія въ мараѳонскомъ дѣлѣ, рѣшилась отмстить ему за это устраненіе. Мильціадъ былъ отправленъ наказать острова греческіе, добровольно покорившіеся Персамъ, и когда походъ его противъ острова Пароса не имѣлъ успѣха, его осудили на огромную денежную пеню. Мильціадъ не могъ заплатить ее и былъ брошенъ въ темницу, гдѣ и умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ бою за родину.

Съ удаленіемъ Мильціада охранители потеряли значеніе и выдвинулись въ Аѳинахъ на первый планъ два замѣчательные человѣка преобразовательной партіи—*Ѳемистоклъ* и *Аристидъ*. Ѳемистоклъ былъ однимъ изъ величайшихъ людей Греціи и какъ правитель, и какъ дипломатъ, и какъ полководецъ. Аѳины ему обязаны господствомъ на моряхъ и главными основами своего будущаго величія, а вся Греція—спасеніемъ отъ порабощенія. Аристидъ, прозванный справедливымъ, былъ человѣкъ неподкупной честности и правоты, но въ дарованіяхъ уступалъ Ѳемистоклу. Онъ устроилъ финансовую часть въ республикѣ. Окончивъ усмиреніе островокъ послѣ Мильціада, Ѳемистоклъ, чтобы свободнѣе дѣйствовать въ исполненіи задуманнаго имъ плана, рѣшился устранить съ общественнаго поприща осторожнаго Аристида, который былъ удаленъ изъ отечества остракизмомъ. Удаленіе соперника развязало руки Ѳемистоклу; вѣрный убѣжденіямъ прогрессивной партіи, онъ уговорилъ Аѳинянъ отказаться отъ доходовъ съ серебряныхъ рудниковъ Лавріона, для сооруженія флота, который его стараніями устроенъ былъ такъ, что могъ уже противиться громадному флоту Персовъ, тогда какъ не задолго предъ тѣмъ, о. Эгина былъ на морѣ гораздо сильнѣе Аѳинъ. Опасенія Ѳемистокла насчетъ новаго вторженія Персовъ скоро оправдались на дѣлѣ. Уже Дарій, раздраженный неудачею, приготовился къ новому походу на Грецію; но вскорѣ умеръ. Сынъ и наслѣдникъ его *Ксерксъ* собралъ, какъ говорятъ, более 2,000,000 войска и рѣшился самъ отмстить Грекамъ за 480 г.
мараѳонское пораженіе. Природа грозила ему страшными

предвѣстіями: буря сорвала мостъ на Геллеспонтѣ. Гордый Ксерксъ бичами велѣлъ наказать море, бросилъ въ него цѣпи, навелъ новый мостъ и въ теченіе семи сутокъ переводилъ чрезъ него свои войска въ Европу. Огромный флотъ изъ 1,200 военныхъ кораблей и 8,000 меньшихъ судовъ сопровождалъ по берегу Македоніи его шествіе. Персидскіе герольды возвѣстили Грекамъ гнѣвъ Ксеркса и требовали воды и земли въ знакъ покорности. Многія греческія государства повиновались; но Спартанцы и Аѳиняне съ своими союзниками съ презрѣніемъ отказали требованіямъ Персовъ, которые заняли уже Ѳессалію и готовились чрезъ Ѳермопилы вторгнуться въ Элладу. Вѣсть объ угрожающей бѣдѣ разнеслась во время празднованія олимпійскихъ игръ. Спарта и Аѳины забыли соперничество, заключили тѣсный союзъ, отказались отъ помощи сиракузскаго тиранна, чтобы самимъ быть вождями въ дѣлѣ спасенія Греціи. Единодушно ввѣрено было Спартѣ начальство надъ войскомъ и, чтобы выиграть время, отправленъ былъ спартанскій царь *Леонидъ* съ 300 Спартанцевъ и отрядомъ союзниковъ къ узкому проходу ѳермопильскому, съ повелѣніемъ удерживать вторженіе Персовъ въ собственную Грецію до тѣхъ поръ, пока вооруженіе Грековъ не будетъ окончено. Между тѣмъ Ксерксъ приблизился къ Ѳермопиламъ и, не думая, чтобы горсть Грековъ могла заградить путь въ Грецію его громадному ополченію, потребовалъ у Леонида оружія. «Приди и возьми!» отвѣчалъ Леонидъ. «Но, сказалъ Ксерксъ, мои воины, своими копьями, заслонятъ вамъ свѣтъ солнца». «Мы будемъ сражаться въ тѣни» отвѣчалъ Леонидъ. Завязался бой, цѣлый день напрасны были всѣ усилія Ксеркса сломить героевъ греческихъ; но измѣнникъ греческій *Ефіальдъ* показалъ Персамъ проходъ чрезъ гору Эту, и такимъ образомъ Леонидъ былъ окруженъ несмѣтными силами Персовъ. Теперь спасенія не было, Леонидъ отпустилъ союзниковъ (кромѣ Ѳиванцевъ) и рѣшился лучше умереть на мѣстѣ, нежели уступить постъ, назначенный ему отечествомъ. Принеся жертву богамъ и отпировавши въ послѣдній разъ съ товари-

щами, при наступленіи ночи, онъ бросился на лагерь персидскій и произвелъ въ немъ ужасную рѣзню: тысячи враговъ погибли и сраженіе кончилось на другой день только тогда, когда послѣдній Грекъ испустилъ дыханіе. Греки увѣковѣчили этотъ геройскій подвигъ Леонида, воздвигнувъ памятникъ на полѣ битвы съ надписью: «странникъ! возвѣсти Лакедемонянамъ, что мы лежимъ здѣсь всѣ триста, повинуясь законамъ отечества.» И такъ Ксерксу открытъ былъ путь въ Элладу. Когда вѣсть о ѳермопильскомъ дѣлѣ проникла въ Аѳины, всѣ поражены были ужасомъ. Одинъ Ѳемистоклъ не терялъ присутствія духа; воспользовавшись изреченіемъ оракула, который совѣтовалъ Аѳинянамъ искать спасенія за деревянными стѣнами, онъ убѣдилъ согражданъ оставить городъ. Способные носить оружіе сѣли на корабли, женъ и дѣтей перевезли на ближайшій островъ; въ Аѳинахъ остались только дряхлые старцы, рѣшившіеся умереть при своихъ домахъ, храмахъ и гробахъ отцовъ. Вслѣдъ за тѣмъ Ксерксъ опустошилъ Аттику, вторгнулся въ Аѳины, перебилъ старцевъ и зажегъ съ четырехъ концовъ городъ. Теперь спасеніе Греціи зависѣло отъ флота. Небольшой греческій флотъ стоялъ при островѣ *Саламинѣ*. Извѣстіе о сожженіи Аѳинъ навело такой страхъ на Грековъ, что Спартанцы рѣшились отступить. Ѳемистоклъ предвидѣлъ опасность угрожавшую Греціи и, когда его просьбы, совѣты и угрозы не могли остановить Грековъ, прибѣгнулъ къ хитрости: онъ притворился измѣнникомъ, увѣдомилъ Ксеркса о намѣреніи Грековъ отступить и совѣтовалъ окружить ихъ, чтобы однимъ ударомъ кончить войну. Ксерксъ послушалъ его и велѣлъ своимъ кораблямъ преградить греческому флоту путь къ отступленію. Изгнанникъ Аристидъ явился съ этою вѣстію въ станъ греческій и просилъ позволенія умереть за родину. Греки поневолѣ должны были вступить въ сраженіе. Ксерксъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ и велѣлъ воздвигнуть золотой тронъ, чтобы удобнѣе видѣть погибель своихъ враговъ; но онъ ошибся. Ѳемистоклъ такъ умно распорядился битвою, что Греки одержали совершенную побѣду и

истребили почти весь флотъ персидскій. Самъ Ксерксъ со стыдомъ бѣжалъ въ Азію на рыбачьей лодкѣ, оставивъ въ Греціи своего полководца *Мардонія* съ 300,000 войска, чтобы слѣдующею весною онъ покорилъ Грековъ; но и тутъ Персамъ не было удачи: Мардоній съ сухопутнымъ войскомъ былъ разбитъ при *Платеѣ* Спартанцемъ *Павсаніемъ* и Аѳиняниномъ Аристидомъ и самъ былъ убитъ. Въ тотъ же день Греки сожгли остатки персидскаго флота въ Малой Азіи при мысѣ *Микале*. Свобода и независимость Греціи были спасены; но война еще не кончилась.

Возвышеніе Аѳинъ. Наиболѣе заслугъ Греціи въ персидскихъ войнахъ оказали Аѳиняне, и потому они теперь получили первенство надъ всѣми греческими государствами. Этимъ первенствомъ въ особенности они обязаны были: 1) славному Ѳемистоклу, который создалъ флотъ, укрѣпилъ Аѳины твердыми стѣнами и заложилъ отличную гавань Пирей, 2) честному Аристиду, который заслужилъ довѣренность и уваженіе всѣхъ Грековъ до такой степени, что острова и приморскіе города, заключивъ договоръ съ Аѳинами, избрали его хранителемъ общественной казны (на о. Делосѣ), собранной для продолженія войнъ съ Персами, и наконецъ 3) умному, храброму и щедрому Кимону, сыну Мильтіада, который блистательно продолжалъ войну съ Персами и освободилъ отъ нихъ мало-азіатскихъ Грековъ по такъ называемому Кимонову миру.

Спартанцы не могли безъ зависти смотрѣть на славу Аѳинянъ, тѣмъ болѣе, что въ то время, какъ Ѳемистоклъ и Аристидъ пріобрѣли общее уваженіе въ Греціи, спартанскій полководецъ *Павсаній*, успѣшно воевавшій съ Персами, сдѣлался предателемъ своего отечества. Оскорбивъ союзныхъ Грековъ надменностію, окруживъ себя роскошью и великолѣпіемъ, несвойственными Спартанцу, онъ наконецъ вступилъ въ тайные переговоры съ персидскимъ царемъ, обѣщая содѣйствовать Персамъ къ порабощенію Греціи, если Ксерксъ отдастъ ему руку своей дочери. Эта измѣна была открыта и хотя Павсаній погибъ голодною смертію въ од-

номъ храмѣ, гдѣ искалъ спасенія, но измѣна его сильно подорвала вліяніе Спарты на дѣла Греціи. Чтобы показать Грекамъ, что не въ одной Спартѣ были предатели, Спартанцы, злившіеся на Ѳемистокла за постройку аѳинскихъ стѣнъ, успѣли воспользоваться враждою къ нему консерваторовъ аѳинскихъ, предводимыхъ Кимономъ, и замѣшали его въ дѣло Павзанія. Осужденный на изгнаніе, а потомъ на смерть, несчастный Ѳемистоклъ долго скитался безъ пристанища и, отвергнутый лучшими друзьями своими, рѣшился искать пріюта у злѣйшаго врага своего. Артаксерксъ принялъ его ласково и одарилъ богато, не смотря на то, что Ѳемистоклъ болѣе всѣхъ Грековъ сдѣлалъ зла Персамъ. Но когда Артаксерксъ потребовалъ отъ него вести персидскія войска противъ Грековъ, то благородный Ѳемистоклъ, не желая быть виновникомъ несчастія своего отечества, самъ отравилъ себя ядомъ. Вслѣдъ за Ѳемистокломъ сошелъ въ могилу другой представитель преобразовательной партіи, благородный соперникъ его Аристидъ, который расширилъ аѳинскую демократію, выхлопотавъ и четвертому классу гражданъ полноту правъ политическихъ, т. е. доступъ къ архонтству. Онъ былъ погребенъ на общественный счетъ, и республика дала приданое его дочери. Для друзей Аристида, для всѣхъ, его видѣвшихъ и знавшихъ чистоту его убѣжденій, жизнь его имѣла огромное нравственное значеніе; но Ѳемистоклъ несравненно болѣе его сдѣлалъ для спасенія и величія родины.

По смерти Аристида и Ѳемистокла преобразовательная партія потеряла на время свое значеніе и на первое мѣсто выпустилъ глава охранительной—*Кимонъ*, сынъ Мильціада, такой же даровитый воинъ, какъ и его отецъ, но человѣкъ болѣе честныхъ убѣжденій. Владѣя огромнымъ богатствомъ, онъ употребилъ его на украшеніе Аѳинъ садами, на устройство увеселеній и раздачу пособій народу, и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ популярность въ Аѳинахъ. Цѣлію всѣхъ его стремленій было довершить первенство Аѳинъ въ Греціи окончательнымъ униженіемъ Персовъ, и въ тоже время, какъ консер-

ваторъ, вѣрный убѣжденіямъ своей партіи, онъ заботливо охранялъ народъ отъ все болѣе и болѣе разгаравшейся вражды съ Спартою. Блестящія побѣды его надъ Персами при Эвримедонтѣ и островѣ Кипрѣ доставили Аѳинамъ почетную славу освободителей малоазіатскихъ Грековъ отъ персидскаго ига (по миру Кимонову 469) и окончательно упрочили преобладающее первенство ихъ надъ союзниками, которое было близко къ совершенному владычеству, вызывало уже ропотъ въ союзникахъ и все болѣе и болѣе раздувало зависть въ Спартѣ. Если бы не Кимонъ, прозванный за дружбу къ Спартѣ Филолакономъ и даже разъ изгнанный за нее изъ отечества, то огромная междоусобная борьба между двумя великими государствами давно возгорѣлась бы въ Греціи. Благодаря Кимону, она ограничилась небольшою войною и временнымъ перемиріемъ. Въ 465 году въ главѣ Аѳинъ сталъ знаменитый *Периклъ*, представитель партіи преобразовательной.

в) Цвѣтъ греческой жизни подъ гегемоніею Аѳинъ. (Время Перикла.)

Самую свѣтлую эпоху не только въ жизни Аѳинъ, но въ жизни всей Греціи и даже цѣлаго древняго міра, отмѣтила исторія именемъ вѣка Перикла. Этотъ государственный человѣкъ не только оправдалъ, но далеко превзошелъ самыя гордыя надежды Ѳемистокла на славу и величіе роднаго города.

Периклъ сынъ Ксантиппа, побѣдителя при Микале, по женской линіи происходилъ изъ знаменитаго рода Алкмеонидовъ, который принадлежалъ къ самой высшей аристократіи, стоялъ всегда въ главѣ партіи преобразователей и оказалъ важныя услуги демократіи содѣйствіемъ къ изгнанію Пизистратидовъ, изданіемъ законовъ и управленіемъ государства въ самое трудное время. Природа дала Периклу способности, которыми всегда и вездѣ можно было дѣйствовать на народъ; величественную наружность, громкій благо-

звучный голосъ, чарующій даръ слова, сочувствіе къ изящному, твердость, безстрашіе и вмѣстѣ гибкость характера. Природныя дарованія развилъ онъ воспитаніемъ. Это былъ образецъ вполнѣ образованнаго Грека, въ которомъ совершенство духа соединялось съ совершенствомъ тѣла. Онъ первый изъ государственныхъ мужей Греціи почувствовалъ необходимость серьознаго философскаго образованія, не для кабинетныхъ размышленій, но для приложенія къ жизни, и сталъ учиться у знаменитаго философа *Анаксагора*, провозгласившаго, что міромъ и людьми управляетъ не Зевсъ громовержецъ и олимпійскіе боги, но верховный разумъ. Огромное вліяніе на Перикла и на современное аѳинское общество имѣла его жена *Аспазія*, красивѣйшая, остроумнѣйшая и краснорѣчивѣйшая женщина своего вѣка. Домъ ея былъ центромъ моды, утонченнаго вкуса и образованности въ Аѳинахъ; сюда стекались всѣ знаменитости науки и искусства того времени. Здѣсь, среди бесѣдъ съ Аспазіею, съ художниками, ораторами и философами, развивался постоянно Периклъ и между прочимъ у Аспазіи заимствовалъ ту силу слова, которою такъ повелительно увлекалъ народное вѣче и за которую прозванъ олимпійскимъ. Враги Перикла, не смѣя напасть въ немъ на любимца народнаго, обвинили въ безбожіи Анаксагора и Аспазію, которые наиболѣе имѣли вліяніе на великаго человѣка. Периклъ самъ защищалъ и оправдалъ Аспазію тою-же силою слова, которую отчасти у нее заимствовалъ.

Природныя, развитыя образованіемъ дарованія употребилъ Периклъ на то, чтобы сдѣлаться первымъ въ Аѳинахъ; а быть первымъ въ Аѳинахъ онъ хотѣлъ для того, чтобы сдѣлать ихъ первымъ государствомъ въ греческомъ мірѣ въ общественномъ, умственномъ и художественномъ отношеніяхъ. Не занимая никакой важной государственной должности, не льстя и не угодничая предъ народомъ, подобно другимъ честолюбцамъ, но часто говоря ему горькія истины, Периклъ 16 лѣтъ неограниченно управлялъ въ Аѳинахъ, былъ народнымъ монархомъ безъ имени монарха. За то онъ

всецѣло посвятилъ себя государству: «на одной только дорогѣ въ городъ видно было Перикла, говоритъ Плутархъ, на площадь и въ думу; приглашенія на пиршества и веселыя бесѣды онъ отклонялъ, во все долгое время правленія не обѣдалъ ни у кого изъ своихъ друзей, только разъ былъ на свадьбѣ у своего племянника, и то ушелъ при началѣ стола». Много было у него враговъ; писатели комедіи издѣвались надъ нимъ; но одинъ голосъ снискалъ онъ въ свою пользу—голосъ неподкупнаго историка Ѳукидида.

Вотъ личность Перикла. Посмотримъ, что̀ онъ сдѣлалъ для государства. Мысли и стремленія Перикла высказаны имъ въ похвальной рѣчи, которую онъ говорилъ, въ первый годъ пелопоннезской войны надъ тѣлами павшихъ въ битвѣ согражданъ.

Вѣрный преданіямъ партіи преобразователей, къ которой принадлежали всѣ предки его, Периклъ почиталъ возможно широкую демократію самымъ лучшимъ образомъ государственнаго устройства. Поэтому Периклъ старался распространить какъ можно шире значеніе народа и народнаго вѣча. По предположенію друга его Эфіальта значительно ограничена была судебная власть ареопага и отнято у него право останавливать опредѣленія народнаго вѣча. Этимъ Периклъ уничтожилъ послѣднее охранительное учрежденіе, которое удерживало отъ слишкомъ разрушительныхъ движеній и крайностей подвижную натуру аѳинскаго демоса, и предоставилъ демосъ вполнѣ своему собственному управленію. Но чтобы народъ самъ могъ какъ слѣдуетъ управлять собою и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, Периклъ полагалъ необходимымъ обезпечить средства къ жизни и дать образованіе каждому гражданину. Съ этою цѣлію, онъ 1) установилъ жалованье или плату гражданамъ за участіе въ каждомъ народномъ и судебномъ собраніи (отъ 1 до 3 оболовъ т. е. 3—10 к.) и за военную службу (отъ 4 до 12 оболовъ т. е. 12—40 к. въ день); 2) отпускалъ бѣднымъ гражданамъ деньги изъ особой кассы (ѳеорсіикона) для посѣщенія театровъ и другихъ общеполезныхъ зрѣлищъ и праз-

днествъ. Этими мѣрами онъ возбудилъ въ каждомъ гражданинѣ интересъ къ общественнымъ дѣламъ, хотѣлъ предотвратить среди густаго населенія Аѳинъ появленіе голодной буйной толпы бѣдняковъ (пролетаріевъ), всегда готовыхъ быть орудіемъ революціонеровъ, наконецъ массѣ народа далъ средства къ умственному и эстетическому развитію. Воспитаніе гражданина аѳинскаго совершалось жизнію, а не въ школѣ. Умъ его изощрялся постояннымъ участіемъ въ судебныхъ и политическихъ преніяхъ народнаго вѣча, гдѣ говорили лучшіе ораторы и въ томъ числѣ самъ Периклъ, и присутствіемъ въ происходившихъ подъ открытымъ небомъ бесѣдахъ философовъ (*). Глазъ Аѳинянина привыкалъ съ дѣтства къ прекрасному, со всѣхъ сторонъ окружавшему его въ памятникахъ искусства, изъ которыхъ великолѣпнѣйшіе сооружены при Периклѣ. Таковы: *одеонъ*, крытая ротонда, обитая досками съ отнятыхъ у Персовъ кораблей, въ которой происходили поэтическія и музыкальныя состязанія; бѣломраморный храмъ *Аѳины сунійской* на скалѣ мыса Суніума, служившій мореходамъ вмѣсто маяка; *парѳенонъ*, храмъ богини покровительницы Аѳинъ, которому подобнаго не было во всей Греціи; наконецъ *пропилеи*, великолѣпнѣйшее зданіе въ родѣ галлереи, служившее входомъ въ аѳинскую крѣпость (акрополь). Эти зданія украшены были образцовыми статуями работы величайшаго изъ скульпторовъ Фидія (особенно замѣчательны три статуи Аѳины) и картинами кисти знаменитаго Полигнота. Наконецъ драматическія представленія, которыя имѣли цѣлію не простую заба-

---

(*) Въ Аѳинахъ было множество палестръ и три гимназіи. Гимназія обыкновенно находилась въ обширномъ саду, засаженномъ кустовыми растеніями. Въ срединѣ этого сада стояло большое зданіе, окруженное дворомъ съ крытыми галлереями. Сюда приходили не только учителя, но и всякъ, кто хотѣлъ, изъ образованныхъ людей; старики говорили здѣсь съ юношами о добромъ и прекрасномъ, обо всемъ, что только могло развивать духъ человѣка. Въ залахъ купались: вокругъ купаленъ проложены были длинныя дорожки для бѣганья. Такимъ образомъ Аѳиняне одновременно укрѣпляли духъ и тѣло.

ву, а соединенное съ изящнымъ наслажденіемъ назиданіе, довершали умственное развитіе Аѳинянина, даже такого, которому обстоятельства не дали возможности учиться въ молодости. На той-же скалѣ, на которой возвышался акрополисъ, были изсѣчены скамьи для театра; онѣ расположены были одна надъ другою амфитеатромъ. Съ этихъ скамей видны были: городъ, рощи изъ оливъ, море. Каждый день давались здѣсь представленія, подъ открытымъ небомъ, которое въ Греціи почти постоянно бывало ясно и освѣщено солнцемъ. Въ праздники давалось часто по шести пьесъ, одна за другою. Периклъ достигъ своей цѣли—сдѣлать Аѳины школою Эллады: время его составляетъ цвѣтъ умственной и художественной жизни въ Аѳинахъ. Наука дала Сократа и Ѳукидида; поэзія—величайшаго трагика Софокла и комика Аристофана; искусство пластическое—Фидія и Полигнота. Аѳины стали средоточеніемъ духовной жизни всей Греціи: сюда шли за вѣнцами всѣ греческіе художники, здѣсь выдавались дипломы на славу; въ Аѳинахъ толпились ежедневно всѣ племена Эллады. «Нашъ городъ, говоритъ одинъ ораторъ, оставилъ далеко за собою и въ философіи и въ краснорѣчіи всѣхъ Грековъ, такъ что ученики его стали ихъ учителями».

Но не только столицею умственнаго и художественнаго образованія были Аѳины для Грековъ: владѣя морями и повелѣвая своими союзниками, они были при Периклѣ центромъ торговли и промышленности. Благопріятное ихъ положеніе, прекрасныя гавани, полновѣсная монета манили сюда торговыхъ людей. Съ береговъ Чернаго моря, изъ Италіи и Сициліи, изъ Кипра, Египта и Пелопоннеса свозились лучшія произведенія въ Аѳины (*). Съ своей стороны разсылали Аѳиняне во всѣ страны свои произведенія, по преимуществу мануфактурныя (оружіе, сосуды, разныя ткани, особенно шерстяныя). Промышленность фабричная занимала много

(*) Рабы, корабельный лѣсъ, соленая рыба, медъ, воскъ, шерсть и ковры.

рукъ въ Аѳинахъ. Но граждане не занимались работой, считая ее недостойною свободнаго человѣка и посвящая себя исключительно дѣламъ государственнымъ и наслажденіямъ эстетическимъ. Вся промышленность была въ рукахъ метэковъ (поселенцовъ); на фабрикахъ и на полѣ работали рабы. Изъ 180,000 жителей, въ Аѳинахъ при Периклѣ было только 20,000 гражданъ, вполнѣ преданныхъ досугу и общественнымъ занятіямъ, остальные 160,000 работали на эти 20,000 человѣкъ. Сверхъ того эти 20,000, составляя аѳинскій демосъ, почитали себя властителями 15,000,000 подданныхъ въ разныхъ подвластныхъ или союзническихъ земляхъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Периклъ перенесъ въ Аѳины съ острова Делоса казну союзниковъ. За всѣми расходами государство имѣло въ остаткѣ 8,000 талантовъ, т. е. на нашъ курсъ и наши деньги до 375,000,000 рублей сер. Периклъ не щадилъ казны (особенно союзнической), употребляя ее на великолѣпныя постройки и празднества (которыхъ было до 60 въ годъ), на раздачу гражданамъ въ голодные годы дароваго хлѣба, на жалованье за участіе въ народныхъ собраніяхъ. Жалованье это было не велико, но достаточно, чтобы прожить безбѣдно аѳинскому гражданину, при тогдашней дешевизнѣ, когда семейство изъ 4 человѣкъ могло жить хорошо, имѣя 100 р. ежегоднаго дохода. Сверхъ того на бѣдныхъ гражданахъ не лежало никакихъ повинностей: онѣ падали на богатыхъ, которые, что бы не навлечь на себя подозрѣнія въ замыслахъ противъ демократіи, готовы были на всѣ пожертвованія, извѣстныя подъ именемъ литургіи (*) Понятно, что при такихъ условіяхъ гражданинъ не хотѣлъ работать: его существованіе обезпечивалось государствомъ и рабами. Всѣ граждане оставили мастерскія и работы и бросились на служеніе государству въ собраніяхъ, судахъ, войскѣ: они мало жили дома, но проводили время въ созерцаніи сценическихъ представленій и слушаніи филосо-

(*) Содержаніе хора на играхъ и представленіяхъ, содержаніе борцовъ на играхъ, угощеніе на праздникахъ филъ, оснастка корабля.

фовъ и ораторовъ, слѣдуя правилу Сократа «досугъ есть спутникъ свободы» (*). Такое устройство государства шиб-

---

(*) Вотъ изображеніе частной жизни Аѳинянъ въ лучшее время ихъ исторіи, когда они служили образцемъ для Грековъ во всѣхъ отношеніяхъ. Съ самаго ранняго утра до поздняго вечера въ Аѳинахъ все кипѣло самою живою, разнообразною дѣятельностью. Рано утромъ, съ пѣніемъ пѣтуховъ, поселяне являлись въ городъ съ съѣстными припасами и ходили по улицамъ съ крикомъ и припѣвами. За тѣмъ отпирались лавки, улицы мало-по-малу наполнялись народомъ, шумъ увеличивался. Часть жителей шла на свою работу, другіе разсѣвались по различнымъ судебнымъ мѣстамъ. Въ извѣстное время дня, предъ полуднемъ и вечеромъ, граждане прогуливались по берегамъ Илисса или въ очаровательныхъ окрестностяхъ города, гдѣ слушали уроки философовъ. Но самымъ любимымъ мѣстомъ народнаго сборища была площадь. Здѣсь часто происходили народныя собранія; здѣсь были зданія буле и ареопага, вокругъ площади помѣщались различныя лавки. Ненасытная жажда новостей и участіе въ народномъ вѣчѣ привлекали на площадь толпы гражданъ. Въ свободное отъ общественныхъ дѣлъ время, многіе граждане, владѣвшіе загородными помѣстьями, рано утромъ оставляли Аѳины и, проведя время въ надзорѣ за сельскими работами, въ звѣриной ловлѣ и гимнастическихъ упражненіяхъ, поздно вечеромъ возвращались въ городъ. Аѳиняне носили большею частію короткое полукафтанье и сверхъ его надѣвали плащъ, который закрывалъ ихъ почти совершенно. Обыкновенно онъ былъ бѣлый; впрочемъ богачи носили плащи изъ разныхъ цвѣтныхъ матерій. Греки хвалились искусствомъ живописно накидывать на себя плащъ, который долженъ былъ ложиться множествомъ складовъ; незнаніе этого искусства было признакомъ дурнаго тона. Верхняя одежда женщинъ состояла въ короткомъ тюникѣ съ цвѣтными полосами или лентами, сверхъ которой надѣвали плащъ. И мужчины и женщины употребляли духи и любили щеголять дорогими азіатскими благовоніями; серьги, ожерелья, браслеты, кольцы изъ золота и дорогихъ камней—все это было употребляемо Аѳинянками при туалетѣ. Больше ходили пѣшкомъ, впрочемъ богатые употребляли носилки; мужчины обыкновенно ходили съ тростью, женщины съ зонтикомъ. Въ цвѣтущія времена Аѳинъ, великолѣпіе и роскошь видны были только въ храмахъ и священныхъ зданіяхъ, но со времени упадка греческой жизни, явилась расточительность въ постройкѣ и убранствѣ частныхъ домовъ. Обычныхъ трапезъ у Аѳинянъ было немного; при всемъ томъ гастрономы высоко цѣнили удовольствіе стола.

ко развило демократію, освобожденную Перикломъ отъ охранительнаго надзора ареопага: оно сильно содѣйствовало общественному, умственному и художественному образованію народа. Но съ другой стороны, оно обезпечило настоящее, а не будущее народа: презрѣніе къ промышленному труду, составлявшее корень зла всѣхъ древнихъ государствъ и причину ихъ кратковременнаго благосостоянія, поставило гражданъ въ зависимость отъ правительства и отъ массы рабовъ. Настало крутое время, когда государство не могло обезпечить бѣдныхъ гражданъ, а сами они, будучи мастерами только трактовать о правленіи, да смотрѣть на зрѣлища, не умѣли взяться ни за что, чтобы достать себѣ хлѣба, и отдавали свои голоса и свои руки каждому честолюбцу, который готовъ былъ накормить ихъ хлѣбомъ и потѣшить зрѣлищами. Эти слѣдствія испыталъ уже Периклъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Высокое умственное развитіе, которымъ ознаменованъ вѣкъ Перикла, обозначило начало новаго направленія и въ духовной жизни греческаго народа: поэтическую вѣру въ Зевса и Олимпійцевъ философія подвергла повѣркѣ ума, и слѣдствіемъ этого было отрицаніе прежнихъ народныхъ вѣрованій. Оно началось еще до Перикла, но при Периклѣ, и особенно вслѣдъ за нимъ, особенно рѣзко обнаружилось паденіе народной миѳологической религіи. Самыми великими

Кушанья были многочисленны и разнообразны; многія лакомства привозимы были издалека. Изъ винъ особенно уважали коркирскія и хіосскія. Не рѣдко для того, чтобы придать винамъ болѣе вкуса и запаху, смѣшивали ихъ съ цвѣтами и плодами. Греки не сидѣли за столомъ, а лежали на скамьяхъ. На пирахъ залу пиршества окуривали благовоніями, гости имѣли на головахъ цвѣточные вѣнки, позади каждаго стоялъ невольникъ. На веселыхъ пирушкахъ выбирали по жребію царя пира, который всѣмъ распоряжался и назначалъ заздравные тосты. Веселыя пѣсни были необходимою приправою каждаго пира; лира ходила кругомъ по залѣ пиршества и каждый гость долженъ былъ спѣть пѣсню, когда до него доходила очередь. Кто не умѣлъ потѣшить самъ гостей, тотъ призывалъ пѣвицъ и танцовщицъ.

поборниками новаго умственнаго движенія были Анаксагоръ и Сократъ, которые слѣпую вѣру въ боговъ Олимпа старались замѣнить въ народѣ сознаніемъ высшаго разумнаго нравственнаго закона. Противъ нихъ возстали приверженцы старыхъ вѣрованій; во-первыхъ, жрецы Элевзинскихъ таинствъ, старавшіеся поддержать въ народѣ прежнюю вѣру торжественными церемоніями и праздниками и обвинявшіе Перикла, Анаксагора и Аспазію въ безбожіи; во-вторыхъ, комики (напр. Аристофанъ), которые осмѣивали новыхъ философовъ на сценѣ. Послѣдователями новаго ученія были большею частію люди молодаго поколѣнія, получившіе свое воспитаніе въ салонахъ Перикла и Аспазіи. Между ними нашлись впрочемъ и такіе, которые въ разрушеніи старой вѣры и нравственности нашли для себя возможность освободиться отъ всякаго нравственнаго закона и дѣйствовали изъ однихъ личныхъ выгодъ. Такіе люди очень много повредили отечеству въ наставшее послѣ Перикла трудное время, употребляя, какъ слѣпое орудіе для своихъ цѣлей, бѣдныхъ гражданъ, привыкшихъ въ праздности и даровому хлѣбу.

Первенство Аѳинъ, школы и образца Греціи, старался поддерживать Периклъ и другими внѣшними средствами: онъ основывалъ новыя колоніи (на ѳракійскомъ Херсонесѣ, о. Наксосѣ и въ южной Италіи); усмирялъ оружіемъ возстававшихъ союзниковъ и старался вводить въ союзныхъ городахъ демократію и уничтожать аристократію. Безъ распространенія демократіи онъ считалъ невозможнымъ распространеніе аѳинскаго образованія и первенства въ греческомъ мірѣ. Наконецъ Периклъ составилъ планъ еще разъ соединить подъ начальствомъ Аѳинъ силы всей Греціи противъ Персовъ и созывалъ, впрочемъ безъ успѣха, по этому случаю, азіатскихъ и европейскихъ Грековъ на конгрессъ въ Аѳины. Упоенный счастіемъ и пробужденный въ силахъ народъ мечталъ о завоеваніи Сициліи, Карѳагена, Египта, Этрусковъ. Но мечты эти не сбылись: при томъ же Периклѣ, въ эпоху высшаго процвѣтанія греческой жизни, нача-

лась борьба, раздѣлившая всю Грецію на два враждебные лагеря и погубившая греческую независимость.

c) Пелопонезская война (431—404).

Пелопониезскою войною называется междоусобная война между Аѳинянами, представителями іоническаго племени, и Спартанцами, представителями дорическаго племени, за первенство (гегемонію) въ Греціи.

Гегемонія существовала въ Греціи во времена доисторическія: Агамемнонъ былъ первымъ гегемономъ свободныхъ князей Греціи, собравшихся подъ Троей. Въ такое же точно положеніе добровольно и единодушно поставили себя союзные Греки относительно Спарты, въ эпоху нашествія Ксеркса. Предводительство на войнѣ, предсѣдательство на общенародномъ совѣтѣ, почетное мѣсто въ рядахъ союзнаго войска—вотъ преимущества, которыми пользовалось государство, имѣвшее гегемонію. Совершенно другой характеръ приняла гегемонія послѣ персидскихъ войнъ, когда ее вручили Аѳинянамъ. Великіе государственные люди аѳинскіе видѣли въ ней средство доставить родному городу не одно первенство, но и владычество въ Греціи. Аѳины первые начали называть своихъ союзниковъ подданными. Они безотчетно распоряжались союзническою казною или деньгами, вносимыми для борьбы съ Персами, употребляя ихъ на свои потребности тогда, когда войны съ Персами уже прекратились; они силою и хитростію вводили въ греческихъ государствахъ свою демократію; оружіемъ усмиряли и строго наказывали отпадавшихъ союзниковъ: ловили каждый случай присоединить къ себѣ новыхъ союзниковъ и явно высказывали стремленіе *къ подчиненію всей Греціи* не своему предводительству, но *своей власти*. Это новое понятіе о гегемоніи, какъ о владычествѣ надъ всѣмъ греческимъ міромъ, Аѳиняне подкрѣпляли сильнымъ флотомъ.

Старая соперница Аѳинъ, дорическая Спарта, которой

жизнь основана была на началахъ, совсѣмъ противоположныхъ аѳинской—на аристократіи рода, на строгой дисциплинѣ, на вѣрности преданію, на вѣчномъ застоѣ—стояла на сторожѣ старины греческой. Еще до персидскихъ войнъ, она старалась убить демократію въ Аѳинахъ и поставить тиранновъ; во время персидскихъ войнъ, она мѣшала укрѣпленію Аѳинъ стѣнами и вырыла яму великому Ѳемистоклу. Аѳиняне платили ей взаимною ненавистью, и только мирная политика филолакона Кимона отклоняла разрывъ. При Периклѣ, когда Аѳины достигли небывалаго блеска, стали школою и столицею цѣлой Эллады и явно обнаружили стремленіе стать властителями Греціи и ввести вездѣ демократію, Спарта звала Грековъ подъ знамена свои, во имя старой независимости, угрожаемой смѣлыми нововводителями Аѳинянами. На зовъ ея откликнулись жители Пелопоннеса и дорическія государства средней Греціи; на сторонѣ Аѳинъ осталось все іонійское населеніе, какъ-то, острова и приморскіе города. Такимъ образомъ, вся Греція раздѣлилась на 2 враждебныя партіи въ ожиданіи войны, приготовленной исподоволь цѣлою предъидущею жизнію. Поводъ къ окончательному разрыву подали жители Коринѳа и о. Корциры, поссорившіеся за небольшой городъ Эпидамнъ. Корциряне, принадлежавшіе къ дорическому союзу, просили помощи у Аѳинянъ и были имъ приняты въ іонической союзъ. Спартанцы отправили въ Аѳины посольство, требуя, чтобы Аѳиняне отказались отъ союза съ Корцирянами и отъ власти надъ нѣкоторыми другими городами и изгнали всѣхъ членовъ проклятой богами фамиліи Алкмеонидовъ, и въ томъ числѣ любимаго народомъ Перикла. Само собою разумѣется, что гордые сознаніемъ своей славы Аѳиняне отказали и приняли вызовъ на войну, которая продолжалась 27 лѣтъ и совершенно истощила Грецію. Аѳины были сильнѣе Спарты флотомъ и деньгами; но Спарта была сильнѣе сухопутнымъ войскомъ, съ которымъ могла проникнуть внутрь вражеской страны, тогда какъ флотъ могъ опустошать только берега ея. Недостатокъ въ деньгахъ Спарта вознаграждала золо-

томъ Персовъ, потому что не разбирала средствъ, лишь-бы доканать ненавистныя ей Аѳины. Сверхъ того мѣстность Спарты была выгоднѣе для защиты: самое устройство Спарты, основанное на строгой солдатской дисциплинѣ, было столько же выгодно для войны, сколько аѳинское устройство было выгоднѣе для мирнаго развитія жизни. Наконецъ на Аѳины обрушилось физическое бѣдствіе—язва. Бились обѣ стороны съ равнымъ остервененіемъ, мужествомъ и воодушевленіемъ, не было недостатка въ талантахъ у той и другой, но Спарта, къ несчастію всей Греціи, одолѣла.

Война раздѣляется на 2 періода такъ называемымъ никіевымъ миромъ. Ходъ ея былъ слѣдующій:

1) До *никіева мира* (431—421). Первые годы войны проходили во взаимныхъ опустошеніяхъ; аѳинскій флотъ опустошалъ берега Пелопоннеса, а Спартанцы каждый годъ вторгались въ Аттику и раззоряли ее до самыхъ стѣнъ Аѳинъ. Вслѣдствіе такого образа войны, владѣльцы аѳинскихъ полей и жители всѣхъ городовъ Аттики принуждены были оставить свои жилища и съ имуществомъ бѣжать въ Аѳины, гдѣ скопилось такое множество народа, что храмы обращены были въ жилища. Скопленіе народа произвело страшную моровую язву, которая, въ теченіи 2-хъ лѣтъ, съ неописанною силою свирѣпствовала въ Аѳинахъ и истребила нѣсколько тысячъ народа. Видя, что люди гибнутъ какъ мухи, видя, что враги опустошаютъ землю, народъ завопилъ противъ Перикла, который 16 лѣтъ былъ его идоломъ. Периклъ старался поднять упавшій духъ народа, но Аѳиняне уже съ недовѣріемъ смотрѣли на своего прежняго любимца. Только когда семейное горе поразило его, народъ, при видѣ Перикла, возлагающаго вѣнокъ на мертвое чело своего любимаго сына, былъ тронутъ и возвратилъ ему всю любовь и всѣ почести. Не долго впрочемъ Периклъ пользовался ими: въ 429 году язва поразила великаго человѣка, признавшаго предъ смертію величайшимъ достоинствомъ своимъ то, что, при жизни своей, онъ никого ни заставилъ носить печальной одежды.

Въ ряду государственныхъ людей аѳинскихъ не было преемника, который совмѣщалъ бы въ себѣ всѣ качества Перикла. Послѣ его смерти являются въ Аѳинахъ снова прежнія партіи. *Демократическая партія* требовала войны противъ Спарты. Прежде, люди, ее составлявшіе, по справедливости могли быть названы преобразователями и воспитателями народа въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова; теперь въ главѣ демоса становились большею частію эгоисты, желавшіе въ мутной водѣ рыбу ловить и пріобрѣтавшіе значеніе въ государствѣ низкимъ угодничествомъ народу и тайными доносами на своихъ соперниковъ. Къ партіи этой въ литературѣ принадлежали философы, которые разрушали старыя народныя вѣрованія. По смерти Перикла въ главѣ этой партіи стоялъ богатый кожевникъ *Клеонъ*, котораго значеніе основывалось впрочемъ не на однихъ деньгахъ, но на энергической предпріимчивости, здравомъ, практически-находчивомъ умѣ, на пониманіи натуры аѳинскаго демоса и умѣньи подъ-часъ польстить ему. Охранительная *партія аристократовъ* имѣла меньше значенія, сочувствовала Спартѣ, стремилась къ миру, и, опираясь на жрецахъ, поддерживала старую религію и враждовала новому умственному движенію. Партію эту поддерживали писатели комедіи, игравшихъ въ то время роль теперешнихъ политическихъ журналовъ. Пользуясь свободою, талантливый Аристофанъ зло осмѣивалъ и не рѣдко бросалъ грязь уличной клеветы въ лица и учрежденія противной партіи: въ Перикла, Сократа, Клеона и наконецъ въ самый демосъ, который представленъ у него въ смѣшномъ видѣ истощеннаго старика. Въ главѣ этой партіи стоялъ *Никіасъ*, облеченный въ званіе стратега и подъ конецъ погубившій и себя и весь флотъ аѳинскій. Онъ былъ эгоистъ подобно Клеону, но не имѣлъ ни его энергіи, ни его дарованій. Всю жизнь искалъ мира, а добившись мира, не умѣлъ поддержать его. Храбрый на войнѣ, онъ не имѣлъ гражданскаго мужества, боялся народа и потому рѣдко являлся въ народномъ вѣчѣ. Онъ былъ набоженъ, но эта набожность выражалась въ трусливой боязни

худыхъ предзнаменованій, въ бесѣдахъ съ жрецами и оракулами.

Вотъ партіи. Сначала имѣлъ болѣе значенія Клеонъ и народная партія войны. Понимая, что и Периклу было не подъ силу держаться прежняго плана войны, Клеонъ измѣнилъ его. Онъ рѣшился ударить Спарту въ самое больное мѣсто ея: возмутить мессенскихъ гелотовъ. Съ этою цѣлію онъ заложилъ крѣпость Пилосъ въ Мессеніи. Спарта почуяла бѣду и хотѣла отразить ее, пославъ 420 знатнѣйшихъ Спартанцевъ, чтобы запереть гарнизонъ аѳинскій въ Пилосѣ, но Клеонъ забралъ въ плѣнъ этотъ отрядъ. Вслѣдъ за этимъ, война обратилась въ рядъ безчеловѣчныхъ жестокостей со стороны Спарты и Аѳинъ. Жестокость Спарты была обдуманная, холодная, истекала изъ политическаго расчета; жестокость Аѳинъ происходила подъ вліяніемъ увлеченія. Перевѣсъ счастія былъ на сторонѣ Аѳинянъ, пока даровитый и доблестный царь спартанскій *Бразидъ* не составилъ плана добить Аѳины въ ихъ сѣверныхъ колоніяхъ, откуда они получали деньги. Война перенесена была на сѣверные берега Архипелага. Посланный противъ Бразида Клеонъ былъ два раза разбитъ и вмѣстѣ съ Бразидомъ убитъ въ сраженіи.

По смерти Клеона и Бразида, въ Аѳинахъ и въ Спартѣ одержала верхъ партія мира. Заключено было на 50 лѣтъ перемиріе, окрещенное именемъ Никіева мира.

2) *До взятія Аѳинъ* (421—404). Дѣйствительность скоро показала, что мира не будетъ, пока одна изъ республикъ не доконаетъ другую: 50 лѣтній миръ не продолжался и 5 лѣтъ, и война началась съ новымъ ожесточеніемъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда въ главѣ народной партіи сталъ родственникъ Перикла, сынъ Клиніаса, молодой *Алкивіадъ*.

По мнѣнію древнихъ, Алкивіадъ былъ человѣкъ необыкновенный, въ которомъ выразилась вся богатая, подвижная натура Аѳинянина, но къ сожалѣнію направленная болѣе къ злу, чѣмъ къ добру. Онъ могъ бы спасти Аѳины, но едва-ли кто болѣе его сдѣлалъ зла Аѳинамъ и самому себѣ.

Это потому, что цѣль его опредѣлялась не благомъ государства, но эгоизмомъ и вліяніемъ минуты.

Отецъ Алкивіада, умирая, поручилъ его Периклу, и Периклъ далъ ему въ наставники Сократа. Рѣдко можно встрѣтить въ человѣкѣ соединеніе такихъ прекрасныхъ и такихъ худыхъ качествъ, какъ въ Алкивіадѣ. Въ личности его было много очаровательнаго, которое подчиняло ему все, что его окружало. Красавецъ наружностью, полный юношескихъ силъ, владѣя огромнымъ богатствомъ, одаренный блестящими дарованіями полководца и государственнаго человѣка, развитыми его другомъ и учителемъ Сократомъ, краснорѣчивый какъ Периклъ, любезный и обходительный въ обращеніи, онъ, съ другой стороны, не любилъ ничего, что требовало тщательной работы, строгой добросовѣстности и постоянства. Много грязи легло на даровитую натуру Алкивіада отъ участія въ оргіяхъ начинавшейся въ это время формироваться въ Аѳинахъ партіи молодыхъ безнравственныхъ олигарховъ. Характеръ его состоялъ въ томъ, что онъ могъ принимать на себя всѣ возможные характеры: въ Аѳинахъ онъ былъ самый свѣтскій, образованный и утонченный Аѳинянинъ; когда судьба бросила его въ Спарту, онъ умѣлъ быть суровымъ и строгимъ Спартанцемъ; живя въ Персіи, онъ былъ роскошный и изнѣженный Персъ. Сегодня мудрый правитель и опытный полководецъ, на другой день онъ былъ самымъ буйнымъ и разгульнымъ человѣкомъ. Подобно его характеру измѣнялась къ нему и любовь Аѳинянъ; то они души въ немъ не слыхали и готовы были воздвигнуть ему алтари, то вдругъ ненавидѣли его, изгоняли, осуждали на смерть.

Таковъ былъ человѣкъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на судьбу Аѳинянъ во второй періодъ пелопоннезской войны. Получивши вліяніе на дѣла республики, Алкивіадъ составилъ геніальный планъ завоевать Сицилію, которая снабжала хлѣбомъ Пелопоннесъ, и окончательно добить Спарту, отрѣзавъ ее и ея союзниковъ отъ главной ихъ житницы. Народъ съ восторгомъ принялъ мысль Алкивіада; враги его

должны были умолкнуть. Въ Аѳинахъ снова стали мечтать о завоеваніи Карѳагена и всего средиземноморскаго побережья и употребили всѣ средства на снаряженіе экспедиціи. Самъ Алкивіадъ, какъ главный вождь, вмѣстѣ съ Никіасомъ и Демосѳеномъ, повелъ туда многочисленный флотъ и отборное войско—цвѣтъ аѳинскаго юношества. Уже онъ взялъ многіе города, какъ вдругъ былъ отозванъ въ Аѳины, на судъ народный, по слѣдующему обстоятельству. Предъ самымъ отплытіемъ Аѳинянъ въ Сицилію, въ одну ночь кто то свалилъ и переломалъ множество гермесовъ (грудныхъ статуй боговъ), стоявшихъ по улицамъ Аѳинъ. Тогда же подозрѣвали въ этомъ Алкивіада, гулявшаго съ толпою молодыхъ вольнодумцевъ; но обвинить его въ глаза не смѣли. Какъ скоро Алкивіадъ отправился въ Сицилію, противная Алкивіаду партія обвинила его въ этомъ преступленіи, и разгнѣванный народъ послалъ къ нему приказаніе явиться на судъ. Но Алкивіадъ, обманувъ стражу, бѣжалъ; тогда Аѳиняне, подстрекаемые жрецами и врагами Алкивіада, заочно прокляли его, осудили на смерть и отобрали у него все имѣніе. Узнавши объ этомъ, Алкивіадъ сказалъ: «я докажу Аѳинянамъ, что я еще живъ!» и удалился въ Спарту. Роковой геній его раскрылся во всей полнотѣ въ эпоху его изгнанія. Онъ открылъ Спартанцамъ глаза на опасность и былъ виновникомъ новой, гибельной для Аѳинянъ системы войны. Вмѣсто ежегодныхъ вторженій въ Аттику, Спартанцы заняли небольшой городокъ недалеко отъ Аѳинъ, укрѣпили его и непрерывными раззореніями не давали оправиться сельскому населенію. На помощь Сиракузамъ въ Сицилію отправлено было сильное войско, которое истребило какъ флотъ, такъ и сухопутныя силы Аѳинянъ, предводимыя робкимъ и вялымъ Никіасомъ. Этого мало, Алкивіадъ вошелъ въ сношенія съ персидскими сатрапами и убѣдилъ ихъ помочь Спартѣ. Положеніе Аѳинянъ послѣ такого несчастія было безотрадно: ни флота, ни войска, ни денегъ у нихъ не было; многіе союзники ихъ оставили; въ городѣ происходили смуты и волненія. Аристократическая партія думала было уничтожить

демократію, которой приписывали все зло; но уцѣлѣвшая часть аѳинскаго войска, стоявшаго на островѣ Самосѣ, раздраженная безпорядками въ республикѣ, вспомнила объ Алкивіадѣ, который между тѣмъ успѣлъ поссориться съ Спартанцами и бѣжалъ въ Малую Азію,—призвала его и поручила ему надъ собой начальство. Въ короткое время Алкивіадъ одержалъ восемь побѣдъ надъ Спартанцами, привелъ въ трепетъ самую Спарту и, обремененный добычею, возвратился въ Аѳины. Весь городъ вышелъ къ нему на встрѣчу; его увѣнчали золотымъ вѣнкомъ, освободили отъ проклятія и возвратили ему все имѣніе. Но любовь народа къ нему была недолговременна: одно неудачное сраженіе сдѣлало Алкивіада снова предметомъ народной ненависти, и онъ снова принужденъ былъ бѣжать и скитаться внѣ отечества. Онъ думалъ было найти пріютъ у сатрапа персидскаго *Фарнабаза;* когда же узналъ, что Фарнабазъ, притворяясь его другомъ, тайно переговаривался съ Спартанцами о его погибели, то рѣшился бѣжать; но уже было поздно: домъ его окружили воины сатрапа и зажгли. Алкивіадъ выбѣжалъ изъ пламени и съ отчаяніемъ бросился въ средину враговъ, желая лучше погибнуть подъ ихъ стрѣлами, чѣмъ попасть живымъ въ ихъ руки. Воины отрубили ему голову и представили Фарнабазу.

Между тѣмъ Аѳиняне дорого поплатились за Алкивіада. Спартанскій царь *Лизандръ*, «хитрый какъ лисица и храбрый какъ левъ», истребилъ окончательно флотъ аѳинскій при рѣкѣ Эгосъ-Потамосѣ, принудилъ союзниковъ аѳинскихъ пристать къ Спартѣ, подступилъ къ Аѳинамъ, окружилъ ихъ съ суши и съ моря и заставилъ несчастный городъ, терзаемый голодомъ и партіями, сдаться на волю
404 г. Спартанцевъ. При торжественныхъ звукахъ трубъ спартанскихъ были разрушены стѣны Аѳинъ и стѣны Пирея, демократія была уничтожена, и Аѳиняне должны были признать своими правителями тридцать тиранновъ.

D) Спартанская гегемонія и возстанія противъ ея.

Гибельныя слѣдствія пелопоннезской войны заключались не въ томъ, что Аѳины лишились своей гегемоніи, но въ томъ всего болѣе, что гегемонія перешла въ руки Спартанцевъ. Возставая противъ стремленія Аѳинъ къ подчиненію всѣхъ Грековъ своей власти и созывая подъ знамена свои племена Эллады, во имя старинной независимости каждаго государства (автомоніи), Спарта, теперь когда ей удалось унизить Аѳины и отнять у нихъ первенство, сама стремилась обратить гегемонію въ порабощеніе Грековъ, въ тиранію надъ Грецією. Вездѣ, сначала въ Аѳинахъ, а потомъ и во всей Греціи, хотѣла Спарта ввести олигарховъ и тирановъ, хотя бы для того необходимо было принести въ жертву тысячи мирныхъ гражданъ. Такъ какъ противодѣйствіе Аѳинъ кончилось, то спартанская гегемонія могла распространять свое вліяніе гораздо далѣе аѳинской, которая всегда имѣла предъ собою опасную совмѣстницу въ Спартѣ. Аѳины требовали господства во имя новаго образованія, усовершенствованія и философіи; Спарта же выступила противъ нихъ во имя старины, застоя, вѣрности преданію. Она стала поработительницею Греціи въ то время, когда внутренняя порча и разложеніе, еще со временъ персидскихъ войнъ, начали проникать въ ея собственную жизнь, а теперь еще болѣе усилилась. По свидѣтельству современныхъ писателей, государственное устройство, данное Спартѣ Ликургомъ, обветшало и гнило. Правленіе стало совершенною олигархіею; ибо вся власть сосредоточилась въ рукахъ поземельныхъ собственниковъ, изъ которыхъ выбирались эфоры и всѣ чиновники, и которыхъ было немного, потому что большая часть благородныхъ спартанскихъ фамилій вымерла. Правительство славилось презрѣніемъ къ клятвамъ и договорамъ и страстію къ золоту, за которое потомъ торговало интересами Эллады. Упадокъ правительства отразился на нравственности цѣлаго народа. Необузданность и властолюбіе сдѣлались отличительною чертою

женщинъ, къ которымъ перешла большая часть поземельной собственности: онѣ имѣли сильное вліяніе на правителей, ихъ распущенность была причиною введенія роскоши, принявшей громадныя размѣры и циническій характеръ. Общественные столы были мало по-малу забыты. И въ то время, когда небольшая часть гражданъ пировала, развратничала, буйствовала,—масса народа, всего лишенная, втайнѣ злобствовала и замышляла перевороты. Впрочемъ вся эта порча прикрывалась въ глазахъ другихъ глубокимъ лицемѣріемъ и уваженіемъ къ старой вѣрѣ, къ старой правдѣ и старому государству. Таково было состояніе самой Спарты, когда она получила гегемонію; такою же хотѣла она сдѣлать всю Грецію. Вездѣ, гдѣ ставила Спарта гарнизоны и тиранновъ, мѣсто закона заступало насиліе. Неподкупность и честность перестали быть добродѣтелью; вмѣсто ихъ являлись продажность, измѣна своимъ убѣжденіямъ, предательство вмѣстѣ съ жадностію къ богатствамъ. Исчезало также и чувство противоположности, которая прежде рѣзко отдѣляла Грековъ отъ Персовъ. Спарта первая, изъ ненависти къ Аѳинамъ, начала и потомъ не переставала опираться на персидское золото и персидскихъ сатраповъ для порабощенія Греціи. Примѣръ ея не остался безъ послѣдователей. Съ этого времени вошло въ несчастный обычай между Греками, что искалъ ли кто изъ нихъ преобладанія надъ другими, или хотѣлъ только освободить себя отъ власти другихъ, непремѣнно прибѣгалъ къ союзу съ Персіею, или, по крайней мѣрѣ, старался задобрить ее въ свою пользу.

Не на столько впрочемъ упали Греки, чтобы они могли навсегда помириться съ спартанскимъ самовластіемъ. Напротивъ вездѣ, гдѣ Спарта утверждала свою власть, вездѣ являлась непримиримая къ ней ненависть. Съ окончанія пелопоннезской войны возстаніе противъ спартанской гегемоніи становится самымъ главнымъ явленіемъ греческой исторіи. Такъ, гдѣ всего сильнѣе было воспоминаніе о прежней независимости и славѣ, т. е. *въ Аѳинахъ*, и движеніе

началось раньше; но Аѳины слишкомъ были изнурены въ пелопоннезской войнѣ и потому довольствовались только своимъ собственнымъ освобожденіемъ. За тѣмъ, пользуясь войною Спарты съ Персами, *Беотійцы* и *Коринѳяне* въ союзѣ съ другими Греками возстаютъ противъ Спарты, но безъ успѣха. Наконецъ самый отсталой народъ въ Греціи— *Ѳиванцы*, охотники поѣсть и попить, равнодушные къ греческой свободѣ въ великую эпоху національной борьбы съ Персами за независимость, подаютъ сигналъ другимъ народамъ къ ниспроверженію спартанской гегемоніи и отваживаются на борьбу съ нею, борьбу успѣшную.

1) *Тридцать тиранновъ въ Аѳинахъ и возстаніе Аѳинъ противъ спартанской власти.* Аѳиняне сохранили самую печальную память о такъ называемомъ господствѣ *тридцати.* И дѣйствительно, время было тяжелое: опираясь на спартанскій гарнизонъ, тиранны тѣснили народъ безпощадно. Въ этихъ тираннахъ выдвинулась въ Аѳинахъ и добилась власти партія *олигарховъ*, которой начатки появились вскорѣ по смерти Перикла. Въ составъ ея входили всѣ нечистые люди изъ аристократической партіи, люди до костей испорченные, но въ тоже время энергическіе. Принадлежа по воспитанію къ новому поколѣнію, не вѣрившему въ народныхъ боговъ, они, однакожъ, не усвоили себѣ, подобно лучшимъ людямъ этого поколѣнія, высшихъ нравственныхъ понятій, а напротивъ, вмѣстѣ съ народными богами, отрицали всякую правду. Аристократическую партію они презирали за ея отсталость и миролюбіе, демократическую—за ея происхожденіе. Жить въ волю самимъ на счетъ другихъ, ни чѣмъ не стѣсняясь и все принося въ жертву своему эгоизму—вотъ ихъ цѣль. Много позорнаго вынесъ изъ сообщества съ ними даровитый Алкивіадъ; подобно ему многіе ученики Сократа нравственно пали среди ихъ развратныхъ оргій. Вѣрнѣйшимъ представителемъ этой партіи былъ самый жестокій и безнравственный изъ 30 тирановъ, но даровитый ученикъ Сократа *Критіасъ.* Онъ задумалъ истребленіе всѣхъ гражданъ аѳинскихъ, кромѣ 3000 преданныхъ

404 г.

тираннамъ; и когда товарищъ его, болѣе умѣренный *Θераменъ*, воспротивился этому, заставилъ его принять ядъ. Послѣ того настоящій терроризмъ началъ свирѣпствовать въ Аѳинахъ. Большая часть гражданъ, лишенные имущества, были безъ суда предаваемы мучительной смерти или изгоняемы изъ отечества, и Спарта запретила всѣмъ греческимъ государствамъ принимать къ себѣ этихъ несчастныхъ изгнанниковъ. Не смотря однакожъ на это запрещеніе, многіе города, и въ особенности Өивы, сжалились надъ несчастными Аѳинянами и великодушно укрыли изгнанниковъ. Одинъ изъ этихъ бѣглецовъ *Θразибулъ* наконецъ собралъ дружину изъ товарищей своего несчастія и овладѣлъ Пиреемъ. Послѣ недолгаго сопротивленія Критіасъ былъ убитъ, и ненавистное правительство тиранновъ уничтожено, и въ Аѳинахъ возстановлены законы Солона.

Алкивіадъ и Критіасъ, роковыя личности, нанесшія столько зла Аѳинамъ, принадлежали, по несчастію, къ людямъ новыхъ, враждебныхъ старой народной религіи убѣжденій, хотя эти убѣжденія были поняты и усвоены ими совершенно превратно. Ненависть свою къ нимъ современные Аѳиняне перенесли на новое ученіе и главнаго творца его Сократа. Смертію своею онъ долженъ былъ заплатить за недостойныхъ учениковъ своихъ.

Сократъ, сынъ ваятеля Софрониска, посвятившій всю свою жизнь на распространеніе правды и добродѣтели, былъ величайшій изъ греческихъ философовъ. Сначала онъ занимался ремесломъ отца своего, потомъ служилъ отечеству какъ воинъ и судья, на 40 году посвятилъ себя на то, чтобы приготовить для родины полезныхъ гражданъ, и занялся воспитаніемъ юношества. Впрочемъ не имѣлъ онъ ни открытаго училища, подобно другимъ философамъ, ни опредѣленнаго времени для уроковъ, и никогда не всходилъ на каѳедру наставника. Онъ былъ мудрецъ всѣхъ временъ, училъ во всякомъ мѣстѣ и при всякомъ случаѣ: въ прогулкахъ, въ бесѣдахъ, на пирахъ, въ войскѣ среди стана и въ общественныхъ собраніяхъ народа. Сократъ училъ тому, что

міромъ управляетъ верховная правда, что цѣль жизни—познаніе этой правды—достигается не жертвами и обрядами, но чистотою безсмертной души. Ученія своего онъ никому не навязывалъ, имѣя главною цѣлію заставить гражданъ мыслить отчетливо и здраво, т. е. отдавать себѣ отчетъ въ своихъ знаніяхъ и убѣжденіяхъ. «Ищи самъ, разбирай самъ, повѣряй самъ свои чувства и мысли, и ты прійдешь къ увѣренности въ истинѣ или ложности того, чему прежде слѣпо вѣрилъ»—вотъ главная тема всѣхъ его уроковъ. Отсюда видно историческое значеніе его философіи: онъ первый поборникъ правъ ума и противникъ слѣпыхъ народныхъ вѣрованій (миѳологіи). Много было у него учениковъ и послѣдавателей изъ новаго поколѣнія людей, выросшихъ подъ вліяніемъ Периклова вѣка; но еще болѣе было у него враговъ и обвинителей. Къ числу враговъ его принадлежали: *во-первыхъ* защитники старой вѣры, которыхъ убѣжденія колебалъ онъ, *во-вторыхъ* тѣ послѣдователи новаго ученія, которое во зло употребляли это ученіе и ложно назывались софистами (мудрецами). Въ глазахъ первыхъ, т. е. старовѣровъ, къ которымъ принадлежала масса народа, Сократъ, съ своею верховною разумною правдою, былъ очевидно *еретикъ*, невѣрившій въ отечественныхъ боговъ и вводившій новыхъ. А такъ какъ съ народною религіею тѣсно связано было общественное устройство, то въ глазахъ охранительной партіи Сократъ-еретикъ былъ вмѣстѣ и возмутитель, врагъ общественныхъ учрежденій. Но еще болѣе заклятыми врагами Сократа были недостойные приверженцы новаго ученія—софисты. Не истины искали эти ложные жрецы истины, но популярности и денегъ отъ своихъ учениковъ. Проповѣдуя, что истины собственно нѣтъ, и что объ каждомъ предметѣ можно говорить *за* него и *противъ* него, они сегодня говорили одно, завтра другое, и защищали то, что кому нравилось. Такъ какъ нападки на религію были въ модѣ, особенно у знатной молодежи, то софисты кощунствовали надъ вѣрою, нравственностію и загробною жизнію. Но случалось, что среди собранія слушателей,

рукоплескавшихъ шарлатану - учителю, являлась вдругъ фигура честнаго Сократа съ глубокою ироніею на устахъ. Сократъ вступалъ въ бесѣду съ учителемъ или съ кѣмъ нибудь изъ слушателей и посредствомъ своего знаменитаго разговорнаго метода (сократическій методъ), запутывалъ ихъ и приводилъ къ ясному сознанію въ томъ, что они заблуждаются, или, и если говорятъ правду, то сами ни понимаютъ почему это правда. Слушатели убѣждались, что ни они, ни ихъ софистъ-учитель ничего не знаютъ. Не смотря на то, что Сократъ утѣшалъ ихъ говоря, что онъ самъ выше ихъ только тѣмъ, что знаетъ, что онъ ничего не знаетъ, тѣмъ не менѣе понятна ярость изобличеннаго шарлатана-софиста; понятно, что многіе, послѣ одного разговора съ Сократомъ, бѣжали отъ него (по словамъ Ксенофонта), какъ отъ чумы. Приверженцы старины старались сдѣлать Сократа смѣшнымъ въ глазахъ народа: такъ Аристофанъ вывелъ Сократа на сцену въ смѣшномъ видѣ въ своей комедіи «Облака»; но Сократъ не обращалъ на то вниманія. Софисты дѣйствовали вѣрнѣе и подлѣе: по низверженіи 30 тирановъ, три софиста, въ томъ числѣ одинъ изъ бывшихъ учениковъ Сократа, принесли на него публичную жалобу въ томъ, что онъ развращаетъ молодыхъ людей, отрицаетъ старыхъ боговъ и вводитъ новыхъ. Вслѣдствіе этой жалобы Сократъ былъ преданъ суду, состоявшему изъ 600 гражданъ. Сократъ не хотѣлъ оправдываться предъ судьями, но объявилъ имъ съ благородною гордостью, что вмѣсто осужденія, онъ заслуживаетъ, чтобы республика до конца жизни содержала его и его семейство на общественный счетъ. Это раздражило судей его еще болѣе, и семидесятилѣтній старикъ былъ осужденъ на смерть. Сократъ выпилъ чашу яда и умеръ съ твердымъ убѣжденіемъ въ будущей жизни, какъ истинный мудрецъ и какъ мученикъ за правду своего ученія. Впрочемъ ярость народа противъ доносчиковъ послѣ смерти Сократа служитъ доказательствомъ, что ученіе его пустило уже корни и что можно убить человѣка, но не его

мысли. Изъ школы Сократа вышли знаменитые философы Платонъ и Аристотель.

2) *Война Спартанцевъ съ Персами и война союзниковъ противъ спартанской гегемоніи.* Въ войнѣ съ Персами Спарта думала прославить и утвердить свою гегемонію, такъ какъ войны съ Персами-же возвысили и утвердили первенство Аѳинъ. Поводомъ къ войнѣ этой было слѣдующее обстоятельство:

Въ 400 году царствовалъ въ Персіи *Артаксерксъ II Мемнонъ,* противъ котораго, по интригамъ матери, вооружился братъ его *Киръ младшій.* Спартанцы подали помощь Киру. Хотя въ рѣшительной битвѣ между обоими братьями (при Кунаксѣ) Греки, сражавшіеся за Кира, остались побѣдителями, но такъ какъ Киръ былъ убитъ въ сраженіи, то сборная наемная дружина греческая, состоявшая изъ 10,000 человѣкъ, должна была, подъ начальствомъ Аѳинянина *Ксенофонта,* удалиться въ отечество, при неимовѣрныхъ трудностяхъ. Греки находились въ 200 миляхъ отъ родины, отдѣленные отъ нея моремъ. Безъ судовъ, безъ съѣстныхъ припасовъ, имъ надлежало прокладывать себѣ путь домой чрезъ земли имъ вовсе неизвѣстныя, населенныя племенами также невѣдомыми; имъ предстояла равно трудная борьба съ природою горныхъ и холодныхъ странъ, съ голодомъ, наконецъ съ врагами, которые на нихъ напирали спереди и сзади. Но умный и храбрый Ксенофонтъ умѣлъ воодушевить воиновъ такъ, что они наконецъ побѣдили всѣ преграды, поставленныя имъ природою и людьми, и съ восторгомъ увидѣли вновь родную Грецію. Самъ Ксенофонтъ написалъ исторію этого отступленія десяти тысячъ Грековъ (Анабазисъ), которая почитается образцовымъ историческимъ сочиненіемъ древности.

Чтобы отмстить Грекамъ за помощь, которую они оказали возставшему Киру, Персы начали тѣснить греческіе города въ Малой Азіи; Спартанцы приняли эти города подъ свое покровительство и объявили войну Артаксерксу. Одинъ изъ тогдашнихъ царей Спарты—*Агезилай* принялъ началь-

ство надъ спартанскимъ войскомъ въ Малой Азіи. Агезилай былъ хорошій полководецъ, строго соблюдалъ древніе спартанскіе обычаи, былъ не чуждъ извѣстнаго добродушія, но, подъ внѣшнею простотою и строгостію жизни, скрывалъ то-же презрѣніе къ правдѣ и закону, то-же властолюбіе и тотъ же коварный эгоистическій характеръ, которымъ отличались всѣ государственные люди тогдашней Спарты. Поразивъ наголову враговъ при Сардесѣ, онъ быстро завоевалъ большую часть Малой Азіи и готовился вторгнуться въ глубь персидскаго государства, чтобы рѣшительнымъ ударомъ уничтожить совершенно его существованіе. Персію спасла ненависть Грековъ къ спартанской гегемоніи и отчасти золото, посланное Персами въ Грецію. Въ тылу Агезилая вспыхнуло огромное возстаніе: большая часть недовольныхъ союзниковъ Спарты, и въ особенности Ѳиванцы и Коринѳяне, подняли оружіе противъ нея; къ нимъ пристали Аѳиняне. Агезилай долженъ былъ оставить Персію и поспѣшить на помощь своему отечеству. Этотъ первый политическій союзъ, имѣвшій цѣлію освободить греческія государства отъ спартанской гегемоніи, началъ войну, извѣстную подъ именемъ *коринѳской* войны, ознаменованную побѣдами Агезилая и Лизандра на сушѣ (коронейская битва) и успѣхами Аѳинянина Конона на морѣ, и замѣчательную тѣмъ, что во время ея впервые появляются *наемныя* войска у Грековъ. Впрочемъ Грекамъ не удалось уничтожить спартанскую гегемонію: они только выручили изъ бѣды Персовъ, а себѣ принесли болѣе зла, чѣмъ добра. Спартанцы рѣшились заключить миръ съ Персами. Посланный ими въ Персію для переговоровъ, безчестный эфоръ *Анталкидъ*
387 г. заключилъ миръ, прозванный его именемъ, самый постыдный для Грековъ. Миромъ этимъ 1) малоазіатскіе Греки были переданы во власть Персіи, 2) объявлена была самостоятельность каждаго греческаго государства и запрещено составлять Грекамъ между собою союзы. При такомъ разъединеніи, Спарта сдѣлалась несравненно сильнѣе каждаго греческаго государства въ отдѣльности; поэтому она и мог-

ла удержать свое первенство, которое поддерживали и Персы, за предательство въ ихъ власть малоазіатскихъ Грековъ. Такъ какъ прочіе Греки отказались принять этотъ позорный миръ, то Спарта взяла на себя обязанность отъ имени царя персидскаго принудить Грековъ къ миру силою.

3) *Борьба Θиванцевъ за независимость Греціи отъ спартанской гегемоніи.* Новая скрѣпленная условіями анталкидова мира, гегемонія Спарты была еще тягостнѣе прежней и неминуемо вела къ возстанію порабощенной, но еще не совершенно обезсиленной Греціи. Цѣлымъ рядомъ политическихъ преступленій и нарушеній народнаго права, насильно и обманомъ вводя свои гарнизоны въ города, не хотѣвшіе признавать унизительнаго для греческой чести мира, разрушая даже нѣкоторые изъ нихъ и отводя жителей въ рабство, Спартанцы вызвали наконецъ на борьбу *Θивы*, дотолѣ мало замѣтныя въ греческой исторіи. Въ великихъ личностяхъ *Пелопида* и особенно *Эпаминонда* выразились и гнѣвъ Греціи на унизительное иго и надежды лучшихъ Грековъ на политическое возрожденіе родины. Возстаніе Θивъ вызвано было слѣдующимъ обстоятельствомъ. Спустя пять лѣтъ послѣ окончанія войны съ Персами, Спартанцы послали войско въ Македонію. Проходя мимо города Θивъ, спартанскій полководецъ, по предложенію нѣкоторыхъ θивскихъ вельможъ, желавшихъ, при помощи Спартанцевъ, угнетать собственныхъ согражданъ, въ расплохъ овладѣлъ аθинскою крѣпостью и утвердилъ въ Θивахъ господство олигарховъ, которые въ жестокости не уступали 30 аθинскимъ тираннамъ. Четыре года народъ θиванскій страдалъ подъ властью ихъ; лучшіе граждане или были убиты или изгнаны. Какъ аθинскихъ изгнанниковъ, во время 30 тиранновъ, принимали Θивы, такъ теперь θиванскихъ принимали Аθины. Олигархи развратничали и свирѣпствовали въ Θивахъ, опираяся на спартанскомъ гарнизонѣ, и не замѣчали, что подъ рукою у нихъ былъ мститель въ скромномъ Эпаминондѣ, который находился въ сношеніяхъ съ однимъ изъ изгнанниковъ, своимъ другомъ Пелопидомъ. Оба они были

великіе люди падающей Греціи, особенно первый. *Эпаминондъ* принадлежалъ къ древнѣйшимъ аристократическимъ родамъ Ѳивъ. Онъ былъ бѣденъ и не искалъ богатства, даже тогда, когда ему предстоялъ случай обогатиться. Презрѣніе его къ роскоши и всѣмъ удобствамъ жизни поражало тогдашнихъ Грековъ: онъ долженъ былъ сидѣть дома, когда отдавалъ въ починку свой плащъ, ибо другаго у него не было. Также рѣзко выдавался онъ между современниками по неподкупной честности. Онъ былъ отличный музыкантъ, великій ораторъ, неустрашимый и хладнокровный воинъ и вождь, и до 40 лѣтъ жилъ вдали отъ общественныхъ дѣлъ, посвящая все время философіи. Олигархи ѳиванскіе на него не обратили вниманія и оставили его въ покоѣ. Вѣрный своимъ кроткимъ убѣжденіямъ, онъ не хотѣлъ кроваваго переворота, впрочемъ былъ въ сношеніяхъ съ патріотами и обѣщалъ Пелопиду быть готовымъ на случай возстанія. Когда заговоръ созрѣлъ, Пелопидъ и 400 изгнанниковъ ночью пробрались въ Ѳивы и въ одеждѣ танцовщицъ явились на разгульную пирушку олигарховъ. Захваченные въ расплохъ олигархи были перебиты; спартанскій гарнизонъ въ ужасѣ заперся въ крѣпости. На другой день вѣстники объявили народу смерть утѣснителей. Эпаминондъ и Пелопидъ явились въ народное собраніе, сопровождаемые жрецами, съ вѣнками въ рукахъ, и звали восторженныхъ согражданъ на брань за родину и за боговъ родныхъ. За тѣмъ Пелопидъ заставилъ удалится изъ крѣпости спартанскій гарнизонъ. Ѳивы освободились, но раздраженная Спарта грозила мщеніемъ. Съ этого времени Эпаминондъ выступаетъ на политическое поприще, на защиту свободы родины, въ твердомъ намѣреніи умереть за нее. Трудная задача предстояла ему: Ѳивы были безъ денегъ, безъ войска, безъ союзниковъ. Пелопидъ доставилъ Ѳивамъ союзниковъ въ Язонѣ, тиранѣ ѳессалійскомъ, и въ Аѳинахъ. Эпаминондъ изъ сильныхъ, но вялыхъ и неуклюжихъ обжоръ и пьяницъ, какими почитались Ѳиванцы, образовалъ сильное, прекрасно устроенное войско; подчинилъ власти Ѳивъ города Беотіи

и думалъ завести флотъ. Аѳиняне испугались пробужденія сонныхъ Ѳиванцевъ и уговорили Спарту къ переговорамъ. Конгрессъ собранъ былъ въ Спартѣ, на него явился самъ Эпаминондъ. Общій голосъ требовалъ независимости городовъ греческихъ, и въ томъ числѣ беотійскихъ. Эпаминондъ сказалъ сильную рѣчь, въ которой изобразилъ яркими красками поступки Спарты послѣ Анталкидова мира и требовалъ, что бы впередъ она объявила свободными города Лаконіи. Агезилай уклонился отъ отвѣта; Аѳины показали равнодушіе и оставили союзъ съ Ѳиванцами. Ѳивы рѣшились бороться одни со Спартою, хотя у нихъ было только 6,000 войска, а противъ нихъ шло 24,000 Спартанцевъ. Оба войска сошлись при *Левктрахъ*. Искусство Эпаминонда и Пелопида одержало рѣшительную побѣду; цвѣтъ юношества спартанскаго легъ на полѣ битвы. Эпаминондъ двинулся въ Пелопоннесъ къ самой Спартѣ: при появленіи его отпадали, одинъ за однимъ, союзники Спарты и противъ нея поднялись до сихъ поръ не принявшіе участія въ эллинской жизни дѣти черной земли—Аркадцы; поднялись и освобожденные Эпаминондомъ несчастные Мессенцы. Въ продолженіи 500 лѣтъ ни одинъ врагъ не являлся на поляхъ Лаконіи, а теперь жители Спарты видѣли съ высотъ своихъ дымъ и пламя на нивахъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Впрочемъ Эпаминондъ не пошелъ на Спарту, угрожаемый Аѳинянами, которые, не боясь Спартанцевъ, боялись теперь усиленія Ѳивъ и даже грозили не выпустить Эпаминонда изъ Пелопоннеса. Основавши городъ Мессену—залогъ независимости Мессенцевъ, онъ воротился домой. Это время было самымъ лучшимъ въ жизни Ѳивъ и Эпаминонда. Спарта была обезсилена, а Пелопидъ утвердилъ вліяніе Ѳиванцевъ на сѣверѣ Греціи и въ Македоніи. Персы дружили съ Ѳивами. Одни Аѳины мѣшали имъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Эпаминондъ создалъ флотъ ѳиванскій. Эта неприязненная помѣха со стороны Аѳинянъ не остановила Эпаминонда продолжать борьбу противъ Спарты. Особенно замѣчателенъ четвертый походъ его въ Пелопоннесъ, когда онъ завоевалъ всю Ла-

конію и едва не овладѣлъ самою Спартою. Къ счастію Спарты, старикъ Агезилай успѣлъ выманить Эпаминонда въ Аркадію и здѣсь, при городѣ *Мантинеѣ*, завязалась битва, окончившая кровавую борьбу Грековъ за гегемонію. Ѳиванцы побѣдили, но дорого заплатили за побѣду: великій Эпаминондъ былъ смертельно раненъ стрѣлою. Бой еще длился. Эпаминонда принесли въ шатеръ, положили около него щитъ. Врачи сказали, что онъ умретъ тотчасъ же, когда вынетъ остріе изъ раны. Вокругъ него стояли друзья и плакали, что онъ умираетъ бездѣтенъ. «Неправда, клянусь Зевсомъ! отвѣчалъ онъ, я оставлю двухъ дочерей: Левктру и Мантинею». Когда оруженосецъ возвѣстилъ ему, что Ѳиванцы побѣдили и что лучшіе друзья его, которымъ онъ довѣрилъ завѣтныя думы свои, пали—«теперь время умереть!» сказалъ онъ и вынулъ самъ остріе изъ раны. Его погребли на томъ мѣстѣ, гдѣ начался бой, и на могилѣ воздвигли колонну.

Такъ умеръ Эпаминондъ, безспорно величайшій государственный человѣкъ своего времени, характеръ самый чистый и благородный. Восемь лѣтъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Греціи. Умирая, онъ унесъ съ собою не только созданное имъ величіе Ѳивъ, но и новый государственный порядокъ, который задумалъ дать греческому міру: вмѣсто гегемоніи одного государства надъ другими, онъ хотѣлъ образовать въ каждой области греческой независимые союзы городовъ ея; не за гегемонію Ѳивъ бился онъ, но противъ гегемоніи Спарты и, вообще, противъ гегемоніи какого бы то ни было одного государства. Еще прежде его убитъ былъ въ войнѣ съ ѳессалійскимъ тиранномъ Пелопидъ, благородный, хотя уступавшій ему въ дарованіяхъ, другъ его. Роль Ѳивъ была кончена: они впали въ прежнее ничтожество, беотійскій союзъ распался, Ѳиванцы шли служить наемниками; внутри Ѳивъ видимъ подкупъ, измѣну, воровство, истощеніе. Не лучше было состояніе и старыхъ гегемоновъ, Спарты и Аѳинъ. Послѣ мантинейской битвы настаетъ вообще истощеніе государствъ греческихъ,

и ни одно изъ нихъ не пытается получить первенство. Попытку эту сдѣлало новое, полу-греческое, полу-варварское государство—*Македонія* которую Эпаминондъ первый втянулъ въ дѣла Греціи.

3.

ПЕРІОДЪ ПРЕОБЛАДАНІЯ МАКЕДОНІИ НАДЪ ГРЕКАМИ ОТЪ (ПОЛОВИНЫ IV ДО ПОЛОВИНЫ II ВѢКА): УТВЕРЖДЕНІЕ МАКЕДОНСКОЙ ГЕГЕМОНІИ ПРИ ФИЛИППѢ II; АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ; СУДЬБА ГРЕЧЕСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ПОСЛѢ АЛЕКСАНДРА ДО ПОКОРЕНІЯ ИХЪ РИМЛЯНАМИ.

А) **ФИЛИППЪ II МАКЕДОНСКІЙ** (361—336).

1) *Македонія до Филиппа.* Македонія лежала на сѣверѣ Греціи, въ сосѣдствѣ съ Ѳессаліею, Иллиріею и Ѳракіею. Вмѣстѣ съ Греками Македоняне принадлежали къ обширному племени пеласгическому и отъ Эллиновъ отличались не столько по крови, сколько по степени образованія. Сами Греки, называя ихъ варварами, сохранили, однакожъ, преданіе о томъ, что царственный домъ Македоніи былъ греческій и происходилъ отъ Гераклидовъ аргивскихъ. Сначала Македонія, занимая только небольшую область (Эмаѳію), была слаба и ничтожна. Общественный бытъ ея напоминаетъ намъ много сценъ гомерическихъ. Въ главѣ народа стоялъ царь, его окружала дума благородныхъ; народъ созывался на вѣче для окончательнаго рѣшенія дѣла. Царь почитался только первымъ между людьми свободными; между имъ и народомъ существовали отношенія патріархальныя; уваженіе къ нему основано было на его происхожденіи отъ боговъ и на личной храбрости. Основателемъ государства преданія называютъ: одни Гераклида *Пердикку*, другія—*Карана*. Во время похода Персовъ на Скиѳію, при Даріѣ Гистаспѣ, Ма-

кедонія сдѣлалась ихъ данницею (при Аминтѣ I, во 2-й половинѣ VI в.); послѣ пораженія Персовъ Греками при Платеѣ, Македонія освободилась (при Александрѣ I 479); но положеніе ея было по прежнему ничтожно и опасно: съ одной стороны угрожали ей сильные Ѳракійцы и Иллирійцы, съ другой—Аѳиняне, покорившіе греческія колоніи по берегу Македоніи. Частые споры о наслѣдствѣ престола еще болѣе увеличивали опасное ея положеніе: они давали поводъ сосѣдямъ вмѣшиваться въ дѣла ея, помогая тому или другому искателю престола. Вообще въ первыхъ царяхъ Македоніи мы видимъ стремленіе дать окрѣпнуть государству, доставить ему удобныя границы, обезопасить его отъ сосѣдей. Замѣчательнѣе всѣхъ ихъ до Филиппа былъ *Архелай.* Онъ строилъ города, пролагалъ дороги, формировалъ войско, населялъ цѣлые города греческими выходцами. Понимая необходимость сблизиться съ Греціею, онъ принималъ участіе въ олимпійскихъ играхъ, перенесъ столицу изъ Эдессы въ городъ Пеллу, лежавшій ближе къ Греціи. Новую столицу украсилъ великолѣпно: его дворецъ былъ расписанъ знаменитымъ живописцемъ греческимъ Зевксисомъ. Архелай привлекалъ къ себѣ лучшіе умы тогдашней Греціи: художники, ученые и поэты Греціи обратились къ гостепріимному двору царя македонскаго. Неловко впрочемъ было этимъ образованнымъ людямъ при дворѣ Архелая: нерѣдко приходилось имъ испытывать грубость и надменность кичливыхъ дворянъ македонскихъ, для которыхъ образованіе было роскошью. Самъ Архелай, человѣкъ безъ всякаго образованія, былъ суевѣренъ, жестокъ и развратенъ: въ просвѣщеніи онъ видѣлъ только средство сблизиться съ Греками. Послѣ его смерти Македонія нѣсколько десятковъ лѣтъ страдала отъ придворныхъ споровъ за наслѣдство престола. Въ эти споры вмѣшались Ѳиванцы. Пелопидъ явился посредникомъ: онъ посадилъ на престолъ Александра II, а младшаго брата его Филиппа увезъ въ Ѳивы, гдѣ онъ въ домѣ Эпаминонда получилъ греческое образованіе и изучилъ военное искусство. По смерти Александра II, когда опять настали

смуты, молодой Филиппъ, убѣжавъ изъ Ѳивъ, явился въ Македонiи и принялъ правленiе.

2) *Македонiя при Филиппѣ.* Положенiе Македонiи при появленiи Филиппа было очень плохо: два искателя оспаривали у него престолъ; шайки Иллирiйцевъ и Ѳракiйцевъ бродили по Македонiи, пользуясь ея смутами; на сѣверѣ тѣснили ее варварскiя сосѣднiя царства; на морскомъ берегу она потеряла всѣ города; политическое значенiе ея было ничтожно. Найтись въ этомъ хаосѣ, безъ друзей и безъ средствъ, успокоить страну, дать новую жизнь народу, создать войско, финансы и флотъ могъ человѣкъ только генiальный. Личность Филиппа блѣднѣетъ предъ величавымъ, геройскимъ образомъ сына его Александра. Это понятно: Александръ былъ герой, доставившiй торжество Грекамъ надъ Востокомъ, а Филиппъ убилъ вольность Грековъ. Какъ скопидомъ, сколачивалъ онъ по копѣйкѣ состоянiе, какъ чернорабочiй, трудился надъ созданiемъ тѣхъ средствъ, которыми воспользовался сынъ его. Но стоитъ прочесть рѣчи Демосѳена, злѣйшаго врага Филиппова, чтобы убѣдиться въ его неутомимости, твердости, знанiи народовъ, съ которыми имѣлъ дѣло, въ умѣньи заставить служить себѣ и цѣлыя государства и отдѣльныя лица, умѣньи узнавать и цѣнить людей, которыхъ онъ приготовилъ цѣлый рядъ для своего сына. Темныя стороны его характера: лживость, клятвопреступленiя, признанiе всѣхъ средствъ хорошими, лишь бы достигнуть цѣли. «Дѣтей надо обманывать игрушками, мужей клятвами» говорилъ онъ. У него было вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое презрѣнiе къ людямъ: вездѣ онъ расчитывалъ на измѣну и вездѣ находилъ ее. Не даромъ хвалился онъ, что болѣе взялъ городовъ серебромъ, чѣмъ желѣзомъ.

Этому-то человѣку суждено было разрушить обветшалую жизнь греческую и создать величiе Македонiи. Ему было 20 съ небольшимъ лѣтъ, когда онъ принялъ правленiе. Уничтожить внутреннихъ враговъ—искателей престола, отбить сѣверныхъ варваровъ, придвинуть Македонiю къ морю, отнявъ у Аѳинянъ колонiи по берегамъ его, и потомъ

уже подчинить Грецію—вотъ задача Филиппа, Одного искателя престола онъ уничтожилъ деньгами, другаго оружіемъ. Война съ варварами заставила его устроить войско—знаменитую въ исторіи *фалангу*; онъ усилилъ число рядовъ въ пѣхотѣ и далъ воинамъ копья (сариссы), которыя были такъ длинны, что даже копья шестаго ряда выходили за первый рядъ. Эту фалангу онъ попробовалъ впервые на Иллирійцахъ и отнялъ у нихъ горные проходы. За тѣмъ обратился Филиппъ къ покоренію приморскихъ городовъ. Аѳиняне могли помѣшать ему, но онъ искусно отвелъ глаза имъ и, когда они подоспѣли на помощь, было уже поздно: Филиппъ овладѣлъ морскимъ берегомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ богатыми золотыми пріисками, которые давали ему потомъ до 2,000,000 руб. сер. ежегоднаго дохода. Имѣя войско и деньги, расширивъ и обезопасивъ предѣлы Македоніи отъ варваровъ, завладѣвъ морскимъ берегомъ, Филиппъ рѣшился наконецъ приняться за Грецію. Сами Греки своими раздорами подали ему поводъ вмѣшаться въ дѣла ихъ и накликали бѣду на свою родину такъ называемою *священною* или *фокидскою войною*.

Истинною причиною священной войны было не оскорбленіе религіи, но старая ненависть Ѳиванцевъ и Ѳессалійцевъ къ Фокидцамъ, за то, что послѣдніе противодѣйствовали имъ въ ихъ политическихъ видахъ; религія была только предлогомъ. Когда жители Фокиды вспахали для себя часть поля, принадлежавшаго храму Аполлона дельфійскаго, то Ѳиванцы подстрекнули дельфійскую амфиктіонію приговорить ихъ къ денежной пенѣ; а когда Фокидцы не хотѣли платить, то судъ амфиктіоновъ произнесъ надъ ними проклятіе, объявивъ ихъ область собственностію дельфійскаго бога, и поручилъ Ѳиванцамъ и Ѳессалійцамъ силою исполнить этотъ приговоръ. Фокидцамъ оставалось предупредить враговъ своихъ. Полководецъ ихъ *Филомелъ* набралъ войско, разбилъ нѣсколько разъ Ѳиванцевъ и взялъ Дельфы; но, наткнувшись разъ нечаянно на вдвое сильнѣйшаго врага, былъ притиснутъ къ страшной пропасти и, не видя спа-

сенія, бросился въ нее, чтобы не даться живымъ въ руки непріятеля. Братъ его *Онамархъ*, избранный послѣ него вождемъ, ограбилъ богатый храмъ дельфійскій, нанялъ на эти деньги войско, разбилъ Ѳиванцевъ и двинулся въ Ѳессалію. Ѳессалійцы призвали на помощь Филиппа македонскаго. Филиппъ не замедлилъ явиться, какъ защитникъ свободы Ѳессаліи и каратель святотатцевъ. Два раза былъ онъ разбитъ Ономархомъ, наконецъ одолѣлъ его, взялъ въ плѣнъ, распялъ на крестѣ и, занявъ Ѳессалію, готовился вторгнуться въ Фокиду; но это ему пока не удалось: ораторъ Демосѳенъ открылъ Аѳинянамъ глаза на опасность, и они заградили путь Филиппу чрезъ Ѳермопилы. Хитроумный Филиппъ не рѣшился идти на проломъ: устроивъ дѣла Ѳессаліи, онъ началъ составлять себѣ партію въ Греціи, особенно въ Аѳинахъ, приглашая къ двору своему ученыхъ, поэтовъ, актеровъ греческихъ, давая пріютъ измѣнникамъ греческимъ и тайно разсыпая золото своимъ агентамъ въ Аѳинахъ.

Филиппъ обратилъ вниманіе на Аѳины, потому что изъ всѣхъ греческихъ государствъ они одни имѣли значеніе и могли мѣшать ему, особенно когда продолжительный миръ поправилъ ихъ въ хозяйственномъ отношеніи. Въ Аѳинахъ образовались двѣ партіи: партія мира или *македонская* и партія, враждебно смотрѣвшая на Македонію—*патріотическая* (или, какъ враги ее называли, персидская). Партія македонская полагала, что ни Аѳины, ни другія греческія государства сами собою существовать не могутъ и что для спасенія ихъ нужна гегемонія Македоніи, признавъ которую, Греки могутъ обратиться на покореніе Персовъ. Партія патріотическая видѣла въ Филиппѣ будущаго поработителя свободы греческой и полагала, что спасеніе Греціи возможно при дружномъ союзѣ греческихъ государствъ подъ старою гегемоніею Аѳинъ. Первая слишкомъ низко смотрѣла на современниковъ, вторая слишкомъ много вѣрила въ нихъ. Въ той и другой партіи было много даровитыхъ людей.

Изъ людей македонской партіи, одни поддерживали миръ съ Филиппомъ честно, по добросовѣстному убѣжденію, что старый порядокъ дѣлъ въ Греціи невозможенъ; таковъ былъ благородный и умный, но не энергическій ораторъ *Исократъ*, тщательно занимавшійся обдѣлкою слога своихъ рѣчей въ то время, когда нужно было дѣйствовать; таковъ былъ человѣкъ неподкупной правоты и честности *Фокіонъ*, глубоко презиравшій своихъ современниковъ и рѣзко выдававшійся между ними строгостію и простотою жизни. Но были въ этой партіи и люди, дѣйствовавшіе въ пользу Филиппа изъ нечистыхъ видовъ, за золото македонское продавшіе интересы родины: между ними особенно рѣзко выдается ораторъ *Эсхинъ*, знаменитый соперникъ великаго Демосѳена, даровитѣйшій представитель македонской партіи. Сынъ бѣдной танцовщицы двусмысленнаго поведенія, Эсхинъ рано ознакомился съ нуждой и грязью уличной жизни и всѣмъ своимъ будущимъ значеніемъ обязанъ самому себѣ. Въ дѣтствѣ онъ отданъ былъ въ гимназію не для воспитанія, но для того, чтобы служилъ образцемъ крѣпкаго сложенія другимъ воспитанникамъ. Не совсѣмъ чистыми средствами онъ добился гражданства, пытался сдѣлаться актеромъ, но былъ освистанъ, служилъ потомъ въ войскѣ и наконецъ выступилъ ораторомъ, говоря за македонскую партію, которая вытянула его въ люди, и за Филиппа, который, говорятъ, платилъ ему деньги. Краснорѣчіе Эсхина имѣло всѣ качества, которыми можно было увлечь народъ: ясность, живость, смѣлость или громъ рѣчей, по выраженію древнихъ; но ему недоставало того спокойнаго величія и той неотразимой силы, которая проистекала въ Демосѳенѣ изъ глубокаго убѣжденія и не могла быть вызвана въ Эсхинѣ корыстью. Потому то онъ проигралъ въ борьбѣ съ своимъ знаменитымъ соперникомъ и долженъ былъ идти въ изгнаніе на о. Родосъ, гдѣ основалъ школу краснорѣчія. Онъ открылъ свои лекціи, прочитавъ свою лучшую рѣчь противъ Демосѳена. Ученики были въ восторгѣ. Но, когда Эсхинъ вслѣдъ за тѣмъ прочелъ отвѣтную рѣчь Демосѳена,

восторгъ слушателей былъ еще болѣе. «Что-же, если-бы вы сами слышали, какъ это чудовище говорило ее!» воскликнулъ Эсхинъ, невольно увлеченный самъ силою и красотою рѣчи своего соперника.

Много благородныхъ ораторовъ поддерживали дѣло патріотической или національной партіи (*); но ни одинъ изъ нихъ не можетъ идти въ сравненіе съ *Демосѳеномъ*, благороднѣйшимъ, даровитѣйшимъ и вмѣстѣ самымъ трагическимъ лицомъ умирающей Греціи. И въ самомъ дѣлѣ, читая жизнь этого величайшаго оратора древности и сравнивая его великій характеръ съ испорченными и глубоко павшими его современниками, мы чувствуемъ къ нему такое участіе, какого не возбуждаетъ въ насъ никакой герой трагедіи. Отъ самой юности до той минуты, когда, потерявъ надежду спасти себя и родину, онъ отчаянно поднялъ на себя руки, мы видимъ Демосѳена въ борьбѣ съ судьбою: много разъ она поражаетъ его, но никогда не удалось ей побѣдить этотъ благородный и сильный характеръ. Лишившись въ малолѣтствѣ родителей, Демосѳенъ остался въ самомъ бѣдномъ состояніи, потому что все его наслѣдство было расхищено корыстолюбивыми опекунами. Онъ былъ слабаго сложенія и довольно неловокъ, а потому товарищи насмѣхались надъ нимъ и давали ему разныя оскорбительныя прозвища. На 10 году отъ роду Демосѳену случилось слышать въ народномъ собраніи рѣчь одного знаменитаго оратора. Сила краснорѣчія изумила мальчика; когда же, по окончаніи рѣчи, онъ услышалъ, какими похвалами осыпаютъ оратора, когда увидѣлъ, съ какимъ торжествомъ народъ провожалъ его домой, то немедленно и твердо рѣшился идти къ той же цѣли. Онъ ревностно сталъ изучать творенія великихъ греческихъ писателей и слушалъ уроки краснорѣчія у лучшихъ аѳинскихъ ораторовъ. Наконецъ онъ рѣшился говорить всенародно, но былъ освистанъ и осмѣянъ. Закрывши лицо рука-

(*) Въ числѣ ихъ замѣчательны: Гиперидъ и Ликургъ аѳинскій (преобразователь финансоваго управленія въ Аѳинахъ).

ми, онъ побѣжалъ домой, чтобы скрыть тамъ свой стыдъ, и уже навсегда думалъ отказаться отъ ораторства, когда одинъ актеръ, другъ его, наглядно убѣдилъ его что ему недостаетъ не искусства составлять рѣчи, но умѣнья произносить ихъ. И въ самомъ дѣлѣ. Демосѳенъ имѣлъ слабый голосъ, не выговаривалъ нѣкоторыхъ буквъ и дѣлалъ смѣшные жесты. Началась борьба Демосѳена съ природными недостатками: нѣсколько мѣсяцевъ провелъ онъ безвыходно съ обритой головой въ землянкѣ и упражнялся въ декламаціи предъ зеркаломъ; укрѣплялъ свой голосъ тѣмъ, что громко декламировалъ при шумѣ волнъ морскихъ, а еще чаще, взбираясь на горы, тщательно перечитывалъ лучшихъ писателей. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ пещерѣ, въ неутомимыхъ занятіяхъ своимъ искусствомъ, Демосѳенъ вышелъ наконецъ оттуда отличнѣйшимъ ораторомъ и совершенно очаровалъ и покорилъ тотъ самый народъ, который недавно надъ нимъ смѣялся. Въ рѣчахъ Демосѳена нѣтъ той живости и энергіи, какая есть въ Эсхиновыхъ: но за то мастерская отдѣлка, простота, а главное, убѣжденіе въ правотѣ и святости своего дѣла и наконецъ потрясающая душу грусть приковывали къ нему вниманіе Аѳинянъ. Главною цѣлію его политической жизни было доставить Аѳинамъ прежнюю гегемонію, поддерживать равновѣсіе между государствами Греціи и не давать одному государству усилиться на счетъ другихъ. Быть можетъ онъ ошибался, имѣя слишкомъ высокое мнѣніе о своихъ современникахъ; но онъ разгадалъ, какъ нельзя лучше, хитрые замыслы Филиппа и началъ противъ него цѣлый рядъ нападеній въ рѣчахъ, названныхъ *Филиппиками*.

Краснорѣчіе Демосѳена не могло возбудить въ Аѳинянахъ, утопавшихъ въ нѣгѣ и роскоши, ихъ прежнюю дѣятельность и силу духа; только въ минуту негодованія они исполняли мудрый совѣтъ его: не допустили Филиппа въ средину Греціи; но какъ скоро опасность по видимому миновала, они снова предались своей обычной безпечности. Не только подкупленные ораторы старались убѣдить ихъ въ благонамѣ-

ренности Филиппа, но даже лучшіе граждане, каковъ напр. *Фокіонъ*, не почитали Филиппа опаснымъ для свободы Греціи. Поэтому неудивительно, что, когда Ѳиванцы, тѣснимые Фокидцами, опять призвали Филиппа на помощь, то Аѳиняне не только не заняли войскомъ Ѳермопилъ, но помѣшали сдѣлать это и Спартанцамъ. Такимъ образомъ Филиппъ проникъ въ Грецію, разорилъ и опустошилъ въ конецъ Фокиду, многихъ жителей ея предалъ въ рабство, а остальныхъ осудилъ на огромную денежную пеню. Въ награду за эти услуги Филиппъ былъ признанъ членомъ амфиктіонова совѣта. Вскорѣ началась другая священная война: Филиппъ, назначенный, по совѣту подкупленныхъ имъ ораторовъ, главнокомандующимъ, снова пришелъ въ Грецію и обратилъ свое оружіе противъ Ѳиванцевъ и Аѳинянъ. Теперь только Аѳиняне увидѣли свою оплошность, и ужасъ овладѣлъ ими; при вѣсти о вступленіи Филиппа въ Беотію. Сенаторы совершенно растерялись; но въ эту роковую минуту Демосѳенъ является снова на площади, ободряетъ ихъ, напоминаетъ о славѣ греческаго имени и храбрости предковъ и силою своего краснорѣчія убѣждаетъ Аѳинянъ вооружиться отъ мала до велика и разослать вѣстниковъ во всѣ концы Греціи, призывая Грековъ къ союзу противъ общаго врага. Союзъ составился и поставилъ 50,000 войска, но имъ преводили ничтожные полководцы. 2-го Августа 338 г. произошла роковая битва при *Херонеѣ*. Фаланга поколебалась было отъ напора Грековъ, но молодой Александръ личною храбростію доставилъ отцу рѣшительную побѣду. Филиппъ не помнилъ себя отъ радости: онъ напился, началъ плясать на мѣстѣ битвы и затянулъ пѣсню. Когда въ Аѳины пришла вѣсть о херонейскомъ пораженіи, Аѳиняне, послѣ минутнаго оцѣпенѣнія, рѣшились на отчаянную защиту. Весь народъ всталъ какъ одинъ человѣкъ. Умный Филиппъ не рискнулъ идти на Аѳины: онъ оставилъ Грекамъ наружную свободу и требовалъ только, чтобы его превозгласили гегемономъ въ задуманной имъ войнѣ съ Персами. Все уже было готово къ этому походу, когда Филиппъ, 338 г.

на свадьбѣ своей дочери, въ 336 г. былъ убитъ. Смерть его произвела волненіе въ Греціи. Новая бодрость, новыя надежды пробудились въ душѣ Демосѳена: онъ думалъ, что со смертію Филиппа исчезла сила Македоніи и что независимость Греціи снова можетъ воскреснуть. Но и Демосѳенъ и всѣ Греки ошиблись, ибо наслѣдникомъ Филиппа былъ великій сынъ его *Александръ*.

b) **Александръ Великій** (336—323).

Александръ родился за 356 лѣтъ до Р. Х. Древніе видѣли большое значеніе въ томъ обстоятельствѣ, что въ ту самую ночь, когда родился Александръ, храмъ Діаны въ Эфесѣ, одно изъ чудесъ древней архитектуры, сожженъ былъ *Геростратомъ*, который этимъ безумнымъ дѣломъ хотѣлъ увѣковѣчить свое имя въ потомствѣ. Герострать былъ казненъ и Греки запретили произносить имя его, но, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого запрещенія, Герострать достигъ безсмертія.

Знаменитому греческому философу *Аристотелю* поручилъ Филиппъ воспитаніе своего наслѣдника. Блистательныя способности Александра получили самое старательное, гармоническое развитіе, онъ посвященъ былъ во всѣ тонкости аѳинскаго образованія. Въ юности чужды были ему ничтожныя удовольствія; только великое и прекрасное восхищало, воодушевляло его. На общественныхъ играхъ не ристанія, не кулачные бои привлекали его вниманіе, но произведенія поэтовъ и художниковъ. Болѣе всѣхъ поэтовъ любилъ онъ Гомера, который былъ первымъ источникомъ всего греческаго образованія. Онъ зналъ наизусть всѣ его поэмы, и рукопись пѣсней Гомеровыхъ всегда лежала у него подъ изголовьемъ. Сознаніе своего царственнаго достоинства и неутомимая жажда славныхъ подвиговъ обнаружились въ Александрѣ уже въ дѣтствѣ. Однажды спросили его, не хочетъ ли онъ показать проворство свое въ бѣганіи на играхъ олимпійскихъ? Онъ отвѣчалъ: готовъ, если цари

будутъ моими соперниками». Каждый разъ, когда приходило извѣстіе о новой побѣдѣ Филиппа, Александръ горестно восклицалъ: «отецъ мой не оставитъ мнѣ никакой побѣды!» Въ самой нѣжной юности усмирилъ онъ дикаго коня *Букефала,* съ которымъ не могли справиться самые искусные наѣздники, и Филиппъ, въ восторгѣ обнимая своего сына, сказалъ: «сынъ мой! ищи для себя другаго царства: Македонія мала для тебя!»

Красавецъ наружностью, одаренный блистательными 336 г.
способностями, въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ вступилъ Александръ на престолъ Македоніи. Вокругъ трона его закипѣли возстанія: на югѣ волновалась Греція, съ сѣвера грозили сосѣдніе варвары. Александръ съ удивительною быстротою прошелъ Ѳессалію, явился въ центрѣ Греціи, въ Коринѳѣ, и вся Греція покорно признала своимъ повелителемъ державнаго юношу. Въ слѣдъ за тѣмъ Александръ обратился противъ сѣверныхъ варваровъ, разбилъ ихъ нѣсколько разъ и прошелъ побѣдителемъ по ихъ собственнымъ землямъ. Между тѣмъ въ Греціи распространился слухъ о его смерти и пробудилъ снова надежду освобожденія; Демосѳенъ снова вступилъ на площадь Аѳинъ, началъ гремѣть рѣчами противъ сына, какъ нѣкогда гремѣлъ противъ отца, и умѣлъ возмутить Грековъ. Но прежде, чѣмъ они успѣли собрать войска, Александръ явился предъ стѣнами Ѳивъ, разрушилъ до основанія этотъ городъ, навелъ такой ужасъ на Грековъ, что они искали спасенія въ совершенной покорности. Успокоивъ такимъ образомъ Македонію и Грецію, Александръ задумалъ исполнить планъ своего отца касательно Персіи; снова созвалъ въ Коринѳѣ всѣхъ Грековъ и объявилъ себя гегемономъ ихъ въ походѣ противъ Персовъ. Всѣ признали его въ этомъ званіи; только Спартанцы отказались слѣдовать за нимъ, говоря, что они привыкли водить Грековъ къ побѣдѣ и славѣ, а не слѣдовать за другими. Предъ выступленіемъ въ походъ Александръ хотѣлъ спросить дельфійскаго оракула объ успѣхѣ предпріятія. Пиѳія не хо-

тѣла отвѣчать, Александръ силою повлекъ ее къ треножнику: «ты непобѣдимъ!» воскликнула испуганная жрица.

Войско, съ которымъ Александръ смѣло выступилъ въ походъ, чтобы разрушить великую персидскую монархію, состояло только изъ 35.000 человѣкъ; но за то это были люди искусные и отважные въ бою, а главное, готовые за Александра идти въ огонь и въ воду. Опытные полководцы: *Парменіонъ*, *Гефестіонъ и Клитъ* сопутствовали ему. Переправясь чрезъ Геллеспонтъ, онъ велѣлъ сжечь перевозныя суда, чтобы войска его не думали о возможности возвратиться безъ побѣды въ отечество. Достигнувъ развалинъ Трои, Александръ совершилъ тризну надъ могилами павшихъ здѣсь греческихъ героевъ и самъ возложилъ вѣнокъ на могилу любимца и идеала своего—Ахиллеса.

Дарій Кодоманъ, давно уже увѣдомленный объ опасности, угрожавшей его царству, собралъ огромное войско изъ разныхъ народовъ Азіи, которые не знали ни дисциплины, ни военнаго порядка. Они встрѣтили Александра при *Граникѣ,* въ намѣреніи преградить ему переходъ чрезъ эту рѣку. Но отважный Александръ бросился съ своими Македонянами въ Граникъ и счастливо переплылъ его. Началась битва: Александръ расположилъ свои войска съ большимъ искусствомъ, но самъ отъ излишней храбрости едва не погибъ въ сраженіи. Уже одинъ Персъ готовъ былъ нанести ему смертельный ударъ, когда храбрый генералъ македонскій *Клитъ* подоспѣлъ на помощь и спасъ царя. Чрезъ нѣсколько часовъ Персы были совершенно разбиты и разсѣяны. Послѣ битвы Александръ послалъ въ Аѳины 300 непріятельскихъ щитовъ, и они были тамъ повѣшены съ слѣдующею надписью: «Александръ, сынъ Филиппа, и Греки, исключая Спартанцевъ, отняли это оружіе у варваровъ Азіи.» Эта первая побѣда укрѣпила храбрость воиновъ Александра и увѣренность ихъ въ непобѣдимости своего вождя.

Вслѣдъ за тѣмъ Александръ покорилъ почти безъ сопротивленія всѣ греческіе города на берегу Малой Азіи и до-

стигъ до города Гордіума. Здѣсь въ дворцѣ одного изъ прежнихъ царей Малой Азіи хранилась колесница, а на дышлѣ ея прикрѣпленъ былъ узелъ, который чрезвычайно трудно было развязать. Въ народѣ носилось преданіе, что тотъ, кто развяжетъ этотъ узелъ, будетъ властелиномъ всей Азіи. Александръ, для ободренія своихъ воиновъ, вынулъ мечь и разсекъ узелъ. Послѣ этого онъ продолжалъ далѣе свой побѣдоносный походъ. Неосторожное купанье въ рѣкѣ Киидѣ повергло Александра въ смертельную болѣзнь. Всѣ врачи отчаялись спасти ему жизнь: только одинъ изъ нихъ, Грекъ *Филиппъ*, рѣшился въ крайности испытать опасное, но рѣшительное средство. Но въ то самое время, когда Александръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго лекарства, онъ получаетъ письмо съ вѣстью, что Персы подкупили Филиппа отравить его. Недовѣрчивость чужда была великой душѣ Александра: врачъ вошелъ и подалъ Александру чашу, а Алексанръ отдалъ ему письмо, и въ то самое время, какъ Филиппъ читалъ его, выпилъ поднесенное ему лекарство. Невинность врача подтвердилась: на радость Македонянамъ и на страхъ Персамъ, Александръ совершенно выздоровѣлъ. Дарій Кодоманъ между тѣмъ собралъ снова 600,000 войска и встрѣтился съ Александромъ при городѣ *Иссѣ*. Опять Александръ остался побѣдителемъ; самъ Дарій едва избѣгнулъ плѣна, а мать, жена и дѣти его, также весь богатый лагерь персидскій достались въ руки Александра, который оказалъ великодушіе несчастному плѣнному семейству и тѣмъ заслужилъ благодарность самаго врага. Дарій убѣжалъ во внутренность своихъ владѣній, куда Александръ не разсудилъ за нимъ слѣдовать: ему нужно было сперва покорить Сирію. Финикійскіе города покорились ему добровольно; только могущественный Тиръ, въ надеждѣ на свое безопасное мѣстоположеніе на островѣ, не хотѣлъ сдаваться. Но трудности только увеличивали предпріимчивость Александра: не смотря на упорную семимѣсячную оборону, онъ взялъ Тиръ приступомъ, при помощи греческаго флота и плотины, проведенной имъ чрезъ морской проливъ. Тиръ

былъ разрушенъ до основанія, а жители частью умерщвлены, частью проданы въ неволю. По завоеваніи Тира, Дарій предложилъ Александру выгодный миръ, но напрасно: счастливый Александръ требовалъ совершенной покорности. Подчинивъ себѣ еще Палестину, Александръ овладѣлъ Египтомъ, жители котораго, ненавидѣвшіе Персовъ, съ радостью признали надъ собою власть его за то, что онъ оказалъ здѣсь, какъ и вездѣ, уваженіе къ ихъ древней религіи. Изъ Египта, гдѣ основанъ былъ имъ славный впослѣдствіи науками и торговлею городъ *Александрія,* Александръ предпринималъ трудное путешествіе къ храму Аммона, гдѣ, говорятъ, оракулъ назвалъ его сыномъ Зевса.

Теперь только Александръ рѣшился вторгнуться во внутренность персидскаго государства и почти безъ сопротивленія перешелъ рр. Тигръ и Евфратъ, Здѣсь, при г. *Арбеллахъ*, встрѣтилъ онъ новое огромное войско Дарія, рѣшившагося еще разъ испытать счастіе. Александру, у котораго было гораздо меньше войска, совѣтовали напасть на Персовъ въ расплохъ ночью. «Александру не прилично красть побѣду!» отвѣчалъ онъ, напалъ днемъ, и Персы снова были разбиты. Дарій убѣжалъ въ Бактрію, но вскорѣ былъ убитъ тамъ измѣнникомъ, сатрапомъ *Бессомъ.* Передовые всадники Александра нашли его, плавающаго въ крови. Умирая, онъ просилъ у нихъ воды и, когда одинъ Македонянинъ принесъ ему ее, Дарій сказалъ ему: «другъ! мнѣ больнѣе всего, то, что я не могу заплатить тебѣ за твою услугу, но Александръ наградитъ тебя, а боги наградятъ Александра за великодушіе, оказанное имъ моей матери, женѣ и дѣтямъ. Здѣсь чрезъ тебя подаю ему мою руку!» Александръ засталъ уже холодный трупъ Дарія и велѣлъ пышно похоронить его на царскомъ кладбищѣ. Между тѣмъ, послѣ арбельской битвы, Александръ покорилъ славнѣйшіе города Персіи: Вавилонъ, Сузу, Персеполисъ и Экбатану. Въ Персеполисѣ онъ сжегъ великолѣпный дворецъ, чтобы отмстить Персамъ за сожженіе Аѳинъ Ксерксомъ.

Послѣ смерти Дарія Александръ принялъ титулъ, діа-

дежду и одежду персидскихъ государей, ввелъ при дворѣ своемъ персидскіе обычаи, пышность, роскошь и великолѣпныя пиршества. Все это онъ дѣлалъ для того, чтобы приблизиться къ понятію побѣжденныхъ Персовъ о верховной власти и чтобы соединить ихъ съ Македонянами въ одинъ народъ. Но многіе изъ его приближенныхъ, не понимая желанія Александра, не умѣя возвыситься до его человѣчныхъ понятій, несродныхъ древнему міру, приписывали эту перемѣну его гордости и стали составлять противъ него заговоры. Это раздражило благородную душу Александра и заставило его прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ: онъ казнилъ Парменіона, одного изъ любимыхъ своихъ полководцевъ и сына его.

Наконецъ, послѣ короткаго отдохновенія, Александръ отправился покорять сѣверныя и восточныя земли персидскаго царства. Въ короткое время онъ завоевалъ всѣ эти страны, взялъ въ плѣнъ и страшною смертью казнилъ Бесса, перешелъ р. Яксартъ и началъ воевать съ Скиѳами. Его умъ и искусство давали ему перевѣсъ надъ этими варварами, не смотря на то, онъ потерялъ много людей въ битвѣ. Онъ самъ былъ раненъ и заболѣлъ, но духъ его никогда не изнемогалъ. Вообще пребываніе въ Скиѳіи было несчастно для Александра; здѣсь онъ совершилъ поступокъ, въ которомъ потомъ горько раскаялся: отуманенный виномъ, онъ умертвилъ Клита, который спасъ ему жизнь при Граникѣ.

Отсюда Александръ рѣшился идти далѣе на востокъ и завоевать Индію. Перейдя Индъ, онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ храбраго индійскаго царя *Пора*. Благородный видъ плѣнника съ перваго взгляда расположилъ побѣдителя въ его пользу: «какъ хочешь ты, чтобы обращались съ тобою?» спросилъ его Александръ; «какъ съ царемъ»! отвѣчалъ Поръ. Отвѣтъ такъ понравился Александру, что онъ возвратилъ Пору его царство. Вслѣдъ за этимъ, Александру покорилось въ этой цвѣтущей землѣ до 40 городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли болѣе 10.000 жителей. Любовь къ

славѣ и молва о богатствахъ дальнѣйшихъ странъ, ихъ благословенномъ климатѣ и плодородіи влекли Александра все далѣе и далѣе. Но большая часть войска его уже давно роптала на трудность похода и желала возвратиться въ отечество. Наконецъ, когда Александръ достигъ р. Гифазиса, воины явно и громко стали роптать; напрасно Александръ увѣщалъ ихъ, грозилъ имъ: они твердо рѣшились не идти далѣе, и завоеватель наконецъ долженъ былъ возвратиться назадъ въ Персію. 12 высокихъ жертвенниковъ были воздвигнуты на этомъ мѣстѣ, для означенія границы его походовъ, замѣчательнѣйшихъ во всемірной исторіи. Отправивъ часть своего войска моремъ, онъ самъ отправился сухимъ путемъ чрезъ неизмѣримыя степи. Жаръ, голодъ и жажда истребили большую часть его войска на этомъ пути.

Возвратясь въ Персію, Александръ по-царски наградилъ своихъ воиновъ за перенесенныя ими трудности и предался заботамъ объ устройствѣ своего огромнаго государства: проводилъ каналы, устраивалъ гавани, старался соединить Азіятцевъ и Македонянъ въ одинъ народъ. Онъ самъ женился на дочери Дарія, женилъ всѣхъ своихъ полководцевъ и 10.000 другихъ Македонянъ на Персіанкахъ, принялъ ко двору своему и въ войско свое многихъ Персовъ и благодѣтельствовалъ имъ наравнѣ съ Македонянами. Войско македонское вознегодовало на него за милости, оказываемыя Персамъ, и возмутилось, когда онъ хотѣлъ отпустить въ Македонію старыхъ и заслуженныхъ воиновъ. Строгостью и сильною рѣчью Александръ смирилъ непокорныхъ, но чрезъ годъ его уже не стало, Потерявъ лучшаго друга своего Гефестіона, смерть котораго глубоко тронула его любящую душу. Александръ заболѣлъ въ Вавилонѣ; отъ нездороваго воздуха болѣзнь усилилась, и великій человѣкъ
323 г. умеръ въ 323 году на 33 году своей жизни. На вопросъ рыдавшихъ друзей, кому онъ оставляетъ престолъ, Александръ отвѣчалъ «достойнѣйшему», и потомъ прибавилъ: «предвижу, что на могилѣ моей Македоняне совершатъ кровавые поминки». Слова эти сбылись: по смерти Александра

настаетъ рядъ кровавыхъ междоусобій между его полководцами; въ этихъ междоусобіяхъ погибъ родъ Александра и государство его распалось на части.

Трудно найти въ исторіи личность, которой дѣятельность, по объему и по вліянію, могла бы сравниться съ дѣятельностію Александра. Походы его сблизили Европу съ Азіею, утвердили первенство Европы въ исторіи и, посредствомъ множества основанныхъ имъ Александрій, проложили греческому образованію путь въ глубину Азіи. Какъ впослѣдствіи Колумбъ открылъ образованію и исторіи цѣлый невѣдомый міръ, такъ Александръ открылъ древнимъ цѣлый невѣдомый міръ внутренней, южной и сѣверовосточной Азіи и включилъ его въ исторію. Трудно, съ другой стороны, найти личность, которая представляла бы въ себѣ столько обаятельнаго для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, какъ личность Александра. Грекъ видѣлъ въ немъ идеалъ образованнаго героя, который утвердилъ первенство эллинизма во всѣхъ странахъ извѣстнаго Грекамъ міра; Римлянина поражалъ въ немъ идеалъ завоевателя; Востокъ не могъ забыть своего великодушнаго побѣдителя, совершившаго на дѣлѣ подвиги, за которыми едва могла угоняться громадная фантазія восточнаго жителя: христіанскій средневѣковый Западъ находилъ въ немъ много свойствъ истиннаго рыцаря. Потому то о рѣдкомъ лицѣ въ исторіи составилось столько сказаній, изустныхъ и письменныхъ, баснословныхъ и достовѣрныхъ, какъ о молодомъ царѣ македонскомъ. Не говоря уже о богатствѣ греческой литературы преданіями и историческими сочиненіями объ Александрѣ, мы имѣемъ цѣлый рядъ сказаній и легендъ армянскихъ, персидскихъ, арабскихъ и еврейскихъ. Даже въ унылой пѣснѣ кочеваго Монгола слышится иногда отголосокъ зашедшихъ въ степи разсказовъ о великомъ Искандерѣ. Въ Туркестанѣ имя его привязано къ каждой громадной развалинѣ, свидѣтельствующей о прежнемъ богатствѣ края. Въ памятникахъ средневѣковой литературы—у германскихъ, романскихъ, славянскихъ народовъ и у Византійцевъ—есть цѣлый рядъ повѣс-

тей и сказаній объ Александрѣ. Каждый народъ и каждый вѣкъ преобразовывалъ, сообразно своимъ понятіямъ, личность и подвиги македонскаго завоевателя.

c) Государства, происшедшія изъ македонской монархіи по смерти Александра.

Огромное государство, сложенное изъ завоеваній Александра В., распалось чрезъ 20 лѣтъ на части. Причинъ этому было двѣ главныхъ: одна необходимая—это разнородность состава Александровской монархіи по національностямъ, языкамъ, вѣрованіямъ, общественному устройству, степени образованія; другая причина, случайная, заключалась во внезапной смерти Александра и въ томъ, что онъ не назначилъ себѣ наслѣдника. Полководцы воспользовались ничтожествомъ лицъ, составлявшихъ царскую фамилію. Они раздѣлили между собою завоеванія Александра, и каждый изъ нихъ хотѣлъ быть неограниченнымъ монархомъ въ доставшихся ему на долю владѣніяхъ. Хотя по смерти Александра В. царемъ провозглашенъ былъ слабый *Арридей*, братъ Александра, и малолѣтній сынъ его *Александръ*, но неограниченнымъ правителемъ государства сдѣлался честолюбивый полководецъ *Пердикка*. Онъ желалъ, чтобы отъ него зависѣли и прочіе правители въ своихъ владѣніяхъ, что произвело между ними кровопролитныя войны, которыя 22 года безпрерывно разоряли Александрову монархію. Во время этихъ междоусобій, правители совершенно истребили всю фамилію Александра, и наконецъ послѣ сраженія при *Ипсѣ*, въ 301 г. приняли титулъ царей и окончательно раздѣлили македонскую монархію на независимыя государства. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: сирійское царство Селевкидовъ и египетское Птоломеевъ на древнемъ Востокѣ, Македонія и Греція въ Европѣ.

1) Царство *сирійское* подъ правленіемъ фамиліи полководца Александрова *Селевка*. Это государство занимало почти всю историческую Азію до Инда. Средоточіемъ его была

Сирія, а столицею Антіохія, построенная Селевкомъ Никаторомъ и игравшая роль Аѳинъ на Востокѣ. Фамилія Селевка ревностно распространяла греческую образованность на Востокѣ, посредствомъ основанія городовъ и походовъ въ Индію. Впрочемъ, сила этого царства не долго продолжалась, потому что, по смерти Селевка въ немъ повторились обычныя явленія восточныхъ государствъ: роскошь и изнѣженность, возстанія правителей отдѣльныхъ областей, дѣлавшихся независимыми (*), и войны съ Египтомъ. Изъ преемниковъ Селевка особенно замѣчателенъ *Антіохъ III Великій*, предпринимавшій походы въ Индію. Впутавшись въ войну Карѳагенянъ съ Римлянами, онъ былъ разбитъ Римлянами при *Магнезіи*, и съ этихъ поръ Сирія находилась подъ вліяніемъ Рима. Въ 64 году она превращена была въ Римскую провинцію. 64 г.

2) Царство *египетское* подъ правленіемъ первыхъ 3-хъ царей изъ фамиліи *Птоломея Лага* находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Египетъ сдѣлался первостепенной морской державой; столица его Александрія была средоточіемъ всемірной торговли, греческой и восточной образованности, славилась своимъ музеемъ и знаменитою библіотекою. Впрочемъ богатство и образованность въ царствѣ Птоломеевъ были достояніемъ только пришлаго, владычествующаго населенія, а въ массу туземцевъ не проникли. Поэтому сила царства и была непрочна. Споры о наслѣдствѣ престола дали поводъ Римлянамъ вмѣшаться въ дѣла Египта, и нако-

---

(*) Замѣчательнѣйшія изъ этихъ государствъ были: 1) Въ Малой Азіи—*пергамское* и *понтійское*. Послѣднее занимало берега Евксинскаго понта и южной Россіи, и важнѣйшимъ явленіемъ его исторіи было царствованіе Митридата VI Великаго, славнаго борьбою съ Римлянами. 2) Въ Сиріи—государство *еврейское,* подъ управленіемъ Маккавеевъ. Всѣ эти государства покорены были Римлянами. 3) За Евфратомъ образовалось царство *парѳянское,* которое обнимало спустя 100 лѣтъ всѣ земли до р. Инда и служило оплотомъ Востоку противъ Римлянъ; въ III в. по Р. Х. изъ него образовазось *ново-персидское* царство Сассанидовъ.

*

нецъ при *Клеопатрѣ* Египетъ превращенъ былъ въ римскую провинцію.

3) *Македонія* съ конца III вѣка находилась подъ управленіемъ царей изъ дома Александрова полководца *Антигона*, въ безпрерывной почти войнѣ съ Греками, которые ловили каждый случай воротить независимость. Послѣдній царь македонскій *Персей* былъ въ оковахъ отведенъ въ Римъ, а Македонія обращена была въ римскую провинцію въ 148 г. до Р. Х.

4) *Состояніе Греціи по смерти Александра В.* было печально: Ѳивы лежали въ развалинахъ, гордая Спарта была въ совершенномъ изнеможеніи, только Аѳины держались еще торговлею и морскою силою. Не смотря на это, Греки, при каждомъ удобномъ случаѣ, пытались возвратить свою прежнюю независимость. Такъ, когда пришла вѣсть о смерти Александра, большая часть Грековъ возстала противъ Македоніи. Первые вооружились Аѳиняне. Посланники аѳинскіе проѣзжали всѣ города, приглашая ихъ къ возстанію. Къ нимъ присоединился славный Демосѳенъ (который въ это время, оклеветанный врагами, жилъ въ изгнаніи на островѣ Эгинѣ); въ немъ никогда не умирала надежда освободить Грецію и теперь онъ снова съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ убѣждалъ всѣхъ Грековъ соединиться съ Аѳинянами. Въ вознагражденіе за то, народъ возвратилъ Демосѳена изъ ссылки и послалъ корабль на островъ Эгину, чтобы привезти его. Когда разнесся слухъ, что Демосѳенъ прибылъ въ гавань аѳинскую, всѣ Аѳиняне спѣшили встрѣтить его; разстроганный, взволнованный ораторъ былъ на рукахъ внесенъ въ домъ свой восторженнымъ народомъ. Но счастье Демосѳена было не долго. Македонскіе полководцы разбили Грековъ, Аѳиняне должны были покориться, Демосѳенъ и друзья его были призваны на судъ македонскій и осуждены на смерть. Демосѳенъ спасся бѣгствомъ на одинъ небольшой островъ и нашелъ себѣ убѣжище въ храмѣ Поссейдона. Отрядъ македонскаго войска преслѣдовалъ его, но не смѣлъ взять въ храмѣ. Начальникъ отряда убѣждалъ Демосѳена

сдаться, обѣщая помилованіе; Демосѳенъ повидимому уступилъ его увѣщаніямъ, просилъ только дать ему время написать свои распоряженія и, перекусивъ стиль (перо), проглотилъ скрытый въ немъ ядъ; потомъ съ опущенною головою закрылся плащемъ, пока не почувствовалъ дѣйствія яда. Онъ хотѣлъ выйти изъ храма, но упалъ при алтарѣ, и смерть увлекла его изъ этого міра, который не могъ имѣть для него никакого утѣшенія послѣ паденія родины. Съ послѣднею вспышкою греческихъ силъ Греки впали въ какую-то безнадежную апатію. Она отразилась въ литературѣ: краснорѣчіе стало вяло и безплодно; въ философіи возникъ стоицизмъ, произведеніе народа, склонившаго голову предъ судьбою.

Аѳины за послѣднее возмущеніе были строго наказаны Македонянами, которые поставили тамъ свое войско и назначили своихъ правителей. Наконецъ сынъ Антигона (одного изъ полководцевъ Александровыхъ) *Димитрій Поліоркетъ*, характеромъ и дарованіемъ схожій съ Алкивіадомъ и прославившійся осадою острова Родоса, освободилъ Аѳинянъ отъ власти Македонянъ. Аѳиняне сначала воздвигали ему статуи и поклонялись какъ богу: но, когда счастіе измѣнило Димитрію и, разбитый врагами, онъ просилъ у Аѳинянъ убѣжища, они отказали ему въ пріютѣ. Не смотря на это, Димитрій еще два раза спасалъ Аѳины отъ македонскаго владычества.

Что касается до *Спарты*, то, несмотря на то, что уваженіе ея къ старинѣ доходило до смѣшнаго, выражаясь въ покроѣ платья или обуви, духъ древнихъ Ликурговыхъ учрежденій въ ней совершенно упалъ, испорченность нравовъ достигла до высшей степени. Только подъ конецъ ея исторіи являются два человѣка, въ которыхъ жилъ еще древній спартанскій духъ: это цари Агисъ и Клеоменъ. *Агисъ* былъ еще очень молодъ, когда вступилъ на престолъ. Въ то время власть царей въ Спартѣ была ничтожна: вся сила перешла въ руки эфоровъ. Въ такомъ большомъ городѣ оставалось не болѣе 700 гражданъ, среди множества періэковъ и гелотовъ. Изъ этихъ 700 только у 100 семействъ была собственность; про-

чіе ея не имѣли, были въ высшей степени бѣдны и обременены долгами. Упадокъ государства былъ совершенный: оно потеряло часть своихъ владѣній; члены царской фамиліи шли служить наемниками у иностранныхъ государей. Въ виду такого упадка, Агисъ задумалъ переворотъ, далеко превышавшій его силы, ибо касался самыхъ щекотливыхъ интересовъ, именно собственности. Онъ хотѣлъ отобрать у 100 семействъ ихъ огромныя владѣнія и раздѣлить ихъ на 19,500 участковъ, изъ которыхъ 4,500 полагалъ отдать спартанскимъ гражданамъ, пополнивъ число ихъ принятіемъ новыхъ гражданъ, а остальные 15.000 должны были принадлежать періэкамъ. Сверхъ того, Агисъ уничтожилъ всѣ долги. Онъ самъ показалъ первый примѣръ, отдавъ все свое имущество и имущество семьи своей на пользу общаго дѣла; но не всѣ его помощники были равно безкорыстны. Сначала планъ его возбудилъ энтузіазмъ, потому что онъ выдалъ его за востановленіе Ликургова постановленія, но потомъ ему измѣнили и онъ былъ убитъ, заплативъ жизнію за вѣру въ возможность воскресить прошлое. Впрочемъ преемникъ его, послѣдній Гераклидъ *Клеоменъ*, явился продолжателемъ Агисова плана. Клеоменъ былъ умнѣе и энергичнѣе Агиса, имѣлъ болѣе вліянія на народъ, но за то менѣе его былъ разборчивъ въ выборѣ средствъ. Онъ истребилъ сначала эфоровъ, мѣшавшихъ царской власти; потомъ уничтожилъ различіе между Спартанцами и періэками, давъ всѣмъ право гражданства и раздѣлилъ между ними земли. Ему удалось его предпріятіе; но вмѣшательство Македоніи ниспровергло его самаго и его преобразованія. Разбитый Македонянами, потерявъ надежду спасти отечество, онъ убилъ самъ себя. Съ этого времени Спарта сдѣлалась добычею тирановъ, которые продавали государство Римлянамъ и ускорили паденіе Греціи.

Свободу и независимость Греціи поддерживали еще нѣсколько времени два союза—*ахайскій* и *этолійскій*, или лучше сказать, два великіе человѣка, бывшіе предводителями ахайскаго союза—*Аратъ* и *Филопеменъ*. Но эта поддерж-

ка не долго продолжалась; оба союза, вмѣсто того, чтобы дружно дѣйствовать противъ общихъ враговъ, ссорились между собою, и Македоняне снова утвердили свою власть надъ Греціею. Аратъ былъ отравленъ, а Филопеменъ, прозванный *послѣднимъ Грекомъ*, плѣненъ и убитъ. Наконецъ Римляне, покорившіе Македонію, сначала объявили Грековъ свободными, но потомъ, воспользовавшись внутренними раздорами, подчинили ихъ своему вліянію, выжидая только случая совершенно покорить Грецію. Случай вскорѣ представился. Коварство Римлянъ, которые, уничтоживъ союзъ этолійскій, хотѣли уничтожить и ахайскій, пробудило мщеніе въ Грекахъ: они объявили войну Риму. Но не имъ было бороться съ могущественнымъ Римомъ. Римскій консулъ *Муммій* разбилъ войска греческія и разрушилъ Коринѳъ. Вся Греція обращена была въ римскую провинцію подъ именемъ *Ахаіи* въ 146 г. до Р. Х. Преданіе говоритъ, что по 146 г.
разореніи Коринѳа варваръ Муммій нашелъ отрока, который сказалъ ему нѣсколько стиховъ изъ Гомера. Смыслъ этихъ стиховъ былъ: блаженъ тотъ, кто въ могилѣ.

ВѢРА, ИСКУССТВО И НАУКА ГРЕКОВЪ.

I.

ВѢРА.

Исторія религіозныхъ вѣрованій Грековъ представляетъ *три* періода:

а) Сами Греки историческаго времени вѣрили, что тѣ боги, которымъ они тогда поклонялись, не всегда существовали, что прежде управляли и владѣли міромъ другіе боги, получившіе власть послѣ упорной долгой борьбы съ предшествовавшимъ имъ поколѣніемъ боговъ. Такъ поэтъ Гезіодъ, въ сво-

сй Ѳеогоніи или поэтической исторіи о происхожденіи боговъ, міра и людей, говоритъ, что въ началѣ былъ *Хаосъ* (пустое безпредѣльное пространство); потомъ *Гайя* (земля), которая произвела *Ураноса* (небо). Гайя и Уранось родили цѣлое поколѣніе *Титановъ*; но Уранось ненавидѣлъ дѣтей своихъ и скрывалъ ихъ въ лонѣ земли, пока меньшой изъ нихъ—*Кроносъ* не изуродовалъ Ураноса и не отнялъ у него владычество. Но и кровожадный Кроносъ, произведшій отъ *Реи* новое поколѣніе боговъ, пожиралъ всѣхъ дѣтей своихъ, боясь, чтобы они не лишили его власти. Рея спасла послѣдняго изъ нихъ—*Зевса*, который заставилъ Кроноса извергнуть всѣхъ поглощенныхъ дѣтей. Тогда Кроносъ и Титаны съ одной стороны, и Зевсъ, Олимпійцы и помогавшіе имъ сторукіе гиганты, съ другой стороны, начали ужасную борьбу боговъ (титаномахію). «Страшно отзывалось кругомъ безпредѣльное море;земля сильно гудѣла;стонало широкое небо; въ корняхъ колебался великій Олимпъ подъ стопами безсмертныхъ. Зевсъ явилъ всю свою силу: ходилъ онъ и бросалъ молнію и съ неба, и съ высокаго Олимпа; сожигаемая священнымъ пламенемъ, кипѣла вся кормилица—земля, и океановы волны, и безплодное море; пламя доходило до эфира, и самый хаосъ объятъ было пожаромъ. Тогда сторукіе, изъ плотныхъ рукъ, разомъ бросили триста камней и помрачили титановъ стрѣлами, и повергли ихъ въ бездну тартара. Вмѣстѣ съ ними низвергнутъ былъ и Кроносъ. Зевсъ и Олимпійцы одержали великую побѣду. Страшная борьба боговъ кончилась; миръ и свѣтлая, веселая жизнь водворились на землѣ подъ владычествомъ Зевса, мудраго мыслителя.»

Въ этомъ поэтическомъ расказѣ сохранилось воспоминаніе о древнѣйшемъ періодѣ религіозныхъ вѣрованій Грековъ, когда они боготворили силы и явленія природы. Поклоненіе Ураносу, или звѣздному небу, было самое древнее, быть можетъ современное пребыванію пеласгическаго народа въ Азіи, когда кочевыя племена поклонялись свѣтиламъ, также кочующимъ по безпредѣльному звѣздному небу. Поклоненіе кровожадному Кроносу, обставленное кровавыми

человѣческими жертвами и сходное съ служеніемъ семитическихъ племенъ Ваалу и Молоху, вѣроятно, относится къ тому времени, когда происходила колонизація финикійскихъ племенъ въ пеласгической Греціи. Эти первоначальныя религіозныя представленія Грековъ о богахъ были грубы и неопредѣленны и являлись въ свойственныхъ Востоку животныхъ образахъ (зооморфизмъ).

b) За этимъ первымъ періодомъ греческой религіи слѣдуетъ періодъ поклоненія Зевсу и Олимпійцамъ, которымъ служили Греки въ цвѣтущее время ихъ жизни, которые прославлены греческой поэзіей и греческимъ художествомъ. Переходъ къ этому поклоненію совершился послѣ упорной борьбы старыхъ вѣрованій съ новыми. На нее указываетъ поэтическое сказаніе о борьбѣ Зевса съ титанами; оно, вѣроятно, совпадаетъ со временемъ перехода Грековъ, около XIII вѣка, отъ грубой пеласгической жизни къ болѣе правильной гражданской жизни Эллиновъ, которое также сопровождалось великими передвиженіями племенъ и переворотами въ Греціи. Самое поклоненіе Зевсу распространилось, утвердилось и получило свои изящныя формы не вдругъ, а постепенно. Въ гомерическихъ поэмахъ и у Гезіода мы видимъ уже почти вполнѣ выработанными и принявшими прекрасныя формы понятія тогдашнихъ Грековъ о богахъ; а потому время Гомера и Гезіода, т. е. XI и X вѣка, принимаютъ за эпоху полнаго процвѣтанія греческаго многобожія (политеизма). Тогда весь народъ проникнутъ былъ самою живою вѣрою въ боговъ, въ явленіяхъ и произведеніяхъ природы и человѣческой исторіи видѣлъ дѣйствіе невидимыхъ нравственныхъ существъ, одаренныхъ человѣческою личностію. Очеловѣченіе боговъ (антропоморфизмъ) и прекрасныя формы греческой религіи произошли оттого, что она выработана была не жрецами, но поэтами, которые сообщили ей характеръ въ высшей степени эстетическій. Существенныя религіозныя вѣрованія Грековъ заключались въ слѣдующемъ:

Великая семья боговъ, управляющая міромъ и людьми, состоитъ главнымъ образомъ: изъ 3-хъ братьевъ—*Зевса*.

Пойседона и *Аидеса,* сестры и вмѣстѣ жены Зевса—*Геры* и дѣтей Зевса—*Аѳины, Апполона* и *Артемиды, Гефеста, Ареса, Афродиты* и *Гермеса.* Они называются Олимпійцами, ибо большая часть ихъ живетъ на г. Олимпѣ. Три брата, Зевсъ, Посейдонъ, и Аидесъ, раздѣляютъ владычество надъ міромъ: Посейдонъ владычествуетъ надъ морями, Аидесъ надъ преисподнею (подземнымъ міромъ), а Зевсъ надъ небомъ, земля—ихъ общее достояніе. Но Зевсъ, какъ старшій, сильнѣйшій и умнѣйшій, имѣетъ верховную власть надъ братьями: онъ царь и отецъ боговъ и людей, повелитель міра. Олимпійцамъ подвластно огромное множество другихъ боговъ и богинь небесныхъ, земныхъ, лѣсныхъ, воздушныхъ, подземныхъ, и цѣлое поколѣніе полубоговъ или героевъ. Надъ всѣмъ въ мірѣ, надъ богами и людьми, властвуетъ неумолимый рокъ—Ананке (Мойра), отъ опредѣленій котораго не уйти ни богу, ни человѣку.

Боговъ своихъ Грекъ представлялъ въ человѣческомъ образѣ, и по душѣ и по тѣлу, только въ гораздо, по его понятіямъ, совершеннѣйшемъ, чѣмъ обыкновенные люди. Тѣло ихъ было тончайшее и красивѣйшее; они могли быть даже невидимы, но подобно людямъ поддерживали свое существованіе пищею, питьемъ и сномъ; они связаны были пространствомъ и временемъ, только въ меньшей степени, чѣмъ люди: ибо могли видѣть и слышать изъ необъятныхъ пространствъ и проходить ихъ въ короткое время. Превосходя людей знаніемъ и силою, боги, хотя и могли предвидѣть будущее и предостерегать людей, хотя и могли нарушать законы природы, однакожъ не были всевѣдущи и всемогущи: самаго Зевса можно было обмануть; самъ Зевсъ не могъ уйти отъ судьбы. Боги почитались *блаженными,* т. е. чуждыми страданій и волненій земныхъ, но тѣмъ не менѣе доступны имъ были, какъ и людямъ, забота, горе и скорбь; они почитались *святыми* и *праведными,* и однакожъ не всегда были свободны отъ страстей человѣческихъ: зависти, гнѣва, невоздержанія; они часто испытывали и обманывали людей. Но черта, существеннѣйшимъ образомъ возвышавшая бо-

говъ надъ людьми, состояла въ ихъ *безсмертіи:* заставляя боговъ клясться подземною рѣкою Стиксомъ, Грекъ вѣрилъ, что нарушеніе этой клятвы лишитъ ихъ власти надъ смертію, существеннѣйшаго ихъ свойства, безъ котораго они не могутъ быть богами. Безсмертіе и вѣчную юность поддерживали боги, вкушая безсмертный напитокъ *нектаръ* и безсмертную пищу *амброзію.* Отъ соединенія боговъ съ людьми рождались герои, мудрецы, полубоги, которые, совершивши земное поприще, за свои доблести причислялись къ сонму боговъ и служили посредниками между богами и людьми. Все окружающее человѣка, по убѣжденію Грека, наполнено было богами: лѣса и нивы, воздухъ и воды. Боги принимали самое живое участіе въ событіяхъ человѣческой жизни, какъ частной, такъ и общественной: пировали и бражничали съ людьми, участвовали въ ихъ ссорахъ и войнахъ, давали совѣты и помощь своимъ любимцамъ. Мысли, чувства и страсти людей почитались внушеніями божеской силы: кого воодушевитъ Аполонъ, тотъ получитъ даръ пѣснопѣній; кого вдохновитъ Аѳина, тотъ будетъ мудрецъ; кого Аресъ—тотъ воинъ и т. д. Любовь, гнѣвъ, зависть и т. п. движенія души состояли въ вѣдѣніи особыхъ божествъ; всѣ науки и искусства имѣли представителей въ 9 музахъ, предводимыхъ Аполлономъ, царемъ науки и искусства. Всѣ важнѣйшія событія въ жизни человѣка были подъ вѣдѣніемъ особыхъ божествъ: одно (Діана) принимало его изъ лона матери, другое заключало его бракъ (Гименей), третье (Горусъ) закрывало на вѣки глаза человѣку. Видя въ богахъ существа съ такими же страстями, какъ и люди, Грекъ хотя и вѣрилъ въ будущую жизнь, но мало заботился объ ней, весь преданный наслажденіямъ земной жизни, а потому смерть, исторгающая его изъ круга радостей, казалась ему ужасною. Греки имѣли свои *Елисейскія поля,* уединенный островъ среди океана, доступный только особымъ избранникамъ Зевса; другихъ же ожидала мрачная обитель *Аида,* гдѣ тѣни блуждали печальныя и безутѣшныя. Души преступни-

ковъ еще при жизни преслѣдовали грозныя *Эвмениды*, въ которыхъ олицетворена была мысль о верховномъ правосудіи.

Народное богослуженіе состояло въ молитвахъ, торжественныхъ процессіяхъ и жертвоприношеніяхъ изъ произведеній царства растительнаго и животнаго; иногда, хотя и весьма рѣдко и чуть ли не въ до-историческое только время, боги требовали человѣческой крови. Богослуженіе имѣло характеръ веселый и эстетическій, который отразился на самыхъ храмахъ Греціи. Жреческаго особаго сословія не было: сперва цари, а потомъ архонты и другіе сановники исправляли жреческія обязанности. Они выбирались на срокъ и слѣдовательно перемѣнялись, и особаго духа и направленія между ними образоваться не могло. По тѣсной связи религіи съ государственнымъ устройствомъ, неприкосновенность ея составляла предметъ самыхъ ревностныхъ попеченій правительства. За нарушеніе ея догматовъ и обрядовъ положены были строгія наказанія.

с) Но наказаніями нельзя было поддержать религіи. Она не требовала поддержки въ то время, когда весь народъ, мудрецы и непросвѣщенные глубоко вѣрили въ дѣйствительность боговъ, созданныхъ ихъ фантазіею: когда же, съ развитіемъ просвѣщенія, эти народныя вѣрованія стали падать, если не въ массѣ народа, то въ избранныхъ по образованію людяхъ, тогда наказаніями воротить народъ въ прежней слѣпой вѣрѣ нельзя было. Періодъ разложенія греческой религіи начинается съ конца VII в., когда философія, развившаяся въ колоніяхъ, нанесла имъ первый ударъ; въ метрополіяхъ это разложеніе появилось позднѣе, ибо національная борьба съ Персами поддерживала любовь и уваженіе къ богамъ, которые спасли народъ отъ ига варваровъ. Но съ пелопоннезской войны, послѣ Анаксагора, софистовъ и Сократа, начинаетъ быстро падать народная миѳологія. Сомнѣніе отъ философовъ проникаетъ въ народъ и вскорѣ послѣ Александра В. начало пользоваться всеобщимъ одобреніемъ мнѣніе философа Евгемера, что боги суть не что иное, какъ люди, обоготворенные по смерти за великія услуги, оказанныя ими

людямъ при жизни. Кромѣ философіи поколебала старую религію особая секта такъ называемыхъ *орфиковъ*, родившаяся почти одновременно съ философіею. Стремясь удовлетворить потребностямъ человѣческаго духа, неудовлетворявшагося слишкомъ очеловѣченными богами, орфики вложили въ старыхъ боговъ новыя понятія, но чрезъ то самое уничтожили обычныя представленія о богахъ и потрясли народную вѣру. Въ особенности старались они выработать ученіе о безсмертіи души и будущемъ воздаяніями и ввести это ученіе въ такъ называемыя *мистеріи* или особаго рода таинственныя богослуженія. Нѣкоторые думаютъ, что мистеріи эти заключали въ себѣ древнѣйшее поклоненіе силамъ и явленіямъ природы, уцѣлѣвшее отъ до-историческаго времени. Но ни философія, подвергнувшая оцѣнкѣ и разбору настоящихъ боговъ, ни мистеріи, таинственно обращавшіяся къ старинымъ богамъ, не могли помочь народу. Народъ искалъ новыхъ боговъ, заимствуя ихъ у Египтянъ и азіатскихъ народовъ, переходилъ отъ безбожія къ суевѣрію, но прежней теплой вѣры въ дѣйствительность боговъ, наполнявшихъ природу и человѣка, возвратить не могъ. Такъ продолжалось до появленія христіанства.

2.

ИСКУССТВО.

Изъ всѣхъ народовъ древняго міра Грекамъ по преимуществу принадлежитъ право на названіе *народа-художника*. Ими возведено искусство образовательное (архитектура, пластика, живопись), тоническое (музыка) и словесное (поэзія) на высшую степь совершенства, до какой оно только достигало въ языческомъ мірѣ. Этого мало: и для художниковъ новаго христіанства міра произведенія греческаго античнаго искусства служатъ образцами никогда не умирающей красоты. Отличительная и существенная черта художественныхъ произведеній Грековъ заключается въ *стройномъ согласіи*

формы и содержанія, внѣшняго съ внутреннимъ, черта, составляющая основаніе всей жизни древняго Грека. Произведенія греческихъ мастеровъ не поражаютъ громадностію массъ или образовъ, какъ на Востокѣ, но удивительною *красотою и гармоніею* частей и цѣлаго.

а) *Образовательное* искусство Грековъ представляетъ двѣ степени или періода развитія: 1) *гіератическій* или *архаическій*, произведенія котораго едва отличаются другъ отъ друга по мысли и исполненію; въ нихъ есть еще слѣды вліянія Востока; 2) *свободно-художественный*, произведенія котораго отличаются удивительнымъ разнообразіемъ стилей.

Архитектура архаическаго періода отличалась колосальностію и выразилась въ такъ называемыхъ циклопическихъ постройкахъ, которыя приписываются Пеласгамъ. Онѣ сооружались изъ камней огромной величины, вовсе необтесанныхъ или мало обтесанныхъ и державшихся одинъ на другомъ безъ помощи извести, одною силою тяжести. Остатки циклопическихъ сооруженій долго существовали въ Аркадіи, Арголидѣ и Эпирѣ. Въ героическое время не чужды были великолѣпія, впрочемъ безвкуснаго, жилища царей, описаніе которыхъ сохранилось у Гомера. Къ геройскому же времени относится куполообразныя зданія, называемыя царскими казнохранилищами (тезауры), изъ которыхъ до сихъ поръ сохранились бѣломраморное казнохранилище Минія, царя орхоменскаго, и Микенское, имѣющее круглую форму, пирамидальный входъ и сверху завершающееся однимъ камнемъ. Со времени водворенія Дорянъ въ Пелопоннесѣ начинается новый, свободно-художественный періодъ архитектуры: она получила изящный и вполнѣ національный характеръ и постепенно развилась изъ первобытныхъ деревянныхъ построекъ въ трехъ орденахъ: *дорическомъ*, *іоническомъ* и *коринѳскомъ* (*). *Дорическій* орденъ, сообразно ха-

---

(*) Ордена главнымъ образомъ отличаются по капителямъ т. е. верхушкамъ и размѣрамъ колоннъ.

рактеру самыхъ Дорянъ, отличался прочностію, строгою простотою и гармоніею въ частяхъ, которая устраняла всѣ лишнія украшенія. Колонны этого ордена безъ базиса (основанія), къ верху съуживались и увѣнчаны были самымъ простымъ капителемъ. Дорическій орденъ, по его строгой и величавой простотѣ, преимущественно употребляли въ храмовыхъ постройкахъ. *Іоническій* орденъ, получившій начало у малоазіатскихъ Іонянъ въ концѣ III вѣка и рано перешедшій въ метрополію, уступаетъ въ благородной простотѣ дорическому, но отличается большею граціею, роскошью и легкостью; колонны его имѣютъ задачею воспроизведеніе нѣжныхъ формъ женскаго тѣла: онѣ выше дорійскихъ, имѣютъ базисъ въ видѣ обуви и капитель украшенный завиткомъ (волютомъ), въ подраженіе женскимъ локонамъ. *Коринѳскій* орденъ, произшедшій изъ дорическаго, отличался больше утонченною и великолѣпною отдѣлкою частей, чѣмъ гармоніею въ цѣломъ; въ памятникахъ его замѣтна уже изысканность, признакъ падающаго вкуса. Колоны его гораздо сложнѣе предъидущихъ и капители ихъ украшены акантовыми листьями.

Съ установленіемъ, послѣ героическаго періода, республиканскихъ формъ въ Греціи, мы не встрѣчаемъ ни пышности, ни красоты въ отдѣлкѣ частныхъ зданій. Архитектура всецѣло служила религіи и государству: въ Аѳинахъ, не побывавъ въ акрополѣ, гдѣ находились важнѣйшіе храмы и общественныя зданія, нельзя было судить о художественной знаменитости города. Около великолѣпныхъ общественныхъ зданій долго показывали бѣдныя жилища Аристида и Ѳемистокла: даже въ періодъ упадка греческой жизни частные дома строились хотя обширнѣе, но безъ притязаній на великолѣпіе и красоту. Общественное зодчество трудилось надъ постройкою храмовъ, театровъ, одеоновъ, портиковъ, гимназій. Греческіе храмы по плану имѣли видъ продолговатый и различались по высотѣ и ордену: коринѳскіе были выше іоническихъ, іоническіе выше дорическихъ; храмовыя колонны возвышались внутри храма, а также снаружи, то стоя въ преддверіи,

то передъ фасадомъ, то окружая храмъ со всѣхъ сторонъ. Древнѣйшіе храмы строились безъ крыши и были открытыми; позднѣйшіе закрытыми, увѣнчанными кровлей. Художественное развитіе архитектуры греческой начинается съ переселенія Дорянъ въ Пелопоннесъ и совпадаетъ съ періодами исторической жизни самаго народа. До персидскихъ войнъ образуется зодчество въ великой Греціи, Аттикѣ, Пелопоннесѣ и 12 мало-азіатскихъ іоническихъ городахъ. Къ этому времени относятся сицилійскіе храмы, погибшій храмъ Зевса въ Дельфахъ, чисто-дорическій храмъ Зевса олимпійскаго въ Аѳинахъ, начатый Пизистратомъ, и наконецъ храмъ Діаны эфесской—одно изъ чудесъ свѣта, образецъ іоническаго ордена. Послѣ персидскихъ войнъ, и въ особенности въ вѣкъ Перикла, архитектура достигаетъ самой высшей степени развитія: всѣ греческіе города соревнуютъ въ построеніи храмовъ, театровъ, одеоновъ и другихъ зданій; Аѳины стоятъ въ главѣ этого движенія. Къ этому времени относятся образцовыя произведенія архитектуры: 1) въ Аѳинахъ мраморныя зданія: парѳенонъ, построенный Иктиномъ и Калликратомъ, пропилеи, храмъ Ѳезея, театръ Бахуса, одеонъ Перикловъ; 2) внѣ Аѳинъ: храмы Зевса пангелленскаго на островѣ Эгинѣ, Цереры въ Элевзисѣ, Аполлона на о. Делосѣ. Въ это время вполнѣ выработались дорическій и іоническій ордена и въ высшей степени художественно употреблялись при постройкѣ однихъ и тѣхъ же зданій (напр. въ пропилеяхъ); въ это же время произошелъ новый орденъ коринѳскій. Въ македонскій періодъ начинается упадокъ искусства: великолѣпіе, роскошь и изысканность царскихъ построекъ Птоломеевъ и Селевкидовъ замѣняютъ строгую красоту зданій цвѣтущаго періода: въ нихъ видно отчасти вліяніе Востока.

Въ Греціи, какъ и вездѣ, начало пластики находится въ самой тѣсной и близкой связи съ религіею: она возникла изъ стремленія воплотить идею о божествѣ и началась съ приготовленія идоловъ. Съ самаго начала фантазія Грековъ далеко опередила ихъ искусство: въ то время, когда этотъ народъ

имѣлъ уже довольно ясное понятіе о своихъ богахъ, онъ поклонялся имъ подъ видомъ грубыхъ, необдѣланныхъ камней, столбовъ, пирамидъ и другихъ незатѣйливыхъ формъ, которыхъ обдѣлка не требовала никакого искусства. Отъ этого грубаго начала первымъ шагомъ къ пластикѣ являются намъ въ греческомъ искусствѣ усилія очеловѣчить грубый матеріалъ. Человѣческія статуи являются у Грековъ не разомъ, но постепенно, по частямъ: прежде другихъ частей тѣла на столбахъ является голова и даетъ начало особаго рода идоламъ, извѣстнымъ подъ именемъ *гермовъ*, которыхъ очень много находимъ въ Аѳинахъ при Пизистратидахъ: ими уставлены были всѣ улицы и перекрестки города. Отъ гермовъ греческая пластика дѣлаетъ переходъ къ статуямъ, которыя своими закрытыми и обозначенными чертою глазами, сдвинутыми ногами и руками, опущенными и плотно прилежащими къ тѣлу, совершенно напоминаютъ намъ египетскія статуи. Въ вѣкъ героическій греческая статуя уклонилась уже отъ этого характера и приняла болѣе естественныя и изящныя позы: у Гомера находимъ извѣстіе, что дворцы царей этого времени украшались изваяніями людей и животныхъ; женскія вышиванья и ткани, о которыхъ упоминается въ Иліадѣ и Одиссеѣ, заставляютъ предполагать существованіе произведеній скульптуры и живописи, которыя служили образцами для работъ подобнаго рода. Со временъ гомерическихъ даже до начала V вѣка, т. е. до эпохи высшаго процвѣтанія пластики, греческое ваяніе сдѣлало мало успѣховъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе вліянія религіи. Хотя всѣ трудности производства по технической части были побѣждены и уже начали выдѣлывать статуи не только изъ дерева и глины, которыми пользовались прежніе мастера, извѣстные подъ общимъ именемъ *дедалидовъ*, но изъ желѣза, золота, серебра, слоновой кости и мрамора; тѣмъ не менѣе въ произведеніяхъ такъ называемой архаической школы пластика не получила еще того эстетическаго характера, съ которымъ она является со времени персидскихъ войнъ. Художники этой школы строго придерживались пра-

вилъ, освященныхъ религіознымъ преданіемъ, рабски подражали природѣ и заботились о точной отдѣлкѣ малѣйшихъ подробностей туловища, одежды и оружія истукановъ, а между тѣмъ не обращали вниманія на выраженіе ихъ лицъ, въ которыхъ замѣтно совершенное отсутствіе души и мысли, и отсюда то происходитъ египетская мертвенность цѣлыхъ статуй. Важнѣйшимъ памятникомъ *архаической* школы, прозванной также, вслѣдствіе вѣрности ея жреческимъ образцамъ, *гіератическою*, служатъ такъ называемые *эгинскіе мраморы*. Подъ этимъ именемъ разумѣется 17 мраморныхъ статуй, найденныхъ въ 1811 году на о. Эгинѣ, въ развалинахъ одного храма, и представляющихъ лица изъ троянской войны (*). До высшей степени свободнаго творчества достигла пластика греческая въ періодъ времени отъ Перикла до смерти Александра В. въ произведеніяхъ Фидія, Поликлета, Скопаса, Праксителя и Лисиппа. Произведенія этихъ пяти величайшихъ художниковъ греческихъ относятся къ тремъ стилямъ художественной пластики: высокому, *изящному* и *граціозному*. Въ высокомъ стилѣ знаменитѣйшаго изъ скульпторовъ аѳинской школы *Фидія* видимъ самое полное и живое сліяніе грандіозной простоты съ красотою. Его колоссальныя статуи *Зевса олимпійскаго*, *Аѳины—дѣвственницы* и *Аѳины—воительницы* поражали современныхъ Грековъ своею мужественною, величаво-спокойною и импозантною красотою. То же самое впечатлѣніе выносимъ мы изъ созерцанія группы изваяній, произведенныхъ имъ на фронтонѣ парѳенона, извѣстныхъ подъ именемъ *парѳенонскихъ мраморовъ*, единственнаго образцоваго произведенія Фидія(**). Знаменитѣйшій изъ учениковъ Фидія *Поликлетъ*, мастеръ аргиво-сикіонской школы, прославился статуями верховной богини Геры (Юноны). Голова лучшей изъ дошедшихъ до нашего времени его статуй отличается рѣзкою выразительностію

(*) Они хранятся теперь въ мюнхенской глиптотекѣ.

(**) Парѳенонскіе мраморы, снятые лордомъ Эльджиномъ, хранятся въ британскомъ музеѣ.

лица, при совершенно-женственной полнотѣ формъ. Представителемъ *изящнаго* стиля почитается *Скопасъ*, который изображалъ прекрасное въ взволнованномъ дѣйствіи; его образы были величаво прекрасны; о нихъ можно заключать по группѣ *Ніобы* (*). *Грацію* внесъ въ ваяніе *Пракситель* своими статуями Афродиты (Венеры), изъ которыхъ особенно знаменита была въ древности *Венера книдская*, изображенная по выходѣ изъ купальни и прельщавшая зрителя миловидностію формъ обнаженнаго тѣла. За Пракситеолемъ слѣдовалъ *Лисиппъ*, преемникъ Поликлета, который отличался жизненностію рѣзца и любилъ изображать тѣлесную силу: въ числѣ его произведеній особенно славились статуи Геркулеса, атлетовъ и портретныя статуи Александра В. Упадокъ пластики и преобладаніе технической стороны надъ собственно-творческою быстро развились послѣ Лисиппа: художественное произведеніе потеряло серьезность и стало изъ святыни игрушкой. Произведенія этого времени отличаются не истинною красотою, величіемъ и граціею, а громадностію или миніатюрностію, или наконецъ изнѣженностію формъ. Но упадокъ не могъ долго оставаться незамѣченнымъ. Великіе памятники лучшаго времени были еще передъ глазами у Грековъ. Въ половинѣ II-го вѣка до Р. Х. произошло возстановленіе и очищеніе искусства, и художникамъ этой эпохи мы обязаны большею частію изваяній, до насъ сохранившихся, въ томъ числѣ статуями: *лаокоона*, и двухъ сыновей его обвитыхъ змѣями (работы трехъ художниковъ (**), *Венеры медицейской* (работы Клеомена аѳинскаго) и *Апполлона бельведерскаго* (неизвѣстнаго мастера). Это была эпоха не созданія новыхъ стилей и формъ, но мастерскаго повторенія стилей, выработанныхъ уже эпохою предъидущихъ великихъ художниковъ.

Живопись въ Греціи родилась позднѣе пластики. Сначала она служила къ раскрашиванію деревянныхъ или гли-

(*) Хранятся въ флорентинскомъ музеѣ.
(**) Агезандра, Атенодора и Полидора.

няныхъ истукановъ. Гомеръ упоминаетъ уже о коврахъ Елены, о расписанномъ щитѣ Ахиллеса, которые доказываютъ нѣкоторые успѣхи живописи въ героическій періодъ. Только въ знаменитый вѣкъ Перикла живопись, отбросивъ архаическій жреческій стиль, приняла художественный характеръ и также быстро развилась, какъ пластика и архитектура. Въ періодъ времени отъ персидскихъ войнъ до смерти Александра, живопись греческая прошла послѣдовательно три степени развитія. Первую степень представляютъ произведенія *аѳинской* школы. Знаменитѣйшими мастерами ея были *Полигнотъ* и *Паненъ*, расписавшіе одинъ портикъ въ Аѳинахъ картинами, сюжетъ которыхъ взятъ изъ греческой исторіи; послѣднему принадлежитъ картина мараѳонской битвы. Отличительное свойство этой школы заключается въ чистотѣ и правильности рисунка. Вторую степень образуютъ произведенія *іонической* или *азіатской* школы (въ Ефесѣ), представителями которой были два знаменитые соперника: *Зевксисъ*, прославившійся своею «Еленою», и *Парразій*, творецъ «Занавѣса». Отличительныя свойства произведеній этой школы, заключаются въ мягкости рисунка и необыкновенно-естественномъ освѣщеніи, которое вводило зрителя въ оптическій обманъ. Наконецъ на третью степень живопись вступила въ произведеніяхъ *сикіонской* школы, величайшимъ мастеромъ которой былъ *Аппеллесъ*, рисовавшій портреты Филиппа, Александра В. и его полководцевъ, признанный древностію первымъ художникомъ. Необыкновенная грація, соединенная съ истиною и выразительностію, составляетъ неотъемлемое достоинство Аппеллеса и выражается въ его знаменитой «Венерѣ анадіомене», т. е. раждающейся изъ пѣны морской. Послѣ Александра В. живопись падаетъ: вмѣсто цѣломудрія и граціи прежнихъ художниковъ является искусственная эфектность, чувственность и изысканность; особенно процвѣтаютъ жанръ и каррикатура. У древнихъ Грековъ не могли выработаться правила перспективы, а потому ландшафтная живопись была въ зародышѣ. Писали Греки красками водяными (фреско) и восковыми. Имъ рав-

нымъ образомъ извѣстна была мозаика (*). Раскраска разными красками (полихромія) архитектурныхъ орнаментовъ и статуй, деревянныхъ, глиняныхъ, отчасти мраморныхъ, была также въ ходу.

Въ заключеніе замѣтимъ, что благотворное вліяніе на развитіе ваянія и живописи имѣла у Грековъ *орхестика*, занимавшая важное мѣсто въ системѣ воспитанія и составлявшая сліяніе гимнастики съ тѣмъ, что мы называемъ балетнымъ искусствомъ.

b) Искусство *тоническое* (музыка) было необходимою принадлежностію греческаго образованія, даже у суровыхъ Спартанцевъ, потому что музыка, по словамъ Аристотеля, имѣетъ могущественное вліяніе на душу, способствуетъ развитію духовной гармоніи и вселяетъ въ нее доброе и прекрасное. Для того, чтобы сохранить это значеніе музыки, не только Спартанцы, но и Аѳиняне, долго соблюдали въ ней строгій дорическій стиль: лидійскій и фригійскій стили, отличавшіеся изнѣженностію, явились въ періодъ упадка. Струнные инструменты (лира и киѳара) предпочитались духовымъ (флейта), которые въ кругу воспитанія не пользовались большимъ уваженіемъ. Это потому, что, требуя напряженнаго дуновенія, они обезображивали красоту лица, а, отнимая возможность произносить или пѣть стихи вмѣстѣ съ тонами инструмента, препятствовали дѣйствовать на душу содержаніемъ пѣсни. Изъ этого послѣдняго обстоятельства уже видно, что самостоятельнаго значенія музыка у Грековъ не имѣла, но служила дополненіемъ поэзіи и орхестики. Это объясняется вообще пластическимъ направленіемъ греческой жизни. Самая живопись ихъ, болѣе наблюдая красоту формъ и рисунка, чѣмъ требованіе колорита и свѣтотѣни, очень приближалась къ пластикѣ. Тоже выражается и въ поэзіи.

(*) Объ эпохахъ развитія сочиненія и рисунка фигуръ можно составить себѣ понятіе по изображеніямъ древне-греческихъ вазъ разныхъ стилей: архаическаго, строгаго, изящнаго и роскошнаго.

c) *Поэзія* была первоначальною формою греческой словесности: религія, законодательство, философія, исторія—все это излагалось въ формѣ стихотвореній.

Въ до-историческій періодъ греческой жизни развился народный эпосъ, миѳическій и животный. Образцы первоначальнаго *миѳическаго* эпоса заключались въ народныхъ сказаніяхъ о происхожденіи боговъ, міра и людей, о борьбѣ древнихъ боговъ съ позднѣйшими и съ богоподобными людьми. Сказанія эти собраны были впослѣдствіи, уже въ X в., *Гезіодомъ* въ его «Ѳеогоніи» и «Трудахъ и дняхъ.» Пѣсни *Гомера*, слѣпца хіосскаго, «Иліада», воспѣвающая гнѣвъ Ахиллеса, и «Одиссея» (странствованія Улиса), суть памятники *героическаго* эпоса Греціи. Независимо отъ своего художественнаго совершенства, сдѣлавшаго ихъ образцами для всѣхъ позднѣйшихъ народовъ, у самыхъ Грековъ они имѣли высокое общественное значеніе. Въ нихъ Греки видѣли картину первобытной своей жизни во всѣхъ ея отношеніяхъ; они почитали ихъ святынею; съ нихъ начинали свое образованіе и воспитаніе. Всѣ Гомеровы герои суть живые портреты греческихъ характеровъ и потому пѣсни Гомера имѣли такое народное значеніе у Грековъ. Подъ именемъ Гомеровыхъ же произведеній слыли у Грековъ начатки народнаго *животнаго* эпоса, извѣстныя подъ именемъ «Батрахіомахіи», воспѣвающей войну мышей и лягушекъ. За Иліадою и Одиссеею слѣдуетъ рядъ такъ называемыхъ *циклическихъ* поэтовъ, которые излагали въ формѣ героическаго эпоса сказанія, заимствованныя изъ миѳологіи или изъ позднѣйшей, современной имъ жизни. Произведенія ихъ дошли до насъ только отрывками. Послѣ героическаго періода народный эпосъ, соотвѣтствующій у всѣхъ народовъ героической эпохѣ жизни, переходитъ въ исторію.

Въ слѣдъ за переселеніемъ Дворянъ, съ развитіемъ республиканскихъ формъ, на островахъ и въ колоніяхъ развилась поэзія лирическая, совершенно отличная отъ предъидущей. Первый родъ этой поэзіи былъ *дидактическій* или

гномическій, который обязанъ своимъ происхожденіемъ *семи мудрецамъ* греческимъ. Вотъ имена ихъ: *Солонъ*, *Хилонъ*, *Періандръ*, *Питтакъ*, *Біасъ*, *Клеобулъ* и *Θалесъ*. Они въ формѣ краткихъ изреченій и двустишій, высказывали много практическихъ правилъ для человѣка и государства. Такъ напр. законы Солона написаны въ краткихъ стихахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы граждане могли ихъ выучить наизустъ и пѣть при торжественныхъ случаяхъ. Тогда же животный эпосъ перешелъ въ *басню:* чтобы сдѣлать свое ученіе пріятнѣе, философы и законодатели облекали его въ форму веселаго разсказа, изъ коего выводили правила нравственности, а, для соблюденія возможной краткости, въ дѣйствующія лица избирали животныхъ, которыхъ имена выражали ихъ характеры. Эти басни, по имени раба *Эзопа*, перваго ихъ сочинителя и современника Солонова, названы *эзоповыми*. Второй родъ лирической поэзіи былъ *лироэлегическій* и *сатирическій*. Предметомъ лироэлегическихъ пѣснопѣній были радости и наслажденія жизни, а также сожалѣніе и грусть о непрочности земныхъ благъ. Лучшіе элегическіе поэты были: *Анакреонъ*, *Симонидъ*, *Тиртей* и *Сафо*. Иногда лирическая поэзія проявлялась въ видѣ пѣсней божеству или *одъ*, священныхъ и философскихъ, которыхъ неподражаемымъ образцомъ были оды *Пиндара*. Весьма часто лирическая поэзія выражала политическія мнѣнія и являлась въ видѣ злой сатиры, извѣстной подъ именемъ *ямбовъ*. Лучшими ямбическими поэтами были *Алкей*, нападавшій въ своихъ стихотвореніяхъ на образъ правленія своей родины, и *Архилохъ*, смѣявшійся въ своихъ ямбахъ надъ частными людьми.

Съ постепеннымъ развитіемъ греческой жизни, въ эпоху персидскихъ войнъ, появляется драма и при Периклѣ достигаетъ полнаго совершенства. Драматическая поэзія Грековъ обязана своимъ происхожденіемъ религіознымъ празднествамъ въ честь Бахуса или Діониса, бога изобилія. Первоначальнымъ ея видомъ была трагедія; комедія развилась гораздо позднѣе. *Эсхилъ*, *Софоклъ* и *Эврипидъ* образуютъ со-

бою тріумвиратъ греческихъ трагиковъ, въ произведеніяхъ которыхъ трагедія греческая достигла полнаго и всесторонняго развитія. *Эсхилъ* въ своихъ трагедіяхъ («Прикованный Прометей» и «Персы») воспѣваетъ торжество Грековъ надъ варварами, и всѣ онѣ проникнуты религіознымъ чувствомъ зависимости людей отъ боговъ. Содержаніе его трагедій— дѣла религіозныя и политическія, ходъ ихъ простъ и величественъ и стремится пробудить въ душѣ чувство ужаса. Въ трагедіяхъ *Софокла* («Антигона», «Эдипъ царь» и пр.) виденъ отпечатокъ совершенно другаго времени: величественное и ужасное Эсхила у него является кроткимъ, что особенно замѣтно въ обрисовкѣ женскихъ характеровъ и въ понятіяхъ о религіи. Наконецъ въ планѣ Софокловыхъ трагедій видно болѣе искусства, нежели у Эсхила. *Эврипидъ*, жившій послѣ пелопоннезской войны, въ своихъ трагедіяхъ («Медея,» «Ифигенія» и пр.) выразилъ также духъ своего времени: въ нихъ господствуетъ судебное краснорѣчіе и софистическое образованіе, которыя были страстію того времени. Чувство религіозное совершенно исчезаетъ у Эврипида; трогательное у него замѣнено сентиментальностью и изысканностію. Оригинальность греческой трагедіи изчезаетъ вмѣстѣ съ Эврипидомъ и изъ всѣхъ драматическихъ произведеній, послѣ него написанныхъ, ни одно не дошло до насъ.

Комическая поэзія у Грековъ развилась изъ того же источника, какъ и трагедія, и представляетъ три степени развитія, извѣстныя подъ именемъ *древней*, *средней* и *новой* комедіи. Первая осмѣивала лица государственныя современныя, вторая брала для осмѣянія лица изъ прошедшаго времени, третья осмѣивала общіе пороки и слабости людей. Истиннымъ творцемъ и представителемъ греческой комедіи былъ *Аристофанъ*, жившій послѣ пелопоннезской войны, во время испорченности и упадка жизни греческой. Въ немъ чрезвычайно много комической силы и истинно аттической соли; врагъ новаго образованія, онъ позволялъ себѣ слишкомъ злыя личности противъ великаго представителя этого

образованія Сократа. Изъ представителей новой комедіи лучшимъ почитается *Менандръ*.

Уже во времена упадка греческой жизни (въ III в.) развился въ Греціи идиллическій родъ поэзіи, имѣвшій цѣлію изображеніе простой безыскуственной, чуждой роскоши и нѣги, жизни горожанъ и поселянъ, въ особенности пастуховъ. Замѣчательнѣйшимъ идиллическимъ поэтомъ былъ *Ѳеокритъ*.

3.

НАУКА.

а) *Исторія* у Грековъ родилась изъ поэтическихъ сказаній о судьбѣ боговъ и героевъ, которыя получили полноту въ произведеніяхъ Гомера и такъ называемыхъ *циклическихъ* поэтовъ; эти творенія составляютъ *первую* степень развитія греческой исторіографіи. *Вторую* степень образуютъ произведенія такъ называемыхъ *логографовъ*, у которыхъ хотя надъ исторіею преобладаетъ еще баснословіе и поэтическіе вымыслы, но есть уже начатки правильнаго изложенія событій по географическому медоту. Наконецъ на *третью* степень развитія исторіографія греческая взошла въ произведеніяхъ *Геродота*, отца достовѣрной исторіи. Подобно тому, какъ трагедія греческая совершила полный кругъ своего развитія въ стихотвореніяхъ Эсхила, Софокла и Эврипида, исторія совершила его въ произведеніяхъ Геродота, Ѳукидида и Ксенофонта. *Геродотовы* IX книгъ исторіи были написаны съ цѣлью доказать превосходство Грековъ надъ варварами. Въ отношеніи политическомъ характеръ его бытописанія проникнутъ привязанностію къ демократіи, а въ религіозномъ—строгою нравственностію и убѣжденіемъ, по которому онъ во всѣхъ историческихъ явленіяхъ признаетъ произведеніе и силу боговъ. У *Ѳукидида*, котораго *исторія пелопоннезской войны* написана не для всѣхъ, но только для людей образованныхъ, не столько для совре-

менниковъ, сколько для потомства, привязанность къ умѣренной аристократіи сильнѣе, чѣмъ любовь къ демократіи и, вмѣсто Геродотовой вѣры въ Олимпъ, является признаніе естественной связи причинъ и слѣдствій въ событіяхъ. Вообще политическое воззрѣніе Ѳукидида гораздо выше воззрѣнія Геродотова. Исторія Греціи *Ксенофонта*, доведенная имъ до битвы мантинейской, служитъ продолженіемъ исторіи Ѳукидида. Здѣсь, по политическимъ своимъ убѣжденіямъ, Ксенофонтъ является даже пристрастнымъ приверженцемъ спартанскаго образа правленія и воспитанія. Образцовымъ его сочиненіемъ почитается *Анабазисъ*, въ которомъ просто и правдиво описана война Кира младшаго съ Артаксерксомъ II и отступленіе 10,000 Грековъ. Слогъ Ксенофонта, прозваннаго аттическою пчелою, легокъ и пріятенъ; но въ его сочиненіяхъ замѣтна наклонность къ сентиментальности, особенно въ *Киропедіи*, политическомъ романѣ, въ которомъ онъ представляетъ персидское государство подъ правленіемъ Кира идеаломъ монархическаго образа правленія.

d) *Географія* развилась уже въ періодъ упадка греческой жизни (такъ называемый александрійскій): *Эратосфенъ* (240 г.) первый составилъ систему математической географіи. Послѣ него особенно замѣчательны *Страбонъ* и *Птоломей*, писавшіе уже во времена римскихъ императоровъ. Птоломей, жившій во II в. по Р. Х., былъ основателемъ астрономической системы міра, существовавшей до XVII вѣка по Р. Х.

c) *Медицина* возникла въ Греціи въ храмахъ, куда стекались больные вопрошать боговъ о средствахъ къ исцѣленію своихъ недуговъ. Въ этомъ отношеніи знаменитъ былъ храмъ въ Епидаврѣ. Знаменитѣйшимъ греческимъ врачемъ почитается *Гиппократъ*, жившій во время моровой язвы при Периклѣ.

d) *Краснорѣчіе.* Развитію греческаго краснорѣчія благопріятствовало самое устройство греческихъ государствъ, особенно аѳинскаго. Краснорѣчіе было необходимымъ условіемъ для каждаго, кто хотѣлъ имѣть значеніе въ Греціи.

Образцовыми ораторами греческими были: *Исократъ*, который извѣстенъ не только какъ ораторъ, но и какъ риторъ, учитель краснорѣчія; *Лизій* написавшій, какъ полагаютъ, до 400 рѣчей и примѣнившій школьное краснорѣчіе къ общественной жизни, гдѣ развилось оно во всемъ блескѣ; *Демосѳенъ* и противникъ его *Эсхинъ*, величайшіе представители политическаго краснорѣчія, общественная дѣятельность которыхъ намъ извѣстна; изъ прочихъ ораторовъ этого времени заслуживаютъ вниманія *Демадъ*, *Ликургъ* и *Иперидъ*. Впослѣдствіи, съ утратою самостоятельности и политическаго значенія греческихъ государствъ, исчезло и политическое краснорѣчіе. Впрочемъ Греція долгое время еще оставалась школою кросноречія и политики: въ Аѳинахъ, Родосѣ и другихъ мѣстахъ молодые Римляне изъ благородныхъ фамилій готовились къ вступленію на политическое поприще.

c) *Философія*. Колыбелью греческой философіи были колоніи: первые философскіе опыты Грековъ начались въ Малой Азіи и предметомъ первыхъ изслѣдованій было объясненіе видимаго міра. *Ѳалесъ милетскій* (р. 640 до Р. Х.) положилъ основаніе *іонійской* школѣ, которой ученіе по преимуществу имѣло характеръ естествознанія, стремясь отыскать основное начало всего существующаго. Ея изслѣдованія имѣли благотворное вліяніе на развитіе естественныхъ наукъ. Спустя 50 лѣтъ послѣ Ѳалеса, въ Южной Италіи началъ учить *Пиѳагоръ*. Онъ былъ основателемъ *италійской* школы, которой философы занимались преимущественно изслѣдованіемъ нравственной природы человѣка, не упуская изъ виду и природы физической, причемъ употребляли численную методу. Своимъ ученіемъ Пиѳагоръ хотѣлъ довести людей до нравственнаго совершенства и съ этой цѣлью основалъ въ Кротонѣ, въ Италіи, особый союзъ. Вскорѣ послѣ него въ *Элеѣ*, городѣ южной Италіи, *Ксенофанъ* основалъ новую философскую школу *элейскую*, которая особенно занималась изслѣдованіемъ формы и законовъ мышленія.

Около времени пелопоннезской войны, во многихъ городахъ греческихъ, а особенно въ Аѳинахъ, развилось *отри-*

цательное направленіе въ философіи, явились такъ называемые *софисты*. По общему мнѣнію, они, пользуясь затрудненіями и сомнѣніями, на которыя наталкивались философы въ своихъ изслѣдованіяхъ, старались поколебать основаніе всѣхъ вѣрованій и убѣжденій своихъ соотечественниковъ. Они учили защищать по произволу противоположныя мнѣнія, не обращая вниманія на ихъ справедливость или несправадливость, и издѣвались надъ народной религіею и нравственностію. Разрушивъ основы старыхъ вѣрованій и убѣжденій, софисты въ замѣнъ ихъ ничего лучшаго не давали. Какъ противодѣйствіе этому направленію является положительная нравственная философія *Сократа*, который впрочемъ имѣлъ предшественника въ *Анаксагорѣ*, признавашемъ верховный разумъ творцемъ и міохранителемъ всего сущаго. Сократъ, какъ намъ уже извѣстно, стремился на обломкахъ разрушенныхъ софистами народныхъ вѣрованій создать разумную нравственность и заставить своихъ согражданъ мыслить и дѣйствовать отчетливо. Въ главѣ знанія онъ поставилъ познаніе самаго себя, допускалъ единое высшее божество и іерархію низшихъ боговъ, которые, управляли міромъ и дѣйствіями людей, и училъ что душа безсмертна. Сократъ имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе греческой философіи. Школы, основанныя учениками Сократа, были весьма многочисленны; каждая изъ нихъ занималась какимъ нибудь отдѣльнымъ предметовъ его ученія. Особенно важны изъ нихъ по своему нравственному вліянію на тогдашнее общество, философскія системы *стоиковъ*, *эпикурейцевъ*, *академиковъ* и *перипатетиковъ*. Первая изъ нихъ развилась изъ *кинической*, а вторая изъ *киренской* школы. Основателемъ кинической школы былъ *Антисѳенъ*, ученикъ Сократа. Лишенія, которымъ подвергался Антисѳенъ по своей бѣдности, среди роскошныхъ и богатыхъ Аѳинъ, онъ перенесъ въ свое философское ученіе и старался ограничить человѣческую жизнь удовлетвореніемъ необходимѣйшихъ потребностей. Онъ самъ показалъ въ этомъ примѣръ и нашелъ послѣдователей. Кромѣ основателя, между

киниками особенно славился *Діогенъ*, современникъ Александра, жившій въ Аѳинахъ и Коринѳѣ. Кинизмъ исказился, когда неуваженіе приличій дошло въ немъ до безстыдства, а бѣдность до нищества; тогда, отвергнувъ эти крайности кинизма, *Зенонъ* (въ IV в. до Р. X.) принялъ главное правило киниковъ—жить сообразно съ природою—за начало своей философской системы и основалъ въ Аѳинахъ *стоическую школу*. Призрѣніе внѣшнихъ случайностей сдѣлало его систему привлекательною для людей, отъ природы одаренныхъ твердою волею, особенно въ періодъ всеобщаго разложенія греческаго общества. Впослѣдствіи стоическая философія особенно распространилась между Римлянами. Противоположна кинической была школа *киренская*, основанная *Аристиппомъ*, также ученикомъ Сократа. Онъ училъ мудрымъ наслажденіямъ жизнію и искусству соединять душевныя и тѣлесныя наслажденія, не дѣлаясь рабомъ своихъ страстей. Но киренаизмъ измѣнился также скоро, какъ и кинизмъ, и послѣдователи Аристиппа предались порочнымъ наслажденіямъ. Аѳинянинъ *Эпикуръ* въ концѣ III в. до Р. X. очистилъ это ученіе. Основное правило его системы, названной по его имени *эпикурейскою*—находить высочайшее благо въ наслажденіи (лови минуту наслажденій)—было принято за правило жизни многими знатными Римлянами, которые, обладая царскими богатствами, хотѣли наслаждаться благородно и философски. Изъ школы Сократа вышелъ также и *Эвклидъ*, одинъ изъ ревностнѣйшихъ его учениковъ, основатель школы *мегарской*, занимавшейся изслѣдованіемъ законовъ человѣческой мысли и слова (логики). Преобразователемъ этой системы былъ *Пирронъ*, основатель школы *скептической*, признававшей за источникъ мудрости «сомнѣніе».

Но истинными представителями высшаго развитія философіи Грековъ, были Платонъ и Аристотель. *Платонъ* названный современниками *божественнымъ*, ученикъ и другъ Сократа (р. за 438 л. до Р. X.), человѣкъ благородный, съ живымъ воображеніемъ, исполненный высокаго поэтическаго вдохновенія, увлекательнымъ и понятнымъ слогомъ изла-

галъ высокія истины о богѣ и вселенной, объ устройствѣ государствъ и о способностяхъ человѣческихъ. Особенность его философіи состояла въ стремленіи къ сверхъестественному, идеальному міру: идеи, врожденныя человѣку, онъ почиталъ главнымъ источникомъ и средствами къ познанію истины. Его произведенія не заключаютъ философіи въ научной системѣ, но въ формѣ разговоровъ между свободными и возвышенными по уму людьми, которые, начиная съ самыхъ простыхъ вещей, постепенно доходятъ до самыхъ глубокихъ идей. Они заключаютъ въ себѣ глубочайшія изслѣдованія, изложенныя съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ. Философское ученіе Платона послужило основаніемъ школѣ, извѣстной подъ именемъ *академической*, получившей свое названіе отъ академіи, зданія съ садомъ подлѣ Аѳинъ, въ которомъ Платонъ открылъ свою философскую школу. *Аристотель*, ученикъ Платона, воспитатель Александра В., основалъ въ Аѳинахъ также особую школу *перипатетиковъ* (прогуливающихся), названную такъ отъ того, что онъ училъ, прохаживаясь по тѣнистымъ аллеямъ лицея. Одаренный рѣдкимъ умомъ, мыслитель глубокій, неутомимый въ трудахъ, онъ обнималъ всѣ отрасли извѣстныхъ въ его время познаній. Аристотель ставилъ познаніе *опытное*, т. е. пріобрѣтаемое посредствомъ чувствъ выше идеальнаго. Собственно философія, физика, астрономія, математика, естественная исторія, реторика, піитика, политика были предметомъ его изысканій. Онъ первый привелъ въ правильную систему науки и былъ основателемъ методы опытнаго наблюденія.

Позже другихъ философскихъ системъ, послѣ Р. Х., въ вѣкъ александрійскій, явилось ученіе *неоплатониковъ*, которое соединяло въ себѣ ученія различныхъ школъ, въ особенности Платона, и примѣшивало къ нимъ еще нѣкоторыя таинственныя восточныя ученія. Успѣхамъ этой философіи особенно содѣйствовалъ *Аммоній Саккосъ* (въ III вѣкѣ по Р. Х.), который выдавалъ свое ученіе за таинственный остатокъ древнѣйшей мудрости и преподавалъ его, какъ глубочайшую

тайну, только избраннымъ; но ученики его сообщили свѣдѣнія объ этомъ ученіи.

Въ 529 году по Р. Х., по повелѣнію императора Юстиніана закрыта была послѣдняя языческая философская школа въ Аѳинахъ.

III.

ИСТОРІЯ РИМЛЯНЪ.

Задача исторической жизни *Римлянъ* состояла въ томъ, чтобы оружіемъ и разумными законами соединить въ одно стройное цѣлое всѣ образованные Греками народы древняго міра и передать новымъ народамъ то, что выработано было древними. И такъ, стремленіе къ завоеваніямъ и законодательству, военное искусство и разумное право опредѣлили характеръ и значеніе римскаго народа въ исторіи человѣчества. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій боролись Римляне между собою за права; въ тоже время оружіемъ и политикою покорили всѣ государства древности и построили всемірное государство. Оригинальнаго, своего собственнаго, у Римлянъ было мало; за то они владѣли способностію усвоивать и объединять то, что заимствовали у покоренныхъ народовъ Востока и Греціи. Это усвоенное и объединенное они передали новымъ германскимъ и славянскимъ народамъ, и поэтому служатъ посредниками между древнимъ и новымъ міромъ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНЕЙ ИТАЛІИ.

Географическое положеніе *Италіи*, родины Римлянъ, не мало способствовало имъ къ выполненію ихъ исторической роли.

Обширный поясъ горныхъ странъ, отдѣляющій сѣверную Европу отъ южной, пускаетъ изъ средней высшей ча-

сти своей, альпійскаго нагорья, на юговостокъ въ море значительную отрасль—хребетъ *аппенинскій*, который и образуетъ основной стволъ Италіи. Длиннымъ и узкимъ полуостровомъ тянется она посреди Средиземнаго моря, сосѣдя на востокѣ съ Греціею, на югѣ—съ западно-европейскими землями и посредствомъ группы острововъ находясь въ связи съ образованными странами Африки. Такое положеніе дѣлало ее способною сначала къ воспріятію образовательнаго вліянія отъ Греціи, а потомъ къ покоренію ея и къ передачѣ ея образованія на югъ и западъ. Только на сѣверѣ Италія отдѣлена была отъ европейскаго материка нагорьемъ, которое, имѣя покатый сѣверный и отвѣсный южный склонъ, открывало въ нее доступъ сѣвернымъ народамъ и затрудняло ея жителямъ всходъ на сѣверъ.

Мѣстоположеніемъ, теченіемъ рѣкъ и населеніемъ Италія раздѣлялась на три главныя части: верхнюю, среднюю и нижнюю.

а) *Верхняя Италія или Галлія цизальпинская* т. е. (по сю сторону Альповъ, въ отличіе отъ трансальпинской или нынѣшней Франціи, лежащей по ту сторону Альпъ) представляетъ низменную равнину, отдѣленную на сѣверѣ отъ материка Европы полукругомъ идущими Альпами и замыкаемую на югѣ аппенинскими горами и рр. Макрою и Рубикономъ. Въ срединѣ ея протекаетъ р. *Падусъ* (По) съ впадающими въ нее съ обѣихъ сторонъ довольно большими рѣками, которыя берутъ начало въ Альпахъ и Аппенинахъ (Тицинъ, Адда, Атезисъ, Требія). Эти горныя рѣки и тающіе снѣга, спадая съ снѣжныхъ Альповъ и Аппенинъ, подвергали страну опустошительнымъ наводненіямъ и вреднымъ испареніямъ отъ стоячихъ водъ, образовали нѣсколько большихъ озеръ (Вербанусъ, Ларіусъ, Бенакусъ) и тучную, плодородную почву. Галлія цизальпинская заключала въ себѣ три области: 1) Галлію циспаданскую по сю (южную) сторону р. Падуса, съ городомъ *Равеною;* 2) Галлію транспаданскую по ту (сѣверную) сторону Падуса, съ городомъ *Медіоланомъ*, и 3) Лигурію на западѣ, съ городомъ *Ге-*

пцею. Верхняя Италія населена была народами кельтскаго племени—Галлами; на югѣ ея начинаются уже этрусскія поколѣнія.

d) *Средняя Италія* обнимала все пространство отъ рр. Рубикона и Макры до того мѣста (Венузіи), гдѣ цѣльный стволъ хребта аппенинскаго развѣтляется на двѣ главныя отрасли. Съ самой возвышенной точки этого хребта (Monte Sasso въ 9,000 ф.) можно видѣть оба моря, омывающія Италію. Внутреннее строеніе средней Италіи чрезвычайно разнообразно. Верхнимъ ребромъ своимъ аппенинскій хребетъ образуетъ цѣпь природныхъ горныхъ укрѣпленій, въ которыхъ издревле обитали горцы сабельскаго племени; онъ же пускаетъ отъ себя самымъ разнообразнымъ образомъ переплетающіяся горныя отрасли и даетъ начало по обѣ стороны его спускающимся рѣкамъ, которыя составляли границы народностей, населявшихъ въ древности среднюю Италію (Тибръ, Арно, Аэзисъ, Силларусъ, Френто). На востокѣ Аппенины ниспадаютъ отвѣсными утесами къ берегамъ замкнутаго Адріатическаго моря; на западѣ напротивъ, они спускаются постепенно покатыми уступами къ Тиренскому морю, образуя широкую, довольно развитую береговую линію: въ эту сторону текутъ длиннѣйшія рѣки; по эту сторону находятся всѣ острова (Корсика, Сардинія, Сицилія, Балеарскіе острова). Вслѣдствіе такого особеннаго географическаго развитія западной части средней Италіи, она была и главнымъ мѣстомъ исторической жизни. 1) На сѣверѣ ея находилась Этрурія, славная, уже въ до-историческое время римской жизни, своимъ оригинальнымъ устройствомъ и образованіемъ, состоявшая изъ 12 союзныхъ городовъ. 2) За нею, на югъ по теченію р. Тибра, слѣдовалъ Лаціумъ, колыбель римскаго могущества, съ вѣчнымъ городомъ *Римомъ*, средоточіемъ и столицею всего лежавшаго по берегамъ Средиземнаго моря древняго міра—orbis terrarum. 3) Еще южнѣе шла плодороднѣйшая область Италіи, Кампанія, съ городомъ *Парѳенополисомъ* (Неаполь), вся стоявшая на вулканической почвѣ. Менѣе замѣчательны были

двѣ области, лежавшія по восточной сторонѣ Аппенинъ: 1) Умбрія и 2) Пиценумъ. На самыхъ возвышенныхъ частяхъ хребта аппенинскаго, въ горныхъ ущеліяхъ и нагорьяхъ, расположенъ былъ 3) Самніумъ—родина горнаго сабельскаго племени.

с) *Южная Италія* или *великая Греція*, такъ прозванная по большинству своего населенія, заключала въ себѣ два второстепенные полуострова, которыми оканчивался большой аппенинскій полуостровъ. Почва ея вулканическая, что видно изъ горы ея Везувія. Рѣкъ большихъ нѣтъ. Въ составъ ея входили 4 области: Луканія, Бруціумъ, Апулія и Калабрія. Городская жизнь развивалась большею частію въ греческихъ колоніяхъ *Тарентъ*, *Сибарисъ*, *Кротонъ*. Здѣсь же находились *Геркуланумъ* и *Помпея*, засыпанные Везувіемъ.

Продолженіе западной отрасли Аппенина образуетъ островъ *Сицилія*, оторванный Мессинскимъ проливомъ отъ Италіи, съ которою онъ имѣлъ много общаго по строенію мѣстности, по почвѣ и населенію.

Италія касается, однимъ концемъ, снѣжныхъ Альпъ, а другимъ недалеко отстоитъ отъ Африки: отсюда въ ней находимъ всѣ роды климатовъ—отъ знойнаго африканскаго до самаго суроваго; всѣ роды произведеній—отъ самыхъ роскошныхъ тропическихъ до скудныхъ произведеній холоднаго сѣвера. Скопленіе стоячихъ водъ и горныя наводненія искони обратили вниманіе жителей на устройство разныхъ водныхъ сооруженій, съ которыми былъ связанъ вопросъ не только объ удобреніи земли, но и о самой жизни и смерти: стоячія воды производили самыя зловредныя испаренія (въ Маремнахъ и Понтинскихъ болотахъ).

Подъ конецъ древней исторіи, въ составъ римскихъ владѣній вошли почти всѣ историческія земли въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

ДО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИТАЛІЯ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ РИМЛЯНЪ.

Выгодное положеніе въ срединѣ образованнаго древняго міра и богатство естественныхъ произведеній привлекли уже въ глубокой древности въ Италію многіе народы: съ сѣвера и сѣверозапада пришли народы кельтоиберійскаго племени; потомъ съ востока и сѣверовостока, по сушѣ и морю, народы пеласгическіе; наконецъ позднѣе другихъ завели здѣсь колоніи образованные Греки. Въ противоположность народу греческому, выросшему изъ одно корня и раздѣлившемуся на множество племенныхъ и городскихъ государствъ, народъ римскій образовался въ самомъ началѣ изъ нѣсколькихъ народностей, которыя за то впослѣдствіи объединилъ въ одно государство, одинъ народъ. Римская народность главнымъ образомъ сложилась изъ слѣдующихъ составныхъ частей: 1) основу народа и языка положили *Латины*, по всей вѣроятности одного корня съ *пеласгическимъ* населеніемъ Греціи, вмѣстѣ съ нимъ вышедшіе изъ общей родины ихъ Азіи. Къ этой основѣ присоединились: 2) свѣжія воинственныя силы *Сабелловъ* и 3) оригинальная народность *Этрусковъ*, имѣвшихъ сильное вліяніе на религіозный и государственный бытъ Рима. Обѣ послѣднія народности, быть можетъ, принадлежали къ *кельтоиберійскому* населенію, раньше всѣхъ другихъ вышедшему изъ Азіи. Вліяніе греческаго языка и образованія относится къ позднѣйшему времени.

О состояніи этихъ трехъ народностей во время появленія Рима можно сказать вотъ что:

1) *Латины.* Миѳическія легенды Римлянъ начинаютъ до-историческій періодъ Италіи преданіями о золотомъ вѣкѣ, когда богъ *Сатурнъ*, избѣгая молніи Юпитера, сходитъ съ эѳирнаго Олимпа на землю, находитъ пріютъ въ Лаціумѣ у царя и бога *Януса*, собираетъ во-едино дикое горное племя и даетъ ему законы общежитія. За тѣмъ царствуетъ цѣлое поколѣніе боговъ, заходитъ въ Италію и Геркулесъ, и на-

конецъ являются вытѣсненные изъ Греціи Пеласги и покоряютъ туземное племя *Сикуловъ*, обитавшее на поморьи Лаціума. Изъ сличенія всѣхъ этихъ легендъ съ болѣе достовѣрными историческими свидѣтельствами, съ древнѣйшими памятниками архитектуры и языка, новѣйшіе изслѣдователи извлекли только тотъ достовѣрный фактъ, что *латинскій народъ* образовался вслѣдствіе переселенія *Пеласговъ*, которые покорили дикихъ туземцевъ, быть можетъ, кельто-иберійскаго происхожденія, и построили въ средней Италіи цѣлый рядъ городовъ, которыхъ остатки совершенно сходны съ множествомъ пеласгическихъ сооруженій собственной Греціи. Во время появленія Римлянъ Латинцы образовали союзъ изъ 30-ти городовъ, между которыми *Альба-Лонга*, по своей древности и силѣ, занимала мѣсто столицы; политическія учрежденія ихъ послужили во многомъ образцемъ для государственныхъ учрежденій Римлянъ; верховныя божества ихъ перешли въ религію Римлянъ.

2) Развалины огромныхъ городовъ и остатки художественныхъ памятниковъ говорятъ намъ о силѣ образованности *Этрусковъ*, но происхожденіе и первоначальная исторія ихъ для насъ остаются загадкою, не смотря на новѣйшія изслѣдованія ученыхъ. Полагаютъ, что этрусская народность образовалась изъ пришедшихъ съ сѣвера Кельтовъ (Разены) и изъ приплывшихъ по Тиренскому морю Пеласговъ. Въ глубокой древности занимались они пиратствомъ и морскою торговлею и достигли значительной степени развитія. Племена этрускія составляли нѣсколько городскихъ союзовъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ союзъ 12 городовъ Тосканы; государственное устройство у нихъ основано было на верховной власти князей-жрецовъ (лукумоновъ) и на раздѣленіи народа на властительный (жреческій) и на подчиненный (крѣпостной) классы, напоминающіе своею замкнутостію восточныя касты. У Этрусковъ была особая, довольно богатая миѳологія, также съ оттѣнкомъ восточнаго характера; наконецъ у нихъ достигли оригинальнаго развитія архитектура, пластика и живопись (этрускія вазы). Рим-

ляне заимствовали у Этрусковъ между прочимъ знаки гражданскаго правительства, календарь и многіе религіозные обряды.

3) *Сабеллы* составляли самое многочисленное племя въ Италіи. Къ нему принадлежало множество народцевъ, въ высшей степени разнохарактерныхъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательны: воинственные и любившіе свободу *Самниты* и мирные, правдивые *Сабиняне*. Особенность сабельскаго племени составляли гаданія по полету птицъ. Городской жизни большая часть сабельскихъ народовъ не любила: они жили на горахъ и въ ущельяхъ селеніями. Земледѣліе было любимымъ ихъ занятіемъ: и знатный и простолюдинъ воздѣлывали землю своими руками.

Всѣ эти три первоначальныя народности Италіи, имѣя устройство непрочное, проводили жизнь въ борьбѣ внутренней и внѣшней за первенство и уже значительно ослабѣли, въ то время, когда, среди народа латинскаго, на холмѣ Палатинскомъ основанъ былъ колонистами латинскаго города Альбы-Лонги *Римъ*, изъ ничтожной деревни сдѣлавшійся властелиномъ древняго міра.

ПЕРІОДЫ РИМСКОЙ ИСТОРІИ.

Историческая жизнь Римлянъ, обнимая болѣе чѣмъ 12 столѣтій (съ 753 до Р. Х. по 476 по Р. Х.), представляетъ слѣдующіе главные періоды:

1) Періодъ господства царей и аристократіи (патрицієвъ) отъ 753 до 366 г. т. е. отъ основанія города до уравненія въ правахъ всѣхъ народныхъ классовъ законами Лицинія. Въ этотъ періодъ, во первыхъ, выработывается устройство римскаго государства въ борьбѣ монархіи, аристократіи и демократіи, и во-вторыхъ, происходятъ оборонительныя войны Рима съ сосѣдями, въ которыхъ развивается воинственныя доблесть народа (virtus romana). Вообще періодъ этотъ можно назвать приготовленіемъ Римлянъ къ покоренію древняго міра.

2) Періодъ демократіи и завоеваній отъ 366 до 30 г. до Р. Х. т. е. отъ уравненія сословій въ правахъ до паденія республики при Августѣ. Въ этотъ періодъ происходитъ: во-первыхъ, завоеваніе и объединеніе историческаго міра Римлянами, посредствомъ оружія и законовъ; во-вторыхъ, борьба сословій за участіе въ завоеванномъ, или вѣкъ революціи, среди которой портится и падаетъ демократическое устройство римскаго общества.

3) Періодъ императоровъ отъ 30 года до Р. Х. до 476 по Р. Х. т. е. отъ Августа до паденія Западной Римской Имперіи. Въ этотъ періодъ происходитъ разложеніе политической жизни Рима и вообще покореннаго имъ древняго міра подъ ударами новыхъ германскихъ народовъ и паденіе его языческихъ вѣрованій подъ вліяніемъ христіанства (*).

I.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ РИМА ДО УРАВНЕНІЯ ВЪ ПРАВАХЪ СОСЛОВІЙ: ВРЕМЯ ГОСПОДСТВА ЦАРЕЙ И ПАТРИЦІЕВЪ (753—366).

А) ВРЕМЯ ЦАРЕЙ (753—510 ДО Р. Х).

Первоначальная исторія Рима баснословна: она представляетъ народное преданіе, украшенное поэзіею. По этому сказанію, *Эней*, князь троянскій, послѣ разоренія Трои, спасся съ бѣжавшими оттуда Троянцами въ Италію и поселился въ *Лаціумѣ*, у жившихъ тамъ Латиновъ. Сынъ его *Асканій* основалъ *Альбу-Лонгу*, въ которой царствовалъ родъ Сильвіевъ, происходившій отъ Энея, тотъ царственный родъ, изъ котораго вышли основатели Рима. Одинъ изъ царей этой фамиліи оставилъ престолъ двумъ сыновьямъ, *Нумитору* и *Амулію*. Амулій свергнулъ своего старшаго

(*) Изъ новыхъ писателей наиболѣе услугъ римской исторіи оказали Георгъ Бартольдъ Нибуръ, Швеглеръ и Момзенъ.

брата и, чтобы сохранить свою власть, убилъ его сына, а дочь *Рею-Сильвію* принудилъ вступить въ сословіе весталокъ. Рея-Сильвія родила двухъ близнецовъ, отцомъ которыхъ поэзія называетъ бога войны Марса и которыхъ жестокій дядя приказалъ бросить въ колыбели въ р. Тибръ, а мать ихъ за нарушеніе обѣта предалъ казни. Дѣти были выброшены рѣкою на сушу у корня дикой смоковницы. Здѣсь питались они молокомъ волчицы, пока не нашелъ ихъ царскій пастухъ, который пріютилъ ихъ и назвалъ *Ромуломъ* и *Ремомъ*. Они выросли у него, присматривая за стадами. Съ дѣтства оба брата отличались силою и смѣлостію въ борьбѣ съ дикими звѣрями. Однажды, уже на возвратѣ, они вступили въ споръ съ пастухами Амулія, были схвачены и представлены царю, который узналъ въ нихъ внуковъ брата своего. Молодые люди рѣшились отомстить Амулію за своего дѣда и свою мать. Собравъ толпу бездомныхъ скитальцевъ, они напали на Амулія, убили его и снова возвели на тронъ Нумитора. Въ благодарность за эту услугу Нумиторъ позволилъ обоимъ братьямъ основать поселеніе на томъ мѣстѣ (горѣ Палатинской), гдѣ они выброшены были Тибромъ и чудно спасены. 21 Апрѣля 753 г. до Р. X. положено было начало *вѣчному городу*. Но, при самомъ основаніи его оба брата заспорили о томъ, чьимъ именемъ назвать городъ, и Ромулъ убилъ Рема. Сдѣлавшись властителемъ колоніи, Ромулъ, для увеличенія народонаселенія города, основалъ убѣжище на горѣ Капитолійской для бѣглецовъ и изгнанниковъ всякаго рода. При такомъ составѣ населенія, воинственность была главною чертою характера поселенцевъ, и они скоро вступили въ непріязненныя отношенія къ своимъ сосѣдямъ *Сабинянамъ*, у которыхъ, по преданію, похитили себѣ женъ. Война впрочемъ скоро кончилась тѣмъ, что Сабиняне, жившіе на горѣ Капитолійской, и Римляне, жившіе на горѣ Палатинской, составили одинъ народъ, и царь сабинскій *Тацій*, подобно Ромулу, провозглашенъ былъ царемъ. Оба они должны были пра-

вить поочередно, но не могли ужиться вмѣстѣ, и слѣдъ Тація, неизвѣстно какъ, исчезаетъ изъ исторіи.

Оставшись однимъ царемъ, *Ромулъ* далъ первое устройство основанной имъ общинѣ. Изъ подвластныхъ ему жителей онъ избралъ въ совѣтники 100 самыхъ старшихъ по лѣтамъ и опытности и назвалъ ихъ *сенаторами* (т. е. старцами); потомъ изъ 300 самыхъ смѣлыхъ и сильныхъ сподвижниковъ онъ составилъ себѣ дружину конныхъ тѣлохранителей и назвалъ ихъ *всадниками;* остальные жители пасли стада и обработывали землю, а въ военное время должны были защищать отечество. Самъ Ромулъ, какъ царь, былъ верховный судья, полководецъ и жрецъ своего народа. Для совѣщанія о войнѣ и мирѣ, онъ созывалъ сенаторовъ и народныя собранія. Никакое военное дѣло не могло быть начато безъ спроса воли боговъ; волю эту узнавали, по полету и пѣнію птицъ, по грому и молніи, особенные жрецы, которые назывались *авгурами.* Положивъ первыя основы новому государству, Ромулъ исчезаетъ изъ исторіи; преемники его продолжаютъ развивать государственное устройство.

Послѣ смерти Ромула (*) сенаторы не избирали новаго царя, но въ теченіе цѣлаго года сами по очереди управляли государствомъ; наконецъ народъ, вѣроятно, притѣсняемый временными правителями, требовалъ возстановленія царскаго достоинства, и царемъ избранъ былъ Сабинецъ *Нума Помпилій,* уважаемый всѣми за его глубокую мудрость и благочестіе. Ромулъ любилъ войну; Нума напротивъ уважалъ миръ и старался посредствомъ религіи смягчать суро-

---

(*) Преданіе разсказываетъ о смерти Ромула такъ: однажды, когда царь производилъ смотръ войску, затмилось солнце, поднялась буря, и Ромулъ вдругъ исчезъ. Испуганный народъ съ отчаяніемъ искалъ своего любимаго царя; наконецъ одинъ знатный патрицій успокоилъ гражданъ, увѣривши ихъ, что Ромулъ явился ему въ блистательномъ вооруженіи и сказалъ: «ступай и скажи Римлянамъ, что если они будутъ умны и храбры, то достигнутъ самой высокой власти, какая только доступна человѣку. Я буду вашимъ богомъ-хранителемъ!» Ромула Римляне обоготворили подъ именемъ Квирина.

вые нравы Римлянъ и пріучать ихъ къ мирнымъ занятіямъ, особенно къ земледѣлію. Выдавая себя за человѣка, вдохновеннаго богинею *Эгеріею*, онъ во-первыхъ основалъ въ Римѣ нѣсколько храмовъ: богу вѣрности, богу границъ и наконецъ богу мира *Янусу*, во-вторыхъ ввелъ религіозныя церемоніи при богослуженіи и учредилъ въ Римѣ сословіе *весталокъ*, въ память матери Ромула. Въ весталки избирались дѣвушки изъ знатнѣйшихъ римскихъ фамилій и посвящались служенію богинѣ *Вестѣ*, въ храмѣ которой онѣ хранили неугасаемый огонь; онѣ пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ въ Римѣ, но, за нерадѣніе въ исполненіи своей обязанности, были живыя зарываемы въ землю. Нумѣ же приписываютъ учрежденіе *феціаловъ*, т. е. жрецовъ, которые объявляли войну, посредствомъ бросанія окровавленнаго копья на непріятельскую землю. Земледѣліе обратилось въ источникъ народнаго благоденствія: Нума роздалъ народу земли, завоеванныя Ромуломъ, награждалъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ и строго наказывалъ за лѣность. Для распредѣленія полевыхъ работъ онъ раздѣлилъ годъ на 12 солнечныхъ мѣсяцевъ.

Учрежденія Нумы достигли своей цѣли: миръ и тишина господствовали во все его царствованіе, сосѣдніе народы соединялись довѣрчиво съ Римомъ, потому что, по словамъ преданія, чрезъ этого царя благословеніе боговъ пролилось на землю, и когда онъ умеръ, богиня Эгерія отъ горя превратилась въ источникъ слезъ. Послѣ смерти Нумы выбранъ былъ царемъ Римлянинъ *Туллъ Гостилій*, который по характеру былъ похожъ на Ромула и страстно любилъ войну. Онъ воевалъ съ независимыми городами латинскими и покорилъ метрополію Рима—Альбу-Лонгу. Жители ея съ трудомъ сносили власть прежнихъ своихъ колонистовъ и измѣнили Римлянамъ въ одной войнѣ съ сосѣдними народами. За это Туллъ Гостилій разрушилъ городъ Альбу и всѣхъ жителей его переселилъ въ Римъ (*).

(*) О войнѣ Албанцевъ преданіе говоритъ: уже оба войска стояли

Анкъ Марцій, потомокъ Нумы, избранный въ цари, былъ подобенъ характеромъ своему предку. Онъ счастливо велъ войну съ Латинцами, увеличилъ число гражданъ Рима переселеніемъ въ него жителей изъ покоренныхъ городовъ и построилъ гавань Рима *Остію*.

Тарквиній, прозванный *древнимъ*, пятый царь римскій, родился въ Этруріи отъ одного богатаго купца греческаго, а потомъ поселился въ Римѣ, надѣясь достигнуть высокихъ почестей. Надежда не обманула его: богатство и личныя достоинства пріобрѣли ему любовь Анка Марція, который сдѣлалъ его сенаторомъ, а умирая, назначилъ попечителемъ своихъ дѣтей и правителемъ государства. Но это не удовлетворило его: удаливъ сыновей Анка, онъ самъ взошелъ, по волѣ народа, на римской престолъ. Новый царь явилъ въ воинскихъ подвигахъ противъ побѣжденныхъ Латинцевъ и Сабинянъ римскую силу и римскій духъ, а въ украшеніи Рима—свое этруское образованіе. Онъ 1) осушилъ болотистыя мѣста въ городѣ, построивши подземныя трубы, въ которыя стекала вся нечистота съ городскихъ

въ виду другъ друга, готовыя на бой, когда предложено было албанскимъ полководцемъ рѣшить споръ, по древнему обычаю, поединкомъ между тремя, съ каждой стороны избранными, юношами, съ тѣмъ условіемъ, чтобы отечество побѣжденныхъ покорилось отечеству побѣдителей. Туллъ согласился: со стороны Римлянъ вышли три брата *Гораціи*, со стороны Албанцевъ три брата *Куріаціи*. Послѣ упорной борьбы, два брата Гораціи были убиты; Албанцы торжествовали, но не долго; оставшійся въ живыхъ одинъ Горацій умертвилъ всѣхъ трехъ Куріаціевъ, и жители Альбы должны были покориться волѣ Римлянъ. Горацій гордо вступилъ въ Римъ, сопровождаемый войскомъ. У воротъ встрѣтила его сестра, невѣста одного изъ убитыхъ имъ Куріаціевъ. Она горько рыдала и упрекала брата за смерть жениха. Въ упоеніи торжествомъ Горацій убилъ сестру и сказалъ: «да будетъ тоже съ каждою Римлянкою, которая станетъ оплакивать врага». Не смотря на услугу, оказанную отечеству убійцею сестры, онъ былъ приговоренъ царемъ къ смерти, но народъ, тронувшись слезами отца, просившаго не отнимать у него послѣдняго сына, освободилъ Горація отъ смертной казни, опредѣливъ провести его съ покрытымъ лицемъ подъ висѣлицею.

улицъ; 2) окружилъ Римъ каменною стѣною; 3) украсилъ площадь (форумъ), гдѣ происходили народныя собранія, и положилъ основаніе храму капитолійскому, и 4) основалъ для народныхъ игръ циркъ, извѣстный подъ именемъ большаго цирка, въ которомъ помѣщалось 150,000 зрителей. Учрежденныя имъ игры состояли въ бѣганьи, ристаніи на коняхъ и военныхъ танцахъ. Наконецъ Тарквиній увеличилъ число сенаторовъ до 300 и велѣлъ съ торжественностію совершать общественное богослуженіе. Достигши глубокой старости, Тарквиній погибъ отъ убійцы, подосланнаго сыновьями Анка Марція, у которыхъ нѣкогда похитилъ онъ тронъ отцовскій.

По умерщвленіи Тарквинія, жена его приказала запереть дворецъ и призвала къ себѣ своего зятя *Сервія Туллія*, который, оставшись еще въ младенчествѣ сиротою, былъ призрѣнъ и воспитанъ ею по царски, а пріійдя въ возрастъ получилъ руку дочери Тарквинія. Царица указала Сервію на бездыханное тѣло его тестя и благодѣтеля и заклинала его отмстить за смерть Тарквинія. Народу было объявлено, что Тарквиній еще живъ, только легко раненъ, и что, во время его болѣзни, Сервій будетъ править государствомъ. Когда, чрезъ нѣсколько времени, Римляне привыкли къ владычеству Сервія, тогда уже было объявлено о смерти Тарквинія и Сервій Туллій провозглашенъ былъ царемъ. Сервій Туллій былъ достоинъ короны: онъ первый опредѣлилъ закономъ взаимныя отношенія разныхъ классовъ римскаго населенія. Дѣло состояло вотъ въ чемъ: еще при Ромулѣ явились въ римскомъ государствѣ два сословія: *патриціи* (высшій привиллегированный классъ) и *плебеи* (простой народъ). *Патриціи* образовались изъ 3-хъ составныхъ частей или *трибъ:* первоначальныхъ сподвижниковъ Ромула, присоединившихся при немъ сабинскихъ родовъ и наконецъ этрускихъ родовъ, вошедшихъ въ составъ Рима, вѣроятно при этрускомъ уроженцѣ, Тарквиніѣ древнемъ. Каждая изъ этихъ трехъ трибъ раздѣлялась на 10 курій и имѣла по 100 представителей въ сенатѣ и между всадниками. Только при-

надлежавшіе къ тремъ трибамъ почитались настоящими гражданами Рима и составляли народъ римскій и квиритскій: они одни могли занимать государственныя должности; ихъ однихъ созывалъ царь для совѣщаній (comitia curiata); имъ однимъ принадлежала общественная земля (ager publicus), которую они обработывали посредствомъ кліентовъ и рабовъ (*). *Плебеями* назывались тѣ жители города и его окрестностей, которые добровольно поселились тамъ для промышленныхъ цѣлей, или переселяемы были силою изъ другихъ городовъ, по мѣрѣ покоренія Римлянами сосѣднихъ народовъ. Они были лично свободны, но не имѣли никакого голоса въ правленіи, несли всю тягость военной службы и почти не имѣли участія въ общественной землѣ. Сначала этотъ классъ народа былъ незначителенъ, но, чрезъ два столѣтія послѣ построенія города, до того увеличился и окрѣпнулъ, что сталъ объявлять притязанія на участіе въ правленіи и въ общественной землѣ, тѣмъ болѣе, что между этими плебеями находились родовитые люди изъ завоеванныхъ городовъ, а не одни простолюдины. Сервій Туллій обратилъ особенное вниманіе на это неравенство правъ между патриціями и плебеями, изъ коихъ послѣдніе, защищая на войнѣ государство, не пользовались ни правами, ни землею, которыя захватили въ свои руки патриціи. Для улучшенія участи плебеевъ, Сервій во-первыхъ далъ плебеямъ участки земли, во-вторыхъ раздѣлилъ всѣхъ плебеевъ на 30-ть трибъ и предоставилъ имъ право избирать своихъ представителей и собираться для совѣщаній о своихъ дѣ-

---

(*) Общественнымъ полемъ (ager publicus) назывались завоеванныя земли. Римское государство допускало каждаго, сначала патриція, а впослѣдствіи, какъ увидимъ, и каждаго плебея къ пользованію частію завоеванной земли. Получившіе въ пользованіе участки должны были платить подати, сборъ которыхъ впослѣдствіи отдавался на откупъ публиканамъ (откупщикамъ). Впрочемъ полной собственности на эти участки граждане не имѣли: земли принадлежали государству, и оно могло производить въ случаѣ нужды передѣлъ земель.

лахъ по трибамъ (comitia tributa). Не довольствуясь этимъ, онъ рѣшился соединить оба сословія въ одно цѣлое, и потому раздѣлилъ всѣхъ жителей Рима и его окрестностей на пять классовъ и 112 центурій (сотень), принявъ въ основаніе дѣленія не породу и происхожденіе, но имущество каждаго. Вслѣдствіе этого раздѣленія, отъ богатыхъ требовалось больше податей государству и отправленіе военной службы и за то предоставлено имъ больше участія въ государственномъ правленіи, а бѣдные ничего не платили и за то имѣли меньшее вліяніе на дѣла государства. Важнѣйшія общественныя дѣла рѣшались, со времени Сервія, въ такъ называемыхъ *центуріатскихъ* собраніяхъ, въ которыхъ участвовалъ весь народъ (populus), т. е. и патриціи и плебеи. Сверхъ того остались по прежнему въ Римѣ особыя собранія патриціевъ, подъ именемъ *куріатскихъ*, и особыя собранія плебеевъ, подъ именемъ *трибутскихъ*, для рѣшенія дѣлъ, по преимуществу касавшихся интересовъ каждаго изъ этихъ сословій. Это внутреннее преобразованіе было главнымъ дѣломъ Сервія Туллія. Сверхъ того онъ заключилъ союзъ между Римомъ и латинскими городами для отправленія общаго богослуженія. За счастливое окончаніе столь важныхъ дѣлъ, Сервій соорудилъ два храма *Фортунѣ* (богинѣ счастья). Впрочемъ, подъ конецъ это счастіе ему измѣнило: нелюбившіе его патриціи составили заговоръ, слѣдствіемъ котораго была смерть Сервія; его убилъ собственный зять его *Тарквиній* (сынъ Тарквинія древняго), а жестокосердая дочь *Туллія*, провозгласивъ царемъ своего мужа, проѣхала въ колесницѣ чрезъ окровавленный трупъ своего отца.

Цареубійца *Тарквиній*, прозванный *гордымъ*, былъ правитель жестокій. Онъ уничтожилъ права, дарованныя плебеямъ Сервіемъ Тулліемъ, обременилъ богатыхъ огромными податями, а бѣдныхъ осудилъ на тяжелыя работы. Не легче было и патриціямъ: одни изъ нихъ были казнены, другіе изгнаны изъ отечества или лишены имущества. Тарквиній былъ счастливъ въ войнахъ: онъ одержалъ побѣды надъ

всѣми своими врагами; всѣ народы Лаціума признали первенство Рима. Сынъ его *Секстъ*, развратный молодой человѣкъ, завладѣлъ хитростію городомъ Габіями и безпощадно казнилъ знатнѣйшихъ жителей его. Во время мира Тарквиній выстроилъ храмъ *капитолійскій* и велѣлъ хранить въ немъ *Сивиллины* книги, купленныя имъ, какъ говорятъ легенды, у какой-то вѣщей старухи *Сивиллы* изъ города Кумы; по этимъ книгамъ въ важныхъ случаяхъ гадали Римляне о будущемъ.

Наконецъ послѣ долгаго счастія, враждебныя предзнаменованія и страшные сны стали тревожить Тарквинія. Напрасно, для успокоенія своей совѣсти, онъ совѣтовался съ снотолкователями; напрасно посылалъ сыновей своихъ съ *Юніемъ Брутомъ* (родственникомъ царскаго семейства, который спасся отъ казни, постигшей всю его фамилію, притворясь безумнымъ) къ знаменитому дельфійскому оракулу; онъ не избѣжалъ наказанія за свои злодѣйства. Въ то время, когда Тарквиній съ частію войска осаждалъ городъ Ардею (не далеко Рима), сынъ его Секстъ страшно оскорбилъ *Лукрецію*, жену знатнаго Римлянина *Коллатина.* Благородная Лукреція не могла снести оскорбленія и въ отчаяніи поразила себя кинжаломъ.Тогда Юній Брутъ, на трупѣ несчастной женщины,поклялся отомстить Тарквинію за Лукрецію и Римъ. Его краснорѣчіе взволновало многихъ сенаторовъ; при видѣ трупа Лукреціи, народъ пришелъ въ негодованіе. Тутъ же, по предложенію Брута, Римляне осудили Тарквинія съ его потомствомъ на вѣчное изгнаніе, уничтожили царское достоинство и опредѣлили смертную казнь тому, кто осмѣлится возстановить его. Это случилось въ 510 г. до Р. Х.

в) ВРЕМЯ ГОСПОДСТВА ПАТРИЦІЕВЪ И БОРЬБА ИХЪ СЪ ПЛЕБЕЯМИ (510-366).

Послѣ отмѣненія царской власти правленіе перешло въ руки патриціанскихъ родовъ, и въ первое время республика была чисто аристократическою. Главнымъ правительственнымъ

мѣстомъ былъ *сенатъ*, который состоялъ только изъ патриціевъ: онъ предлагалъ центуріатскому народному собранію новые законы, утверждалъ ихъ и слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ и утверждалъ выборныхъ чиновниковъ. Исполнительная власть подъ надзоромъ сената поручена была двумъ отвѣтственнымъ *консуламъ*, которые ежегодно избирались также изъ сословія патриціевъ и въ военное время предводительствовали войскомъ. Кромѣ консуловъ, именами которыхъ назывался самый годъ ихъ управленія, изъ патриціевъ же избирались: *квесторы*, завѣдывавшіе финансами, *цензоры*, распредѣлявшіе народъ по имуществу на центуріи и наблюдавшіе за правами гражданъ. Наконецъ, во время чрезвычайной опасности, избирали на 6 мѣсяцевъ *диктатора* съ неограниченною властію, и опять изъ патриціевъ. Изъ этого видно, что вся власть была у патриціевъ, а у массы народа отнято всякое политическое значеніе. Такое неестественное въ республикѣ отношеніе между сословіями вызывало упорную борьбу плебеевъ съ патриціями за равенство правъ въ государствѣ, которая и составляетъ главное явленіе римской исторіи отъ конца VI до второй половины IV вѣка. Но прежде, чѣмъ эта борьба началась, молодой республикѣ нужно было отстоять свою независимость отъ посягательствъ изгнаннаго царя Тарквинія.

1) *Исторія борьбы республики съ Тарквиніемъ* у римскихъ историковъ носитъ характеръ патріотической легенды. Тарквиній вовсе не расположенъ былъ безъ бою терять своей короны и долго тревожилъ Римлянъ попытками возвратить ее. Сначала онъ надѣялся достигнуть своей цѣли посредствомъ заговора, который послы его, отправленные въ Римъ требовать его имущества, составили между молодыми патриціями, непривыкшими къ республиканской простотѣ жизни. Но заговоръ былъ открытъ: въ числѣ заговорщиковъ были сыновья консула Брута и племянникъ другаго консула Коллатина. Брутъ ни минуты не колебался между чувствами отца и долгомъ гражданина: онъ не только произнесъ смертный

приговоръ своимъ сыновьямъ, но и не отвратилъ взора, когда падали головы ихъ. Не такъ твердъ былъ Коллатинъ: онъ просилъ пощадить его родственниковъ и за то, по предложенію Брута, долженъ былъ отказаться отъ консульства и удалиться изъ Рима. Мѣсто его занялъ *Валерій*, прозванный за мудрые законы въ пользу плебеевъ, любимцемъ народа (Попликола). Когда эта первая попытка не удалась, Тарквиній послалъ противъ Рима, подъ начальствомъ своего сына, войско, набранное изъ жителей этрускаго города Веіи. Произошло упорное сраженіе, которое кончилось единоборствомъ и смертію обоихъ предводителей; сынъ Тарквинія и Брутъ бросились съ яростію другъ на друга и оба пали на мѣстѣ; Веіентійцы ушли домой. И послѣ этой неудачи Тарквиній не потерялъ надежды: онъ нашелъ сильную защиту у могущественнаго *Порсены*, лукумона этрускаго города Клузіума. Порсена явился съ многочисленнымъ войскомъ, разбилъ на берегу Тибра главныя силы Римлянъ и вторгнулся бы въ городъ по деревянному мосту, вслѣдъ за бѣгущими, но былъ задержанъ мужественнымъ *Гораціемъ Коклесомъ*, который, по народному преданію, одинъ защищалъ отъ непріятеля мостъ, пока Римляне не разрушили самаго моста. Тогда Горацій бросился въ рѣку, переплылъ ее подъ непріятельскими стрѣлами и съ восторгомъ былъ принятъ своими согражданами. Между тѣмъ Порсена со всѣхъ сторонъ осадилъ Римъ, и въ городѣ скоро открылся страшный голодъ. Римляне были въ отчаянномъ положеніи. Тогда, говоритъ преданіе, одинъ молодой Римлянинъ *Муцій* рѣшился на отчаянное предпріятіе для спасенія своего города: онъ отправился въ непріятельскій лагерь, пробрался въ ставку Порсены и, думая убить царя, ошибся и убилъ одного изъ его свиты. Муція схватили, обезоружили и представили Порсенѣ. На вопросъ царя: кто онъ таковъ? Муцій отвѣчалъ: «я Римлянинъ, зовутъ меня Муцій. Какъ врагъ, я хотѣлъ убить въ тебѣ врага моей родины, и теперь не боюсь смерти. Римляне умѣютъ мужественно дѣйствовать и мужественно страдать». За тѣмъ, онъ объявилъ Порсенѣ, что 300 рим-

скихъ юношей составили заговоръ противъ него, что они бросили жребій и Муцію достался первый, что если онъ не успѣлъ убить царя, то кому нибудь изъ 300 удастся эта честь. Порсена, раздраженный этими словами, грозилъ бросить Муція въ огонь. «Взгляни, сказалъ Муцій, какъ презираютъ тѣлесныя страданія тѣ, которые ищутъ безсмертной славы!» и съ этими словами протянулъ правую руку въ огонь, горѣвшій на жертвенникѣ. Враги удивились, Порсена даровалъ Муцію жизнь и свободу, а Римляне прозвали его лѣвшою (Сцеволою). Римскіе лѣтописцы-патріоты говорятъ, что, испуганный словами Муція и удивляясь мужеству Римлянъ, Порсена снялъ осаду Рима, заключилъ миръ съ Римлянами и, взявъ у нихъ 30 заложниковъ, отступилъ въ свои владѣнія.

Изгнанный Тарквиній рѣшился въ послѣдній разъ попытать счастья и упросилъ Латинцевъ объявить войну Риму. Но Римляне назначили *Ларція* диктаторомъ (т. е. правителемъ съ неограниченною властію на 6-ть мѣсяцевъ) и разбили Латинцевъ при озерѣ *Регильскомъ.* Въ этой битвѣ погибъ весь родъ Тарквиніевъ, кромѣ самаго царя, который бѣжалъ въ Кампанію и тамъ скоро скончался.

2) Послѣ смерти Тарквинія выработывается общественное устройство республики въ *борьбѣ между патриціями и плебеями.* Ходъ этой борьбы былъ слѣдующій. Прежде всего плебеи добиваются права имѣть своихъ защитниковъ и представителей, и получивъ ихъ въ народныхъ трибунахъ, послѣдовательно домогаются сначала равенства правъ гражданскихъ, а потомъ и политическихъ, а именно: 1) права участія въ общественномъ полѣ (ager publicus), 2) права судиться по однимъ общимъ законамъ съ патриціями, 3) права вступать въ родство съ патриціанскими родами, наконецъ 4) права доступа къ избранію въ высшія государственныя должности. Предводителями плебеевъ являются народные трибуны; нерѣдко впрочемъ благородные люди изъ сословія патриціевъ становятся за интересы плебса и дѣлаются жер-

твою своего самоотверженія. Споры прерываются внѣшними войнами.

а) Возстаніе народа противъ долговаго права и учрежденіе трибуната. Когда миновалась опасность со стороны Тарквинія, патриціи освободили себя отъ податей и завладѣли общественною землею, между тѣмъ плебеи, принужденные, во время войнъ съ сосѣдними итальянскими народами, оставлять нерѣдко поля свои невоздѣланными, платили подать съ каждаго клочка земли и отправляли военную службу на свой счетъ. Поэтому они по необходимости должны были занимать деньги у патриціевъ за огромные проценты, подъ тяжкими условіями, по которымъ должникъ, не выплатившій своего долга въ назначенный срокъ, предавался съ дѣтьми и внуками своими въ рабство жестокаго заимодавца. Отчаяніе овладѣло наконецъ удрученными. Въ это время одному несчастному должнику, бывшему нѣкогда храбрымъ воиномъ, удалось вырваться отъ своего заимодавца. При видѣ его сѣдинъ, рубищъ и растерзаннаго цѣпями и побоями тѣла, народъ живо вспомнилъ свое собственное горе, оставилъ Римъ и удалился на священную гору, въ намѣреніи искать себѣ другаго отечества. Въ Римѣ остались одни патриціи, и между тѣмъ, какъ неприятели грозили ему войною, защищать городъ было некому. Тогда испуганные патриціи прибѣгли къ переговорамъ: краснорѣчіе одного сенатора дѣйствительно убѣдило плебеевъ къ миру съ патриціями. Они согласились возвратиться въ Римъ съ тѣмъ, чтобы долги бѣдныхъ были уплачены и плебеи, находившіеся въ рабствѣ за долги, были выпущены. Въ то-же время плебеи получили право выбирать изъ среды своей ежегодно двухъ представителей подъ именемъ *народныхъ трибуновъ*. Они должны были защищать народъ отъ самовластія партиціевъ и словомъ veto (запрещаю) могли останавливать всѣ постановленія сената. Лица трибуновъ были священны и неприкосновенны; двери домовъ ихъ днемъ и ночью были открыты, чтобы каждый притѣсняемый плебей могъ находить у нихъ пріютъ (число народныхъ трибуновъ потомъ увели-

чилось до десяти). Добывъ себѣ право имѣть представителей и защитниковъ, плебеи пошли далѣе.

b) Дѣло Кая Марція Коріолана доставило трибунамъ случай засудить патриція за посягательство на права плебеевъ. Вслѣдствіе удаленія народа на священную гору, поля остались невоздѣланными; насталъ страшный голодъ въ Римѣ. Чтобы помочь народу, сенатъ послалъ въ окрестныя страны, въ Этрурію и Сицилію, для покупки хлѣба, предполагая раздать его народу по самой умѣренной цѣнѣ. Молодой патриції *Марцій*, прозванный *Коріоланомъ* за взятіе города Коріолъ, воспротивился этому доброму намѣренію сената, совѣтуя ему воспользоваться несчастіемъ плебеевъ и продать имъ хлѣбъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они отказались отъ недавно пріобрѣтенныхъ ими правъ и даже отъ трибуната. Народъ озлобился за это на Коріолана, и трибуны позвали его на судъ простаго народа, въ трибунскія комиціи. Гордый Коріоланъ не явился и былъ заочно *приговоренъ народомъ къ изгнанію*. Озлобленный на отечество и желая отомстить ему, онъ отправился къ врагамъ Рима— Вольскамъ и былъ объявленъ предводителемъ войска, собраннаго ими противъ Рима. Городъ за городомъ покорялся Коріолану: онъ остановился недалеко отъ Рима и опустошалъ поля плебеевъ. Народъ въ страхѣ не хотѣлъ сражаться и просилъ сенатъ послать къ Коріолану пословъ съ просьбою объ отступленіи. Послали сначала сенаторовъ, потомъ жрецовъ, но Коріоланъ былъ неумолимъ. Наконецъ въ его станъ появились римскія жены, съ его матерью *Ветуріею* и женою *Волумніею*, которая несла на рукахъ дѣтей своихъ. Едва Коріоланъ узналъ мать свою, какъ бросился къ ней на встрѣчу, но она, подавивъ въ себѣ чувство материнское, которое влекло ее къ сыну, отклонила его объятія и съ величавою гордостью сказала ему: «прежде чѣмъ обниму тебя, хочу знать, къ кому я пришла: къ врагу или къ сыну? Какъ плѣнница, нахожусь я въ лагерѣ твоемъ, или какъ мать? Неужели можешь ты опустошать страну, которая тебя родила и воспитала? Не имѣй я сына, Римъ не былъ-бы въ

*

осадѣ и я могла-бы умереть свободною въ свободномъ отечествѣ. Если ты возьмешь Римъ, мать твоя не переживетъ этого несчастія и стыда, а жену и дѣтей твоихъ ждетъ позорное рабство или ранняя смерть.» Коріоланъ былъ тронутъ, обнялъ мать и сказалъ: «ты спасла Римъ, но погубила своего сына!» Онъ снялъ осаду Рима и отпустилъ свое войско. Одни говорятъ, что озлобленные за то Вольски умертвили Коріолана, а другіе увѣряютъ, что онъ умеръ въ глубокой старости и крайней бѣдности, тоскуя объ отечествѣ и семействѣ. Благородные Римляне увѣковѣчили разсказанный подвигъ женщинъ, воздвигнувши храмъ богинѣ женскаго счастія.

с) Споры за участіе въ общественномъ полѣ и за общіе законы. Доказавъ свою силу на Коріоланѣ, плебеи, чрезъ посредство трибуновъ, стали добиваться: вопервыхъ, участія наравнѣ съ патриціями, во владѣніи общественною землею и, во-вторыхъ, обнародованія письменныхъ законовъ, равныхъ для всѣхъ гражданъ. Чѣмъ упорнѣе сопротивлялись этимъ требованіямъ патриціи, тѣмъ настойчивѣе были плебеи. Къ бѣдствіямъ отъ внутреннихъ раздоровъ присоединились другія несчастія: чума, землетрясенія, нападеніе сосѣднихъ народовъ. Но Римляне не упадали духомъ: изъ среды ихъ въ это печальное время являются люди съ сильнымъ характеромъ, каковъ былъ напримѣръ *Цинцинатъ*, благородный и богатый патрицій. Во время внутреннихъ раздоровъ плебеи осудили на казнь его сына и лишили отца всего имѣнія, такъ что ему осталась небольшая хижина да поле, которое онъ самъ обработывалъ. Несмотря на ненависть свою къ плебеямъ, Цинцинатъ не подражалъ примѣру Коріолана и, когда враги нападали на Римъ, онъ не разъ оставлялъ плугъ свой, принималъ начальство надъ войскомъ и, освободивъ отечество отъ непріятеля, снова принимался за сельскія занятія. Попытка получить участіе въ общественномъ полѣ пока была неудачна; за то, послѣ долгихъ споровъ, сенатъ и патриціи наконецъ уступили желанію народа имѣть общіе законы: они избрали трехъ

мужей и послали ихъ въ Грецію, особенно въ Аѳины, для изученія законовъ Солона и другихъ греческихъ мудрецовъ. Когда посланные возвратились, народъ назначилъ 10 законодателей съ неограниченною властію, которую они должны были сложить съ себя по изданіи законовъ. Трудами этихъ десяти законодателей, называемыхъ *децемвирами*, поставлены были законы, которые вырѣзаны были *на 12* 450 г.
мѣдныхъ *таблицахъ* и выставлены на народной площади для всеобщаго свѣдѣнія. По окончаніи законодательства децемвиры должны были оставить свою должность; но, подъ разными предлогами, они не исполняли этого и начали тѣснить народъ. Гнусное злодѣяніе главы децемвировъ *Аппія Клавдія*, стремившагося явно къ тиранніи, вывело наконецъ Римлянъ изъ терпѣнія. Тираннъ хотѣлъ отнять насильно у гражданина Виргинія дочь его Виргинію. Отецъ, не желая предать дочь поруганію, самъ убилъ ее и, какъ нѣкогда Брутъ, съ окровавленнымъ ножемъ бросился въ толпу народа, взывая о мщеніи къ богамъ и людямъ. Весь народъ пришелъ въ волненіе. Аппій былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ лишилъ самъ себя жизни; товарищи его бѣжали изъ Рима. Званіе децемвировъ было уничтожено, а консулы и трибуны опять вступили въ свои права.

d) Споры за право браковъ и консульскую власть. Законы 12 таблицъ не примирили партій; управленіе осталось по прежнему въ рукахъ патриціевъ, а законъ, запрещавшій браки между патриціями и плебеями, воздвигалъ вѣчную преграду къ сліянію обоихъ сословій. Наконецъ сенатъ устрашенный народнымъ волненіемъ и приближеніемъ врага, принялъ законъ Канулея *о бракахъ*, по которому плебеи могли вступать въ бракъ съ патриціями. Тогда плебеи потребовали, чтобы одинъ консулъ избирался изъ плебеевъ. Послѣ долгихъ споровъ, патриціи учредили званіе трехъ *военныхъ трибуновъ съ консульскою властію*, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ избирался изъ плебеевъ. Въ это же время учреждено было новое достоинство *цензоровъ*, (исключительно патриціанское). Ихъ было два и они

вскорѣ пріобрѣли чрезвычайную важность, потому что переписывали имущество граждань и наблюдали за образомъ жизни и правами всѣхъ сословій; отъ нихъ зависѣли честь и безчестіе гражданина. Вслѣдъ за этимъ, чувствуя необходимость жить въ мирѣ съ плебеями, сенатъ опредѣлилъ войскамъ постоянное жалованье. Законъ о жалованьи такъ былъ пріятенъ плебеямъ, что они поклялись проливать кровь за благодѣтельное отечество. Сенатъ пользуясь благопріятнымъ расположеніемъ умовъ, началъ составлять планы о покореніи Италіи. Первымъ шагомъ къ исполненію этого плана была счастливая война съ *Вейентинцами*, народомъ, этрускаго племени. Укрѣпленный городъ этого народа Веіи, равный Риму по многолюдству, богатству и мужеству жителей, былъ взятъ послѣ десятилѣтней осады, храбрымъ и умнымъ полководцемъ *Камилломъ*. Великолѣпный тріумфъ былъ наградою Камиллу, но его гордость относительно плебеевъ и подозрѣніе, будто онъ присвоилъ себѣ часть военной добычи, навлекли на него ненависть народа; его изгнали изъ Рима.

3) *Галлы въ Римѣ* (389 г. до Р. Х.). Послѣ взятія Веіи, въ то самое время, когда Римъ думалъ о покореніи Италіи, неожиданное обстоятельство едва не уничтожило его самого. То было нашествіе воинственныхъ Галловъ, которые изъ нынѣшней Франціи (Галліи), перейдя подъ начальствомъ *Бренна* чрезъ Альпы, ворвались въ Этрурію и напали на союзный Риму городъ *Клузіумъ*. Когда клузіумскіе послы, просили помощи у Римлянъ, сенатъ отправилъ пословъ для переговоровъ съ Галлами. Римскіе послы, вмѣсто переговоровъ, убили одного гальскаго начальника и тѣмъ навлекли нашествіе Галловъ на Римъ. Римляне наскоро вооружились и спѣшили остановить Галловъ, но были разбиты на голову и разбѣжались; немногіе возвратились въ Римъ, гдѣ между тѣмъ господствовало страшное смятеніе. Все, что могло спастись, заперлось въ капитоліѣ; только старшіе сенаторы и жрецы не хотѣли бѣжать, но, завернувшись въ бѣлыя тоги и взявъ по жезлу въ правую руку, сидѣли важно и непод-

вижно посреди площади. Галлы ворвались въ Римъ, перебили старцевъ, зажгли городъ и осадили капитолій. Но капитолій держался крѣпко, защищаемый храбрымъ *Манліемъ* (*). Семь мѣсяцевъ продолжалась осада капитолія; голодъ въ немъ болѣе и болѣе усиливался; между тѣмъ и Галламъ было не лучше: въ лагерѣ открылись болѣзни и, сверхъ того, они получили извѣстіе, что враги напали на ихъ собственныя земли. Поэтому они вступили въ переговоры съ Римлянами и обѣщали удалиться, если имъ дадутъ 1000 фун. золота. Истомленные голодомъ Римляне согласились. Когда золото было принесено, Креннъ, бросивъ свой мечъ на чашку вѣсовъ, грозно сказалъ: «горе побѣжденнымъ!». Въ это мгновеніе внезапно явился изгнанникъ Камиллъ съ войскомъ. Онъ бросился къ вѣсамъ съ обнаженнымъ мечемъ и, сказавъ: «прочь золото! Римлянинъ выкупаетъ свое отечество желѣзомъ!» напалъ на Галловъ. Произошла жаркая сѣча предъ капитоліемъ; Галлы были разбиты, выгнаны изъ города, и Камиллъ, преслѣдуя ихъ, отнялъ у нихъ всю римскую добычу. Очевидно, что этотъ разсказъ украшенъ вымысломъ: греческіе историки говорятъ, что Галлы, взявъ съ Рима выкупъ, сами воротились домой. Но гордость позднѣйшихъ римскихъ историковъ не могла сносить мысли о томъ, что предки ихъ купили золотомъ свободу, и потому они такъ театрально разсказываютъ о появленіи Камилла.

4) *Уравненіе въ правахъ плебеевъ съ патриціями* въ первой половинѣ IV вѣка до Р. Х. По удаленіи Галловъ Римъ имѣлъ видъ запустѣлаго пожарища. Плебеи не хотѣли оставаться въ городѣ, разоренномъ до основанія, и думали навсегда переселиться въ г. Веіи. Но Камиллъ, возведенный въ достоинство диктатора, убѣдилъ ихъ не оставлять города,

---

(*) Преданіе разсказываетъ, что однажды ночью Галлы едва не пробрались было въ капитолій, но гуси, посвященные Юнонѣ, подняли крикъ, разбудили спавшихъ Римлянъ и дали имъ возможность прогнать Галловъ.

съ основаніемъ котораго связано было столько высокихъ для каждаго Римлянина воспоминаній, и предложилъ снова обстроить разрушенный Римъ.

Когда городъ былъ выстроенъ, начались прежнія внутреннія волненія. Пользуясь несчастнымъ положеніемъ обѣднѣвшихъ и разоренныхъ плебеевъ, патриціи возобновили старый законъ о долгахъ и рѣшились отнять у нихъ всѣ добытыя ими права. Защитникъ капитолія во время гальской осады—Манлій сталъ за угнетенныхъ и былъ сброшенъ съ Тарпейской скалы; но это не остановило другихъ благородныхъ людей. Послѣ многихъ споровъ, патриціи увидѣли, что имъ не устоять противъ требованій большинства. Народный трибунъ *Лициній* въ теченіи 10 лѣтъ добивался предоставленія плебеямъ правъ гражданскихъ и политическихъ и наконецъ достигъ своей цѣли: плебеи получили право уча-
366 г. ствовать въ общественныхъ поляхъ и быть избираемыми въ консулы. Послѣ этого до конца IV вѣка они пріобрѣли право и на другія государственныя должности. Политическая вражда двухъ сословій, составлявшихъ какъ бы два чуждые народа въ одномъ народѣ, кончилась и образовался изъ нихъ одинъ *народъ римскій*. Впослѣдствіи являются въ немъ снова партіи, но совсѣмъ другаго рода: изъ патриціанскихъ и плебейскихъ фамилій безъ различія, отличавшихся богатствомъ и занимавшихъ высшія государственныя должности, возникло новое преобладающее, привиллегированное сословіе *нобили* (nobiles) или *оптиматы* (optimi—тоже, что у Грековъ аристократы), которому противополагался *простой народъ*, состоявшій изъ бѣдныхъ гражданъ и вольноотпущенниковъ. Борьба, возникшая гораздо позже (въ II вѣкѣ) между этими классами, была гораздо вреднѣе для республики, чѣмъ борьба между патриціями и плебеями: послѣдняя создала равноправность и силу народа; первая убила республику.

5) *Внутренняя жизнь Рима въ 1-мъ періодѣ.* Образовавши въ концѣ IV вѣка одинъ сильный и свѣжій народъ, Римляне приступили къ выполненію своей задачи: завоевать

міръ для того, чтобы «править народами». Посмотримъ, каковы были основныя свойства жизни, съ которыми они выступили на завоеванія. Настойчивость воли, способность къ самоотверженію, храбрость суровая, доходившая до грубости простота обычая, глубокое уваженіе къ богамъ и законамъ отечественнымъ, практическій, находчивый умъ характеризуютъ Римлянъ въ итальянскій періодъ ихъ жизни т. е. до перваго столкновенія съ Греками и Востокомъ въ концѣ III вѣка. Семейная жизнь отличалась крѣпостію союза, строгою чистотою нравовъ, огромною властію домовладыки надъ домочадцами (т. е. надъ женою и дѣтьми) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уваженіемъ къ хозяйкѣ дома; величавый образъ матроны римской мы видѣли въ матери Коріолана. Впрочемъ каждый Римлянинъ прежде всего былъ гражданинъ. Право гражданства высоко цѣнилось, но рядомъ съ нимъ являлось и рабство самое безпощадное и печальное. Любимымъ и почетнымъ занятіемъ было земледѣліе; имъ не брезгали самые высшіе сановники, переходившіе не рѣдко отъ плуга къ управленію республикою и къ предводительству на войнѣ. Образецъ такого сановитаго земледѣльца мы видѣли въ Цинцинатѣ. Ремеслами и торговлею занимались вольноотпущенники и простолюдины; позднѣе уже, въ періодъ разложенія стараго отцовскаго обычая, ими занималось почетное сословіе всадниковъ. Военное дѣло стояло на равнѣ съ участіемъ въ народныхъ собраніяхъ: каждый гражданинъ былъ вмѣстѣ воинъ. Религія была тѣсно связана съ семейною и государственною жизнію: домовладыка приносилъ жертвы за домочадцевъ; государственнымъ богослуженіемъ завѣдывали жрецы: они были чиновники, поставляемые государствомъ къ отправленію религіозныхъ обрядовъ такъ точно, какъ другіе поставлялись къ завѣдыванію гражданскими и военными дѣлами; въ главѣ ихъ стоялъ великій жрецъ (pontefex maximus). Вообще религія отличалась разсудительнымъ хладнокровіемъ и отсутствіемъ того высоко-поэтическаго характера, какимъ проникнута была миѳологія Грековъ. Искусство и наука на столько пользова-

лись сначала уваженіемъ, на сколько удовлетворяли практическимъ, настоятельнымъ потребностямъ жизни: военныя дороги, водопроводы для стока нечистотъ и храмы—вотъ памятники римскаго искусства въ италіанскій періодъ, да и тѣ воздвигнуты этрусками мастерами. Поэзія, равно какъ философія, были сначала презираемы практическимъ Римляниномъ и развились уже послѣ столкновенія съ Греціею; гораздо выше цѣнились исторія и ораторство: первая, какъ средство къ возбужденію и увѣковѣченію патріотизма; второе, какъ средство служить государству. Вотъ основныя свойства, съ которыми Римляне приступили къ завоеванію міра; завоеваніе совершенно измѣнило ихъ.

2.

ОТЪ УСТАНОВЛЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО РАВЕНСТВА МЕЖДУ СОСЛОВІЯМИ ДО ПАДЕНІЯ РЕСПУБЛИКИ: ГЕРОЙСКІЙ ПЕРІОДЪ ЗАВОЕВАНІЙ И РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ МЕЖДОУСОБІЙ (366—30 до Р. Х.).

А) ВРЕМЯ ЗАВОЕВАНІЙ (366—130).

Скоро послѣ принятія законовъ Лицинія оказались слѣдствія гражданскаго согласія, которому воздвигнутъ былъ храмъ Камиломъ (concordia). Самнитскими войнами начали Римляне рядъ завоеваній сначала внутри Италіи, а потомъ внѣ Италіи, по островамъ и побережьямъ Средиземнаго моря.

1) ЗАВОЕВАНІЕ СРЕДНЕЙ И ЮЖНОЙ ИТАЛІИ.

Самнитскія войны (342—290 г.). Всѣ войны, веденныя до сихъ поръ Римлянами, имѣли цѣлью оградить независимость Рима отъ сосѣднихъ племенъ; войны же съ народами средней Италіи, продолжавшіяся 50 слишкомъ лѣтъ, проложили Римлянамъ путь къ покоренію всей Италіи. Эти войны извѣстны подъ названіемъ войнъ *самнитскихъ*, хотя вмѣстѣ

съ Самнитянами воевали противъ Рима и многіе другіе народы, ихъ союзники, въ особенности Латинцы и Этруски. Самнитяне, воинственный и многочисленный народъ, жившіе въ гористыхъ частяхъ средней и южной Италіи, были дикіе пастухи, враги земледѣлія и городской жизни. Скрываясь въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ самою природою, они не имѣли городовъ, презирали ихъ. Но народонаселеніе размножилось, пастбища становились недостаточными; горцы начали искать новыхъ земель и напали на городъ Капую, самый цвѣтущій городъ въ плодоносной Кампаніи. Жители Капуи просили помощи у Рима и отдались подъ его покровительство. Римляне въ первый разъ увидѣли прекрасную, роскошную страну новыхъ своихъ подданныхъ и усердно принялись за войну. Три раза начинали упорно бороться Самнитяне, и, не смотря на помощь, оказываемую имъ спачала Латинцами, а потомъ Этрусками, три раза были побѣждены вмѣстѣ съ своими союзниками: укрѣпленныя мѣста были разграблены и сожжены, а жители разбѣжались по ущеліямъ апеннинскимъ. Римляне овладѣли всѣмъ Самніумомъ, Лаціумомъ и восточными провинціями южной Италіи. Самнитскія войны можно по справедливости назвать геройскимъ періодомъ жизни Римлянъ, которые украсили подвиги своихъ героевъ всѣми вымыслами поэзіи. Такъ *Манлій Торкватъ* убиваетъ сына своего за то, что онъ, вопреки его запрещенію, сразился съ неприятелями; строгій и добродѣтельный *Курій Дентатъ* отвергаетъ богатые дары, которыми хотѣли подкупить его Самнитяне; *Курцій* бросается для спасенія отечества въ пропасть, раскрывшуюся на площади; два *Деція* (отецъ и сынъ) также добровольно жертвуютъ своею жизнією за отечество.

Война Римлянъ съ Тарентинцами и съ Пирромъ царемъ эпирскимъ (281 — 272 г.) Покореніе Самнитянъ усилило въ Римлянахъ желаніе утвердить свое владычество въ нижней Италіи, берега которой были покрыты богатыми и промышленными городами греческими. Изъ этихъ городовъ въ особенности процвѣталъ богатый *Тарентъ*, съ завистью

смотрѣвшій на усиленіе римскаго могущества въ Италіи и искавшій повода начать съ Римомъ войну. Маловажный по видимому случай рѣшилъ все дѣло: нѣсколько римскихъ кораблей были захвачены и затоплены Тарентинами. Сенатъ римскій отправилъ въ Тарентъ пословъ требовать удовлетворенія, но послы на шумномъ вѣчѣ были грубо оскорблены однимъ Тарентинцемъ, при громкомъ хохотѣ всего собранія. «Смѣйтесь, сказалъ оскорбленный Римлянинъ; скоро будете плакать: въ крови вашей Римляне смоютъ нанесенную мнѣ обиду»! Въ слѣдъ за тѣмъ объявлена была война Таренту. Богатые деньгами, но не войскомъ, Тарентинцы обратились за помощью къ *Пирру*, царю эпирскому, обѣщая ему легкое завоеваніе всей Италіи, при всеобщемъ нерасположеніи къ Римлянамъ всѣхъ италіанскихъ народовъ. Молодой *Пирръ* былъ храбрый полководецъ, благородный человѣкъ, но болѣе пылкій искатель приключеній, чѣмъ благоразумный государь. Предложеніе Тарентинцевъ льстило его самолюбію, страсти къ войнѣ и обширнымъ его планамъ. Тогда подвиги недавно умершаго Александра македонскаго кружили голову всѣмъ искателямъ приключеній. Пирръ послалъ прежде въ Тарентъ 3000 войска подъ начальствомъ *Кинеаса*, ученика Демосѳена, краснорѣчиваго подобно своему великому учителю, и потомъ отправился самъ съ 28.000 испытанныхъ воиновъ и 20 слонами. До сихъ поръ Римляне не боролись еще съ такимъ опаснымъ врагомъ, который былъ воспитанъ въ школѣ великаго Александра. Дѣйствительно, въ первой встрѣчѣ при *Гераклеѣ*, Римляне, изумленные слонами, были разбиты, хотя держались такъ упорно, что самъ Пирръ послѣ битвы сказалъ: «съ такими воинами я завоевалъ бы весь міръ, и онъ принадлежалъ бы Римлянамъ, если бы я былъ ихъ полководцемъ»! Вслѣдствіе этой побѣды, всѣ Самнитяне возстали противъ Рима, и Пирръ отправилъ въ Римъ Кинеаса предложить миръ съ тѣмъ, чтобы Римляне признали независимою всю южную Италію. Сенатъ римскій, убѣжденный краснорѣчіемъ Кинеаса, уже соглашался на Пирровы предложенія, но слѣпой старецъ

Аппій Клавдій, принесенный въ сенатъ своими сыновьями, пристыдилъ сенаторовъ, прервалъ переговоры и велѣлъ сказать Пирру, что только по оставленіи Италіи онъ можетъ надѣяться на миръ. Удивленный Кинеасъ, по возвращеніи къ Пирру, сказалъ ему, что римскій сенатъ похожъ на собраніе боговъ.

Въ слѣдующемъ году Пирръ еще разъ разбилъ Римлянъ; но побѣда эта дорого стоила ему: онъ самъ сказалъ, что, если еще одержитъ двѣ такія побѣды, то возвратится одинъ безъ войска. Не успѣвъ склонить на свою сторону *Фабриція*, присланнаго Римлянами для выкупа плѣнныхъ, Пирръ еще разъ посылалъ Кинеаса въ Римъ для переговоровъ и опять безуспѣшно. Новое удивленіе поразило Пирра, когда консулъ Фабрицій отослалъ къ нему врача, предлагавшаго Римлянамъ отравить царя. «Скорѣе можно солнце совратить съ пути его теченія, нежели Фабриція съ пути добродѣтели»! сказалъ тронутый такою честностію Пирръ, возвратилъ римскихъ плѣнныхъ безъ выкупа и, убѣдясь въ невозможности побѣдить Римлянъ, удалился на третьемъ году войны въ Сицилію, куда Сиракузяне призывали его противъ Карѳагенянъ. Но и здѣсь побѣды его немного принесли пользы. Чрезъ три года онъ снова явился въ Италіи, но счастіе ему измѣнило, Римляне встрѣтили его безъ страха, и разбитый ими на голову Пирръ возвратился въ свое царство Эпиръ. По удаленіи его, Тарентъ принужденъ былъ сдаться Римлянамъ, а вслѣдъ за Тарентомъ и *вся южная Италія подпала власти Рима*. Съ покореніемъ Тарента греческое образованіе начинаетъ проникать въ Римъ.

2) Распространеніе римскаго владычества внѣ Италіи.

Первая пуническая война (264 г. до 241 до Р. Х.—23 года). Всѣ войны, веденныя до сихъ Римлянами, должно считать какъ бы приготовленіемъ къ огромной борьбѣ съ Карѳагенянами, извѣстной въ исторіи подъ именемъ *трехъ пуническихъ войнъ*. Продолжительность пуническихъ войнъ,

ихъ важность для древняго міра, изумительныя усилія, употребленныя съ обѣихъ враждующихъ сторонъ, великіе люди, являющіеся въ эту эпоху—все это придаетъ имъ сильный интересъ.

До пуническихъ войнъ Римляне имѣли незначительныя сношенія съ Карѳагенянами и, послѣ покоренія южной Италіи, столкнулись съ ними враждебно на островѣ Сициліи. Въ Сициліи въ это время особенно важную роль играла греческая колонія *Сиракузы*. Сиракузяне стремились къ владычеству надъ всѣмъ островомъ, но встрѣтили соперниковъ въ Карѳагенянахъ, которые стремились къ той же цѣли. Противъ нихъ-то приглашали Сиракузяне на помощь Пирра изъ Италіи, но и онъ не помогъ имъ и, оставляя Сицилію, сказалъ: «какое прекрасное поле битвы оставляемъ мы здѣсь Римлянамъ и Карѳагенянамъ!» Слова его скоро сбылись: Римляне, овладѣвъ Тарентомъ и великою Греціею, не могли равнодушно смотрѣть на стремленіе Карѳагена овладѣлъ островомъ, который почитался житницею для Италіи. Война между обоими народами была неизбѣжна, недоставало только повода. Поводъ этотъ подали *Мамертинцы*, морскіе разбойники, которые напали на принадлежавшій Сиракузянамъ городъ Мессину, овладѣли имъ и начали оттуда производить грабежи по острову. *Гіеронъ*, царь сиракузскій, имѣвшій отличное войско, разбилъ ихъ на-голову и отнялъ-бы у нихъ Мессину, если бы Карѳагеняне, подъ видомъ помощи Мамертинцамъ, не утвердились въ этомъ городѣ. Тогда Мамертинцы, равно опасаясь и Карѳагенянъ и Гіерона, просили помощи у Римлянъ. Сенатъ римскій совѣстился сперва поддерживать пиратовъ, но опасеніе могущества Карѳагенянъ одержало верхъ надъ стыдомъ. Консулъ *Аппій Клавдій* съ войскомъ отправленъ былъ въ Сицилію, перешелъ мессинскій проливъ, разбилъ Карѳагенянъ и Гіерона, взялъ Мессину, принудилъ Гіерона заключить союзъ съ Римлянами, разбилъ еще разъ Карѳагенянъ, взялъ городъ Агригентъ и со славою возвратился въ Римъ. Этотъ первый успѣхъ поселилъ надежду въ Римлянахъ завладѣть

цѣлымъ островомъ, но для этого нужно было имъ имѣть морскую силу, безъ которой война съ морскою державою была невозможна. Въ два мѣсяца Римляне, по образцу прибитаго бурею къ берегамъ карѳагенскаго корабля, выстроили цѣлый флотъ и поручили его подъ начальство консулу *Дуилію*. Дуилій изобрѣлъ машину, посредствомъ которой Римляне притягивали непріятельскіе корабли къ своимъ кораблямъ желѣзными кручьями и такимъ образомъ обращали морское сраженіе въ сухопутное. Дуилій одержалъ блистательную побѣду надъ карѳагенскимъ флотомъ. Эта первая побѣда произвела восторгъ въ Римѣ. Побѣдоносный консулъ удостоенъ былъ первый морскаго тріумфа; въ честь его въ Римѣ построена была колонна, украшенная кормами взятыхъ имъ непріятельскихъ кораблей, и каждый разъ, когда онъ возвращался вечеромъ домой, его сопровождали человѣкъ съ факеломъ и музыкантъ, игравшій на флейтѣ. Ободренные морскою побѣдою, Римляне рѣшили перенесть театръ войны въ Африку. Консулъ *Регулъ*, разбивъ снова флотъ карѳагенскій, переправился въ Африку и, опустошивъ область карѳагенскую, предложилъ непріятелю миръ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Карѳагеняне отказались отъ унизительнаго мира; надежное спартанское войско пришло къ нимъ на подмогу и разбило Римлянъ на-голову; самъ Регулъ былъ взятъ въ плѣнъ. Не смотря на эту побѣду, силы Карѳагенянъ были истощены и потому они отпустили Регула въ Римъ для переговоровъ о мирѣ, взявъ съ него честное слово возвратиться, если переговоры будутъ неудачны. Всѣ древніе историки увѣряютъ, что Регулъ подалъ сенату совѣтъ продолжать войну и, вѣрный данному слову, возвратился опять къ непріятелямъ, которые предали его мучительной смерти.

Въ слѣдъ за тѣмъ, въ теченіи 8 лѣтъ, Римляне терпѣли однѣ неудачи въ Сициліи и потеряли 4 флота, разрушенные частію знаменитымъ полководцемъ карѳагенскимъ *Гамилькаромъ*, а частію бурею. Но въ борьбѣ съ врагомъ и природою они не унывали, и наконецъ одинъ изъ консуловъ

разбилъ на-голову Гамилькара, лишилъ Кароагенянъ возможности продолжать военныя дѣйствія и предписалъ имъ мирныя условія, какъ побѣдитель. Кароагеняне обязались очистить Сицилію и сосѣдственные малые острова, уплатить Риму, въ продолженіе 10 лѣтъ, 300 талантовъ и отпустить безъ выкупа всѣхъ римскихъ плѣнниковъ. Такимъ образомъ Сицилія сдѣлалась первою Римскою провинціею, а вслѣдъ за тѣмъ обращены были въ римскія провинціи Сардинія и Корсика.

Вторая пуническая война (отъ 219—202 г. до Р. Х.— 16 лѣтъ). Миръ, окончившій первую пуническую войну, съ одной стороны породилъ въ Кароагенянахъ непримиримую ненависть къ Риму, а съ другой стороны ободрилъ Римлянъ, возвысилъ ихъ гордость и самолюбіе: каждый Римлянинъ думалъ, что силѣ Рима ничто не можетъ противиться. Вслѣдствіе этого убѣжденія, Римляне едва окончили первую пуническую войну, какъ опять начали войны съ иллирійскими морскими разбойниками и съ Галлами, жившими въ сѣверной Италіи. Послѣдняя доставила Римлянамъ владычество надъ сѣверною Италіею, обращенною въ римскую провинцію подъ именемъ *цисальпинской Галліи.*

Между тѣмъ и Кароагеняне не остались праздными: знаменитый полководецъ ихъ *Гамилькаръ,* желая вознаградить потерю Сициліи и Сардиніи, началъ завоеваніе *Испаніи,* богатой золотыми и серебряными рудниками. Римляне, занятые войною съ Галлами, не могли ему препятствовать и только обязали его не простирать завоеваній далѣе города Сагунта. Не задолго до окончанія войны Римлянъ съ Галлами, когда Кароагеняне утвердились уже въ Испаніи, *Ганнибалъ,* сынъ Гамилькара, двадцатилѣтній юноша, получилъ начальство надъ кароагенскими войсками, занимавшими Пиренейскій полуостровъ. Ганнибалу было только 10 лѣтъ отъ роду, когда отецъ его, оскорбленный постыднымъ для Кароагенянъ миромъ, окончившимъ первую пуническую войну, заставилъ сына дать клятву въ непримиримой враждѣ къ Риму. Тринадцатилѣтній Ганнибалъ покинулъ

отечество, сопутствовалъ отцу въ испанскомъ походѣ и, воспитанный въ воинскомъ станѣ, полюбилъ войну, узналъ всѣ тонкости военнаго искусства и пріобрѣлъ привязанность солдатъ, которые боготворили его. Вѣрный клятвѣ своей, Ганнибалъ рѣшился привести въ исполненіе великіе замыслы отца и, вопреки договору съ Римлянами, напалъ на городъ Сагунтъ, взялъ его послѣ упорной осады и разрушилъ до основанія. Посолъ римскій *Фабій* явился въ сенатъ кароагенскій требовать удовлетворенія за нарушеніе договора. «Я принесъ вамъ войну и миръ: выбирайте!» гордо онъ сказалъ въ сенатѣ. Кароагеняне, колеблясь между страхомъ и ненавистью, отвѣчали ему: «Римляне сами могутъ выбрать.» Тогда Фабій сказалъ: «такъ возьмите же войну».

Думая, что война будетъ происходить въ Испаніи и Африкѣ, Римляне отправили туда двѣ арміи. Но они ошиблись: Ганнибалъ составилъ другой планъ войны. Онъ рѣшился уничтожить Римъ и перенести войну въ Италію, путь въ которую лежалъ чрезъ земли варваровъ, чрезъ Пиренеи и неприступныя Альпы. Оставивъ брата своего Газдрубала въ Испаніи, Ганнибалъ съ 60.000 войска и 70 слонами выступилъ изъ Кароагена, перешелъ Пиренеи, побѣдилъ и разогналъ непріязненные народы въ Галліи, переправился черезъ рѣку Рону и осенью достигнулъ альпійскихъ ледниковъ. Дорога занесена была уже снѣгомъ; зрѣлище грозной зимы поколебало Кароагенянъ—жителей юга; на вершинахъ горъ они увидѣли дикарей; другаго пути не было. Начался походъ, сопровождаемый невѣроятными трудностями: люди, лошади, слоны падали въ пропасти; варвары заступали войску дорогу. Но чрезъ 9 дней Ганнибалъ достигъ вершинъ Альповъ. Остановясь на вершинѣ малаго Сенъ-Бернарда, онъ утѣшалъ и ободрялъ своихъ воиновъ, указывая имъ на роскошныя долины прекрасной Италіи и на ту сторону, гдѣ находился гордый Римъ, цѣль ихъ похода. Спускъ съ горъ представлялъ едва ли не большія затрудненія, чѣмъ восходъ на нихъ: снѣгъ завалилъ дорогу. Ганнибалъ огнемъ и желѣзомъ проложилъ новую дорогу чрезъ

скалы и наконецъ, спустя пять мѣсяцевъ послѣ выступленія изъ Испаніи, сошелъ въ долины сѣверной Италіи. У него осталась только половина войска, да и та была изнурена до крайности; слоны и лошади едва могли двигаться отъ голода.

Въ долинахъ сѣверной Италіи открылись кровопролитныя битвы. Разбивъ два раза на-голову римскія войска, Ганнибалъ рѣшился вторгнуться въ Этрурію чрезъ аппенинскія горы. Дни и ночи солдаты шли въ водѣ по поясъ; самъ онъ лишился въ этомъ переходѣ одного глаза отъ продолжительнаго бдѣнія и сырыхъ ночей. Въ Этруріи Римляне заступили ему дорогу, но были разбиты на-голову (при Тразименскомъ озерѣ). Въ Римѣ распространился ужасъ: сенатъ три дня не расходился, но ничего не могъ выдумать къ спасенію отечества, которое не имѣло ни войска, ни консула. Наконецъ народъ избралъ диктаторомъ *Фабія Максима*. Фабій, прозванный за свою осторожность *медлителемъ* (cunclator), убѣжденный, что съ Ганнибаломъ не должно отваживаться на рѣшительныя битвы, изнурялъ его дальними переходами, уклоняясь отъ боя тамъ, гдѣ Ганнибалъ хотѣлъ съ нимъ сразиться, и нападая на него тамъ, гдѣ онъ этого не ожидалъ. Такой планъ войны не нравился ни войску, ни сенату, ни народу римскому, и потому Римляне, увеличивъ вдвое войско, поручили его подъ начальство *Теренцію Варрону* и *Павлу Эмилію*. Умный Павелъ Эмилій хотѣлъ слѣдовать плану Фабія, но опрометчивый Варронъ думалъ однимъ ударомъ рѣшить войну и напалъ на Ганнибала при *Каннахъ* въ южной Италіи. Не смотря на то, что у Римлянъ было вдвое болѣе войска, чѣмъ у Ганнибала, они потерпѣли здѣсь такое пораженіе, какого еще никогда не испытывали: болѣе 50.000 человѣкъ легло на полѣ битвы и въ томъ числѣ 100 сенаторовъ и благородный Павелъ Эмилій. Послѣ этого пораженія вся южная Италія отпала отъ Римлянъ. Но Римляне не отчаявались и сохранили удивительную твердость духа и достоинство. Варронъ, виновникъ всего несчастія, получилъ отъ сената торжественный пріемъ и благодарность за то, что не отчаялся въ спасеніи

республики. Хотя теперь съ каждою минутою ожидали увидѣть непріятеля у воротъ Рима, однако никто не смѣлъ думать о мирѣ, всѣ готовились защищать городъ до послѣдней крайности. Впрочемъ Ганнибалъ, опасаясь отчаяннаго сопротивленія и имѣя изнуренное войско, не пошелъ на Римъ, а обратился въ Кампанію и зазимовалъ въ городѣ Капуѣ.

Пребываніе въ Капуѣ было гибельно для Ганнибала; изъ приведеннаго имъ въ Италію войска большая часть погибла уже въ битвахъ, а остальная была изнурена и ослабѣла до крайности. Поэтому онъ просилъ помощи у Карѳагена, но тамъ завистники и враги его убѣдили народъ отвѣчать ему, что если онъ преувеличиваетъ свои успѣхи, то ему не надо посылать помощи за ложное донесеніе, если же онъ въ самомъ дѣлѣ остался побѣдителемъ, то не имѣетъ въ ней нужды. Въ этой крайности Ганнибалъ думалъ вооружить противъ Рима Сиракузянъ, но и это ему не удалось. Римскій консулъ *Марцеллъ*, разбивши его самого, переправился въ Сицилію и, послѣ двухлѣтней упорной осады, взялъ Сиракузы, не смотря на разрушительныя машины славнаго математика *Архимеда*. Лишенный и съ этой стороны помощи, Ганнибалъ вызвалъ къ себѣ на подмогу изъ Испаніи брата своего Газдрубала, но Газдрубалъ погибъ въ битвѣ съ Римлянами и только окровавленная голова его была прислана въ лагерь Ганибала. Тогда карѳагенскій полководецъ еще разъ пытался просить помощи у своихъ согражданъ, но получилъ снова оскорбительный отказъ.

Между тѣмъ счастіе обратилось совершенно въ пользу Римлянъ: паденіе Сиракузъ предало снова въ руки ихъ всю Сицилію, и молодой даровитый консулъ ихъ *Сципіонъ*, вытѣснивши Карѳагенянъ изъ Испаніи, рѣшился перенести войну въ самую Африку, гдѣ онъ нашелъ себѣ союзника въ царѣ нумидійскомъ *Массиниссъ*. Успѣхи Римлянъ въ Африкѣ были быстры: всѣ гавани и города африканскіе сдавались Сципіону; гроза приближалась къ самому Карѳагену. Тогда Карѳагенъ обратился съ просьбою о помощи къ свое-

му великому и оскорбленному полководцу. Ганнибалъ, по зову отечества, оставилъ Италію и, никѣмъ еще непобѣжденный, явился на родинѣ. Карѳагеняне требовали рѣшительнаго сраженія. Оно произошло при *Замѣ*, недалеко отъ Карѳагена. Предъ началомъ битвы полководцы имѣли свиданіе. Ганнибалъ уступалъ Римлянамъ Сицилію, Сардинію, Испанію; но условія предложены были поздно. Сципіонъ сказалъ: «оружіе рѣшитъ, Римъ или Карѳагенъ долженъ
202 г. владѣть свѣтомъ». При Замѣ Ганнибалъ былъ разбитъ на голову. Побѣдитель Сципіонъ окончилъ 2-ую пуническую войну тяжкими для побѣжденныхъ условіями. Карѳагеняне должны были: отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній внѣ Африки, выдать Римлянамъ всѣ военные корабли, возвратить безъ выкупа плѣнныхъ, не начинать ни съ кѣмъ войны безъ согласія римскаго народа и наконецъ заплатить Римлянамъ въ теченіи 50 лѣтъ 10,000 талантовъ.

Покореніе Македоніи и Греціи и уничтоженіе сирійскаго царства. Послѣ униженія своего опаснаго соперника Карѳагена, пріобрѣтенія Испаніи и другихъ земель, утвержденія своей власти во всей Италіи, на Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ, Римъ достигъ первенства между всѣми государствами тогдашняго міра, и рѣшительнѣе, чѣмъ когда либо, римскій сенатъ устремился теперь ко всемірному владычеству: мало по малу всѣ народы должны были покориться предъ его побѣдоносным оружіемъ, которому сверхъ того помогали коварство и хитрость, дотолѣ мало извѣстныя Римлянамъ, а съ этого времени встрѣчающіяся сплошь да рядомъ въ ихъ международныхъ сношеніяхъ.

Прежде всего испытала на себѣ силу Римлянъ *Македонія*, тайно помогавшая Ганнибалу и тѣмъ навлекшая на себя гнѣвъ Римлянъ. Послѣ двухъ упорныхъ войнъ, консулъ римскій *Павелъ Эмилій* разбилъ *при Пиднѣ* войско македонскаго царя *Персея* и взялъ его самаго въ плѣнъ. Большая часть городовъ македонскихъ была разрушена, жители проданы въ рабство, а несчастный Персей, закованный въ цѣпи, украсилъ тріумфъ Павла Эмилія и умеръ въ темницѣ.

Послѣ этого *Македонія обращена была въ римскую провинцію*, (148 г.).

Вѣрный своей непримиримой враждѣ къ Риму и обманувшись въ надеждѣ на Македонію, Ганнибалъ вооружилъ противъ Римлянъ сирійскаго царя *Антіоха III*. Но и тутъ ему не удалось: римскій консулъ *Сципіонъ* (братъ побѣдителя Карѳагенянъ) разбилъ на голову Антіоха при *Магнезіи*, въ малой Азіи, и заставилъ его уступить Римлянамъ всю переднюю Азію до горы Тавра, выдать весь флотъ и Ганнибала. Послѣдняго только условія не могъ выполнить Антіохъ, потому что Ганнибалъ бѣжалъ въ Виѳинію, гдѣ, преслѣдуемый ненавистью Римлянъ и оставленный отечествомъ, принялъ ядъ.

Наконецъ въ 146 г. Коринѳъ, послѣдній пріютъ греческой свободы, былъ сожженъ консуломъ Мумміемъ и покоренная *Греція была обращена въ римскую провинцію подъ именемъ Ахаіи*. Оставалась очередь за Карѳагеномъ.

Третья пуническая война (отъ 151—146). Доведенная до послѣдней крайности миромъ, окончившимъ вторую пуническую войну, карѳагенская республика только-что начала поправляться и заглаживать свои прежнія потери. Погибель Карѳагена была уже давно рѣшена въ римскомъ сенатѣ; ожидали только случая придраться къ чему нибудь. Случай представился. Низкій угодникъ Римлянъ Массиниса безъ всякаго права отнялъ у Карѳагенянъ нѣсколько земель. Карѳагеняне жаловались Риму. Сенатъ, для разбора дѣла, послалъ суроваго Катона, который рѣшилъ дѣло въ пользу Массинисы и, изумленный цвѣтущимъ состояніемъ и богатствомъ Карѳагена, возвратясь въ Римъ, безпрерывно твердилъ, что для существованія Рима Карѳагенъ непремѣнно долженъ быть разрушенъ. Между тѣмъ Массиниса снова началъ обижать Карѳагенянъ; выведенные изъ терпѣнія и не находя справедливости у Римлянъ, они сами взялись за оружіе и тѣмъ нарушили миръ, окончившій вторую пуническую войну. Римляне съ радостію ухватились за этотъ случай и послали войско противъ Карѳагенянъ. Испуганные

Кареагеняне отправили пословъ въ римскій лагерь съ просьбою о пощадѣ, обѣщая не трогать Массиниссы и соглашаясь даже быть подданными Римлянъ. Римскіе консулы согласились дать миръ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Кареагеняне выдали имъ всѣ корабли, оружіе и всѣ военные снаряды. И это требованіе было исполнено. Наконецъ консулы объявили обезоруженнымъ Кареагенянамъ послѣднюю волю римскаго сената: они должны были выйти изъ города, сжечь его до основанія и, если желаютъ существовать, построить новый во внутренности Африки. Тогда отчаяніе овладѣло всѣми Кареагенянами и заставило ихъ рѣшиться на смертный бой съ коварными врагами. Все въ городѣ пришло въ движеніе: преступники освобождены были изъ темницъ, изгнанники возвращены, и всѣ начали трудиться надъ построеніемъ военныхъ машинъ и оружія. Все, что въ городѣ называлось металломъ, превращено было въ оружіе; изъ кровлей домовъ сдѣланы корабли; изъ волосъ женщинъ сплетены корабельные канаты. Съ такимъ одушевленіемъ вооружились Кареагеняне и два года съ удивительнымъ мужествомъ защищали городъ. Сципіонъ Эмиліанъ, принявшій начальство надъ римскимъ войскомъ, осадилъ Кареагенъ. Началась борьба силы съ отчаяніемъ: когда непріятель вломился въ городъ, Кареагеняне отчаянно рѣзались на улицахъ, защищали каждый домъ, каждый уголъ въ домѣ. Сципіонъ велѣлъ зажечь городъ. Тогда старцы, жены и дѣти, потерявъ всякую надежду на спасеніе, сами убивали себя въ домахъ, храмахъ, на могилахъ отцовъ. Великолѣпный Кареагенъ горѣлъ 17 дней. Сципіонъ, смотря на этотъ пожаръ, задумался о судьбѣ Рима и вспомнилъ подобную же участь Трои и вѣщій стихъ Гомера:

«Будетъ нѣкогда день—и погибнетъ священная Троя,
Древній погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.»

Владѣнія Кареагена были обращены въ римскую про-
146 г. винцію, подъ именемъ *Африки*.

Окончательное покореніе Испаніи. Испанцы упорнѣе всѣхъ народовъ защищали свою независимость, и война съ

ними почти не прекращалась съ тѣхъ поръ, какъ Карѳагеняне были изгнаны оттуда во время 2-й пунической войны. Въ 146 году Лузитанцы (жители нынѣшней Португаліи) избрали своимъ предводителемъ пастуха *Виріата*, и возмутили противъ Римлянъ весь полуостровъ. Шесть лѣтъ упорно сопротивлялся герой Виріатъ противъ всѣхъ силъ римскихъ и боролся бы еще долѣе, если бы не погибъ отъ измѣны. Послѣ него еще 10 лѣтъ геройски оборонялся отъ Римлянъ городъ *Нуманція*, наконецъ былъ взятъ, сожженъ, а жители погибли подъ развалинами.

b) Революціонное время (130-30 до Р. Х.).

Объемъ римской республики въ концѣ II вѣка и отношенія къ ней покоренныхъ народовъ. Около 130 г. до Р. Х. республика окончила періодъ большихъ войнъ и владѣла почти цѣлымъ побережьемъ и островами Средиземнаго моря. Въ Европѣ ей подвластны были три полуострова: греческій, италіанскій и испанскій; въ Азіи—Сирія и Малая Азія, въ Африкѣ—область Карѳагена; Египетъ и Нумидія находились подъ опекою и сильнымъ вліяніемъ Рима. Оставалось собственно покорить трансальпійскую Галлію и Понтъ.

Всѣ владѣнія раздѣлялись на двѣ, неравныя по правамъ населенія, части: *Италію* и *провинціи*.

Италія заключала весь полуостровъ на югъ отъ рр. Макры и Рубикона. Жители ея пользовались несравненно большими правами, нежели жители провинцій внѣ-италійскихъ. Относительно степени зависимости отъ Рима, всѣ подвластные ему города Италіи раздѣлялись на три класса: 1) *Муниципіи*, которыхъ жители пользовались всѣми правами римскаго гражданства, какъ политическими, такъ и гражданскими, и имѣли собственное управленіе, состоявшее изъ народнаго собранія, сената и сановниковъ подобныхъ римскимъ. 2) *Колоніи*,, образовавшіяся изъ военныхъ поселеній, основанныхъ Римлянами для удержанія въ покорности покоренныхъ народовъ, находились въ строгой зависимости

отъ Рима, хотя жители ихъ въ разной степени пользовались правами римскаго гражданства. 3) *Соции* или союзники римскаго народа находились въ разныхъ отношеніяхъ къ Риму, смотря по тому, на какихъ условіяхъ поступали въ союзъ. Они имѣли собственные законы и управленіе, но признавали верховную власть римскаго народа, платили подать и поставляли Риму вспомогательныя войска. Таковы были между прочимъ Латинцы.

Провинціи образованы были изъ покоренныхъ внѣ-италійскихъ народовъ. Высшее управленіе въ каждой провинціи находилось въ рукахъ сановника, который ежегодно былъ посылаемъ туда изъ бывшихъ уже годъ консулами лицъ, подъ именемъ претора, а потомъ проконсула, при которомъ находились помощники (квесторы и легаты). Ему принадлежала вся власть въ провинціи; для отправленія суда онъ ежегодно разъѣзжалъ по своей провинціи и въ каждомъ городѣ составлялъ судъ изъ римскихъ гражданъ. Всѣ провинціи обложены были податями, сборъ которыхъ отдавался въ Римѣ на откупъ публиканамъ (откупщикамъ, большею частію изъ всадниковъ). И преторы и публиканы просто раззоряли провинціи своими вымогательствами и поборами, ѣздили туда голышами и возвращались съ огромнымъ состояніемъ. Низшее управленіе и законы большею частію оставались у провинціаловъ свои собственные. Слѣдуя правилу: «все раздѣляй—всѣмъ повелѣвай» (divide et impera), Римъ предоставлялъ разнымъ городамъ въ провинціяхъ неравныя права и льготы для того, чтобы они не могли дружно возстать противъ него. Съ тою же цѣлію заводимы были въ провинціяхъ военныя колоніи. Все, что было лучшаго и драгоцѣннѣйшаго въ провинціяхъ, начиная отъ золота до памятниковъ народной религіи и славы, изображеній боговъ и великихъ людей, все это грабили побѣдители и свозили въ Римъ, для украшенія своихъ роскошныхъ виллъ и дворцовъ. Самостоятельная жизнь замерла въ провинціяхъ. Но не въ прокъ пошли и Римлянамъ награбленныя сокровища, награбленныя произведенія наукъ и искусствъ.

Переворотъ, произведенный въ жизни Римлянъ завоеваніями. Завоеванія, сдѣланныя Римлянами въ Греціи на Востокѣ, имѣли сильное вліяніе на ихъ *духовную* и *общественную* жизнь.

Послѣ покоренія Грековъ, въ Римъ стали проникать греческая образованность, греческіе нравы и обычаи. Не только ученые, но и люди государственные, стали учиться греческому языку, который въ аристократическомъ кругу игралъ такую же роль, какъ въ наше время французскій языкъ. Многіе греческіе ученые и литераторы жили въ Римѣ; греческіе рабы (плѣнные) поступали воспитателями и наставниками къ дѣтямъ знатныхъ и богатыхъ фамилій. Но греческая образованность не пошла въ прокъ Римлянамъ. Во-первыхъ, она стала переходить въ Римъ уже въ періодъ паденія и порчи наукъ и искусствъ въ самой Греціи и своимъ отрицательнымъ направленіемъ подорвала старую религіозность Рима, съ которою тѣсно связана была крѣпость семейства и государства. Во-вторыхъ, она не проникла въ массу народа, а распространилась только между знатью, которая, привыкши къ солдатскому грабежу и насилію, къ жизни на чужой счетъ, усвоивала только блестящую, льстивщую чувственности сторону греческаго образованія, а не возвышенную сущность его. Въ-третьихъ, она передаваема была молодому поколѣнію рабами греческими, которые, ненавидя своихъ поработителей—Римлянъ, съ самаго ранняго возраста внушали своимъ баричамъ—питомцамъ презрѣніе ко всему римскому, пріучали ихъ смѣяться надъ преданіями и обычаями предковъ, сплошь да рядомъ надъ добрыми и дурными. На такую, дурно воздѣланную почву падало сверхъ того, вмѣстѣ съ огромными сокровищами, и нравственное вліяніе изнѣженнаго и растлѣннаго Востока: страсть къ роскоши, чувственнымъ наслажденіямъ, неуваженіе къ человѣческому достоинству, замашки деспотизма. Отвращеніе отъ производительнаго труда, развитое вѣкомъ постоянныхъ войнъ, получило новую поддержку въ громадныхъ, даровымъ образомъ доставшихся, сокровищахъ. Ко-

нечными результатами завоеваній въ духовной жизни народа были: 1) утонченный развратъ и эгоизмъ сверху—у богатой знати, которая грабила провинціи да потѣшалась греческою комедіею и циническими мимами; грубый развратъ снизу—у голодной праздной черни, которая готова была продать себя всякому, кто дастъ хлѣба да потѣшитъ гладіаторскими боями; 2) отрицаніе старыхъ вѣрованій безъ выработки высшихъ нравственныхъ убѣжденій у знати; глубокое суевѣріе у простонародія. Нельзя сказать, чтобы не было благородныхъ, великихъ личностей и въ наступившее испорченное время: ихъ было не мало, и они тѣмъ рѣзче выдаются, что въ общей массѣ народа исчезла сила и доблесть римскаго духа, палъ патріотизмъ и выработалось убѣжденіе, что отечество тамъ, гдѣ хорошо живется (ibi patria, ubi bene).

И политическій составъ римской республики, не смотря на блескъ недавнихъ побѣдъ и завоеваній, представлялъ, по окончаніи этихъ завоеваній, неутѣшительное зрѣлище. Владычество и богатство захватила въ свои руки аристократія немногихъ сенатскихъ фамилій, которыхъ члены прославились въ предъидущихъ войнахъ: эти такъ называемые *оптиматы* или *нобили* смотрѣли на всѣ государственныя должности, на провинціи, на общественныя земли и начальство надъ войскомъ, какъ на свою наслѣдственную, фамильную собственность, и съ гордымъ, презрѣніемъ устраняли изъ своего круга новичка (homo novus), который захотѣлъ бы занять мѣсто въ управленіи. По мѣрѣ того, какъ эти немногія фамиліи усиливались и обогащались, сословіе простыхъ гражданъ, вынесшее на своихъ плечахъ государство изъ всѣхъ опасностей, которыя его застигали, разлагалось. Мѣсто его заступалъ многочисленный классъ *пролетаріевъ*, т. е. гражданъ, которые, не имѣя ни клочка поземельной собственности, не платили податей, не несли военной службы и, при всемъ томъ, не знали гдѣ найти дневное пропитаніе и укрыться отъ непогоды. Превращенію большинства малоземельныхъ собственниковъ, платившихъ подати и нес-

шихъ военную службу, въ безземельныхъ пролетаріевъ содѣйствовали слѣдующія обстоятельства: 1) *война*, которая частію сильно разрѣдила число служилыхъ людей, а частію отъучила ихъ отъ осѣдлости: привыкши на войнѣ жить грабежемъ, не думая о будущемъ днѣ, они, и во время мира, продавали свои участки земель и шли въ Римъ дармоѣдничать или торговать своими голосами. 2) *Упадокъ земледѣлія* и замѣна его скотоводствомъ, которое доставляло болѣе выгодъ владѣльцамъ большихъ земель. 3) *Дороговизна жизненныхъ потребностей*, которая произошла отъ прилива и неравномѣрнаго распредѣленія награбленныхъ драгоцѣнныхъ металловъ. Она заставляла малоземельнаго владѣльца дѣлать долги и потомъ продавать за безцѣнокъ свои участки большимъ землевладѣльцамъ-оптиматамъ, которые, сверхъ того, оттягивали ихъ у бѣдняковъ всякими правдами и неправдами. 4) *Замѣна свободнаго труда рабскимъ*. До пуническихъ войнъ рабовъ было мало; а съ того времени число ихъ вдругъ неимовѣрно увеличилось: послѣ покоренія Македоніи Павелъ Эмилій привелъ на римскій рынокъ разомъ 150,000, а Сципіонъ Эмиліанъ по разрушеніи Карѳагана продалъ 56,000 чел. Надзоръ за стадами и уборка луговъ не требовали особаго умѣнія, а скудное содержаніе раба, говорящей машины (instrumentum vocale), какъ называли его Римляне, обходилось дешевле заработной платы свободному. Поэтому безземельные свободные пролетаріи не находили работы у богатыхъ поземельныхъ собственниковъ и толпами шли въ Римъ увеличивать число нищихъ. За ними оставалось одно право подавать голосъ въ народномъ собраніи, и они прежде всего воспользовались этимъ правомъ, чтобы потребовать, въ завоеванномъ ихъ отцами мірѣ, — куска хлѣба.

Таково было печальное и неестественное состояніе общества и человѣка, которое Римляне вынесли изъ своихъ безпрерывныхъ войнъ. Были люди, которые старались помочь республикѣ, но они расходились въ своихъ понятіяхъ о томъ, какъ помочь ей. Образовались двѣ партіи: *охрани-*

тельная, которая видѣла корень зла въ греческомъ образованіи и старалась заградить ему путь въ Римъ. Въ главѣ этой партіи стоялъ самый замѣчательный представитель древняго римскаго характера, суровый и энергическій цензоръ *Катонъ*, безпощадно требовавшій гибели Карѳагена. Всю жизнь свою трудился онъ надъ тѣмъ, чтобы поворотить Римлянъ къ старинѣ: требовалъ изгнанія первыхъ греческихъ учителей краснорѣчія и философіи, налагалъ тройную подать на предметы роскоши, оцѣнивъ ихъ предварительно вдесятеро выше настоящей цѣны, «неумолчно лаялъ» на великаго представителя новаго образованія—Сципіона африканскаго. Греческіе ученые были изгнаны; предметы роскоши обложены высокою податью; Сципіонъ, облаянный Катономъ, умеръ въ добровольномъ изгнаніи вдали отъ Рима. Но все было напрасно: противъ времени идти одному человѣку нельзя было думать; заградить стѣною распространеніе мысли и образованія было смѣшно. Катонъ дѣйствовалъ неутомимо, осыпаемый насмѣшками, преслѣдуемый многочисленными врагами: пятьдесятъ обвиненій выдержалъ онъ въ теченіе жизни своей; ему было 83 года, когда онъ долженъ былъ въ послѣдній разъ оправдываться предъ народомъ. Все было напрасно: греческій языкъ, наука, поэзія все шибче и шибче входили въ моду; роскошь, развратъ и грабежъ между знатью усиливались; число бѣдныхъ пролетаріевъ увеличивалось. Самъ Катонъ, преслѣдуя греческую словесность, въ старости сталъ читать Демосѳена и Ѳукидида,—прославляя на словахъ земледѣліе, сталъ отдавать деньги въ ростъ за громадные проценты,—проповѣдуя простоту и суровость жизни, завѣщалъ сыну копить деньги и предался довольно циническому разврату,

Вторая партія *преобразователей* признавала законность новаго высшаго образованія и, отрѣшаясь отъ прежнихъ преданій, хотѣла оживить дряхлѣвшую республику свѣжими силами, распространивъ право римскаго гражданства на подвластныхъ Риму италіанскихъ союзниковъ, изъ которыхъ думали создать новый народъ и дать ему и пролета-

ріямъ поземельную собственность. Душою этой партіи были знаменитыя фамиліи Сципіоновъ, Леліевъ и Гракховъ. Два *Сципіона, африканскій*—побѣдитель при Замѣ и *азіатскій Эмиліанъ*, государственные люди въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, усвоившіе себѣ политическое и эстетическое образованіе Грековъ, враги крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ, думали помочь злу полумѣрами; но неудачно. Одинъ, стремившійся къ демократической реформѣ, умеръ въ изгнаніи; другой, стремившійся установить ограниченную монархію, опираясь на италіанскихъ союзниковъ, опоздалъ. Когда онъ явился съ своимъ планомъ, за дѣло народа успѣлъ возстать и умереть благородный Тиберій Гракхъ, его родственникъ; революція уже началась, и Сципіонъ Эмиліанъ нашелъ въ ней загадочную смерть.

Главныя явленія революціоннаго періода. Внѣшнихъ войнъ въ теченіе 100 лѣтъ было мало: онѣ стоятъ на второмъ планѣ и имѣютъ значеніе потому только, что въ нихъ пролагаютъ себѣ карьеру предводители партій, которыя борются внутри республики. Борьба идетъ за участіе въ плодахъ предъидущихъ завоеваній. Всѣ угнетенные, даже рабы, возстаютъ и имѣютъ свой день мщенія и свободы. Борьба сосредоточивается около слѣдующихъ лицъ и мѣстностей: 1) братья Гракхи бьются за народъ на холмахъ Палатинскомъ и Авентинскомъ; 2) борьба Марія и Суллы идетъ въ цѣлой Италіи; 3) въ борьбѣ Юлія Цезаря съ Помпеемъ и 4) въ борьбѣ Октавіана Цезаря съ Антоніемъ принимаетъ участіе весь историческій міръ. Борьбу три раза открываютъ обыкновенно самые безправные и угнетенные, т. е. рабы, за ними слѣдуютъ пролетаріи, союзники, провинціалы. Въ промежуткахъ между внутренними усобицами идутъ внѣшнія войны. Все оканчивается подчиненіемъ республики и всего покореннаго міра власти одного Августа въ 30 г. до Р. Х.

1) Тиберій и Кай Гракхи.

Во второй половинѣ II вѣка почти всѣ плебейскія земли въ Римѣ были скуплены оптиматами. Старый аграрный законъ Лицинія, по которому запрещено было одному гражданину имѣть во владѣніи болѣе 500 югеровъ общественнаго поля, былъ нарушенъ и забытъ. Закованные въ желѣзо невольники работали на поляхъ, а свободные поселяне просили подаянія; низшіе классы городскаго населенія превращались въ настоящую чернь. Конечно, по закону государство имѣло право отобрать общественныя поля для раздачи пролетаріямъ; но землевладѣльцы могли съ своей стороны опираться на томъ, что прошли вѣка съ тѣхъ поръ, какъ ихъ предки заняли пустыя, никому не нужныя земли и затратили на устройство въ нихъ хозяйства огромные капиталы. Вопросъ шелъ о самомъ щекотливомъ дѣлѣ—о правахъ собственности. Всѣ видѣли необходимость устранить зло, но ни у кого не было мужества бороться съ нимъ, когда въ 133 году за дѣло взялись самые родовитые оптиматы—два брата *Тиберій* и *Кай Гракхи*. Состраданіе и любовь къ страждущимъ были фамильными свойствами Гракховъ: ими отличались ихъ отецъ и дѣдъ. Еще въ дѣтствѣ лишились они отца и остались на попеченіи матери своей *Корнеліи*, дочери Сципіона африканскаго, одной изъ образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ женщинъ въ Римѣ. Корнелія отказалась отъ всѣхъ удовольствій жизни и всецѣло посвятила себя воспитанію дѣтей, которыми гордилась, какъ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидала, когда объ ней заговорятъ въ Римѣ, какъ о матери Гракховъ; желаніе ея, къ ея же несчастію, исполнилось.

Тиберій Гракхъ, образованный и благородный молодой человѣкъ, прославившійся въ войнѣ испанской, воротясь въ Римъ и получивъ званіе трибуна, рѣшился быть защитникомъ бѣдныхъ. Для этого онъ предложилъ новый, окончательный раздѣлъ общественныхъ полей на основаніи Лициніева закона съ тѣмъ, чтобы каждому изъ прежнихъ владѣль-

цевъ удержать 500 югеровъ себѣ и 250 для двухъ сыновей въ полную собственность, а остальныя земли раздѣлить между народомъ, вознаградивъ прежнихъ владѣльцевъ, за сдѣланныя ими на этихъ земляхъ постройки, по оцѣнкѣ. «Дикіе звѣри, говорилъ Гракхъ, предлагая этотъ законъ, имѣютъ свои логовища, а граждане римскіе, которыхъ называютъ властелинами міра, не имѣютъ своей земли для хижины и для могилы». Предложеніе Тиберія было принято, и назначена коммиссія для раздѣла и оцѣнки полей. Само собою разумѣется, что оптиматы, которымъ нужно было возвратить земли, разозлились на Гракха. Они подкупили другаго трибуна, чтобы онъ помѣшалъ принятію Гракхова предложенія; а когда оно было принято, то стали распускать слухи, что Тиберій хочетъ захватить власть. Во время выбора новыхъ трибуновъ, имъ удалось увѣрить сенатъ, что Гракхъ требуетъ короны. Оптиматы, предводимые Сципіономъ Назикою, родственникомъ Гракха, вооружились и вышли на площадь. На площади и улицахъ Рима произошла рѣзня, въ которой Тиберій Гракхъ и 300 его приверженцевъ были убиты.

Десять лѣтъ законъ Тиберія не приводили въ исполненіе, наконецъ меньшой Гракхъ—*Кай* рѣшился возобновить законъ брата и отомстить за смерть его. Будучи молодъ, пылокъ, краснорѣчивъ, онъ, не внимая просьбамъ жены и матери, пошелъ по слѣдамъ Тиберія. Задуманная имъ реформа была гораздо смѣлѣе и обширнѣе; кромѣ раздѣленія земель, онъ предложилъ: 1) дать право римскаго гражданства италіанскимъ союзникамъ, чтобы обновить ими испорченное населеніе Рима и ввести цѣлую Италію въ составъ республики, которая до тѣхъ поръ заключалась въ одномъ Римѣ; 2) отнять судебную власть у сената, который потворствовалъ грабежу правителей провинцій, и передать ее сословію всадниковъ. Два года энергически поддерживалъ краснорѣчивый Кай Гракхъ эти и еще нѣсколько другихъ предложеній. Сенатъ, составленный изъ оптиматовъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ крайности: отвлекши чернь отъ Кая

льстивыми обѣщаніями, онъ успѣлъ вызвать нарочно его приверженцевъ на убійство консульскаго ликтора и тогда облекъ консула диктаторскою властію и уполномочилъ его дѣйствовать силою. Въ стѣнахъ Рима открылась междоусобная битва, которая стоила жизни Гракху и 3000 его приверженцевъ. Тѣло Кая было брошено въ р. Тибръ.

Смерть дѣтей глубоко поразила Корнелію, но она переносила свое несчастіе съ удивительною твердостію. Удалясь изъ Рима въ одинъ небольшой городъ (Мизены), она проводила время въ бесѣдахъ съ учеными Греками и образованными Римлянами. Часто разсказывала она о великихъ подвигахъ своего отца (Сципіона африканскаго), но особенно удивлялись ея слушатели, когда безъ слезъ, спокойно-величаво, говорила она о подвигахъ и страданіяхъ сыновей своихъ, какъ о событіяхъ давно минувшихъ. Многіе думали, что дряхлые годы и удары судьбы окаменили въ ней материнское сердце. «Но безчувственны тѣ,» говоритъ историкъ Плутархъ, «которые не знаютъ, что величіе и благородство духа и доброе воспитаніе помогли Корнеліи переносить горе, и что несчастіе, если и поражаетъ иногда добродѣтель, то никогда не можетъ побѣдить ее!» По смерти Корнеліи, ей была поставлена статуя съ надписью: «Корнелія, мать Гракховъ». Въ этихъ словахъ вся исторія ея благородной жизни и осуществленіе ея самыхъ завѣтныхъ стремленій.

2) Марій и Сулла.

Законы Гракховъ, обѣщавшіе Риму свѣжую и, быть можетъ, долгую жизнь, были уничтожены. Партія оптиматовъ осталась по прежнему владычицею государства; народъ соблазнили даровою раздачею хлѣба, и онъ остался по прежнему безъ земель; италіанскимъ союзникамъ не дали права гражданства; суды остались по прежнему за сенатомъ и провинціи по прежнему стенали подъ гнетомъ проконсуловъ, на которыхъ не было ни суда, ни расправы. Такое положеніе дѣлъ, само собою, вызывало и возстанія, и попытки къ пре-

образованіямъ; дѣло только въ томъ, что гибелью послѣдняго Гракха кончился рядъ великодушныхъ и безкорыстныхъ попытокъ облегчить страданіе народа. За рѣшеніе вопросовъ, поднятыхъ Гракхами, принялись люди, которые только выдавали себя за друзей народа и республики, а въ существѣ были эгоисты, употреблявшіе народъ орудіемъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Такова была довольно грязная и грубая личность любимца черни и солдатъ—Марія, такова была и утонченно-жестокая и испорченная личность его соперника Суллы—главы оптиматовъ.

Возвышеніе Марія. Марій былъ родомъ изъ городка Арпинума, принадлежалъ къ простолюдинамъ, былъ бѣденъ, нанимался сначала поденщикомъ, потомъ пошелъ въ солдаты; безъ связей, безъ ходатайства достигъ онъ высшихъ военныхъ должностей, что было чрезвычайно трудно. Доколѣ онъ былъ въ лагерѣ и на войнѣ, онъ былъ непобѣдимъ, напоминалъ старинную доблесть и старинную дисциплину римскую. Но была въ немъ и другая сторона: выйдя изъ рядовъ тогдашняго испорченнаго плебса, онъ имѣлъ всѣ его грязные недостатки и любилъ хвалиться этимъ. Ненависть народа къ оптиматамъ раздѣлялъ вполнѣ. Онъ славился честностію и, хотя обогатился на походахъ грабежемъ, но ни разу не обокралъ государства, какъ это дѣлали всѣ почти его современники. Образованія не имѣлъ никакого и не искалъ его, не потому что предпочиталъ старину, какъ Катонъ, а просто изъ презрѣнія къ наукамъ и искусствамъ, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія его чисто солдатскій умъ. Онъ говорилъ по гречески, потому что безъ греческаго языка нельзя было показаться въ высшемъ обществѣ, но говорилъ плохо и терпѣть не могъ этого языка. Онъ былъ нетерпимъ, желченъ, жестокъ, нелюдимъ и вмѣстѣ грубо-суевѣренъ. Таковъ былъ Марій, грозная личность котораго призвана была отомстить оптиматамъ за народъ. Карьеру себѣ проложилъ Марій въ двухъ войнахъ — съ Югуртою, царемъ нумидійскимъ, и съ Кимврами и Тевтонами.

Въ войнѣ *югуртинской* (111 до Р. Х.) рѣзко и ярко вы-

сказались грязныя стороны партіи оптиматовъ: они не стыдились продавать за деньги честь и интересы республики. Дѣло было вотъ въ чемъ: Югурта, побочный внукъ царя нумидійскаго Массиниссы, союзника Римлянъ, умертвилъ, одного за другимъ, двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ и сѣлъ на престолъ. Оставшійся въ живыхъ, законный наслѣдникъ Нумидіи жаловался римскому сенату, но Югурта подкупалъ посылаемыхъ для изслѣдованія сановниковъ и былъ оправдываемъ до тѣхъ поръ, пока, призванный въ Римъ къ отвѣту, не убилъ въ самомъ Римѣ своего родственника. Тогда въ дѣло вмѣшался самъ народъ римскій, раздраженный постыднымъ торгомъ сената и оптиматовъ, и настоятельно потребовалъ войны съ Югуртою. Сенатъ велѣлъ Югуртѣ удалиться изъ Рима: «Это городъ продажный, и рано погибнетъ, если только найдетъ себѣ покупщика»— сказалъ Югурта, уходя изъ Рима, и не обманулся: онъ подкупалъ не только полководцевъ, оптиматовъ, посланныхъ противъ него, но и цѣлыя арміи, такъ что, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, безъ труда разбивалъ Римлянъ при каждой встрѣчѣ. Наконецъ народъ понялъ причину своихъ неудачъ и, не смотря на то, что строгій и неподкупный аристократъ Метеллъ, посланный незадолго въ Африку, не похожъ былъ на своихъ низкихъ предшественниковъ, поручилъ начальство надъ африканскою арміею своему любимцу — Каю Марію. Марій, который служилъ при Метеллѣ и былъ вытянутъ имъ въ люди, оговорилъ его въ Римѣ предъ народомъ и, избранный консуломъ, явился въ Африкѣ. Онъ такъ стѣснилъ Югурту, что тотъ бѣжалъ изъ царства, былъ выданъ Римлянамъ, украсилъ тріумфъ Марія и умеръ въ Римѣ голодною смертію.

Когда Марій съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ Африкѣ, республикѣ стала грозить страшная опасность въ самой Италіи: на сѣверныхъ предѣлахъ ея появились дикіе народы германскаго племени, *Кимвры и Тевтоны*, о которыхъ Римляне до тѣхъ поръ и не слыхали. Истребивъ въ короткое время 6 римскихъ армій, они навели такой страхъ на Римъ, что ни-

кто не хотѣлъ быть консуломъ и вести противъ нихъ войско. Народъ прибѣгнулъ къ послѣдней надеждѣ своей — Марію. Оставя Африку, Марій поспѣшилъ на сѣверъ и, избираемый 4 года сряду консуломъ, что до сихъ поръ ни съ кѣмъ не случалось, такъ устроилъ свою армію, что двумя рѣшительными пораженіями отразилъ и разсѣялъ Тевтоновъ и Кимвровъ. Названный спасителемъ Рима, Марій получилъ торжественный тріумфъ и, не смотря на зависть оптиматовъ, въ шестой разъ избранъ былъ консуломъ. Впрочемъ до сихъ поръ онъ былъ консуломъ на войнѣ, гдѣ никто съ нимъ не могъ равняться; теперь пришлось ему быть консуломъ во время мира, и тогда то оказалась вся государственная неспособность грубаго Марія. Онъ соединился съ людьми, самыми отверженными у всѣхъ партій, которые, посреди бѣлаго дня, на улицѣ, душили своихъ соперниковъ, не умѣя одолѣть ихъ словомъ въ народномъ собраніи. Посредствомъ такихъ лицъ хотѣлъ Марій возобновить вопросы, поднятые благородными Гракхами. Само собою разумѣется, что ему не удалось; популярность его стала падать, и онъ удалился на время изъ Рима въ азіатскія провинціи, говоря «въ Римѣ смотрятъ на меня, какъ на мечь, который ржавѣетъ въ мирное время».

Между тѣмъ оптиматы снова подняли голову: теченіе событій дало имъ представителя, а Марію соперника въ Суллѣ.

Возвышеніе Суллы: Корнелій Сулла происходилъ изъ знаменитаго патриціанскаго рода Корнеліевъ, прежде выставившаго много замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей, но въ то время упавшаго въ общественномъ мнѣніи. Онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію людей: бывъ знатокъ греческой и римской литературы, глубоко понималъ потребности своего времени. Онъ любилъ удовольствія, но еще болѣе славу и власть; когда не было дѣла, предавался нѣгѣ, но никогда удовольствія не отвлекали его отъ дѣла. Былъ краснорѣчивъ, искусно умѣлъ скрывать планы; разгадать его было трудно; въ безнравственности, жестокости и безпощадности, въ эгоизмѣ и честолюбіи не только не уступалъ, а

едва ли не превосходилъ Марія, но былъ скрытнѣе, хладнокровнѣе, полированнѣе Марія. Какъ государственный человѣкъ, былъ далеко выше его. Въ первый разъ дѣлается онъ замѣтнымъ на 30 году возраста, служа въ югуртинской войнѣ, какъ квесторъ Марія. Явясь въ Африку, Сулла угодливостію и старшимъ и младшимъ, неутомимостію и храбростію, умѣлъ скоро сдѣлаться любимцемъ солдатъ и даже старика Марія. Впрочемъ долго идти вмѣстѣ они не могли: вражда не замедлила между ними обнаружиться. Его хитрости обязаны Римляне плѣномъ Югурты; не менѣе удачно дѣйствовалъ онъ въ войнѣ съ Тевтонами, и тутъ впервые разсорился съ Маріемъ. Во время 6-го консульства Марія, Сулла выдвинулся еще болѣе умными распоряженіями въ Азіи и сталъ затирать старика; но окончательно возвысила его *война союзническая* (90 — 88). Долго и напрасно домогаясь правъ римскаго гражданства, италіанскіе союзники рѣшились совершенно отложиться отъ Рима и основать особую республику съ главнымъ городомъ Корфиніумъ. Послѣ двухлѣтней кровавой войны, сенатъ вынужденъ былъ согласиться съ требованіемъ необходимости и уступилъ право гражданства почти всѣмъ италіанскимъ союзникамъ. Такимъ образомъ оружіемъ достигнута была цѣль Кая Гракха и римская республика почти обратилась въ италіанскую.

Соперничество Марія и *Суллы: война съ Митридатомъ VI, царемъ понтійскимъ.* Слава, пріобрѣтенная Суллою въ войнѣ съ союзниками, возвысила его и доставила въ немъ такого же главу партіи оптиматовъ, какимъ былъ Марій для простаго народа. Какъ честолюбцы и представители двухъ партій, они не долго скрывали ненависть другъ къ другу: только нуженъ былъ поводъ къ явной враждѣ между ними, и онъ вскорѣ представился въ войнѣ съ *Митридатомъ VI*, царемъ понтійскимъ. Мужественный Митридатъ, ненавидя самъ Римлянъ и пользуясь ненавистью къ Римлянамъ провинціаловъ, задумалъ планъ овладѣть всею переднею Азіею. Въ короткое время онъ покорилъ всѣ сосѣднія земли, признававшія покровительство римскаго сената, привлекъ на

свою сторону мало-азіатскихъ Грековъ, велѣлъ истребить всѣхъ Римлянъ въ малой Азіи и послалъ сильную армію на защиту возставшей противъ Рима Греціи. Сенатъ римскій назначилъ полководцемъ противъ него Суллу, но старикъ Марій, завидуя Суллѣ, возмутилъ народъ и, при его помощи, успѣлъ отнять команду у Суллы. Сулла не думалъ уступать своему противнику, убѣжалъ къ войску, стоявшему лагеремъ недалеко отъ Рима, уговорилъ его слѣдовать за собою и, не смотря на сильное сопротивленіе Маріевой партіи, ворвался въ Римъ, объявилъ бѣжавшаго Марія, сына его и важнѣйшихъ приверженцевъ врагами отечества, даже оцѣнилъ ихъ головы, усилилъ власть сената и, успокоивъ городъ, двинулся на востокъ противъ Митридата. Марій съ величайшею опасностью успѣлъ достигнуть Африки и здѣсь, въ той самой странѣ, которая была первымъ театромъ его побѣдъ (надъ Югуртою), блуждалъ онъ, забытый, безпрестанно угрожаемый измѣнниками, терпя голодъ, не имѣя пристанища. Здѣсь то, скитаясь на пепелищѣ Карѳагена, когда начальникъ области послалъ ему повелѣніе удалиться изъ Африки, онъ произнесъ предъ посланнымъ слѣдующія замѣчательныя слова: «ступай, скажи своему начальнику, что ты видѣлъ Марія на развалинахъ Карѳагена».

Впрочемъ несчастное положеніе его было недолго: пока Сулла съ успѣхомъ сражался противъ Митридата, въ Римѣ снова произошла революція, произведенная приверженцемъ Марія, *Цинною*, который, набравъ войско изъ черни италіанской, вызвалъ Марія изъ Африки и пошелъ на Римъ. Трудно описать ужасы, которыми ознаменовали свое торжество мстительный Марій и демагогъ Цинна: нѣсколько тысячъ благороднѣйшихъ, приверженныхъ къ Суллѣ, гражданъ были умерщвлены, а домы ихъ разграблены. Впрочемъ и торжество Марія было недолговременно: провозглашенный въ седьмой разъ консуломъ, онъ скоро умеръ отъ пьянства. Приверженцы его продолжали злодѣйствовать въ Римѣ.

Въ это время Сулла продолжалъ успѣшно воевать съ Митридатомъ въ Греціи и въ Азіи: двѣ блистательныя, одер-

жанныя имъ, побѣды принудили Митридата согласиться на чрезвычайно выгодный для Рима миръ, по заключеніи котораго Сулла рѣшился отправиться въ Римъ и прекратить тамъ безпорядки. Предводительствуя 40,000 войска, онъ разбилъ своихъ противниковъ и безъ труда овладѣлъ Римомъ. Прежде всего Сулла занялся возстановленіемъ порядка, а потомъ показалъ ужасную жестокость своей мстительной души: нѣсколько тысячь гражданъ были осуждены на изгнаніе *(проскрипціи)*, всѣ приверженцы Марія истреблены, кости Марія были вырыты и брошены дикимъ звѣрямъ, поставленныя въ честь его статуи уничтожены, имѣнія и земли богатѣйшихъ гражданъ были разграблены и отданы воинамъ Суллы. Не въ одномъ Римѣ, въ цѣлой Италіи происходили убійства и грабежи. Возвысивъ изданными имъ законами сенатъ и власть аристократовъ и унизивъ, въ лицѣ трибуновъ, власть простаго народа, Сулла объявилъ себя *безсмѣнными диктаторомъ* на всю жизнь. Впрочемъ могущественный диктаторъ господствовалъ недолго: чрезъ 2 два года неожиданно отказался онъ отъ своей власти, удалился въ свое помѣстье и умеръ тамъ чрезъ годъ отъ невоздержной жизни (79 г. до Р. Х.). «Никто болѣе его не сдѣлалъ добра друзьямъ и зла врагамъ» говоритъ составленная имъ себѣ эпитафія.

Соперничество Марія и Суллы лишило Римъ 150,000 гражданъ, кромѣ погибшихъ сенаторовъ и другихъ важнѣйшихъ сановниковъ. Всѣ области были опустошены. Общее неудовольствіе готово было вспыхнуть въ народѣ, между Италіанцами и провинціалами.

3) Помпей и Юлій Цезарь.

Марій и Сулла показали примѣръ, что̀ можетъ сдѣлать смѣлый и властолюбивый полководецъ, опираясь на преданныхъ ему солдатъ. Въ эпоху, слѣдующую за Суллою, не политическія убѣжденія, не интересы извѣстныхъ партій волнуютъ республику; нѣтъ, политическія партіи и убѣжденія потеряли почти всякое значеніе, а все дѣлалось подъ

вліяніемъ личныхъ интересовъ. Чернь была игрушкою въ рукахъ богатыхъ и рѣзалась за нихъ на улицахъ и площадяхъ. Легіоны, въ которые Марій принялъ всякій сбродъ, неимѣвшій прежде права служить въ нихъ, были еще болѣе распущены Суллою. Солдаты римскіе познакомились съ роскошью, отвыкли отъ родины, слѣпо слѣдовали за позволявшимъ имъ наживаться вождемъ, куда ему было угодно: на республику или за республику. Не имѣя осѣдлости, не занимаясь уже земледѣліемъ, солдаты въ мирное время составляли самую опасную часть народа. Стоило только честолюбцу, имѣвшему кредитъ у нихъ, подать знакъ—и толпы ветерановъ стремились въ Римъ, переночевывали на улицахъ и возлѣ храмовъ, являлись въ народныхъ собраніяхъ, подавали голоса въ пользу своего патрона, а когда нужно, то не прочь были и отъ боя.

Таково было состояніе республики, когда мѣсто Марія и Суллы заступаетъ цѣлый рядъ молодыхъ, болѣе или менѣе даровитыхъ честолюбцевъ, которые пробиваются къ власти. Прежде всѣхъ выдвигается *Кней Помпей*, за нимъ *Юлій Цезарь;* прочіе играютъ вторыя роли. Сначала соперники полюбовно дѣлятъ власть между собою, а потомъ вступаютъ въ борьбу, и талантливый Цезарь дѣлается почти самодержцемъ въ Римѣ.

Возвышеніе Помпея (войны съ Серторіемъ, гладіаторами, пиратами и Митридатомъ). *Кней Помпей*, прозванный *великимъ*, происходилъ изъ знатнаго рода и отличался военными талантами, неутомимою дѣятельностію, но болѣе всего отважною самонадѣянностію и честолюбіемъ. Побѣды его приписываютъ столько же его талантамъ, сколько и рѣдкому счастію. Какъ государственный человѣкъ, онъ уступалъ многимъ современникамъ. Въ люди вывелъ его Сулла, которому онъ помогъ въ борьбѣ съ Маріемъ, но и Сулла побаивался его запосчиваго честолюбія. Къ чести Помпея нужно сказать, что онъ не замаралъ рукъ въ проскрипціяхъ Суллы, когда не грабилъ только тотъ, кто не хотѣлъ. Послѣ смерти Суллы, онъ сталъ на сторонѣ сената и охранилъ силою за-

коны Суллы, возвышавшіе власть сената, и за то ему досталось предводительство во всѣхъ предстоящихъ войнахъ, изъ которыхъ каждая все болѣе и болѣе его возвышала.

Первая *война* была съ *Серторіемъ,* врагомъ и изгнанникомъ Суллы, демократомъ по убѣжденію, который, умомъ, любезнымъ характеромъ и честностію, умѣлъ пріобрѣсть всеобщую любовь и довѣренность покоренныхъ народовъ Испаніи и Лузитаніи и образовалъ изъ этихъ странъ сильную республику. Около него собрались всѣ остатки Маріевой партіи, бѣжавшіе отъ проскрипцій Суллы. Долго и съ успѣхомъ противились эти демократы всѣмъ попыткамъ оптиматовъ, посылавшихъ въ Испанію одну армію за другою. Наконецъ, когда Серторій былъ измѣннически убитъ на пиру своимъ сподвижникомъ Перпенною, тогда счастливому *Помпею* удалось разбить Маріанцевъ и уничтожить испанскую республику. Счастливое окончаніе серторіанской войны тѣмъ болѣе было кстати, что Риму въ это время грозила страшная опасность, которая уже не разъ пугала его: это было *возстаніе рабовъ-гладіаторовъ.*

Число рабовъ въ Римѣ особенно увеличилось со временъ 1-й пунической войны; они окончательно подорвали свободныхъ рабочихъ. Рабы добывались плѣномъ на войнѣ, морскимъ грабежемъ, кабалою за долги, рожденіемъ отъ рабынь и наконецъ куплею. Торговля рабами была самая обширная. Островъ Делосъ былъ складочнымъ мѣстомъ этого человѣчьяго товара, который привозился съ Востока, изъ Греціи, Галліи, Германіи, Ѳракіи. Каждая страна отличалась цвѣтомъ, физическими и нравственными качествами товара: одна давала лучшихъ поваровъ, другая пастуховъ, третья воспитателей юношества, четвертая рабынь; Германія, Ѳракія и Галлія особенно славились сильно сложенными гладіаторами, которыхъ въ Римѣ выводили для потѣхи народа на бой съ дикими звѣрями. Въ Италіи и Сициліи устроены были цѣлые заводы рабовъ, гдѣ они разводились и дрессировались. Понятіе о рабахъ у Римлянъ, какъ и вообще у древнихъ, было самое унизительное обращеніе съ ни-

ми самое безчеловѣчное. Раба почитали не человѣкомъ, а рабочимъ скотомъ; на отдыхъ давали ему не болѣе 10 дней въ году; ни правъ собственности, ни правъ семейныхъ онъ не имѣлъ. Бичеваніе, распятіе на крестѣ, раздавливаніе между мельничными жерновами были обыкновенными наказаніями рабовъ; нерѣдко ихъ тѣломъ, для потѣхи господина, откармливали муренъ. «Сколько рабовъ—столько враговъ!» говорили Римляне; и дѣйствительно, безчеловѣчное обращеніе побуждало этихъ несчастныхъ ловить каждый случай къ возстанію. Особенно страшны были возстанія рабовъ въ Сициліи, предъ появленіемъ Гракховъ и предъ борьбою Марія съ Суллою. Съ трудомъ успѣли подавить ихъ Римляне и страшно отомстили усмиреннымъ. Но это не устрашило рабовъ, и возстаніе, какого еще и не было, вспыхнуло, предъ окончаніемъ серторіанской войны, между *гладіаторами*. Участь гладіаторовъ была самая злосчастная: они набирались изъ самыхъ свободныхъ и сильныхъ народовъ, пріучались къ пролитію крови и потомъ обрекались на смерть для потѣхи народа. Но изъ этого же видно, что гладіаторы были самые опасные рабы. 200 гладіаторовъ, принадлежавшихъ одному частному торговцу рабами, оставили мѣсто своего заточенія въ Капуѣ и хотѣли пробраться на родину—въ Галлію и Ѳракію; но на пути число ихъ увеличилось до 70,000 разнаго рода рабовъ, и они перемѣнили свое намѣреніе. Избравъ своимъ предводителемъ отважнаго, энергическаго и талантливаго Ѳракійца *Спартака*, они разбили нѣсколько консульскихъ армій и задумали идти на Римъ отмстить своимъ притѣснителямъ. Опасность была велика: въ цѣлой Италіи и даже за предѣлами ея рабы отзывались на голосъ товарищей по несчастію. Къ счастію испуганнаго Рима, они дѣйствовали несогласно и тѣмъ дали возможность *Крассу* нанесть имъ рѣшительное пораженіе. Спартакъ 71 г.
бился какъ левъ въ облавѣ и дорого продалъ жизнь свою. Спасшіеся отъ меча побѣдителей хотѣли пробраться изъ Италіи, но на сѣверѣ встрѣтилъ ихъ Помпей и отчасти истребилъ въ битвѣ, а отчасти перевѣшалъ на крестахъ. «Крассъ,

писалъ онъ въ сенатъ, побѣдилъ Спартака, а я вырвалъ войну съ корнемъ вонъ,» и воротился въ Римъ побѣдителемъ (*).

Возстановивъ уничтоженныхъ Суллою народныхъ трибуновъ, Помпей изъ любимца сената дѣлается любимцемъ народа, и народъ поручаетъ ему начальство надъ войскомъ и диктаторскую власть надъ всѣмъ побережьемъ Средиземнаго моря, для наказанія малоазіатскихъ *пиратовъ*, которые, будучи подстрекаемы Митридатомъ, нападали на Римскія суда и навели такой страхъ на береговыхъ жителей, что никто не хотѣлъ везти въ Римъ хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Помпей въ самое короткое время истребилъ нѣсколько тысячъ пиратовъ и на долго очистилъ Средиземное море отъ грабителей. Въ награду за это, народъ вручилъ ему начальство надъ войсками, дѣйствовавшими на востокѣ, въ новой *войнѣ съ Митридатомъ VI*, который *во второй разъ* взялся за оружіе противъ ненавистныхъ ему Римлянъ. Разбитый во многихъ битвахъ извѣстнымъ богачемъ и гастрономомъ *Лукулломъ*, онъ безпрестанно собиралъ новыя силы и, пользуясь возстаніемъ въ легіонахъ самого Лукулла, грозилъ Риму. Наконецъ народъ римскій послалъ про-

---

(*) Байронъ художественно изобразилъ смерть гладіатора въ слѣдующей картинѣ: «Вижу простертаго предо мною гладіатора. Голова его склоняется на руку, мужественный взоръ безстрашенъ предъ смертью, но унылъ и печаленъ, рука его слабѣетъ, кровь течетъ медленно изъ смертной раны и капаетъ каплями, крупными, какъ первыя капли сильнаго дождя. Кружится окрестъ его арена... а еще не умолкли свирѣпыя восклицанія зрителей, превозносящихъ побѣду его противника . . . .

Онъ слышитъ.... Но что ему до нихъ? Взоры его, угасая, летятъ съ чувствами сердца его далеко отъ Рима... Къ чему была ему жизнь и побѣда? Но онъ думалъ, что ему удастся увидѣть еще разъ въ жизни свою дикую хижину на берегахъ Дуная и своихъ малютокъ, играющихъ подлѣ матери, и вотъ онъ зарѣзанъ на праздникѣ римскомъ. Страшная мысль смѣшана у него съ мыслью о смерти: ужели я умру безъ отомщенія? Возстаньте, сыны сѣвера! Сюда! сюда! яростно мстите за него изнѣженнымъ дѣтямъ безчеловѣчнаго Рима...

тивъ него Помпея. Помпей совершенно уничтожилъ всѣ войска Митридата, выгналъ его изъ царства и обратилъ Понтъ, всю Малую Азію и Сирію (съ Палестиною) въ римскія провинціи. Но Митридатъ еще не унывалъ: онъ вооружилъ противъ Римлянъ Кавказскія племена и дикихъ Германцевъ и даже думалъ напасть на самую Италію, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что сынъ его *Фарнакъ* измѣнилъ ему и хочетъ предать его Римлянамъ: старый Митридатъ не перенесъ измѣны сына, принялъ ядъ и, когда онъ не подѣйствовалъ, велѣлъ убить себя одному солдату. Помпей далъ Фарнаку, въ награду за измѣну, царство Босфорское (нынѣшній Крымъ). 62 г.

До Помпея ни одинъ полководецъ не совершалъ столь блистательныхъ подвиговъ. Какъ побѣдоносный завоеватель, онъ прошелъ всю переднюю Азію отъ Кавказскихъ горъ до Средиземнаго моря и большую половину ея областей обратилъ въ римскія провинціи, покорилъ 2,000 городовъ, взялъ 800 караблей, положилъ на мѣстѣ и взялъ въ плѣнъ болѣе 2,000,000 непріятелей и обогатилъ общественную казну свыше 20,000,000 руб. сер.

Но въ то самое время, когда Римъ торжествовалъ побѣды Помпея, *Сергій Катилина,* знатный, но разорившійся патрицій, человѣкъ безнравственный, *составилъ заговоръ:* онъ хотѣлъ, въ извѣстный день, зажечь городъ, умертвить сенаторовъ и консуловъ, произвести мятежъ между военными колонистами и во всѣхъ частяхъ Италіи и, при общемъ смятеніи, утвердить свое владычество. Въ этомъ заговорѣ участвовали большею частію промотавшіеся молодые люди изъ извѣстныхъ фамилій; они надѣялись поправить свое состояніе грабежемъ, примѣръ котораго видѣли при Суллѣ. Къ счастію, угрожавшую Риму опасность открылъ величайшій изъ ораторовъ и замѣчательный государственный дѣятель смутнаго времени *Маркъ Туллій Цицеронъ.* Слабости и тщеславіе Цицерона не затмѣваютъ его достоинствъ. Конечно, по высокому самоотверженію и безкорыстію, онъ не можетъ идти въ сравненіе съ великимъ ораторомъ падаю- 63 г.

щей Греціи, Демосѳеномъ, подобно которому онъ слишкомъ вѣрилъ въ возможность спасти законъ и свободу среди испорченнаго общества; тѣмъ не менѣе слабости Цицерона принадлежатъ его положенію, а значеніе, котораго онъ достигъ, принадлежитъ исключительно ему самому. Сынъ незнатныхъ родителей, безъ воинскихъ дарованій и безъ славы побѣдъ, этотъ *новичокъ* (homo novus) силою таланта пробилъ себѣ дорогу къ высшимъ мѣстамъ въ государствѣ въ то время, когда добиться ихъ можно было, опираясь или на породѣ, или на побѣдахъ и солдатахъ. Иногда суетный и хвастливый, онъ однакожъ служилъ постоянно опорою закона противъ насилія и думалъ достичь того, чтобы въ республикѣ «оружіе уступило мѣсто тогѣ.» Сдѣлавшись консуломъ, онъ своею дѣятельностію открылъ заговоръ и своими громовыми рѣчами заставилъ Катилину бѣжать изъ Рима. Сообщники Катилины были казнены, самъ онъ палъ въ сраженіи. Благодарный Римъ назвалъ Цицерона отцемъ отечества.

Возвышенія Юлія Цезаря (первый тріумвиратъ). Возвратясь съ Востока и распустивъ побѣдоносныхъ солдатъ своихъ, Помпей три дня праздновалъ великолѣпный тріумфъ въ Римѣ и потомъ требовалъ, въ награду отъ сената, утвержденія распоряженій, сдѣланныхъ имъ въ Азіи и раздѣла земель между солдатами. Но два врага Помпеевы: честный и образованный защитникъ свободы и старой доблести римской, живой укоръ испорченному вѣку—*Катонъ младшій*, который боялся, чтобы Помпей не захватилъ верховной власти въ республикѣ, и богатый, корыстолюбивый сластолюбецъ *Крассъ*, который завидовалъ славѣ и подвигамъ Помпея, убѣдили сенатъ отказать въ его требованіяхъ. Раздраженный этимъ отказомъ, Помпей хотѣлъ силою достигнуть утвержденія своихъ распоряженій. Риму грозили времена Марія и Суллы; но въ то время явился въ Римъ знаменитый *Юлій Цезарь*, и дѣла приняли другой оборотъ.

Юлій Цезарь—одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ людей древняго міра. Одаренный отъ природы высокими талантами, онъ развилъ ихъ прекраснымъ образованіемъ и

сдѣлался отличнымъ ораторомъ, умнѣйшимъ государственнымъ человѣкъ и величайшимъ полководцемъ. Вызвышеніемъ своимъ онъ обязанъ единственно своимъ талантамъ. Какъ родственникъ Марія, въ молодости онъ едва спасся отъ преслѣдованія Суллы, который уже тогда предвидѣлъ въ немъ «трехъ Маріевъ.» И дѣйствительно, честолюбіе было господствующею его страстью; но чтобы не возбудить въ Римѣ опасеній, онъ умѣлъ скрывать честолюбивыя свои намѣренія подъ видомъ безпечности и разгульной жизни, а между тѣмъ зорко слѣдилъ за всѣми дѣлами республики, нетерпѣливо ожидая времени, когда настанетъ его пора. Чтобы заранѣе привлечь къ себѣ любовь народа, онъ давалъ ему безпрестанно пиры и зрѣлища, расточилъ на нихъ свое имѣніе и впалъ въ долги, зная, что, достигнувъ верховной власти, легко можетъ уплатить ихъ. Увидѣвъ однажды статую Александра В., онъ остановился въ необыкновенномъ волненіи и, мучимый жаждою славы, сказалъ: «въ мои лѣта онъ уже завоевалъ весь міръ, а я еще ничего не сдѣлалъ!» Въ другой разъ онъ еще лучше выразилъ свой характеръ словами: «я лучше хочу быть первымъ въ деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ.» Этотъ-то Юлій Цезарь прибылъ въ 60 г. въ Римъ изъ Испаніи, гдѣ онъ занималъ должность квестора, и съ этихъ поръ весь почти интересъ римской исторіи сосредоточивается на жизни этого замѣчательнаго человѣка.

Когда Цезарь прибылъ въ Римъ, то Помпей и Крассъ играли здѣсь такую роль, что безразсудно было бы вступать 60 г.
съ ними въ открытую борьбу. Цезарь предложилъ имъ составить тройной союзъ, названный *тріумвиратомъ*, чтобы такимъ образомъ упрочить общую власть и соединенными силами дѣйствовать противъ своихъ соперниковъ. Всѣ три не уступали другъ другу въ честолюбіи: всякій хотѣлъ быть первымъ; но на самомъ дѣлѣ первымъ, до поры до времени, былъ Помпей, за нимъ стоялъ богатый Крассъ; Цезарь, хотя и занималъ послѣднее мѣсто, но скоро затмилъ обоихъ своихъ товарищей. Тріумвиры, раздѣливъ между собою власть, получили, по опредѣленію народа, въ управленіе:

Помпей—Испанію, Крассъ—Сирію, Цезарь—Галлію, на 5 лѣтъ съ консульскою властью. Но Помпей не поѣхалъ въ Испанію; оставшись въ Римѣ, онъ захватилъ въ руки управленіе всѣми дѣлами. Крассъ отправился въ Сирію, разграбилъ тамъ храмъ въ Іерусалимѣ, предпринялъ походъ противъ Парѳянъ и въ этомъ походѣ былъ вскорѣ убитъ. Цезарь дѣйствовалъ совершенно иначе: между тѣмъ какъ Помпей старался основать свою власть на сенатѣ и оптиматахъ, онъ, наученный прежними примѣрами, зналъ, что силою оружія можно составить непобѣдимое войско, утвердить чрезъ него свое господство надъ Римомъ и блистательными подвигами затмить Помпея. Подвиги Цезаря въ Галліи были въ самомъ дѣлѣ блистательны: онъ покорилъ всю Галлію (Францію), предпринялъ походъ въ Британію, разбилъ Германцевъ подъ предводительствомъ царя ихъ *Аріовиста* и изъ покоренныхъ же народовъ образовалъ превосходное войско. Вообще Цезарь завоевалъ 600 городовъ, покорилъ 30 народовъ и въ разныхъ битвахъ побѣдилъ 3 милліона воиновъ.

Борьба Цезаря съ Помпеемъ. Военные подвиги не мѣшали Цезарю наблюдать за ходомъ дѣлъ въ Римѣ, гдѣ Помпей, имѣя тайныхъ приверженцевъ между сенаторами и и завидуя своему сопернику, пріобрѣтавшему съ каждымъ днемъ опасную силу, побудилъ сенатъ потребовать, чтобы Цезарь распустилъ свое войско и явился въ Римъ. Цезарь не повиновался и былъ объявленъ врагомъ отечества.

Но только того и желалъ онъ. Собравъ свои войска и сказавъ: «жребій брошенъ!», перешелъ черезъ рѣку Рубиконъ и пошелъ на Римъ, чтобы наказать своихъ противниковъ. Помпей и сенатъ убѣжали въ Грецію, а Цезарь покорилъ себѣ Испанію и Италію, назвалъ себя консуломъ и переправился черезъ Адріатическое море преслѣдовать Помпея. Поднялась страшная буря. «Не бойся! ты везешь Цезаря и его счастіе!» сказалъ слѣпо вѣрившій въ судьбу свою Цезарь, и благополучно высадился на берегъ сѣверной Греціи, гдѣ Помпей вооружилъ Востокъ и собралъ сильное

войско. Оба противника наконецъ встрѣтились при г. *Фарсалѣ;* произошло сраженіе; Помпей, разбитый на-голову, бѣжалъ въ Египетъ и тамъ былъ убитъ царемъ *Птоломеемъ.* Не зная еще о смерти врага своего, Цезарь отправился за нимъ въ Египетъ, здѣсь рѣшилъ споръ о наслѣдствѣ египетскаго царства, возведя на престолъ *Клеопатру*, сестру Птоломея. Изъ Египта Цезарь отправился въ Азію противъ возмутившагося царя босфорскаго *Фарнака*, «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ» и отнялъ его владѣнія. Въ то-же время многіе ревностные республиканцы, и въ особенности благородный *Катонъ*, вооружили противъ Цезаря огромныя силы въ Африкѣ и Испаніи, но были на-голову разбиты. Катонъ убилъ себя, не желая пережить паденія старой свободы. Цезарь возвратился въ Римъ.

Диктаторство Юлія Цезаря. Со времени уничтоженія 46 г.
Помпеевой партіи вся власть перешла въ руки Цезаря, и республика римская существовала только по имени, а не на самомъ дѣлѣ. Цезарь провозглашенъ былъ безсмѣннымъ диктаторомъ, главнымъ начальникомъ всѣхъ римскихъ войскъ (imperator), народнымъ трибуномъ и цензоромъ; въ честь его воздвигнули статуи, дали 4 тріумфа и 40 дней праздновали его побѣды. Власть Цезаря была неограниченна и, пользуясь ею, онъ заботился о благѣ народномъ, устроилъ государство, издалъ полезные законы, исправилъ календарь (юліанскій). Казалось, все благопріятствовало счастливому властителю, но не довольствуясь полною властью, Цезарь хотѣлъ царской короны и тѣмъ погубилъ себя. 60 республиканцевъ, изъ которыхъ главными были *Кассій* и *Юній Брутъ*, потомокъ перваго консула, другъ Цезаря, обязанный ему спасеніемъ жизни, составили заговоръ на жизнь диктатора и положили умертвить его въ полномъ собраніи сената. Цезарь, не смотря на зловѣщія предзнаменованія и предостереженія, явился въ сенатъ и едва занялъ мѣсто, какъ заговорщики окружили его съ обнаженными кинжалами. Онъ сначала защищался, но увидѣвъ, что и Брутъ поднялъ на него кинжалъ, съ горестью сказалъ: «и ты Брутъ»! закрылъ

лице свое тогою и упалъ, покрытый двадцатью тремя ранами, къ подножію статуи своего соперника Помпея, 15-го марта 44 года до Р. Х.

4) Антоній и Октавіанъ или послѣднее время республики.

По убіеніи Цезаря, заговорщики съ окровавленными кинжалами бѣгали по городу, провозглашая паденіе тирана и торжество свободы: они ожидали, что граждане возьмутъ ихъ сторону, но обманулись. Римляне находились въ страхѣ и недоумѣніи: сенатъ въ ужасѣ разошелся, народъ отвѣчалъ молчаніемъ на восторженные крики убійцъ. Заговорщики не знали что дѣлать, на что рѣшиться. Тогда *Маркъ Антоній*, товарищъ Цезаря по консульству, рѣшился воспользоваться нерѣшительнымъ положеніемъ дѣлъ и захватить власть въ республикѣ. Ему надобно было привлечь на свою сторону народъ, и съ этою цѣлію онъ объявилъ себя мстителемъ убитаго Цезаря. Въ полномъ собраніи народа и сената прочиталъ онъ завѣщаніе покойнаго диктатора, въ которомъ, этотъ послѣдній съ любовью отзывался о своихъ убійцахъ и оставляетъ народу большую часть своего имущества. Когда слушатели были растроганы, Антоній произнесъ рѣчь, зарыдалъ и развернулъ предъ народомъ окровавленную тогу Цезаря. Народъ пришелъ въ ярость, требовалъ мщенія за смерть своего благодѣтеля, бросился на домы убійцъ и разрушилъ ихъ. Убійцы бѣжали, Антоній, подкрѣпляемый народомъ, заставилъ ничтожный сенатъ объявить себя и своего товарища *Лепида* начальниками войскъ противъ убійцъ Цезаря. Такимъ образомъ Антоній почти захватилъ верховную власть въ республикѣ, не смотря на противодѣйствіе Цицерона, который выступаетъ теперь на послѣдній бой за свободу и пишетъ, подобно Демосѳену, Филиппики противъ Антонія. Но всѣ усилія его были напрасны: онъ погибъ, выданный тѣмъ человѣкомъ, посредствомъ котораго думалъ спасти государство. Этотъ человѣкъ былъ

Октавіанъ. Сынъ всадника-ростовщика, онъ былъ усыновленный внукъ Цезаря, наслѣдникъ его имени и имущества и получилъ прекрасное образованіе у Грековъ. Онъ имѣлъ самую непредставительную наружность: былъ щедушенъ, малъ ростомъ, постоянно слабъ здоровьемъ, не владѣлъ даромъ слова. Трусливый на сраженіи, онъ однакожъ умѣлъ хорошо распоряжать планомъ битвъ; боялся грому и тучь, но былъ неумолимъ къ людямъ, которые имѣли несчастіе внушить ему страхъ. Въ этой щедушной личности было много гражданской смѣлости, которую онъ доказалъ, идя мальчишкой, въ самое бурное время, добиваться наслѣдства въ Римъ; было много настойчивости, которую доказалъ онъ, добившись власти и одолѣвъ всѣ преграды; было много ловкости для того, чтобы очаровать и провести Антонія и Цицерона; было много безпощадной жестокости и низости, чтобы предать своего защитника Цицерона и казнить множество гражданъ; наконецъ—лицемѣрія, которое онъ поставилъ въ основу всего своего правленія, когда докапалъ республику и захватилъ власть.

Этотъ-то Октавіанъ пріѣхалъ въ Римъ изъ Греціи по смерти Цезаря и далъ дѣламъ совершенно иной оборотъ. Солдаты Цезаря приняли Октавіана съ восторгомъ. Съ помощію ихъ онъ отнялъ власть, которую захватили было Антоній и Лепидъ, сдѣлался консуломъ, подчинилъ себѣ сенатъ и подобно Цезарю сталъ управлять неограниченно республикою.

Оставалось только избавиться отъ республиканцевъ, которые, подъ начальствомъ *Брута* и *Кассія*, составили огромное войско въ Македоніи. Чтобы вѣрнѣе уничтожить ихъ, Октавіанъ заключилъ союзъ съ прежними соперниками, Антоніемъ и Лепидомъ, названный *вторымъ тріумвиратомъ*. Первымъ дѣломъ тріумвировъ было истребленіе всѣхъ своихъ противниковъ въ Римѣ: 300 сенаторовъ, множество лучшихъ гражданъ были изгнаны или убиты, въ числѣ ихъ и знаменитый Цицеронъ. Вслѣдъ за тѣмъ Октавіанъ и Антоній отправились противъ республиканцевъ—

Брута и Кассія. Въ Македоніи, при городѣ *Филиппахъ*, произошла двухдневная битва, въ которой тріумвиры остались побѣдителями. Кассій и Брутъ въ отчаяніи сами убили себя, и со смертью этихъ двухъ, такъ называемыхъ *послѣднихъ Римлянъ*, исчезли всѣ надежды республиканцевъ.

Послѣ сраженія при Филиппахъ побѣдители раздѣлили между собою государство. Октавіанъ получилъ въ управленіе западныя области, Антоній—восточныя, Лепидъ—Африку. Десять лѣтъ тріумвиры жили въ мирѣ, подозрительно наблюдая другъ за другомъ; но непрочность ихъ согласія было легко предвидѣть. Властолюбивый Октавіанъ не могъ терпѣть возлѣ себя соперниковъ: сперва онъ удалилъ отъ дѣлъ ничтожнаго Лепида, потомъ рѣшился управиться съ Антоніемъ, который, живя сначала въ Азіи, а послѣ при дворѣ египетской царицы Клеопатры, своими поступками унижалъ достоинство республики, дарилъ римскія провинціи дѣтямъ Клеопатры, и такимъ образомъ возбудилъ неудовольствіе въ Римлянахъ. Поэтому Октавіану легко было уронить его въ глазахъ сената и народа. По настоянію его сенатъ объявилъ войну Клеопатрѣ; Антоній рѣшился защищать ее. Въ 31 году до Р. Х., въ морской битвѣ при *Акціумѣ*, Антоній и Клеопатра были разбиты Октавіаномъ и въ отчаяніи лишили сами себя жизни, а Октавіанъ, обративъ Египетъ въ римскую провинцію, возвратился въ Римъ. Здѣсь сенатъ, состоявшій изъ безсильныхъ, раболѣпныхъ оптиматовъ, и народъ, состоявшій изъ голодныхъ, оборванныхъ и готовыхъ продать все за хлѣбъ и зрѣлища пролетаріевъ, здѣсь всѣ наконецъ, утомленные цѣлымъ вѣкомъ междоусобій, признали Октавіана верховнымъ властителемъ. Въ 30 году до Р. Х. начинается послѣдній періодъ римской жизни.

3.

ОТЪ ОКТАВІАНА ДО ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ: ВРЕМЯ ИМПЕРАТОРОВЪ (30 до Р. Х.—476 по Р. Х).

Въ третьемъ періодѣ римской исторіи, который былъ послѣднимъ періодомъ жизни всего древняго міра, римская имперія имѣетъ тѣ же границы, какъ и весь историческій міръ: она обнимаетъ лучшія земли трехъ частей свѣта, лежащія около Средиземнаго моря, отъ столповъ Геркулесовыхъ до р. Тигра и отъ Рейна и Дуная до степей ливійскихъ. Прежде господствовала на этомъ обширномъ пространствѣ дѣятельная жизнь, толпились самостоятельные народы: теперь свободная жизнь народовъ замерла, и вся исторія исключительно ограничивается событіями главнаго города Рима и дѣлами его императоровъ (цезарей). Изчезли даже названія многихъ народовъ, все слилось въ одну монархію, блистательную снаружи, ветхую и состарившуюся внутри. Только на сѣверѣ и сѣверовостокѣ римской имперіи, за Рейномъ и Дунаемъ, пробуждается жизнь въ дремучихъ лѣсахъ и непроходимыхъ болотахъ Германіи и въ степяхъ скиѳскихъ. Отсюда выступаютъ на сцену исторіи дикіе, но полные жизни и свѣжихъ силъ Германцы и Славяне, чтобы смѣнить одряхлѣвшіе древніе народы.

А) ЦЕЗАРИ ИЗЪ ДОМА АВГУСТА (30 ДО Р. Х.—68 ПО Р. Х.).

Октавіанъ Августъ. Послѣ побѣды при Акціумѣ всѣ силы государственныя соединились въ рукахъ счастливаго *Октавіана*. Ни одинъ противникъ не могъ оспаривать у него власти, пріобрѣтенной оружіемъ. Воины получили дары, народъ хлѣбъ; всѣ радовались давно небывалой тишинѣ; крѣпкіе духомъ скитались въ изгнаніи или пали въ битвахъ, остальные оптиматы расчитывали, что для нихъ гораздо

вѣрнѣе искать счастія и почестей отъ новаго правленія, нежели отъ опасныхъ волненій республиканскихъ. Въ провинціяхъ также не отвергали новаго порядка дѣлъ, извѣрившись уже и въ сенатѣ и въ народѣ, и думая, авось не будетъ ли споснѣй при одномъ властителѣ. Хитрый Октавіанъ какъ нельзя лучше умѣлъ воспользоваться такимъ расположеніемъ народнаго духа, чтобы поработить народъ своей власти. Вся жизнь его, частная и общественная, все управленіе его были основаны *на лицемѣріи* и *притворствѣ*, на наружномъ уваженіи къ формамъ древняго правленія и на внутреннемъ презрѣніи ко всему тому, что въ старое время почиталось добродѣтелью, доблестію, справедливостію, нравственностію.

По возвращеніи въ Римъ Октавіанъ отпраздновалъ свои побѣды тремя блистательными тріумфами и великолѣпными играми. Сенатъ и народъ предложили ему званіе диктатора, но онъ, боясь участи Цезаря, отказался отъ этого титула. Желая увѣрить народъ, что республика по прежнему существуетъ, онъ не уничтожилъ ни консульства, ни трибунства, ни цензорства, ни сената, а между тѣмъ мало-по малу прибралъ всѣ эти званія въ свои руки. Консульство доставило ему правленіе государствомъ; трибунство сдѣлало его особу священною и неприкосновенною; цензорство доставило ему надзоръ за нравственностію гражданъ; званіе первосвященника сдѣлало его верховнымъ начальникомъ религіи; званіе императора передало въ его руки начальство надъ всѣми арміями государства. Народныя собранія были сохранены, но никогда не собирались: сенату Октавіанъ придалъ даже болѣе значенія, сокративъ число его членовъ (вмѣсто 900 Цезаревыхъ, было 600), но сенаторы, имъ избираемые, были ему совершенно преданы и дѣлали все, что ему было угодно. Такимъ образомъ по наружности Римъ былъ республикою, но на самомъ дѣлѣ всѣмъ повелѣвала единодержавная власть императора Октавіана, которому сенатъ далъ прозваніе *Августа* (т. е. достопочтеннаго).

Чтобы еще болѣе утвердить и обезопасить власть свою,

Августъ, съ видомъ безкорыстія уступивъ сенату управленіе богатыми внутренними провинціями, подчинилъ личному вѣдомству императора провинціи пограничныя, гдѣ нужно было держать постоянно войска, и учредилъ особенную императорскую казну (фискъ), въ которую поступали доходы съ этихъ провинцій и которою онъ могъ распоряжаться по произволу. Не довольствуясь тѣмъ, что эта хитрая мѣра передала въ его завѣдываніе армію, Октавіанъ учредилъ въ Римѣ строгую ночную и дневную полицейскую стражу и, сверхъ того, корпусъ тѣлохранителей или такъ называемыхъ *преторіанцевъ*, которые играли важную роль въ послѣдующія времена римской имперіи.

Этими учрежденіями Августъ, при помощи умныхъ совѣтниковъ *Агриппы* и *Мецената*, достигъ своей цѣли: доставилъ утомленному долгими междусобіями Риму наружное спокойствіе и наружный блескъ. Обманутый его хитростью и безпрестанно ласкаемый имъ народъ съ восторгомъ повиновался ему и забылъ думать о древней свободѣ (*). Покровительствуемыя Августомъ и особенно Меценатомъ, словесность и искусство, среди тишины и спокойствія, вступили въ золотой вѣкъ свой. Въ произведеніяхъ *Виргилія*, *Горація*, *Овидія* и *Тита Ливія* поэзія и проза римская достигли высшей степени развитія; Римъ украшенъ былъ новыми великолѣпными храмами, дворцами и театрами (пантеонъ Агриппы), и Августъ, «заставъ Римъ кирпичнымъ, оставилъ его мраморнымъ.»

Впрочемъ не столько изъ любви къ словесности и искусствамъ покровительствовалъ имъ Августъ, сколько потому, что писатели римскіе въ стихахъ и прозѣ льстили ему и превозносили дѣла и подвиги его. Царствованіе Августа

(*) Только одинъ разъ въ правленіе Августа сдѣлана была попытка возстановить республику: молодой *Цинна*, внукъ Помпея, составилъ заговоръ. Но заговоръ этотъ былъ открытъ и великодушіе, можетъ быть притворное, съ какимъ Августъ простилъ Цинну, окончательно обморочило Римлянъ.

могло бы быть совершенно спокойно, если бы на границахъ Германіи не продолжалась упорная борьба съ полудикими народами германскими. Августъ поручилъ обезопасить навсегда предѣлы имперіи пасынкамъ своимъ, сначала *Друзу*, а потомъ *Тиберію*. Оба они дѣйствовали успѣшно и, отчасти оружіемъ, отчасти переговорами, подчинили Риму племена, жившія между Рейномъ и Везеромъ. Уже римскіе нравы, языкъ, устройство начали проникать къ Германцамъ и многіе изъ Германцевъ шли на службу въ римскіе легіоны, когда заступившій мѣсто Тиберія, намѣстникъ Германіи *К. Варъ*, человѣкъ гордый и корыстолюбивый вывелъ своими несправедливыми поступками изъ терпѣнія Германцевъ, цѣнившихъ выше всего свою свободу. *Арминій*, предводитель Херусковъ (одного изъ племенъ германскихъ), рѣшился освободить свое отечество: онъ вооружилъ германскія племена, хитростью завлекъ Вара въ дремучій лѣсъ *Тевтобургскій* и тамъ почти совершенно истребилъ римскіе легіоны. Это происшествіе произвело сильное впечатлѣніе на Августа, который, не смотря на умѣнье владѣть собою, потерялъ вовсе присутствіе духа и со слезами восклицалъ: «Варъ! возврати мнѣ легіоны.»

Императоръ Августъ былъ также несчастенъ въ семейной жизни, какъ счастливъ онъ былъ на политическомъ поприщѣ. Причиною его семейныхъ несчастій была вторая жена его *Ливія*, женщина коварная и властолюбивая, къ которой, не смотря на то онъ былъ привязанъ. Августъ не имѣлъ сыновей, но племянникъ его *Марцеллъ*, по своимъ прекраснымъ достоинствамъ, могъ вполнѣ замѣнить ему сына. Къ сожалѣнію онъ былъ отравленъ Ливіею, которая старалась доставить престолъ своему сыну отъ перваго брака—Тиберію. Объявленные наслѣдниками престола по смерти Марцелла, внуки Августа, сыновья порочной дочери его *Юліи*, также умерли въ молодыхъ лѣтахъ: младшій отравленъ былъ Ливіею, старшій палъ въ битвѣ. Августъ по настоянію и просьбамъ Ливіи, усыновилъ тогда Тиберія и объявилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Августъ скончался послѣ 44-хъ лѣтняго царствованія (14 г. по Р. Х.). Онъ самъ очертилъ свой характеръ, спрашивая на смертномъ одрѣ окружающихъ: «Неправда ли я хорошо сыгралъ свою роль?»

Величайшее всемірно-историческое значеніе имѣетъ случившееся въ 30 году консульства Августова *Рождество Спасителя міра и основателя новой церкви—Іисуса Христа*, въ іудейскомъ городѣ Виѳлеемѣ.

Тиберій достигъ власти уже въ старости. Съ дѣтства 14 г. по Р. Х.
склонный къ жестокости, взросшій среди козней и злодѣяній матери, онъ зналъ людей только съ черной стороны, и на тронѣ явился истиннымъ образцомъ римскаго тиранна съ душею низкою, но сильною,—«мужемъ крови» по призванію. Мрачный и *подозрительный*, онъ не только усвоилъ, но возвелъ до страшныхъ размѣровъ основное начало Августовой политики—лицемѣріе. Племянникъ его, благородный *Германикъ*, любимый народомъ и войскомъ, былъ первою жертвою его подозрительности. Въ послѣдніе годы Августова правленія, Германикъ сражался на Рейнѣ противъ Германцевъ и покрылъ себя такою славою, что Тиберій боялся, чтобъ войска не провозгласили его Императоромъ. По этому онъ вызвалъ его съ Рейна, отправилъ въ Азію противъ Парѳянъ и далъ, касательно его, тайное порученіе намѣстнику Сиріи *Пизону*. Отравленный Германикъ умеръ внезапно на рукахъ доблестной жены своей *Агриппины*, раздѣлявшей съ нимъ труды военной жизни. Агриппина, одна изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ въ это время личностей, напоминавшихъ величавый образъ старой римской матроны, рѣшилась мстить за мужа. Весь Римъ былъ еще въ оцѣпенѣніи отъ внезапной и таинственной смерти Германика, какъ Агриппина съ печальнымъ поѣздомъ явилась у городскихъ воротъ: она несла въ рукахъ урну съ прахомъ супруга; прекрасные его дѣти окружали ее; за ней слѣдовали ветераны, привыкшіе побѣждать подъ его начальствомъ. Народъ встрѣтилъ ее въ печальной одеждѣ и въ слезахъ, и, при свѣтѣ факеловъ, въ присутствіи всѣхъ Агриппина поставила прахъ мужа подлѣ

обоготворенныхъ останковъ Августа. Вслѣдъ за тѣмъ она явилась въ сенатъ, съ отважнымъ краснорѣчіемъ назвала любимца императора Пизона убійцею Германика и требовала правосудія. Сенатъ нарядилъ слѣдствіе, но на другое утро, послѣ обвиненія, Пизонъ былъ найденъ мертвымъ: молва народная увѣряла, что Тиберій отравилъ своего сообщника, боясь, чтобы онъ не выдалъ его. Возрастающая любовь народа къ семьѣ Германика и глубокое уваженіе его къ Агриппинѣ явно обнаруживались вездѣ, гдѣ бы она ни показывалась, и усиливали опасенія тиранна, возбужденныя въ немъ ея гордымъ и отважнымъ духомъ. Первымъ нападеніемъ его на Агриппину и величайшимъ ударомъ, какой только тираннъ могъ нанести матери, было разлученіе ея съ дѣтьми; за тѣмъ слѣдовала ссылка на пустынный островъ. Проживъ здѣсь два года, Агриппина, говорятъ, сама уморила себя голодомъ: слухъ, подъ которымъ могло скрываться новое злодѣяніе Тиберія.

Смерть Германика развязала руки Тиберію: подозрительность и жестокость его не имѣли границъ. Преступленіе, называемое оскорбленіемъ величества, подъ которымъ прежде разумѣли поступки, грозившіе безопасности республики, теперь распространено было на всѣ дѣйствія и рѣчи противъ особы государя, и ревность, съ которою отыскивали подобныхъ преступниковъ, открыла обширное поле доносамъ. Доносчики пріобрѣтали богатства и почести, и потому число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и казни. Подозрительный Тиберій поручилъ управленіе любимцу своему *Сеяну*, а самъ удалился на островъ Капрею и, живя здѣсь въ неприступномъ дворцѣ, давалъ знать о своемъ существованіи безпрестанными казнями: ежедневно требовалъ онъ жертвъ и часто приказывалъ привозить осужденныхъ въ Капрею, чтобы наслаждаться ихъ муками и казнію. Чтобы избѣжать пытки, или, какъ выражались тогда, чтобы украсть свою жизнь у тиранна, многіе прекращали дни свои самоубійствомъ. Наконецъ и Сеянъ обратилъ на себя подозрительное вниманіе цезаря и

былъ казненъ со всѣмъ своимъ семействомъ и приверженцами. Двадцать два года Тиберій угнеталъ Римъ и наконецъ былъ задушенъ однимъ изъ своихъ клевретовъ.

Кай-Калигула, младшій сынъ Германика, провозглашенъ былъ императоромъ, болѣе по воспоминанію объ отцѣ, нежели по личнымъ достоинствамъ. Калигула началъ управлять государствомъ благоразумно, но скоро болѣзнь разстроила умъ его, и съ тѣхъ поръ жизнь Калигулы представляетъ родъ жестокихъ и безумныхъ поступковъ. Онъ расточилъ всю государственную казну, установилъ для своего коня придворный штатъ и сдѣлалъ его консуломъ, самъ наряжался въ одежду боговъ, приказалъ выстроить себѣ храмъ, предпринималъ смѣшной походъ за Рейнъ, пилилъ людей по-поламъ, кормилъ дикихъ звѣрей человѣческимъ мясомъ, и въ припадкѣ безумія желалъ всѣмъ Римлянамъ имѣть одну голову, чтобы однимъ ударомъ истребить всѣхъ. Наконецъ когда онъ не шутя сдѣлалъ попытку уморить весь Римъ голодомъ, тогда ясно стало, что повелитель міра сошелъ съ ума, и его наконецъ умертвили. По смерти Калигулы сенатъ хотѣлъ возстановить республику, но преторіянцы, получавшіе отъ цезарей деньги, провозгласили императоромъ *Клавдія*, жестокаго и слабоумнаго брата Германика. Во время тревоги при убійствѣ Калигулы, онъ забился и спрятался куда то въ уголъ, но солдаты его вытащили и посадили на тронъ къ стыду міра, котораго онъ сдѣлался повелителемъ. Имѣя смѣшную наружность, обнаруживъ нѣсколько разъ самую безнадежную глупость, Клавдій предоставилъ правленіе въ руки самой распутной женщины *Мессалины*, которую вольноотпущенники и льстецы избрали ему въ жены. Захвативъ власть, она грабила, обирала и казнила гражданъ именемъ цезаря. Клавдій, подписавъ смертный приговоръ, чрезъ минуту забывалъ объ немъ, и часто приглашалъ къ своему столу людей, которые за нѣсколько дней были казнены по его приказанію. Этою забывчивостію воспользовались враги Мессалины и убѣдили его подписать сій смертный при-

37 г.

говоръ.(*) Запивъ стаканомъ вина вѣсть о смерти Мессалины, Клавдій, по совѣту вольноотпущенниковъ, вступилъ въ новый бракъ съ *Агриппиною*, вдовою Домиція. Это была одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ въ Римской исторіи, и потому жизнь ея заслуживаетъ особеннаго вниманія. *Юлія Агриппина*, правнука Августа и дочь Германика, родилась въ лагерѣ на берегу Рейна и выросла среди побѣдъ отца своего и подъ руководствомъ великой матери. Первымъ событіемъ въ новой жизни ея было торжественное погребеніе Германика. За разлукою съ доброю матерью слѣдовала ранняя смерть Домиція, ея мужа и отца единственнаго сына ея, Нерона. Вслѣдъ за тѣмъ подверглась Агриппина гоненію брата своего Калигулы, который сослалъ ее въ изгнаніе и разлучилъ съ сыномъ. Постоянное опасеніе насильственной смерти, гоненіе и ссылка лучшихъ ея друзей напитали сердце ея духомъ мщенія и жестокости. Наконецъ судьба, казалось, устала гнать Агриппину: по смерти Калигулы она возвращена была изъ ссылки. Сдѣлавшись женою Клавдія, дочь Германика взошла на прадѣдовскій престолъ и стала управлять государствомъ отъ имени слабоумнаго мужа своего. Государство отдохнуло отъ ужасовъ и возвратило на время свое достоинство подъ умнымъ правленіемъ ея. Система шпіонства, наполнявшая Римъ доносчиками и ихъ жертвами, была пріостановлена: дѣльные министры смѣнили раз-

---

(*) Узнавъ о смертномъ приговорѣ, Мессалина потеряла присутствіе духа, которымъ отличалась, губя другихъ людей. Исполнители приговора застали ее простертою на землѣ, блѣдною, обезумѣвшею; возлѣ нея сидѣла ея мать, важная и спокойная *Лепида*. «Ты отжила свои дни,— спаси по крайней мѣрѣ себѣ честь смерти», сказала она дочери, убѣждая ее избавить себя отъ позорной казни самоубійствомъ. Мессалина долго колебалась, наконецъ въ виду палача взялась за мечь, но дрожащая рука ея напрасно скользила по груди и по шеѣ, и исполнитель приговора, изъ жалости, пронзилъ ее ея же рукою. Яркую противоположность представляетъ смерть доблестной *Аріи* жены сенатора *Пета*: когда мужъ ея осужденъ былъ на смерть, она, поразивъ сперва себя кинжаломъ, съ улыбкою подала его мужу и сказала «не больно».

вратныхъ шутовъ, которыми наполненъ былъ дворъ; философъ *Сенека* былъ опредѣленъ наставникомъ къ сыну императрицы; римскія войска покорили Мавританію, Іудею и Британію. Всѣмъ этимъ Римъ обязанъ былъ умной Агриппинѣ. Уважаемая народомъ, она не скрывала, что раздѣляетъ съ Клавдіемъ власть, и убѣдила императора объявить наслѣдникомъ сына ея *Нерона*, въ обиду *Британику*, собственному сыну Клавдія. При этомъ случаѣ она отвѣчала жрецу, который предостерегалъ ее, чтобы сынъ, ею возвышенный, не послужилъ ей на пагубу: «пусть я погибну, лишь бы царствовалъ Неронъ!» Въ этомъ отвѣтѣ заключается тайна ея добрыхъ дѣлъ и ея пороковъ и преступленій; она прежде всего и во всемъ была мать. Для пріобрѣтенія престола своему сыну, она угождала народу, сенату, войску, и не щадила трудовъ и заботъ; для пріобрѣтенія престола своему сыну, она рѣшилась на страшное преступленіе. Орудіемъ ея казни сталъ тотъ самый сынъ ея Неронъ, для котораго она всѣмъ пожертвовала. Отравлять людей тогда въ Римѣ было не трудно. Искусство составленія ядовъ доведено было Локустою до совершенства. Агриппина угостила Клавдія фиников и, въ то время, когда отравленный Клавдій боролся между жизнью и смертью, она обнаружила удивительное присутствіе духа. Чтобы удалить отъ глазъ сената и войска Британика, она призвала къ себѣ его и сестру его Октавію, осыпала ихъ ласками и обѣщала свое покровительство, оплакивая вмѣстѣ съ ними наступающую утрату ихъ отца, а Нерона отослала она съ сенаторомъ Бурромъ къ войску, стоявшему близъ Рима. Представленный имъ Неронъ привѣтствовалъ легіоны рѣчью, которую, по обыкновенію, написалъ Сенека. Онъ обѣщалъ награды воинамъ, потомъ заговорилъ о подвигахъ своего великаго дѣда Германика, съ которымъ Неронъ имѣлъ разительное сходство. Бурръ умѣлъ воспользоваться благопріятною минутою восторга и предложилъ молодаго цезаря въ наслѣдники Клавдію; войско отвѣчало кликами одобренія, и отголоски ихъ долетѣли до ушей бдительной матери. Только тогда, растворивъ

ворота дворца, объявили народу о смерти Клавдія и о вступленіи на престолъ Нерона, избраннаго войскомъ. Народъ и сенатъ утвердили выборъ преторіанцевъ.

Нерону было только 18 лѣтъ, когда онъ сталъ цезаремъ.
34 г. Покорный и признательный, сначала онъ во всемъ слушалъ мать свою и наставниковъ Сенеку и Бурра, которые сдѣлались теперь его министрами, и первые 4 года его правленія были сносны для Римлянъ. Но отъ глазъ матери не могли ускользнуть рождающіеся пороки, которые Неронъ искусно скрывалъ отъ общества: она начала упрекать Нерона; упреки породили холодность между матерью и сыномъ, которая скоро обратилась въ явный раздоръ; Неронъ сталъ публично оскорблять Агриппину и предался разгульной жизни. Агриппина, зная трусливый характеръ сына, надѣялась страхомъ достигнуть того, чего не могла достигнуть любовію, и грозила ему, если онъ не исправится, возвесть на престолъ Британика. Неронъ позвалъ Британика обѣдать, угостилъ его ядомъ и съ громкимъ хохотомъ смотрѣлъ на мучительную смерть несчастнаго. Избавясь отъ соперника, онъ рѣшился избавиться отъ матери, которой надзоръ былъ ему тягостенъ, и покушался сначала отравить, потомъ уморить ее голодомъ, а когда обѣ попытки не удались, то онъ послалъ убійцу, подъ ударами котораго погибла несчастная мать. По совершеніи злодѣйства, Неронъ почувствовалъ весь ужасъ его: сила души его не соотвѣтствовала величности преступленія. И потому долго, даже когда Неронъ успѣлъ уже созрѣть въ злодѣйствѣ, окровавленная тѣнь Агриппины не переставала преслѣдовать матереубійцу. Въ дикихъ оргіяхъ, въ винѣ и крови, старался потопить Неронъ угрызенія совѣсти. Дѣла его до сихъ поръ поражаютъ насъ ужасомъ и въ тоже время возбуждаютъ самое глубокое презрѣніе. За убійствомъ матери слѣдовали убійства жены его Октавіи и наставника Сенеки. Потомъ цезарь захотѣлъ изумить міръ чѣмъ-то необыкновеннымъ: чтобы имѣть удовольствіе перестроить Римъ, онъ велѣлъ зажечь его и, стоя на кровлѣ отдаленнаго дворца, любовался великолѣпіемъ пламени

и декламировалъ стихи, въ которыхъ изображается пожаръ Трои. Но, страшась ярости народной, онъ обвинилъ въ поджигательствѣ христіанъ и началъ противъ нихъ страшное гоненіе: ихъ распинали, бросали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ или зажигали вмѣсто факеловъ, для освѣщенія великолѣпныхъ садовъ Нерона. На возобновленіе города нужны были деньги, и Неронъ ограбилъ Италію и ея провинціи. Остальныя злодѣянія Нерона, не имѣя ни цѣли, ни смысла, отличаются характеромъ мальчишества. Онъ почиталъ себя первымъ ораторомъ, поэтомъ, живописцемъ, музыкантомъ, пѣвцомъ; онъ былъ даже кучеромъ, и его подданные, подъ страхомъ казни, должны были вѣрить, что ему нѣтъ соперника во всѣхъ этихъ искусствахъ. Сперва на домашнемъ театрѣ, а потомъ, по просьбѣ низкихъ льстецовъ, онъ пѣлъ въ циркѣ, заставляя сенаторовъ и вельможъ римскихъ акомпанировать ему. Наконецъ, къ довершенію безумія, повелитель міра обратился въ странствующаго актера и отправился въ Грецію показывать свое искусство. На олимпійскихъ играхъ онъ падалъ съ колесницы и заставлялъ провозглашать себя побѣдителемъ. Одинъ пѣвецъ осмѣлился пѣть предъ народомъ лучше Нерона; Греки, народъ съ художественнымъ чувствомъ, съ жаромъ зарукоплескали пѣвцу, но Неронъ мигнулъ, и актеры, игравшие съ пѣвцомъ, мечами пронзили ему горло. Унижая достоинство государства, Неронъ разорялъ его: въ царствованіе свое на пиры и на награды друзьямъ, хвалившимъ его таланты, онъ расточилъ 40,000,000 рублей. Наконецъ, какъ ни низокъ былъ народъ римскій, слабости котораго удивлялся самъ Неронъ, но терпѣніе его лопнуло: послѣ многихъ неудачныхъ заговоровъ, въ Римѣ вспыхнулъ бунтъ, и преторіанцы провозгласили императоромъ *Гальбу*, намѣстника Испаніи. Неронъ тайно бѣжалъ изъ Рима. Когда пришла вѣсть, что его осудили на позорную казнь, проводники совѣтовали ему избавиться отъ стыда самоубійствомъ. Неронъ, пробуя остріе двухъ мечей и рѣшаясь заколоть себя, плакалъ, говоря. «какого художника лишается во мнѣ міръ!» Вдругъ раздал-

ся топотъ всадниковъ; тогда онъ схватилъ кинжалъ, а одинъ вольноотпущенникъ помогъ ему вонзить его въ горло. Съ нимъ прекратился домъ Августа.

68 г. Римскимъ трономъ начали располагать преторіанцы. Ужасныя времена междоусобій возобновились. Въ одинъ годъ перемѣнилось три императора. Скупой *Гальба* не далъ преторіанцамъ подарковъ: они его низвергнули и возвели развратнаго *Оттона,* друга Неронова. Германскіе легіоны провозгласили въ то же время *Виттелія.* Оттонъ убилъ самъ себя, а Виттелій, характеръ котораго выразился въ словахъ: «трупъ мертваго врага хорошо пахнетъ,» въ теченіе 4 мѣсяцевъ успѣлъ расточить на одинъ столъ свой 45,000,000 рублей, и Римляне были въ опасности разориться отъ невоздержности своего государя. Къ счастію римскія войска, стоявшія въ Сиріи, избрали императоромъ своего военачальника Веспасіана, который осаждалъ Іерусалимъ. Веспасіанъ двинулся къ Риму и послѣ упорной борьбы взялъ его, при чемъ Виттелій лишился престола и жизни.

b) Императоры изъ дома Флавіевъ и Антониновъ (70—180).

Времена злодѣйствъ и крови миновали; Римъ отдохнулъ при умномъ *Веспассіанѣ.* Онъ возвратилъ законамъ прежнюю
70 г. силу, ограничилъ своеволіе преторіанцевъ, привелъ въ порядокъ государственные доходы, возобновилъ сгорѣвшій капитолій и украсилъ Римъ многими новыми зданіями, изъ которыхъ особенно замѣчательны храмъ *богини мира,* самый большой и великолѣпный въ Римѣ, и *колизей,* огромный амфитеатръ, вмѣщавшій въ себѣ 80,000 чел., котораго развалины и теперь возбуждаютъ удивленіе. Изъ внѣшнихъ событій Веспасіанова царствованія замѣчательны: 1) подчиненіе Риму Британіи и *взятіе Іерусалима* сыномъ его *Титомъ,* который, послѣ упорной защиты, разрушилъ его до основанія. Отъ храма Соломонова не осталось камня на камнѣ; болѣе милліона народа погибло въ пятилѣтней борьбѣ;

остальные, въ теченіе 60 лѣтъ, молча сносили иго, оставаясь на родномъ пепелищѣ. Основаніе императоромъ Гадріаномъ храма Юпитеру на развалинахъ храма Іеговы вызвало послѣднее неудачное возстаніе народа, послѣ котораго онъ былъ разсѣянъ по лицу земли.

Веспасіанъ, умирая передалъ престолъ сыну своему 79 г.
Титу. Судя по прежней жизни Тита, никто не предполагалъ, чтобы вѣтреный юноша могъ быть прекраснымъ государемъ. Избытокъ жизни и легкомысліе молодости увлекали Тита въ міръ забавъ и заблужденій: императорскій вѣнецъ совершенно измѣнилъ его, такъ что облагодѣтельствованный имъ народъ прозвалъ его «любовью и утѣшеніемъ человѣчества». Считая тотъ день потеряннымъ, въ который онъ не могъ никому сдѣлать добра, Титъ искалъ случаевъ благотворить народу, а такихъ случаевъ было много, потому что, въ недолгое царствованіе добраго Тита имперію посѣтили три грозныя несчастія: въ Италіи господствовала зараза, въ Римѣ свирѣпствовалъ страшный пожаръ, а ужасное изверженіе Везувія засыпало три города въ Кампаніи: Геркуланумъ, Помпею и Стабіи (79 по Р. Х.). Города эти оставались покрыты пепломъ и лавою болѣе полуторы тысячи лѣтъ; въ началѣ прошлаго столѣтія началось открытіе Геркуланума и Помпеи, и открытіе это, особенно Помпеи, дало намъ наглядное понятіе объ образѣ жизни и обстановкѣ домашняго и общественнаго быта древнихъ Римлянъ(*). Народъ тѣмъ болѣе сожалѣлъ о скорой кончинѣ Тита, что ему наслѣдовалъ братъ его *Домиціанъ*, гордый и жестокій тираннъ, напомнившій Риму времена Нерона. По выраженію современнаго историка, во все время его царствованія, нельзя было ни слушать, ни говорить—изъ опасенія лишиться жизни. Солдаты и чернь любили однакожъ его за то, что онъ

(*) Разсказъ объ изверженіи Везувія передалъ намъ очевидецъ—Плиній младшій, котораго дядя Плиній старшій изъ любви въ наукѣ пожертвовалъ жизнію, приблизившись къ огненному жерлу вулкана, чтобы лучше изслѣдовать его.

осыпалъ ихъ подарками и забавлялъ зрѣлищами. Желая прославить себя военными подвигами, онъ предпринималъ походъ противъ Даковъ и, хотя былъ разбитъ ими и обязался платить ежегодную дань, но съ тріумфомъ вступилъ въ Римъ и придалъ себѣ названіе *дакійскаго*. Наскучивъ неудачами, Домиціанъ проводилъ время въ томъ, что въ дворцѣ у себя билъ мухъ, а внѣ дворца казнилъ гражданъ, особенно христіанъ. Наконецъ жена его и вельможи, осужденные имъ на смерть, предупредили исполненіе приговора, умертвивъ его самого.

Послѣ Домиціана начинается такъ называемый *золотой вѣкъ римской имперіи*, но римское общество такъ глубоко упало, что и лучшіе правители не могли отвратить паденія государства.

Убійцы Домиціана провозгласили императоромъ 70-ти
96 г. лѣтняго сенатора *Нерву*. Добрый Нерва правилъ не долго, но сдѣлалъ все, чтобы оправдать надежды благомыслящихъ Римлянъ: уничтожилъ законъ объ оскорбленіи величества, уменьшилъ налоги, роздалъ земли бѣднымъ гражданамъ. Только силы и твердости душевной не доставало ему: преторіанцы постоянно возмущались противъ него; для усмиренія ихъ и для обезпеченія будущей судьбы государства, Нерва усыновилъ и объявилъ своимъ наслѣдникомъ Испанца Траяна, одного изъ способнѣйшихъ людей своего времени. *Траянъ* вполнѣ оправдалъ надежды Нервы. «Будь сча-
98 г. стливъ какъ Августъ и добръ какъ Траянъ!» вотъ желаніе, которое въ теченіе 200 лѣтъ сенатъ обыкновенно обнаруживалъ, при поздравленіи своихъ императоровъ со вступленіемъ на престолъ. Еще прежде вступленія на престолъ, Траянъ храбро сражался на Рейнѣ, а теперь хотѣлъ уничтожить постыдную дань, платимую Римлянами *Дакамъ*. Въ два года Дакія была покорена и обращена въ римскую область. Вслѣдъ за тѣмъ Траянъ предпринималъ побѣдоносный походъ противъ *Парѳянъ* и раздвинулъ предѣлы имперіи до рѣки Тигра. Флотъ его доходилъ до Индіи, и, еслибы не преклонныя лѣта, онъ возобновилъ-бы походы Алек-

сандра В. Простой въ частной жизни и скупой для себя, Траянъ не жалѣлъ денегъ для народа, уменьшилъ налоги, обуздалъ своеволіе преторіанцевъ, строго гналъ доносчиковъ, покровительствовалъ ученымъ, завелъ библіотеку и украсилъ Римъ прекрасными зданіями, изъ которыхъ особенно замѣчательна *площадь*, названная по его имени, среди которой возвышался до-нынѣ уцѣлѣвшій памятникъ, называемый *колонною Траянна*, украшенный изображеніями побѣдъ, одержанныхъ императоромъ надъ Даками и полученныхъ имъ тріумфовъ.

По смерти Траяна императоромъ провозглашенъ былъ родственникъ его *Гадріанъ*. Онъ возвратилъ Пареянамъ всѣ Траяновы завоеванія по ту сторону Евфрата и ограничилъ свою славу охраненіемъ внутренняго благосостоянія государства. Предпринявъ, для личнаго обозрѣнія имперіи, путешествіе, большею частью пѣшкомъ, Гадріанъ, вездѣ являлъ себя попечительнымъ государемъ, вездѣ старался узнать нужды подданныхъ, издалъ собраніе законовъ, улучшилъ суды и основалъ много публичныхъ школъ и библіотекъ. Въ Римѣ Гадріанъ увѣковѣчилъ память свою построеніемъ огромнаго зданія (Moles Hadriani), извѣстнаго нынѣ подъ названіемъ *замка св. Ангела*. При всемъ миролюбіи, онъ умѣлъ однакожъ, въ случаѣ нужды, употреблять сильныя мѣры; доказательствомъ служитъ та строгость, съ какою онъ уничтожилъ послѣднюю попытку Іудеевъ возстановить свое царство, послѣ которой они окончательно разсѣяны были по лицу земли. Гадріанъ, въ послѣдніе годы жизни, сталъ завистливъ, суровъ, недовѣрчивъ; тѣлесные недуги бросили угрюмую тѣнь на душу его, и онъ нерѣдко бывалъ жестокъ. 117 г.

Гадріану наслѣдовалъ усыновленный имъ *Антонинъ*, прозванный *Кроткимъ* (Pius), который заботливо охранялъ въ имперіи миръ и старался объ искорененіи нищеты, говоря: лучше сохранить въ покоѣ жизнь одного гражданина, нежели умертвить тысячу непріятелей. 138 г.

Антонинъ усыновилъ еще при жизни своей *Марка Авре-* 161 г.

лія, который и вступилъ по смерти его на престолъ. Характеристику этого императора даетъ намъ Монтескье въ слѣдующихъ словахъ: «невольно чувствуешь какое то удовольствіе, говоря о Маркѣ Авреліѣ; читая его біографію, начинаешь какъ-то больше уважать самого себя, потому что получаешь лучшее мнѣніе о человѣчествѣ.» Его мудрость, благородная душа и высокое понятіе о государѣ всего лучше выражены въ его сочиненіи «О самомъ себѣ» и въ словахъ, произнесенныхъ имъ въ сенатѣ, который хотѣлъ воздвигнуть ему храмъ: «только добродѣтель равняетъ человѣка съ богами; храмъ для правосуднаго государя—вся вселенная, жрецы его—всѣ добрые люди.» Въ другой разъ, когда донесли ему объ одномъ заговорѣ, онъ сжегъ доносъ и писалъ въ сенатъ: «никто не долженъ трепетать тамъ, гдѣ царствуетъ Маркъ Аврелій.» Главнѣйшимъ внѣшнимъ предпріятіемъ этого императора были войны съ Германцами, которые въ это время стали составлять народные союзы, и одинъ изъ такихъ союзовъ—маркоманскій безпокоилъ сѣверные предѣлы имперіи. Въ то-же время на востокѣ тревожили ее Парѳяне. Императоръ умеръ въ походѣ на Маркомановъ. Кромѣ внѣшнихъ враговъ, моровая язва, наводненія, землетрясенія происходили внутри государства, и въ борьбѣ съ этими бѣдствіями рѣзко обнаружилось величіе и благородство души Марка Аврелія. Съ нимъ умерло счастіе Рима и настаютъ времена печальныя.

c) ВѢКЪ РАЗСТРОЙСТВА ИМПЕРІИ И СВОЕВОЛІЯ ВОЙСКЪ 180—323.

Не смотря на мудрое управленіе императоровъ золотаго вѣка, не смотря на богатства, сосредоточенныя въ государствѣ, на высокія произведенія искусства, которыя сдѣлали Римъ великолѣпнѣйшимъ городомъ міра, на процвѣтаніе греко-римскаго образованія, не смотря на все это,—благосостояніе Рима, а съ нимъ и древняго міра, не было утверждено на прочномъ основаніи. Подъ пышною оболочкою ве-

личія скрывался зародышъ смертельной болѣзни, и лучшіе императоры могли только отсрочить, но не уничтожить смерть государства. Это потому, что Римъ и весь древній міръ уже давно пали нравственно и пали такъ глубоко, что никакія силы не могли вызвать ихъ къ жизни. Республика погибла; мѣсто ея заступила монархія, которой равно были враждебны и воспоминанія римскаго общества о прошломъ и надежды его на будущее. Въ имперіи, со времени эдикта императора Каракаллы, даровавшаго право римскаго гражданства всѣмъ подданнымъ, начиная отъ Рима до провинцій, стало господствовать такое политическое равенство, котораго не было и въ республикѣ; но это равенство состояло въ томъ, что всѣ были равно безправны предъ деспотизмомъ императоровъ, отъ произвола которыхъ зависѣли личность и имущество оптимата и пролетарія. Религіозныя вѣрованія были разрушены наукою, но наука, въ свою очередь, была безсильна успокоить умы, измученные сомнѣніемъ. Политическій характеръ римской религіи положилъ на нее необходимость участвовать во всѣхъ переворотахъ, которые совершались въ государствѣ. Съ покореніемъ каждаго народа, Римляне переводили въ свой пантеонъ его боговъ, такъ что во время Августа сюда сошлись боги всего древняго міра, восточные и греческіе; между ними установлена была особая лѣстница чиновъ, на верху которой стояли заживо обоготворяемые императоры (divi). Такая религія, разумѣется, не могла удовлетворить никого: люди, хоть не много развитые, не могли вѣрить искренно въ нелѣпые разсказы о похожденіяхъ боговъ, въ божественность развратныхъ цезарей. Еще въ послѣднее время республики, Катонъ обвинялъ предъ цѣлымъ сенатомъ первосвященника Цезаря въ непризнаніи загробной жизни; еще при Цицеронѣ, два авгура не могли безъ смѣха смотрѣть другъ на друга. Современникъ 2-й пунической войны, поэтъ Энній, перевелъ на латинскій языкъ «Священную исторію,» написанную Грекомъ Эвгемеромъ, въ которой доказывалось, что греческіе боги были не что иное, какъ люди, обоготворен-

ные вслѣдствіе своихъ великихъ дѣлъ, обмана жрецовъ или невѣжества черни. Эта мысль очень скоро привилась къ Римлянамъ и принесла плодъ. Въ первое столѣтіе христіанства римское многобожіе стало только казенною, оффиціальною религіею: его поддерживало правительство изъ расчетовъ, народъ по привычкѣ, но духовныя потребности человѣка перестали находить въ немъ удовлетвореніе. Доказательствомъ общаго равнодушія къ нему служатъ опустѣлые храмы. Въ Римѣ ихъ посѣщали высшія сословія изъ приличія; въ провинціяхъ не было и этого. «Паукъ заткалъ своею сѣтью внутренность храма, дурная трава обвилась около покинутыхъ боговъ,» по словамъ поэта. Жестокій фанатизмъ немногочисленныхъ приверженцевъ язычества, ихъ возгласы противъ современнаго движенія, ихъ доносы правительству, ихъ гоненіе на философію, казни христіанскихъ мучениковъ, свирѣпое участіе, съ которымъ народъ смотрѣлъ на эти кровавыя зрѣлища, не доказываютъ нисколько привязанности общества къ вѣрованіямъ предковъ. Правительство наказывало политическое невѣріе, не склонявшее колѣнъ предъ обоготвореннымъ цезаремъ, а одичавшая на скамьяхъ цирка толпа съ радостію смотрѣла на терзанія христіанъ, какъ и на всякое другое зрѣлище.

При видѣ общества, исполненнаго старческаго, безсмысленнаго разврата и истощенія, гадкаго въ своемъ циническомъ раболѣпіи предъ заживо обоготвореннымъ цезаремъ, люди того времени, не находя утѣшенія въ религіи, искали утѣшенія въ философіи. У большинства тогдашнихъ Римлянъ господствовали понятія философа Эпикура, поставлявшаго верховное благо въ наслажденіяхъ. Богачи предавались роскоши и чувственнымъ удовольствіямъ, самымъ изысканнымъ и утонченнымъ, на которыя тратили богатства, награбленныя во время управленія провинціями или нажитыя посредствомъ откуповъ. Къ тому же, думали они, жизнь коротка и можетъ быть не сегодня, такъ завтра отнята насиліемъ цезаря; что-жъ дѣлать, какъ не пировать? И вотъ, одинъ завтракъ какого нибудь богача, въ родѣ Лукулла,

стоилъ столько денегъ, что на нихъ можно было прокормить цѣлый годъ 10.000 народа. Появились соусы изъ соловьиныхъ языковъ, рыбы, откормленныя живыми рабами. Императоръ Виттелій едва не проѣлъ цѣлаго государства. Лучшіе и самые благородные Римляне усвоили себѣ ученіе стоиковъ. Но это ученіе было печально и угрюмо: оно учило умирать, быть непреклонно твердымъ въ несчастіяхъ, побѣждать страданія, пренебрегать наслажденіями. На смерть стоики смотрѣли какъ на успокоеніе отъ тревогъ бытія. «Она есть конецъ и разрѣшеніе печалей». «Взгляни на старыхъ ратниковъ говоритъ учитель Нерона Сенека, они тверды подъ ножемъ врага, который касается ихъ ранъ и рѣжетъ ихъ члены... Будь же ратникомъ несчастія. Къ чему жалобы, вопли, приличное женамъ горе! Твои бѣдствія были безплодны, если ты не научился страдать.» При господствѣ такихъ мнѣній, самоубійство сдѣлалось обыкновеннымъ поступкомъ. Къ нему приводило однихъ людей отчаяніе, а другихъ тоска, равнодушіе къ жизни (taedium vitae), пресыщеніе жизнію. Знатный Римлянинъ, рѣшаясь на добровольную смерть, не скрывалъ своего намѣренія: онъ торжественно прощался съ друзьями и семействомъ, отворялъ себѣ въ ихъ присутствіи жилы и продолжалъ бесѣдовать съ ними до послѣдняго вздоха. Такъ умеръ Сенека, Петусъ, Тразея и др. Впрочемъ и изнѣженные, роскошные эпикурейцы умѣли умирать не съ меньшимъ равнодушіемъ. Какъ тѣ, такъ и другіе глубоко презирали современную дѣйствительность и отчаявались въ лучшемъ будущемъ. Различіе между ними было въ томъ, что одни утѣшали себя безотрадною мыслію, что долгъ человѣка страдать, а другіе предавались оргіямъ и необузданному разгулу чувственнаго наслажденія, думая утопить въ немъ отчаяніе и безнадежность на лучшее. Рядомъ съ чувствомъ равнодушія и презрѣнія къ жизни, вызывавшихъ на самоубійство, развитъ былъ въ большинствѣ аристократіи чудовищный *эгоизмъ*: всякій губитъ другаго, чтобы сохранить самого себя. Отсюда унизительная система шпіонства и доносовъ. Часто, среди

задушевной бесѣды друзей или шумной оргіи развратниковъ, являлись страшныя лица съ циническою улыбкою на губахъ, съ выраженіемъ ненависти и презрѣнія во взорѣ. Это извѣстные въ то время *обвинители* или *доносчики*. Между ними были не только рабы, но и люди родовитые, талантливые, образованные. Изъ личной мести, изъ-за денегъ, изъ желанія выслужиться предъ цезаремъ или спасти себя отъ гнѣва цезаря, они, въ полномъ присутствіи сената, обвиняли гражданъ въ нечестіи или оскорбленіи величества.

Большая перемѣна произошла въ семейныхъ отношеніяхъ римскаго гражданина послѣ паденія республики. Древнее семейство существовало не для себя, а для государства и его цѣлей. Римскій законъ обрекалъ дѣтей на рабство до смерти отца и отдавалъ женщину подъ вѣчную опеку. Изъ-подъ власти родительской она переходила подъ власть мужа. Со смертію отца дѣти становились свободны, но мать ихъ законъ не признавалъ совершеннолѣтнею и назначалъ ей новаго опекуна, въ лицѣ сына или родственника. Ея призваніе было рождать и воспитать новыхъ гражданъ, сохранять собственность супруга отъ расхищенія, снять съ него ярмо хозяйственныхъ заботъ, несовмѣстное съ полнымъ служеніемъ отечеству. Уклоненіе женщины отъ своего долга влекло наказаніе, безславный разводъ, иногда смерть. «Сидѣла дома, пряла шерсть»—въ этихъ словахъ заключалась высшая похвала римской матронѣ. За то общество награждало ее внѣшнимъ почетомъ. Она не уступала дороги консулу, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ; ликторъ, разгонявшій толпу, не смѣлъ коснуться ея длинной одежды; оскорбленіе ея слуха нечистымъ словомъ, взгляда—непристойнымъ движеніемъ, подлежало наказанію. Когда Риму грозила опасность, сенатъ обращался къ молитвамъ матронъ, которымъ приписывалась особенная сила. Наложенный ими на себя трауръ считался высшимъ воздаяніемъ заслугамъ умершаго гражданина. Самая строгость законовъ свидѣтельствовала о ихъ достоинствѣ: снисходительный къ пороку вольноотпущенницы и иностранки, за-

конъ былъ неумолимъ къ проступкамъ супруги римскаго гражданина. Но еще за долго до совершеннаго паденія республиканскихъ учрежденій, семейный бытъ Рима и положеніе женщины измѣнились. Она допущена была къ пользованію правами, до тѣхъ поръ предоставленными одному мужчинѣ, къ наслажденіямъ, прежде ей строго заврещеннымъ. Императоръ Клавдій довершилъ ее освобожденіе снятіемъ вѣчной опеки. Это былъ конечно успѣхъ къ лучшему, но сначала онъ очень гибельно отразился въ нравахъ общества. Пользуясь свободою развода, жена переходила отъ одного брака къ другому и означала прошедшіе годы именами не консуловъ, а покинутыхъ ею супруговъ. Скоро ей показался недостаточнымъ такой, закономъ допущенный развратъ: при Неронѣ жены сенаторовъ добровольно сходили на арену цирка, и толпа рукоплескала ихъ ловкости, ихъ отвагѣ. Мужъ, требовавшій внѣшнихъ приличій, назывался неучемъ, невѣждою, провинціаломъ. На молодаго человѣка, которому не удалось увезти чужую жену, прославиться гласною интригою, смотрѣли съ презрѣніемъ. Понятно все негодованіе, вся горечь сожалѣній о минувшемъ, какую подобныя явленія возбуждали въ немногихъ благородныхъ и мыслящихъ современникахъ: ненавистью и горькою ироніею проникнуты римскія сатиры. Но враждуя съ настоящимъ, римскіе сатирики сами были не чужды его грязи: въ сатирахъ Ювенала не говоря уже о другихъ (Марціалѣ или Петроніи) насмѣшка надъ порокомъ обличаетъ короткое знакомство съ нимъ самихъ авторовъ. Драма перешла въ пьесы съ великолѣпнымъ спектаклемъ и въ соблазнительный балетъ, особенно любимый публикою, искавшею только поразительныхъ эффектовъ и остраго раздраженія.

Таково было нравственное состояніе Рима, когда въ М. Авреліѣ онъ потерялъ послѣдняго добраго императора: уже некому было цѣлить смертельно-больное государство и отсрочивать роковую развязку—приближеніе смерти, и вотъ съ *Коммода*, недостойнаго сына М. Аврелія, начинается періодъ рѣшительнаго упадка имперіи. На престолѣ, за весь- 186 г.

ма немногими исключеніями, являются люди недостойные; сенатъ, потерявшій всю силу, служитъ слѣпымъ орудіемъ ихъ; власть преторіанцевъ достигаетъ до высшей степени, и они по произволу располагаютъ короною; своеволіе ихъ однажды дошло до того, что они объявили корону имперіи продажною съ публичнаго торга. Прочія войска также желаютъ участвовать въ выборѣ императора и оттого возникаютъ войны между многими избранными императорами: часто по два, по три, однажды даже 30 императоровъ спорили о тронѣ. Междоусобія потрясаютъ въ основаніи внутреннюю силу имперіи, которая страдала отъ всѣхъ золъ, не различныхъ съ грубымъ военнымъ деспотизмомъ. Своевольный солдатъ не терпѣлъ на тронѣ человѣка энергическаго, и тѣ немногіе императоры, которые хотѣли ввести дисциплину въ войскѣ и возстановить порядокъ въ государствѣ, или неимѣли успѣховъ или платили жизнію за свои добрыя намѣренія. Германцы на сѣверѣ и западѣ, и Пареы на востокѣ, ободренные слабостью имперіи и успѣхами своими, начали все чаще и чаще вторгаться въ предѣлы имперіи и были отражаемы все слабѣе и слабѣе.

Изъ недостойныхъ императоровъ этого періода болѣе другихъ заслужили всеобщую ненависть и презрѣніе: 1) *Коммодъ*, сынъ Марка Аврелія, который преслѣдовалъ все, что еще оставалось въ Римѣ высокаго и благороднаго, и проводилъ все время или въ безнравственныхъ забавахъ, или въ играхъ цирка, не какъ зритель, но какъ борецъ, сначала съ дикими звѣрями, а потомъ съ людьми; 2) *Каракалла*, умертвившій добраго брата своего *Гету*, въ объятіяхъ матери, а съ нимъ 20,000 человѣкъ, обвиненныхъ въ привязанности къ этому несчастному юношѣ; 3) *Геліогобалъ*, бывшій жрецомъ солнца, возведенный на престолъ 13-ти лѣтъ и въ этомъ нѣжномъ возрастѣ показавшій міру неслыханные пороки.

Изъ лучшихъ, но немногихъ императоровъ, которые старались возстановить порядокъ въ разслабленной имперіи замѣчательны: 1) *Септимій Северъ*, обуздавшій преторіанцевъ
193 г. и обезопасившій римскія владѣнія въ Британіи построеніемъ

огромной каменной стѣны; 2) *Александръ Северъ*, который, 222 г.
благодаря доброму воспитанію и руководству матери своей, сохранилъ на престолѣ чистоту души, хотѣлъ возстановить порядокъ въ государствѣ и погибъ жертвою мятежнаго войска; 3) *Авреліанъ*, заставшій имперію въ самомъ безотрадномъ положеніи: въ каждой почти провинціи ея былъ свой императоръ, всѣ они рѣзались другъ съ другомъ; въ то-же время, *Аллеманы* на западѣ и *Пареы* на востокѣ грабили государство. Уничтоживъ всѣхъ незаконныхъ императоровъ, Авреліанъ прогналъ и враговъ внѣшнихъ. Видя невозможность защищать предѣлы имперіи отъ напора германскихъ народовъ, онъ уступилъ Дакію Готамъ, и Дунай снова сдѣлался границею римской имперіи на сѣверѣ. Трудно ему было управиться съ *Зиновіею*, владѣтельницею Пальмиры, которая, пользуясь смутами имперіи, завладѣла Египтомъ и Сиріею. Славная красотою и одаренная удивительною твердостію духа и умомъ государственнымъ, Зиновія, при помощи даровитаго своего министра и наставника *Лонгина*, думала основать греческое государство, независимое отъ Рима. Авреліанъ объявилъ ей войну, послѣ долгаго упорнаго сопротивленія взялъ Пальмиру и разрушилъ этотъ величественный городъ, котораго развалины стоятъ и по нынѣ въ безлюдной пустынѣ. Зиновія была взята въ плѣнъ и, обремененная оковами, украсила тріумфальный въѣздъ Авреліана въ Римъ. Впрочемъ Авреліанъ обходился съ нею потомъ прилично ея высокому сану. Только казнію мудраго Лонгина онъ запятналъ свою славу.

Діоклетіанъ, убѣжденный въ невозможности управлять 284 г.
одному такимъ огромнымъ государствомъ, какова была римская имперія, думалъ остановить ея нападеніе раздѣленіемъ управленія между нѣсколькими лицами и возвышеніемъ власти императора: для того онъ принялъ себѣ соправителя и назначилъ какъ себѣ, такъ и ему по одному помощнику. Но по смерти его это раздѣленіе послужило только новымъ поводомъ къ междоусобіямъ, которыя продолжались 25 лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока Константинъ, прозванный Великимъ, не

побѣдилъ всѣхъ своихъ соперниковъ и не возстановилъ единодержавія въ 325 г. по Р. Х. Чтобы возвысить власть императора, Діоклетіанъ уничтожилъ вліяніе сената на дѣла государственныя, оставивъ ему одно имя и достоинство, и отнялъ всѣ преимущества преторіанцевъ, располагавшихъ прежде императорскою короною. Съ этою же цѣлью онъ ввелъ пышность и всѣ обычаи персидскаго двора и принялъ діадему, бѣлую повязку чела, какъ знакъ Царской власти. Съ этого времени доступъ къ священной особѣ императора съ каждымъ днемъ становился труднѣе, и если подданный былъ наконецъ допускаемъ, то долженъ былъ повергаться ницъ предъ императоромъ. Но всѣ эти средства не могли излечить разстроенной имперіи, равнымъ образомъ какъ и гоненіе Діоклетіана на христіанъ, послѣднее и самое ужасное изъ всѣхъ гоненій: христіане гибли тысячами среди ужасныхъ мученій, но не отрекались отъ своей вѣры и своею мученическою смертью еще болѣе утверждали ея торжество.

d) ИМПЕРІЯ, ПРЕОБРАЗОВАННАЯ ХРИСТІАНСТВОМЪ И УЧРЕЖДЕНІЯМИ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО (325—395 г.).

Римское государство уже было такъ разстроено, что никакія усилія не могли оживить его. Константинъ В. сдѣлалъ послѣднюю попытку: онъ хотѣлъ оживить обветшалую имперію посредствомъ христіанской вѣры, но этимъ только ускорилъ ея паденіе; христіанство уничтожило языческую душу древняго міра, Германцамъ оставалось добить его истощенное тѣло.

Римъ долго не зналъ хорошо той вѣры, которой суждено было стать впослѣдствіи всемірною. Въ эпоху первыхъ гоненій, римское общество смѣшивало христіанъ съ іудеями. Потомъ въ христіанахъ стали видѣть непокорныхъ подданныхъ и заговорщиковъ: они не поклонялись статуѣ цезаря, они явно уклонялись отъ всѣхъ обрядовъ государственной религіи, они окружали свои религіозныя собранія таинственностію,

подъ которою враги подозрѣвали политическіе заговоры. Но въ то время, когда правительство враждебно смотрѣло на христіанство и не могло понять его ученія, рѣзко противорѣчившаго тогдашнимъ убѣжденіямъ, остальные классы общества, особенно бѣдные, хорошо вслушивались въ проповѣдь христіанства, которое неожиданно открывало надежду на лучшее будущее, которое обращалось преимущественно къ бѣднымъ и угнетеннымъ, а не къ богатымъ и сильнымъ. Страданія мучениковъ, ихъ восторженная смерть за правоту своихъ убѣжденій такъ сильно содѣйствовали обращенію язычниковъ, что кровь мучениковъ можно дѣйствительно назвать сѣменемъ христовой церкви. Въ эпоху послѣдняго преслѣдованія при Діоклетіанѣ, христіанство было уже очень сильно въ имперіи: оно было въ войскѣ, въ сенатѣ, повсюду. Въ періодъ времени, протекшій отъ апостоловъ до Константина, въ христіанскомъ обществѣ совершились значительныя перемѣны: учители христіанства познакомились съ языческою наукою и вступили въ борьбу съ язычниками ихъ же собственнымъ оружіемъ. Въ первомъ вѣкѣ проповѣдывали христіанство большею частію люди простые: во второмъ языческая мудрость сама стала вторгаться къ христіанскимъ учителямъ: многіе полуобращенные язычники, смѣшивая истины христіанства съ тогдашними философскими ученіями, создали даже секты, извѣстныя подъ именемъ гностическихъ. Появились христіанскія школы, которыя вступили въ пренія съ языческими философскими школами. Скоро эти пренія, не выходившія за стѣны школъ, получили болѣе широкое поприще: римскій императоръ объявилъ себя христіаниномъ.

Еще семейныя преданія расположили Константина къ христіанамъ: отецъ его Констанцій Хлоръ не былъ врагомъ христіанъ; по крайней мѣрѣ онъ разрушалъ храмы, но не трогалъ людей. Къ этимъ семейнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ воспитанія, у Константина прибавилась ненависть личная къ Галерію, главному гонителю христіанства. Такимъ образомъ *принятіе христіанства* было столько же

дѣломъ личнаго искренняго расположенія Константина, сколько и дѣломъ глубокой политической мудрости. Константинъ этимъ дѣйствіемъ удовлетворялъ огромному большинству своихъ подданныхъ, прекращалъ безполезныя жестокости и наконецъ давалъ одну религію всему государству, къ чему напрасно стремились его предшественники, съ своимъ казеннымъ, для всѣхъ смѣшнымъ, язычествомъ. Впрочемъ, при введеніи новой государственной религіи, онъ поступилъ очень послѣдовательно: не гналъ язычниковъ, только закрывая иногда ихъ храмы, и самъ крестился не прежде, какъ подъ конецъ жизни. Только на соборѣ никейскомъ, гдѣ Константинъ лично присутствовалъ, онъ въ дѣлѣ Арія, подкрѣпилъ свѣтскою властію авторитетъ новой церкви. Новая вѣра требовала *новой столицы*. Римъ, со всѣми своими языческими памятниками, не могъ вдругъ сдѣлаться христіанскимъ; сверхъ того онъ далеко отстоялъ отъ восточной границы имперіи, наиболѣе угрожаемой Персами и Готѳами. Вотъ причины, побудившія Константина создать новую столицу въ *Византіи* или *Константинополѣ*. Византія отняла у древняго языческаго міра всѣ историческія воспоминанія и поэтическія преданія о славѣ и владычествѣ, которыя соединялись въ воображеніи народа съ именемъ древняго Рима. Другое важное дѣло Константина состоитъ въ *образованіи* новой системы *римскаго управленія*, которая долго держалась въ Византіи и послужила образцемъ для многихъ новыхъ монархій Европы. Реформы Константина собственно начаты при Діоклетіанѣ и окончены отчасти его преемниками, но существенное въ нихъ принадлежитъ Константину. Реформы эти состояли: 1) въ раздѣленіи имперіи на префектуры, префектуръ на провинціи, а провинцій на діоцезы. Префектуръ было четыре: *восточная*, къ которой, кромѣ римской Азіи, принадлежали также Египетъ и Ѳракія; *Иллирія*, обнимавшая Грецію и Македонію; *Италія*, къ которой, кромѣ Италіи, относились южныя дунайскія страны съ западною Африкою; наконецъ *Галлія*, которая заключала въ себѣ Галлію, Британію и Испанію. Надъ каждою префек-

турою начальство ввѣрено было преторіанскому префекту. 2) Въ отдѣленіи военной власти отъ гражданской. Желая противодѣйствовать военному самовластію, Константинъ ввѣрилъ преторіанскимъ префектамъ въ управленіе одну гражданскую часть, въ военномъ же управленіи мѣсто преторіанскихъ префектовъ заняли два верховные полководца— *начальникъ пѣхоты* (magister peditum) и *начальникъ конницы* (magister equitum). Сверхъ того Константинъ совершенно уничтожилъ буйный корпусъ преторіанцевъ. 3) Въ введеніи чиновной аристократіи, состоявшей изъ пяти классовъ, отличенныхъ особенными титулами (illustres, spectabiles, clarissimi, perfectissimi, egregii). Это что-то въ родѣ табели о рангахъ. Наконецъ 4) въ созданіи особыхъ министерствъ съ огромными канцеляріями. Преторіанскіе префекты и верховные полководцы, въ провинціяхъ и предъ войскомъ, заступали мѣсто императора; а близъ его особы, которая составляла средоточіе управленія, находились министры двора, полиціи, финансовъ, государственныхъ имуществъ и два начальника дворцовой стражи. При каждомъ изъ нихъ состояло огромное число низшихъ чиновниковъ, заносимыхъ въ адресъ-календарь римской имперіи.

Устроивъ такимъ образомъ государство свое, Константинъ скончался въ 337 году, посреди приготовленій къ походу противъ Персовъ. За объявленіе христіанской вѣры государственною, церковь причислила его къ лику святыхъ, почтивъ высокими именами *Равноапостольнаго* и *Великаго*.

Не менѣе ревности въ распространеніи христіанства оказала и мать Константина Великаго благочестивая *Елена*: совершивъ путешествіе въ Іерусалимъ, она посѣтила всѣ мѣста, драгоцѣнныя христіанамъ по великимъ евангельскимъ событіямъ, открыла заваленную пещеру св. гроба, обрѣла въ ней животворящій крестъ, заложила великолѣпные храмы въ святой землѣ и, за эти подвиги, причислена также къ лику святыхъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, какъ неизбѣженъ и невозвратенъ былъ переворотъ, совершенный Константи-

номъ, служитъ судьба одного изъ его преемниковъ, племянника его *Юліана.* Юліанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ трагическихъ личностей, которыя погибаютъ въ безплодной борьбѣ за давно-отжившую старину и думаютъ остановить время. Онъ былъ превосходный воинъ, ораторъ и добросовѣстный правитель; но у него недоставало правильнаго взгляда на событія и лица ему современныя. Вынесши изъ воспоминаній дѣтства ненависть къ христіанству, которое было религіею гонителей его отца, Юліанъ подкрѣпилъ ее, воспитавшись подъ вліяніемъ языческихъ философовъ. Въ немъ выработалось убѣжденіе, что въ христіанствѣ заключается причина паденія старой доблести римской и что воротить доброе старое время можно только уничтоженіемъ христіанства и возстановленіемъ язычества. По этому цѣлое царствованіе его представляетъ рядъ мѣръ, направленныхъ противъ христіанъ: возстановивъ язычество, онъ окружилъ себя философами, отнималъ у христіанъ храмы, запрещалъ христіанамъ учить дѣтей своихъ въ школахъ. Но идти противъ времени нельзя было: Юліанъ, прозванный отступникомъ, послѣ двухъ-лѣтняго царствованія, ни на шагъ не подвинулъ начатаго имъ дѣла и въ походѣ противъ Персовъ погибъ съ горестнымъ сознаніемъ, что «Галилеянинъ (Іисусъ Христосъ) побѣдилъ его.»

При наслѣдникахъ Юліана имперія все болѣе и болѣе слабѣетъ: варварскіе народы, а именно Готѳы, тѣснимые азіатскими Гуннами, поселяются въ предѣлахъ ея и безнаказанно опустошаютъ ея области. Наконецъ *Ѳеодосій Великій*, полагая, что одному императору не подъ силу защищать имперію, раздѣлилъ ее между своими сыновьями, *Гоноріемъ* и *Аркадіемъ*, на западную римскую имперію съ столицею *Римомъ* и восточную съ столицею *Константинополемъ* (395). Съ этихъ поръ начинается послѣднее предсмертное томленіе Рима, или

Е) Время нашествія варваровъ на западную римскую имперію (395—476 г.).

Въ правленіе ничтожнаго Гонорія, Германцы не только опустошали границы имперіи, но уже поселялись въ ней. Дѣла шли еще кое-какъ, пока за слабаго императора управлялъ государствомъ даровитый министръ и полководецъ его *Стиликонъ,* гроза варваровъ; но когда Стиликонъ былъ казненъ по подозрѣнію, *Вестъ-Готѳы,* сильный германскій народъ, провозгласивъ королемъ своимъ отважнаго *Алариха,* опустошили имперію, разграбили Римъ, откуда Гонорій еще прежде удалился въ Равенну, и, съ согласія Римлянъ, основали первое варварское государство въ Испаніи.

Ничтожнаго Гонорія, смѣнилъ еще ничтожнѣйшій *Валентіанъ III,* при которомъ имперія испытала набѣги страшныхъ азіятскихъ варваровъ *Гунновъ,* предводимыхъ царемъ ихъ *Аттилою,* бичемъ неба, какъ онъ называлъ самъ себя. Для защиты государства, потрясаемаго въ самомъ центрѣ, римское правительство вызвало свои легіоны съ Рейна и изъ Британіи, и тогда отовсюду ринулись германскіе народы на беззащитныя границы римскихъ владѣній: Франки, Бургундцы и Аллеманы заняли Галлію, Англо-Саксы—Британію, Вандалы—Африку и острова Средиземнаго моря. Отъ всей западной римской имперіи осталась во власти Римлянъ одна Италія, гдѣ ничтожные императоры безпрестанно смѣняли одинъ другаго. Наконецъ послѣдній изъ нихъ *Ромулъ Августулъ въ 476 г. по Р. X.* низверженъ былъ съ престола Одоакромъ, предводителемъ сборныхъ германскихъ дружинъ. Это событіе называется *паденіемъ западной римской имперіи; имъ оканчивается исторія древняго міра* (*).

(*) Время нашествія варваровъ и постепеннаго разложенія западной римской имперіи обстоятельнѣе изложено въ исторіи среднихъ вѣковъ.

Вѣра, искусство и наука Римлянъ.

I.

ВѢРА.

Какъ народность римская образовалась изъ трехъ древне-италіанскихъ народностей, латинской, этрусской и сабельской, такъ и религія римская образовалась изъ трехъ составныхъ началъ. Такъ какъ эти народности большею частію были одного корня съ пеласгическимъ населеніемъ Греціи, то и религіозныя вѣрованія ихъ имѣютъ во-первыхъ сродство между собою, а во вторыхъ съ религіозными вѣрованіями древнѣйшей Греціи. Но выросши на другой почвѣ и подъ другими историческими вліяніями, вѣрованія италійскихъ народовъ приняли самостоятельный характеръ. Рѣзче всего бросается въ глаза значительное отсутствіе поэтической, творческой фантазіи въ миѳологіи древнихъ Италиковъ. Стоитъ только сравнить возвышенные и колоссальные образы греческой ѳеогоніи съ латинскими, чтобы увидѣть, что въ латинской миѳологіи видна значительная доля разсудительнаго, хладнокровнаго прозаическаго тона: грозный Кроносъ Грековъ, низвергнутый Зевсомъ, послѣ громадной борьбы, въ тартаръ, превратился у Римлянъ въ мирнаго Сатурна, основателя гражданской жизни въ долинѣ Лаціуна, куда онъ прибылъ изгнанный съ эѳирнаго Олимпа.

Какія божества вошли въ римскую миѳологію отъ Латиновъ, Этрусковъ и Сабелловъ, рѣшить трудно; съ большимъ вѣроятіемъ можно предполагать только то, что отъ Этрусковъ заимствована была болѣе внѣшняя, обрядовая сторона римскаго культа (богослуженія). Внутреннее догматическое содержаніе религіозныхъ вѣрованій принадлежитъ Латинцамъ, сильнымъ пастухамъ и земледѣламъ, которые, ведя патріархальную жизнь, поклонялись божествамъ, олицетворявшимъ

благотворныя явленія природы и семейнаго быта. Къ этимъ божествамъ принадлежали: *Сатурнъ* и жена его *Опсъ*, представители производительной силы земли и земледѣльческаго быта, *Сильванъ*, *Фавнъ* и *Палесъ*, божества лѣсовъ, нивъ и стадъ, *Вертумнъ* и *Помона*, божества рѣкъ, источниковъ и плодовъ земныхъ, наконецъ *Лары* и *Пенаты*, боги-хранители домашняго очага и семейной жизни.

Эти древнѣйшія италійскія вѣрованія, носящія характеръ сельской патріархальности, были пересажены въ Римъ и сохранялись въ сельскомъ и домашнемъ быту и въ позднѣйшее время, когда сформировалась государственная религія въ Римѣ (*). Рядомъ съ упомянутыми божествами земледѣлія, скотоводства и семейства, являются въ Римѣ боги покровители государства, которые очень рано, вмѣстѣ съ первымъ развитіемъ государственной жизни въ народѣ, заслонили собою предшествующія божества и заняли мѣсто на первомъ планѣ. Въ главѣ небожителей стоялъ *Юпитеръ*, творецъ и промыслитель римскаго государства; храмъ его стоялъ на холмѣ Палатинскомъ, средоточіи государства, откуда отправлялись вожди на битвы и куда возвращались съ тріумфомъ послѣ побѣдъ. Около Юпитера стояли: верховный защитникъ государства *Марсъ*, богъ войны и отецъ Ромула, самъ Ромулъ, обоготворенный подъ именемъ *Квирина*, отецъ римскаго народа, и *Веста*, богиня домашняго очага, основы государства. Юпитеру дана была жена въ образѣ *Юноны* и дочь въ образѣ *Минервы*, богини мудрости. Сверхъ того почетное мѣсто въ ряду государственныхъ боговъ занималъ старинный богъ мира *Янусъ*, котораго храмъ затворялся въ мирное и растворялся въ военное время. Въ поклоненіи этимъ богамъ состояла древнѣйшая оффиціальная религія Римлянъ, которой устройство внутреннее и главнымъ

(*) Въ честь этихъ божествъ посвящены были въ Римѣ особыя празднества: луперкаліи къ честь Фауна, палиліи въ честь Палесъ, богини стадъ, сатурналіи въ честь Сатурна.

образомъ внѣшнее, т. е. іерархію и обряды, преданіе приписываетъ Нумѣ Помпилію. Еще характеристическое свойство римской религіи, которое впрочемъ имѣло болѣе значеніе личное, чѣмъ государственное, составляетъ поклоненіе, въ видѣ одушевленныхъ существъ, разнымъ отвлеченнымъ, нравственнымъ свойствамъ и явленіямъ духовной жизни общества и человѣка; таковы напр. доблесть (virtus), вѣрность (fides), надежда (spes), цѣломудріе (pudicitia), счастье (fortuna) и мн. др.

Изъ обозначенныхъ трехъ составныхъ частей, *естественной*, *государственной* и *нравственно-отвлеченной*, сложилось въ италіанскій періодъ римской жизни стройное зданіе римской религіи. Отправленіе и защита ея предоставлена была государствомъ особымъ государственнымъ чиновникамъ, которые носили имя жрецовъ (pontifices), раздѣлявшихся на нѣсколько разрядовъ (по роду своихъ обязанностей и по богамъ, которымъ служили) и управляемыхъ верховнымъ жрецомъ (pontifex maximus). Яркій политическій оттѣнокъ придала ей старая вѣра въ *гаданія* и *предзнаменованія*, совершаемыя предъ началомъ каждаго дѣла, общественнаго и частнаго, и сдѣлавшіяся, въ рукахъ оффиціальныхъ жрецовъ, политическимъ орудіемъ.

Стремленіе воспринимать учрежденія, нравы и обычаи отъ покоренныхъ народовъ и сливать эти заимствованія съ національными учрежденіями, стремленіе, которое составляетъ основное свойство общественной жизни римскаго народа, повторилось и въ ихъ религіи. Осаждая какой нибудь городъ, Римляне прежде всего обращались къ богу—покровителю народа и приглашали его перейти въ римскій лагерь. Вслѣдствіе этого, со второй пунической войны начинается переселеніе въ Римъ боговъ греческаго Олимпа, а потомъ и религіозныхъ вѣрованій покореннаго Востока. При Августѣ Римъ былъ обширнымъ пантеономъ, куда сошлись боги всего древняго міра, отъ Януса римскаго до Зевса греческаго, Митры персидскаго и Сераписа египетскаго, куда сошлись всѣ празднества, отъ скромныхъ старинныхъ

сатурналій до грязныхъ въ высшей степени и чувственныхъ *вакханалій.* При Августѣ же учреждена была іерархія между богами, сдѣланъ выборъ обрядовъ и преданій, изъ которыхъ иные отброшены, какъ неприличные, какъ нелѣпые. Въ главѣ небожителей поставленъ былъ обоготворенный представитель имперіи—императоръ. Но напрасно было дѣлать этотъ выборъ: вмѣстѣ съ богами греческими, какъ мы уже видѣли, проникла и книга Эвгемера, въ которой доказывалось, что всѣ боги суть простые люди и что вѣра въ ихъ божественность основана на вымыслахъ жрецовъ и невѣжествѣ черни. Сомнѣніе развивалось быстро вмѣстѣ съ разложеніемъ жизни, и государственная религія осталась чисто казенною; на нее никто не смотрѣлъ серьозно: люди равнодушные смѣялись надъ всѣмъ, люди жаждущіе вѣры искали себѣ удовлетворенія въ таинствахъ Митры, а потомъ въ христіанствѣ, люди суевѣрные предавались гаданіямъ и астрологіи. Подобно тому, какъ въ Греціи напрасно стремились поддерживать падающее многобожіе мистеріями, и въ Римѣ, въ I-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. явился загадочный *Аполоній Тіанскій,* философъ пиѳагорейской школы, выдавшій себя за пророка и реформатора и составившій таинственное ученіе, въ которомъ думалъ дать опору и оправданіе потерявшему у Римлянъ кредитъ многобожію. Но его реформы были также неудачны, какъ и попытки воскресить язычество, сдѣланное Юліаномъ: Галилеянинъ побѣдилъ.

2.

Искусство.

Исторія римскаго искусства, представляетъ два періода развитія: *италіанскій*, до конца первой пунической войны, и *греческій*, послѣ этой войны.

Учителями Римлянъ въ архитектурѣ, пластикѣ и живописи въ италіанскій періодъ были по преимуществу Этруски. Этруское же искусство образуетъ средину и переходъ

отъ египетскаго къ греческому и отъ греческаго къ римскому. Остатки этруской архитектуры отчасти напоминаютъ намъ пеласгическія постройки, а отчасти спорятъ съ египетскими въ громадности. Извѣстную степень техническаго развитія доказываютъ ихъ ворота со сводами и подземные ходы, которыхъ такъ рано не встрѣчается въ Греціи. Въ постройкѣ этрускихъ храмовъ есть также свои особенности; самыя характеристическія изъ нихъ состоятъ въ совершенно квадратномъ планѣ, полукругломъ сводѣ и этруской колоннѣ (тосканскій орденъ), немного сродной съ дорическою, только цѣлымъ діаметромъ менѣе. Пластика Этрусковъ состояла въ выдѣлкѣ изъ глины вазъ, статуй и барельефовъ; впрочемъ красивѣйшія изъ вазъ, сдѣланы по образцу греческихъ. Сверхъ того, Этруски отличались искуствомъ дѣлать золотые и серебряные сосуды, канделябры, оружіе и пр. Памятниками ихъ живописи остались расписанныя стѣны гробницъ и рисунки на вазахъ, изъ коихъ лучшія сдѣланы также по образцу греческихъ.

Памятники древнѣйшей *архитектуры* Римлянъ, сообразно практическому характеру народа, имѣли въ виду не красоту, но прочность и пользу государства: таковы ихъ общественныя дороги, вымощенныя большими плитами, изъ которыхъ замѣчательнѣйшая *Аппіева* (отъ Капуи до Рима); таковы водопроводы для снабженія города водою и спуска нечистотъ, изъ коихъ самый важный—большой каналъ (cloaca maxima). Еще въ періодъ царей сооруженъ былъ храмъ Юпитеру капитолійскому. Всѣ эти памятники—произведеніе этрускихъ мастеровъ. Частные домы строились сначала изъ ивовыхъ прутьевъ, обмазанныхъ глиною, позднѣе, изъ высушенныхъ на солнцѣ, а еще позже, изъ обожженныхъ кирпичей. Со временъ покоренія Греціи начинаетъ Римъ обстроиваться великолѣпными частными и общественными зданіями, но высшей степени процвѣтанія достигаетъ греко-римская архитектура въ періодъ времени отъ Августа до конца 1-го вѣка по Р. Х. Значительнѣйшими сооруженіями Августова царствованія были: *храмъ Юпитера*

громовержца, *пантеонъ Агриппы*, *театръ Марцелла*. Прежде пустое Марсово поле было такъ обстроено стараніями Августа и Агриппы, что изъ него возникъ какъ бы новый великолѣпный городъ, заслонявшій собою остальныя части Рима. Заставъ Римъ кирпичнымъ, Августъ дѣйствительно оставилъ его мраморнымъ. Еще великолѣпнѣе обстроенъ онъ послѣ пожара при Неронѣ по новому плану, и предъ всѣми зданіями его рѣзко выдавался *волотой дворецъ* Нерона, работы архитекторовъ Целера и Севера. Цезари изъ дома Флавіевъ продолжали украшеніе Рима: при Веспасіанѣ возникъ громадный амфитеатръ *коллоссеумъ* (колизей), вмѣщавшій 90,000 зрителей. При Траянѣ обстроился форумъ Траяна, украшенный величественною его колонною. Гадріанъ, самъ архитекторъ, оставилъ величественный памятникъ въ *мавзолеѣ* (нынѣ замокъ св. ангела), и въ *виллѣ тибуртинской*, куда перенесъ въ копіяхъ всѣ сооруженія перикловскихъ Аѳинъ. Послѣ Марка Аврелія начинается упадокъ архитектуры; роскошь украшеній, громадность размѣровъ заступаютъ мѣсто правильной гармоніи и чистой красоты въ огромныхъ сооруженіяхъ, которыя продолжали воздвигать не только въ Римѣ, но за предѣлами его, во всѣхъ провинціяхъ, до того времени, когда, съ перенесеніемъ столицы въ Константинополь, Римъ остался хранилищемъ забытыхъ сокровищъ искусства, и архитектура изъ искусства надолго обратилась въ немъ въ ремесло. Дуга, полукруглый сводъ и новый орденъ колоннъ (римскій), съ капителью, представляющею смѣсь коринѳскаго аканта съ дорическимъ волютомъ, составляютъ приращеніе, сдѣланное греческою архитектурою во время процвѣтанія ея на римской почвѣ.

Скульптурныя произведенія италійскаго періода посвящены были религіи и славѣ предковъ: таковы колоссальныя мѣдныя статуи боговъ и заслуженныхъ гражданъ, не имѣвшія никакого художественнаго значенія. Со временъ Суллы, греческіе художники стали украшать произведеніями рѣзца своего общественныя и частныя зданія въ Римѣ и въ роскошныхъ виллахъ оптиматовъ. Библіотеки, столовыя и бани,

съ мозаическими полами, наполнены были произведеніями греческой пластики, какъ оригинальными, такъ и копіями. Болѣе всего является портретныхъ статуй и бюстовъ (императоровъ и членовъ ихъ семейства), въ которыхъ художникъ болѣе обращалъ вниманіе на точное воспроизведеніе національнаго типа и вѣрность оригиналу, чѣмъ на изящество формъ; послѣ этихъ произведеній слѣдуютъ барельефы, изображающіе тріумфальныя шествія. Художники льстили сильнымъ земли, придавая имъ колоссальныя формы. Съ другой стороны миніатюрная пластика, въ выдѣлкѣ геммъ и камеевъ, также процвѣтала при императорахъ. Съ Гадріана обнаруживается вліяніе Египта въ цѣломъ рядѣ подобныхъ муміямъ статуй любимца императора Антиноя.

Изъ древняго періода *живописи* дошло до насъ только имя живописца Фабія Пиктора (въ половинѣ V вѣка до Р. Х.). Со временъ Августа развилась въ особенности *стѣнная живопись* (фресковая и мозаичная). Содержаніемъ той и другой были: историческія и миѳологическія событія, домашнія сцены (genre), ландшафтъ и арабескъ. Произведенія живописи служили украшеніемъ виллъ, дворцовъ, бань и библіотекъ императоровъ и частныхъ зданій, принадлежавшихъ оптиматамъ. Образцы ея открыты въ Помпеѣ, особенно въ мозаическихъ потолкахъ и полахъ.

Поэзія. Главныя силы Римлянъ обратились на практическую дѣятельность, на государство: почти всѣ памятники древнѣйшей римской литературы имѣютъ государственное значеніе. Мѣсто греческихъ эпическихъ пѣсней о богахъ и герояхъ заступили похвальныя *застольныя* (convivialia) пѣсни предкамъ, которыя обыкновенно пѣлись за обѣдомъ, по очереди всѣми участвовавшими, то однимъ голосомъ, то въ сопровожденіи флейты. Похороны сопровождались плачевною *неніей*, въ которой прославлялись дѣла покойнаго. Слагались также стихами заклинанія, изреченія оракуловъ, молитвы (напр. жрецовъ арвальскихъ о плодородіи и салическихъ въ честь Марса). Были наконецъ у Римлянъ и сценическія представленія, заимствованныя у Этрусковъ (фесце-

винскіе стихи и ателланы), при которыхъ пѣлись стихи сатирическаго содержанія: вообще наклонность къ шуткѣ и насмѣшкѣ замѣнила у Римлянъ греческій энтузіазмъ. Всѣ эти произведенія италіанскаго періода не имѣли изящной формы и слагались грубымъ народнымъ размѣромъ, который извѣстенъ подъ именемъ *сатурнова стиха.* Пѣвцовъ и рапсодовъ, подобныхъ греческимъ, у Римлянъ не было; поэты были въ презрѣніи: ихъ называли писцами (scribae) и бродягами (drassatores); римскіе vates были прорицатели, имѣвшіе болѣе значеніе вѣщихъ жрецовъ, чѣмъ поэтовъ. Вообще такого народнаго эпоса, какой представляютъ намъ гомерическія рапсодіи, у Римлянъ не было. Хотя въ народѣ и носились преданія объ основаніи Рима и первоначальной судьбѣ его, но тотъ видъ, въ какомъ они дошли до насъ у римскихъ историковъ, очевидно принадлежитъ позднѣйшей искусственной поэзіи, образовавшейся подъ вліяніемъ Грековъ.

Послѣ знакомства съ Греками были забыты и заглохли и эти первоначальные грубые зародыши народной поэзіи. Подъ вліяніемъ образцовъ греческихъ возникла и въ періодъ времени отъ смерти Суллы до смерти Августа, достигла полнаго развитія искусственная поэзія, чуждая и по формѣ и по содержанію большинству народа, но принятая и развившаяся только въ кругу аристократовъ, которыхъ съ дѣтства греческіе наставники знакомили съ своимъ языкомъ и просвѣщеніемъ. Произведенія этой поэзіи, лирическія, эпическія и драматическія, не столько важны по своему внутреннему достоинству, сколько по тому вліянію, какое они имѣли позднѣе на поэзію новоевропейскихъ народовъ. Только одна сатира достигла самостоятельнаго развитія у Римлянъ: въ ней отразилась та насмѣшливая серьезность, которую составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей національнаго римскаго характера. Первымъ по времени сатирикомъ почитается *Луцилій* (147 до Р. Х.), поэтъ съ старипнымъ складомъ ума (rusticitas) и привязанностію къ старинѣ, который еще въ началѣ греческаго вліянія, въ грубой,

по сильной и непринужденной рѣчи «обломалъ свои крѣпкіе зубы» на современникахъ. За тѣмъ сатира достигла полнаго развитія въ произведеніяхъ Горація, Персія и Ювенала. *Горацій,* придворный поэтъ Августа, поддерживалъ въ своихъ произведеніяхъ новый порядокъ вещей, хвалилъ до небесъ его основателя и за то болѣе другихъ поэтовъ пользовался милостями при дворѣ. Въ своихъ сатирахъ онъ изобразилъ картину нравовъ и обычаевъ, слабостей и недостатковъ современнаго ему общества, въ которой, самъ того не замѣчая, долженъ занять первое мѣсто, по своимъ довольно легкимъ убѣжденіямъ. Тонкая наблюдательность, легкая, но острая насмѣшка, обличающая въ авторѣ остроумнѣйшаго свѣтскаго человѣка того времени, мѣткость и пластичность выраженій—отличительныя свойства гораціанской сатиры. Какъ ни смѣется поэтъ надъ честолюбіемъ, завистью, жадностію современниковъ, тѣмъ не менѣе всѣ симпатіи изящнаго эпикурейца на сторонѣ новаго времени, а къ старому выражается у него трудно скрываемое презрѣніе. Другаго характера былъ *Персій* и другой характеръ отражается въ его сатирахъ. Молодой, благородный человѣкъ, напитанный стоическимъ ученіемъ, жившій въ періодъ мрачныхъ тирановъ Августова дома (34—62 по Р. Х.), онъ не отличается ясностію и изяществомъ стиха Гораціева, за то у него много благородной силы и негодованія, при видѣ глубокаго нравственнаго паденія общества. Онъ скупъ на картины порока, потому что они оскорбляли его женственно-скромное чувство, за то онъ возвышается до истиннаго паѳоса, когда приходится ему хвалить доблестное благородство. *Ювеналъ* (24—128), подобно Персію жилъ въ самую позорную эпоху римской жизни, но не былъ чистъ отъ пороковъ ея: изображая въ яркихъ, исполненныхъ дагеротипической точности, чертахъ свое время, онъ находилъ отчасти острое удовольствіе въ картинахъ порока и разврата, а отчасти мстилъ обществу, въ которомъ не занялъ виднаго мѣста. Императоры, сенатъ, народъ, женщины, философы—всѣ подпали безпощадному, по своей вѣрности, перу Ювенала. Какъ Персій скроменъ,

такъ Ювеналъ цинически откровененъ, и какъ Персій вдохновляется при похвалахъ добродѣтели, такъ Ювеналъ доходитъ до саркастическаго одушевленія при изображеніи порока (*).

Во всѣхъ остальныхъ родахъ поэзіи Римляне почти ничего не представили оригинальнаго: эти роды развились подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ образцовъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, и только, вслѣдствіе вліянія жизни на искусство, получили нѣсколько своеобразный характеръ.

Самымъ высшимъ произведеніемъ искусственнаго эпоса римскаго была «Энеида» современника Августова *Виргилія*. Одинъ изъ поэтовъ, прославлявшихъ современную ему дѣйствительность, Виргилій въ своей поэмѣ соединилъ воспоминаніе о славныхъ временахъ республики съ интересами Августа, положивъ въ основу своего произведенія преданіе о Троянцахъ, отъ которыхъ Римляне вели свое происхожденіе, и преданіе объ Энеѣ, котораго Августъ считалъ своимъ родоначальникомъ. По сюжету и плану, Энеида—сколокъ Иліады и Одиссеи; огромный успѣхъ ея у Римлянъ и у новыхъ народовъ произошелъ отъ совершенства языка и отдѣлки стиха. Кромѣ Энеиды Виргилій оставилъ рядъ идиллій подъ именемъ «Эклогъ», и поучительную поэму «Георгики», гдѣ воспѣваетъ удовольствія и занятія сельской жизни (**).

Главными видами искусственной лирики у Римлянъ были: ода и элегія; лучшими лирическими поэтами—*Горацій*, *Овидій*, *Тибуллъ* и *Проперцій*.

(*) Картину развратнаго общества, изображенную Ювеналомъ, дополняютъ *эпиграммы* его друга *Марціала*, жившаго подачкою отъ цезарей, и *сатиры* эпикурейца *Петронія*, фаворита Нерона, осужденнаго имъ потомъ на смерть. Перерѣзавъ себѣ жилы, онъ истомилъ себя медленною смертію и предъ кончиною отправилъ къ Нерону рукопись сатиръ, въ которой описалъ пороки цезаря и новоизобрѣтенные виды разврата, называя по имени опозоренныхъ мужей и женщинъ.

(**) Менѣе замѣчательны эп. поэмы: «Пуническая война» Невія, «Анналы» Эннія и «Фарсалія» Лукана.

Общій характеръ поэзіи *Горація* опредѣленъ имъ самимъ: «шутки, любовь, пиры, забавы». «Жизнь коротка, лови минуту наслажденій, избѣгай заботъ и дѣлъ, не думай о завтрешнемъ днѣ»—таковы были начала, на основаніи которыхъ онъ жилъ и писалъ. Въ одахъ его, хотя патріотическое чувство иногда доходитъ до одушевленія, но тѣмъ не менѣе главное содержаніе ихъ — похвала великому Августу и Меценату, покровителямъ поэта; а главное свойство—преобладаніе мысли надъ чувствомъ, тонъ не вдохновенный, а поучительный. Господствующее чувство въ произведеніяхъ трехъ замѣчательныхъ элегистовъ римскихъ, *Овидія* (*), *Тибула* и *Проперція*—любовь, чистая у Тибулла и страстная у Проперція, котораго можно въ особенности назвать поклонникомъ и жрецомъ чувственности; онъ молитъ боговъ объ одномъ: о вѣчномъ мирѣ, чтобы люди могли вполнѣ предаться наслажденіямъ чувствъ. Не трудно составить себѣ понятіе объ обществѣ, къ потребностямъ котораго принаровлена была такая поэзія.

Съ драмою греческою познакомилъ Римлянъ *Ливій Андроникъ*, жившій въ половинѣ III в. до Р. Х. Удачнѣе привилась на почвѣ римской комедія, чѣмъ трагедія. Представителями почитаются: *Плавтъ* (въ 1-й половинѣ II в. до Р. Х.), у котораго много остроумія и истиннаго комизма, за то отсутствіе приличія, и *Теренцій* (во 2-й половинѣ II вѣка), въ комедіяхъ котораго менѣе комизма и живости, но болѣе правдоподобія и вкуса. Трагедія вовсе почти не развилась у Римлянъ; до насъ дошли только риторическія трагедіи *Сенеки*. Вообще гораздо болѣе находили Римляне удовольствія въ пантомимахъ и циркѣ, чѣмъ въ представленіяхъ трагическихъ.

(*) Овидій, сверхъ элегій, извѣстенъ религіознымъ календаремъ, который сдѣлалъ сюжетомъ своихъ «фастовъ», и миѳологическою поэмою «о превращеніяхъ боговъ».

3.

Наука.

Вмѣстѣ съ искусствомъ и религіею пересажена была въ Римъ и наука. Сообразно своему практическому смыслу и государственному направленію, Римляне въ особенности трудились надъ развитіемъ: *исторіи*, увѣковѣчивающей дѣла и славу римскаго народа, *ораторства*, необходимаго для участія въ дѣлахъ общественныхъ, и *права*, на основаніи котораго было построено и держалось сборное римское государство.

Исторіографія у Римлянъ совершила полный кругъ своего развитія и даже превзошла свой образецъ, исторіографію греческую, въ произведеніяхъ 4 писателей: *Ю. Цезаря*, *Саллюстія*, *Тита Ливія* и *Тацита*. Комментаріи *Юлія Цезаря*, въ которыхъ великій полководецъ изображаетъ свои походы въ Галлію и междоусобную войну, отличаются рѣдкимъ безпристрастіемъ, вѣрностію мѣстныхъ описаній, безъискусственною простотою и живостію изложенія. *Криспъ Саллюстій* (86—32 до Р. Х.), другъ Цезаря, запятнавшій себя взяточничествомъ во время управленія Нумидіею, стремился играть важную политическую роль тѣми же нечистыми средствами, какъ и большинство его соперниковъ. Когда эта роль ему не удалась, онъ отомстилъ современникамъ, изобразивъ въ своихъ сочиненіяхъ «о войнѣ югуртинской» и «о заговорѣ Катилины,» мрачную, но вѣрную картину своего развращеннаго времени. Когда онъ излагаетъ событія, характеристику лицъ и партій, то является великимъ мастеромъ; когда же вдается въ проповѣдь о нравственности, въ немъ виденъ неудавшійся честолюбецъ и холодный риторъ, говорящій заученныя фразы довольно изысканнымъ языкомъ, съ претензіями на стародавнюю простоту. *Титъ Ливій*, воспитатель внуковъ Августа, написалъ исторію Рима въ 142 книгахъ, изъ которыхъ до насъ дошли только 35. Въ твореніи своемъ авторъ обращалъ болѣе вниманія на плавность и увлекательность разсказа, чѣмъ на повѣрку, оцѣнку и праг-

матическую связь событій. Цѣль его исторіи, чисто національная, состояла въ томъ, чтобы пробудить въ народѣ патріотизмъ и уваженіе къ доблестямъ предковъ. Имѣя это въ виду, Титъ Ливій иногда вовсе умалчиваетъ о событіяхъ, не приносящихъ чести народу римскому. До высшей степени совершенства достигла исторіографія римская въ произведеніяхъ неподражаемаго *Тацита*, современника Домиціана и Траяна. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ трагическихъ личностей, которымъ суждено видѣть глубокое нравственное разложеніе современнаго общества, безъ всякой надежды на лучшую жизнь. Благородный стоикъ по убѣжденіямъ, видя, что не спасетъ цѣлаго общества, онъ хотѣлъ заклеймить его позоромъ и спасти хотя нѣсколько лицъ, указавъ имъ на доблесть давно минувшую. Съ этою цѣлію написаны имъ «анналы», «исторіи Рима» (отъ смерти Августа до Васпасіана) и «описаніе Германіи». Въ твореніяхъ Тацита исторія поднялась на степень высшаго судилища надъ отжившими ея дѣятелями. Судитъ же онъ историческихъ дѣятелей не по однимъ дѣламъ ихъ, но раскрываетъ тайну ихъ внутреннихъ, задушевныхъ движеній. Единственнымъ мѣриломъ, при оцѣнкѣ лицъ и событій, беретъ онъ высшую неподкупную нравственность. «У него мало любви, но за то какая благородная ненависть»! сказалъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ. Въ произведеніяхъ Тацита историкъ подымается на степень художника: языкъ простъ, кратокъ, силенъ и удивительно изобразителенъ; отжившія лица воскресаютъ предъ глазами читателя. У Тацита болѣе истинно-человѣческой грустной поэзіи, чѣмъ у всѣхъ римскихъ поэтовъ вмѣстѣ.

Ораторство достигло высокой степени процвѣтанія во время республиканскихъ смятеній, когда государственные люди, каковы Гракхи, Цезарь, Антоній и другіе, были вмѣстѣ съ тѣмъ и отличными ораторами. Искусство это оказывало такое рѣшительное вліяніе на направленіе римскаго ума, что всѣ его литературныя произведенія, какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи, имѣютъ риторическій характеръ. Предста-

вителемъ и образцемъ этого искусства, какъ въ отношеніи благозвучности и чистоты языка, такъ и въ отношеніи утонченнаго вкуса, служитъ *Цицеронъ.* Полнота его рѣчи, превосходно взвѣшенные и расчитанные обороты, ѣдкая острота поражали и оковывали толпу, а сила убѣжденія привязывала къ нему благородное сословіе. Одаренный пылкимъ воображеніемъ и необыкновенною воспріимчивостію, онъ, смотря по надобности, быстро возбуждалъ гнѣвъ и покорность, страхъ и мужество, ненависть и состраданіе (*). Съ паденіемъ республики падаетъ и политическое ораторство въ Римѣ; мѣсто его заступаютъ похвальныя рѣчи обоготвореннымъ цезарямъ, образцемъ которыхъ служитъ напыщенный панегирикъ Траяну *Плинія младшаго.* Около того же времени, изъ произведенія великихъ предъидущихъ образцовыхъ ораторовъ извлекаютъ правила или теорію ораторскаго искусства, какъ это сдѣлалъ *Квинтиліанъ* въ своихъ изслѣдованіяхъ объ ораторствѣ.

Съ паденіемъ республики, значенія сената и народнаго собранія, въ которыхъ практически выработывалось право народными ораторами, начинается ученая обработка *права.* Дѣятельное собираніе и тщательное объясненіе прежнихъ законовъ, постановленій и судебныхъ приговоровъ положили твердое основаніе новой наукѣ, которая въ III вѣкѣ имперіи достигла высокаго развитія трудами знаменитыхъ юристовъ *Гая, Папіана* и *Ульпіана.*

Изъ *философскихъ* ученій Греціи на почвѣ римской особенно привились ученія *стоиковъ, эпикурейцевъ* и *неоплатониковъ. Стоики,* бывшіе въ Греціи больше теоретиками, въ Римѣ развились вполнѣ и проявляли свое ученіе въ книгахъ и въ жизни, выражая глубокое презрѣніе къ позорной

(*) Кромѣ своихъ рѣчей, Цицеронъ оставилъ нѣсколько философскихъ разсужденій, дающихъ намъ возможность судить о развитіи многихъ идей и понятій у тогдашнихъ Римлянъ; а переписка его съ друзьями можетъ служить богатымъ историческимъ памятникомъ для узнанія послѣднихъ временъ республики.

дѣйствительности, возставая противъ пороковъ вѣка и твердо и равнодушно отказываясь отъ жизни, которая не представляла имъ никакихъ надеждъ въ будущемъ. Къ послѣдователямъ стоической философіи относится Маркъ Аврелій въ его сочиненіи «о себѣ самомъ». *Эпикурейцы* плыли больше за вѣкомъ, ловя минуту наслажденія; полнымъ выраженіемъ эпикуреизма служитъ поэма Лукреція «о природѣ вещей», въ которой это ученіе изложено въ легкой стихотворной формѣ и чрезъ то сдѣлалось популярнымъ. *Неоплатоники* (Плотинъ, Ямблихъ и др.) имѣли также много послѣдователей, не смотря на то, что ученіе ихъ было довольно не сродно практическому складу ума римскаго. Стремясь соединить идеальное ученіе Платона съ восточною восторженностію и вѣрою въ таинственное чудесное, оно обращало трезвый и дѣятельный умъ Римлянина къ неподвижной аскетической жизни какого-нибудь Индійца.

Сильное развитіе *естествознанія*, обнаружившееся въ Александріи, отразилось и на римской наукѣ въ произведеніяхъ географовъ, медиковъ и въ сельско-хозяйственныхъ изслѣдованіяхъ. Сводъ всѣхъ результатовъ, добытыхъ наукою Рима, представилъ во II вѣкѣ *Плиній старшій* въ своемъ знаменитомъ энциклопедическомъ трудѣ—«*Естественная Исторія*», которую онъ извлекъ изъ 2,000 сочиненій. Трудъ Плинія представляетъ въ наукѣ то-же, что представляетъ сама римская имперія въ жизни народовъ древняго міра.

Очеркъ экономическаго состоянія народовъ древняго міра.

Хотя, въ своей практической жизни, древніе не пренебрегали нисколько матеріальными благами и очень хорошо умѣли цѣнить выгоды довольства и роскоши, но нынѣшнее уваженіе къ труду, какъ первому источнику богатства и главному орудію производства, было совершенно неизвѣстно древнему міру. Древніе никогда не понимали настоящаго значенія промышленности. Предпочитая тяжкому труду болѣе легкое, и, по ихъ мнѣнію, болѣе благородное средство обогащенія путемъ добычи и насилія, они налагали на своихъ рабовъ обязанность работать и производить всѣ предметы, которыхъ нельзя было добыть посредствомъ войны, но которые между тѣмъ были необходимы для удовлетворенія многочисленныхъ и утонченныхъ нуждъ свободнаго класса. Но весьма понятно, что свободный гражданинъ не могъ имѣть никакого уваженія къ тому, къ чему считался способнымъ одинъ только рабъ. Поэтому, какъ скоро понятіе о трудѣ слилось нераздѣльно съ понятіемъ о рабствѣ, мысль о несообразности промышленности съ достоинствомъ и назначеніемъ человѣка стала, по необходимости, въ число самыхъ коренныхъ убѣжденій народовъ древняго міра. Древніе философы не только не считали промышленности предметомъ за-

служивающимъ изученія, но даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ приходилось говорить объ ней, ограничивались по бо́льшей части энергическими выходками противъ глубокаго уничиженія людей, употребляющихъ свои силы на производство промышленныхъ работъ. Къ земледѣльческимъ занятіямъ они были еще довольно благосклонны; за то о мануфактурной и торговой промышленности они отзывались всегда съ безпощаднымъ и оскорбительнымъ неуваженіемъ. Ксенофонтъ, напримѣръ, называетъ ручныя работы «презрѣнными и недостойными гражданина». Онѣ, по его мнѣнію, «обезображиваютъ по большей части тѣло человѣка, заста-«вляютъ его сидѣть въ тѣни или возлѣ огня и наконецъ не «оставляютъ ему свободныхъ минутъ, которыя бы онъ могъ «посвятить республикѣ или друзьямъ». Платонъ выражается на этотъ счетъ еще рѣшительнѣе и рѣзче: по его словамъ, «природа не создала ни башмачниковъ, ни кузнецовъ: подоб-«ныя занятія унижаютъ человѣка». Ремесленниковъ онъ называетъ «подлыми наемниками, людьми низкими и неспособ-«ными, по самому существу своихъ занятій, къ пользованію «политическими правами». Что касается до купцовъ, «свыкшихся съ ложью и обманомъ», то ихъ существованіе въ государствѣ Платонъ допускаетъ только потому, что видитъ въ этомъ неизбѣжное зло. Онъ совѣтуетъ притомъ преслѣдовать гражданина, который унизитъ свое достоинство мелочной торговлей, и наказывать за этотъ *проступокъ* тюремнымъ заключеніемъ. Гораздо позже, уже въ послѣднія времена римской республики, Цицеронъ отзывался съ такимъ же презрѣніемъ о значеніи торговой промышленности. По его мнѣнію, отъ купцовъ нельзя ожидать ничего хорошаго; маловажный торгъ есть ремесло низкое, потому-что купецъ въ такомъ случаѣ только посредствомъ обмана можетъ достать себѣ барышъ; торгъ обширный, снабжающій страну множествомъ произведеній, можетъ быть только терпимъ въ государствѣ, но не болѣе.

Очевидно, что, при такихъ понятіяхъ, въ древнемъ мірѣ, не только у восточныхъ народовъ, не исключая и Финикіянъ,

но даже въ самыя цвѣтущія времена Греціи и Рима, развитіе промышленности было чрезвычайно слабо и ничтожно, въ сравненіи съ тѣми громадными размѣрами, до которыхъ оно достигло въ настоящее время. *Мануфактурной* промышленности, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, почти не существовало: древніе не знали ни машинъ, ни усовершенствованныхъ способовъ производства. Всѣ мануфактурныя издѣлія производились рабами, и производились притомъ не для снабженія ими постороннихъ потребителей, но для домашняго потребленія господина и его семьи. *Земледѣльческая* промышленность развилась нѣсколько сильнѣе, нежели мануфактурная, но имѣла также свой отличительный, свойственный только древнему міру характеръ, заключавшійся въ необыкновенной простотѣ ея устройства. Всѣ производительныя силы—земля, капиталъ и трудъ, нынѣ раздѣленныя между многими лицами, сосредоточивались обыкновенно въ рукахъ одного и того же владѣльца, который обработывалъ свои помѣстья своими же рабами и посредствомъ своихъ капиталовъ (*). Самый надзоръ надъ хозяйственными работами ввѣрялся обыкновенно или рабу, или отпущеннику. *Торговыя* сношенія между древними народами были далеко не столь обширны и разнообразны, какъ нынче; притомъ же они обходились по бо̀льшой части безъ помощи *кредита*, главнаго двигателя торговой промышленности въ настоящее время. Имѣя самое неясное понятіе о частномъ кредитѣ, древніе естественно не могли прибѣгать и къ помощи государственнаго кредита для покрытія общественныхъ издержекъ. Во всѣхъ древнихъ обществахъ, особенно въ греческихъ республикахъ, добровольныя приношенія гражданъ, общественныя имущества и дань съ покоренныхъ или союзныхъ народовъ составляли главный источникъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей; промыслы и налоги имѣли значеніе

(*) Рабъ замѣнялъ вообще машину у древнихъ, былъ instrumentum vocale. Такъ у нихъ были рабы, исполнявшіе назначеніе часовъ, то есть возвѣщавшіе господину время.

второстепенное и далеко не столь важное, какъ въ настоящее время. Однимъ словомъ, въ древнемъ мірѣ мы не находимъ ни машинъ и усовершенствованныхъ способовъ производства, ни контрактовъ между хозяевами и работниками, ни задѣльной платы и взаимныхъ отношеній между цѣной труда и прибылью капитала, ни разнообразной и многосложной системы налоговъ, ни развитія частнаго кредита, ни существованія государственныхъ долговъ и т. п.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько данныхъ, которыя показываютъ, какое неправильное и вредное для государства распредѣленіе имуществъ происходило вслѣдствіе такого ложнаго экономическаго устройства.

Въ азіатскихъ деспотіяхъ, собственно говоря, былъ только одинъ землевладѣлецъ и собственникъ — деспотъ. Въ Греціи почти ³/₄ народонаселенія составляла совершенно безправныя лица, которыя сами почитались предметомъ собственности, товаромъ. Аттика, самая образованная страна древности, на пространствѣ 40 □ миль, при населеніи въ 500.000 чел. имѣла 365.000 рабовъ, т. е. 73%. Изъ 90.000 ея гражданъ только ³/₄ владѣли поземельною собственностію (слѣдовательно только 13, 5% всего населенія), да и то въ самое цвѣтущее время, когда эта собственность была распредѣлена соразмѣрнѣе, чѣмъ когда нибудь. Позднѣе въ Аѳинахъ повторилось обыкновенное въ классическомъ мірѣ явленіе: поземельная собственность постепенно переходила въ руки немногихъ владѣльцевъ и чрезъ то увеличивались неравенство въ имуществахъ и пропасть, раздѣлявшая бѣднаго отъ богатаго, тѣмъ болѣе, что свободное населеніе жило не трудомъ, но доходами съ имущества (*). Въ Аѳинахъ бы-

(*) Одинъ аѳинскій банкиръ (Пазіонъ) имѣлъ земли на 20 талантовъ (30,000 р.) и на ней одну мастерскую съ рабами, которая ежегодно давала доходу 1 талантъ (около 1,500 р.), сверхъ того онъ имѣлъ 50 талантовъ (75,000 р.) заемнаго капитала. Съ найма домовъ ежегодно получалъ 30 минъ (750 р.), а изъ процентовъ съ банкирскаго дома 100 минъ (2,500 р.). Если сравнимъ тогдашній курсъ денегъ съ насто-

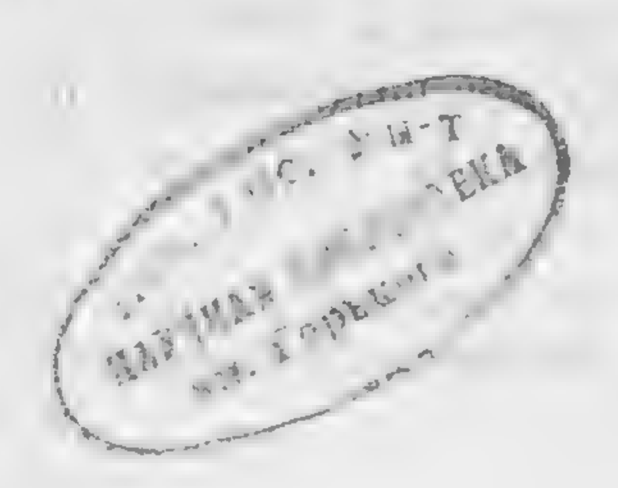
ло много богатыхъ семействъ, которыхъ имущество простиралось отъ 100 до 600 талантовъ (т. е. 150,000 до 900,000 р.); все же народное имущество равнялось по меньшему расчету 21,000 талантовъ (т. е. 36,000,000 р.); слѣдовательно 600 талантовъ составляли 1/40 часть всего народнаго имущества. Если примемъ въ расчетъ, что наименьшій процентъ въ Греціи равнялся 12%, а иногда возвышался до 30% и что, напротивъ, заработная плата свободному Греку, чрезъ конкурренцію съ рабскою работою, чрезвычайно была низка, тогда мы можемъ легко убѣдиться въ томъ, какое господствовало къ Аттикѣ неравенство собственности и дохода. Когда Антипатръ въ IV вѣкѣ до Р. Х. отнялъ право гражданства у всѣхъ Аѳинянъ, не имѣвшихъ 2,000 драхмъ (500 р.), то этого права лишилось 12,000 человѣкъ и только 9,000 человѣкъ или 3/7 всего свободнаго гражданства и 7, 7 процентовъ всего населенія имѣли не меньше, какъ по 500 рублей.

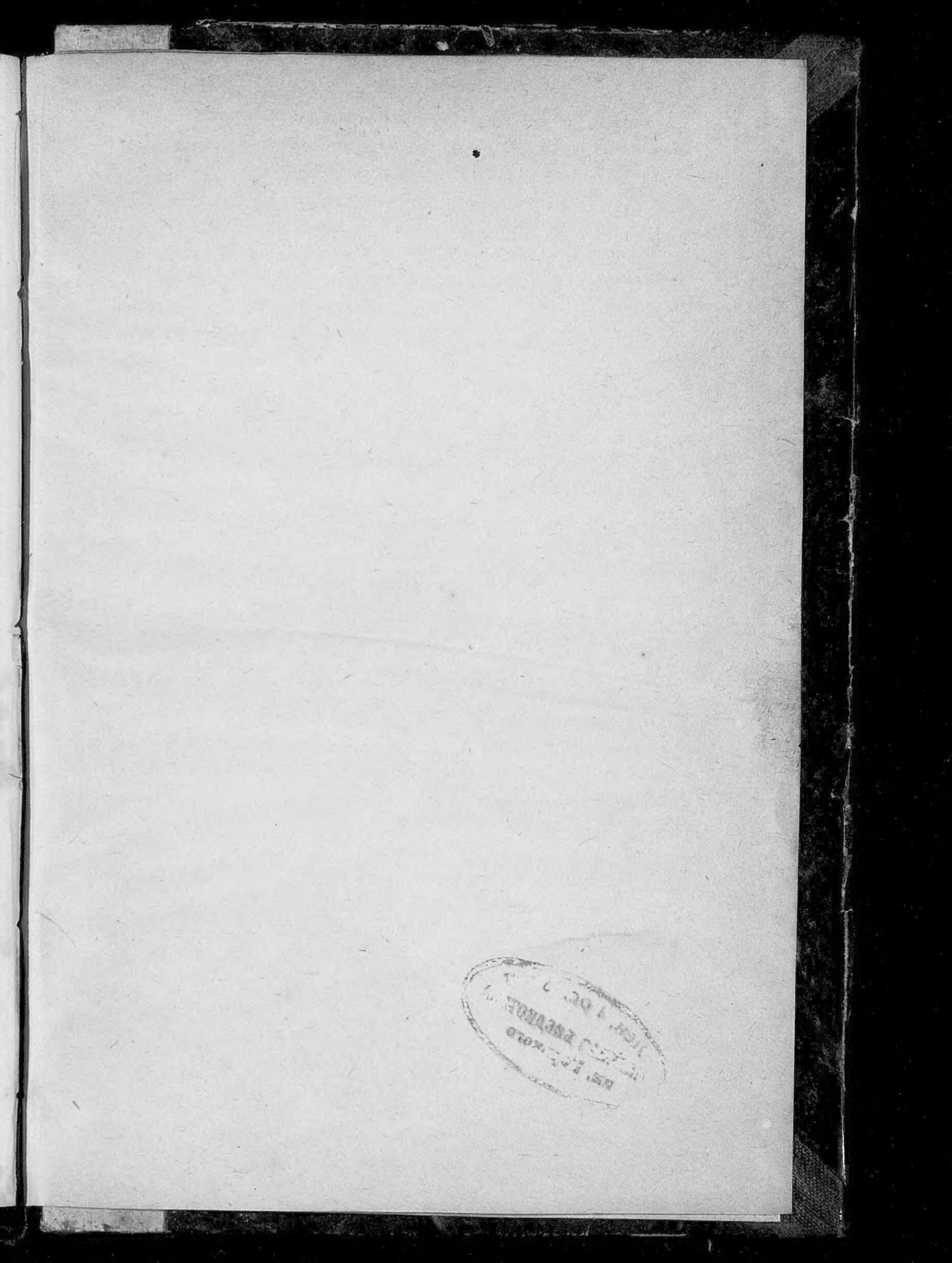
Въ римской имперіи половина населенія состояла изъ рабовъ, и, уже при Августѣ, были примѣры гражданъ, имѣвшихъ по 4,000 рабовъ. При переходѣ отъ республики въ имперію, городъ Римъ имѣлъ сверхъ 50,000 перегриновъ (иностранцевъ) почти 1,000,000 рабовъ и свободный городской плебсъ изъ 1,250,000 человѣкъ, которые такъ обнищали, что послѣ Юлія Цезаря половина ихъ (640,000) состояла нищихъ, кормившихся подачками отъ правительства. Все имущество сосредоточилось въ сословіи сенаторовъ и всадниковъ, которыхъ всего было 10,000 человѣкъ. Къ нему относились большіе поземельные владѣльцы, владѣтели доходныхъ магистратуръ, откупщики, ростовщики. Слѣдовательно въ то время, какъ 40% населенія Рима состояло изъ рабовъ, а 29% изъ нищихъ, классъ собственниковъ не обнималъ 1/2% его населенія. Состояніе это дѣлалось при позднѣйшихъ императорахъ все хуже и хуже, не только въ Римѣ, но и въ

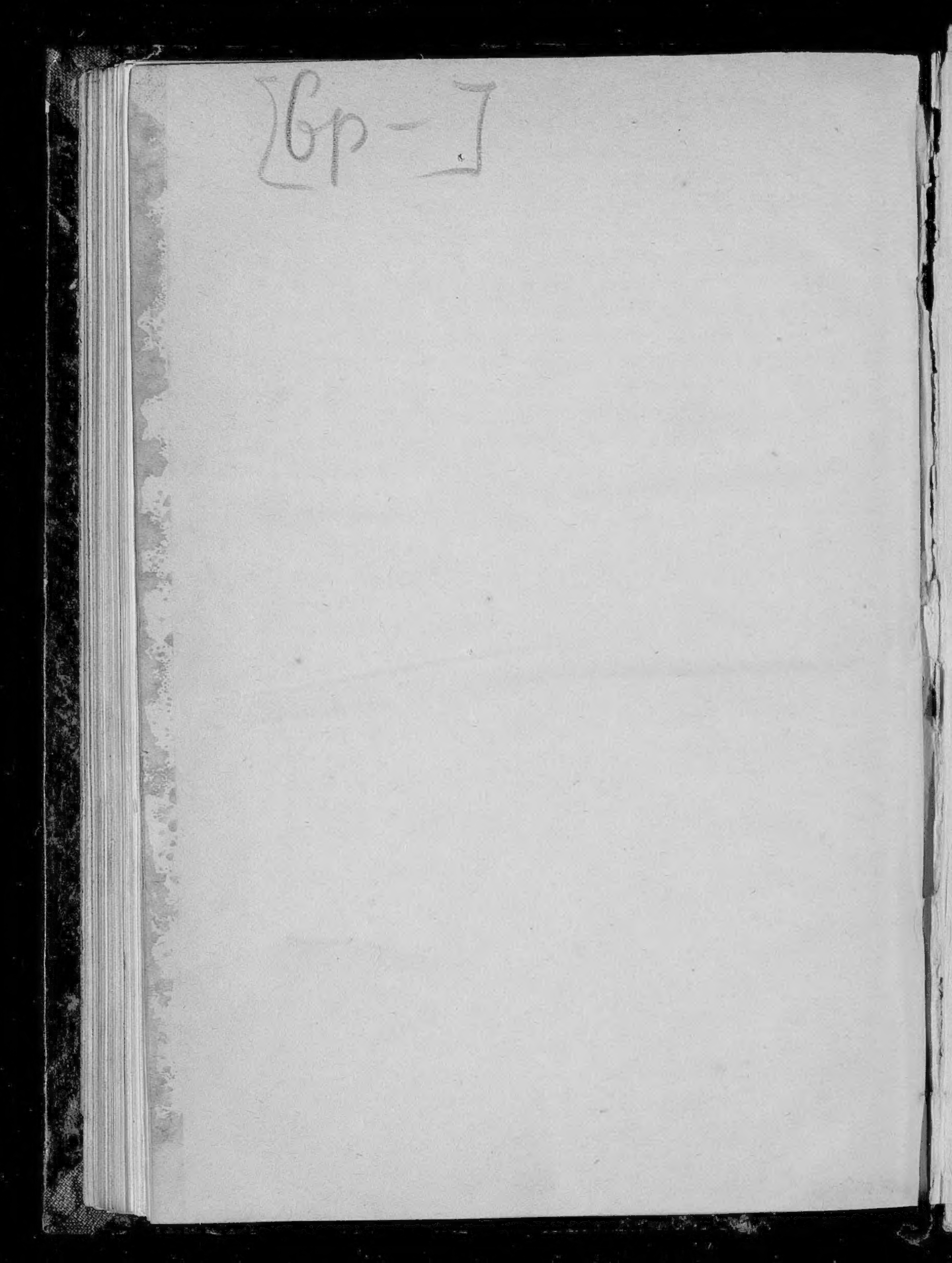
ящимъ, то мы должны будемъ утроить его денежный капиталъ, потому, что тогдашняя жизнь была въ три раза дешевле теперешней.

цѣлой Италіи, и наконецъ вся поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ столь немногихъ владѣльцевъ, что Плиній справедливо могъ сказать: большія земли погубили Италію (latifundia perdidere Italiam).

Ярко бросается въ глаза вся невыгода такого распредѣленія собственности въ древнемъ мірѣ, если мы сравнимъ его съ распредѣленіемъ собственности въ государствахъ намъ современныхъ. Въ Англіи число собственниковъ, имѣющихъ, кромѣ рабочей платы, еще доходъ съ поземельной собственности или съ капитала, составляетъ по крайней мѣрѣ ½ населенія. Въ Франціи одно число поземельныхъ владѣльцевъ превосходитъ половину населенія; въ Пруссіи оно составляетъ ⅓ населенія; въ Бельгіи 94, 8% всего населенія.






[6p-]